

Самый запоминающийся
триллер года. *Booklist*

Аспект дьявола

КРЕЙГ
РАССЕЛ

18+

КНИГА, КОТОРУЮ ЧИТАЮТ НА 23 ЯЗЫКАХ МИРА

Самый запоминающийся
триллер года. *Booklist*

Аспект дьявола

КРЕЙГ
РАССЕЛ

18+

КНИГА, КОТОРУЮ ЧИТАЮТ НА 23 ЯЗЫКАХ МИРА

Annotation

1935 год. Воздух уже отравлен ожиданием предстоящей войны. Но в окрестностях Праги, в средневековом замке, дремлет не меньшее зло. В нем заключена «шестерка дьявола» – убийцы, прославившиеся своей жестокостью. Молодой психиатр, ученик легендарного К. Юнга, Виктор Косарек приезжает в лечебницу в надежде раскрыть природу зла и обнаружить у этих пациентов – аспект дьявола. Тем временем Прагу потрясает череда жестоких убийств, совершенных маньяком известным как Кожаный фартук. Виктор пытается связать эти убийства и темные секреты своих пациентов. Но, возможно, тут замешан сам дьявол...

- [Крейг Расселл](#)
 -
 -
 - [Предисловие редактора](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Часть шестая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Второй эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
-

Крейг Расселл

Аспект дьявола

© Craig Russell, 2019

© Наталья Феликсон, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

* * *

«Самый запоминающийся триллер года. И при этом совершенно уникальный. Задумка оригинальная, а атмосфера выше всяких похвал»

Booklist

«Глубокий, мрачный и непредсказуемый, Аспект Дьявола вы будете читать всю ночь... при включенном свете. Расселл создал захватывающий шедевр!»

Алекс Грекиэн, автор бестселлеров NYT

«Вдохновленный пугающим фольклором Восточной Европы и вторящий ужасу грядущей варварской войны, этот роман захватывает читателя и уносит в крутое путешествие по самым темным коридорам человеческого разума».

Daniel H. Wilson, автор бестселлеров NYT

«Опытный писатель, Расселл знает как держать читателя в напряжении, мы другого и не ждали. Но эта концовка! Умное, атмосферное, и при этом развлекательное чтение. Но не для юных, и легко пугающихся.»

Kirkus

Предисловие редактора

Жанр романа Рассела Крейга «Аспект дьявола» определить сложно.

Детектив? Да. Капитан полиции Лукаш Смолак расследует серийные убийства.

Хоррор? Еще какой. Одиноких женщин не просто убивают, а убивают с особой жестокостью, как это некогда делал знаменитый Джек Потрошитель. Но если Джек Потрошитель был реальным человеком (хотя его, кажется, так и не поймали, а на виселицу вместо него отправили другого), то здесь, по словам единственного свидетеля, которого не без причин тут же записывают в подозреваемые, орудует сам дьявол, причем со всеми присущими ему атрибутами (рога на месте).

Психологический триллер? Может быть, – но с существенной поправкой на место действия: основные события романа развиваются в клинике для душевнобольных, которая расположена в мрачном средневековом замке, построенном, если верить легендам, над входом в ад. В клинике всего шесть пациентов («дьявольская шестерка») – патологические садисты, чей нездоровый ум породил самые изощренные способы пыток над людьми (снова начинается хоррор).

В клинику приезжает молодой психиатр Виктор Косарек, который придерживается теории, что в каждом человеке – в глубинах его бессознательного – скрывается дьявол, способный управлять нашими поступками. Чтобы доказать свою теорию, Косарек проводит психоаналитические сеансы с пациентами, пытаясь вытащить «дьявола», а если точнее – понять, что заставило этих людей стать монстрами. Это и есть основной интерес автора – разобраться вместе с читателями, как рождается безумие. Он подкидывает вопросы, на которые мы будем отвечать вместе с ним: какие химеры живут в нашем подсознании, правда ли, что существует вирус безумия, может ли безумие охватить всю нацию (а такие примеры действительно есть). И, наконец, главный вопрос (даже не вопрос, а скорее утверждение): не стоит ли рассматривать безумие как вариант выбора, изначально, со

времен Адама и Евы, запрограммированный в человеческой психике? Или ты становишься демоном, или ангельское берет верх.

Все гораздо глубже и страшнее, чем в старом фильме Уильяма Фридкина «Изгоняющий дьявола» («Экзорцист»), там – вымысел, здесь – реальность. А вывод очень простой: на все есть своя первопричина. Зло порождает зло. Даже микроскопические крупички зла, однажды посеянные в нас, непременно дадут всходы. Демон внутри не дремлет!

Сердце человека – это место, где скрывается дьявол.

Я иногда чувствую его внутри себя.

Томас Браун

(1605–1682)

Пролог

Звук его голоса напоминал жуткое черное солнце, что наполняло башни замка темным сиянием и проникало глубоко в толщу древних каменных стен. Несмотря на то, что пациент был надежно пристегнут к смотровой кушетке, Виктор почему-то чувствовал себя уязвимым. Ему было страшно. То, что он слышал, не имело смысла. Этого просто не могло быть.

Виктор вдруг понял, что звуки издавал вовсе не этот несчастный безумец. Нет, это был кто-то еще. Кто-то другой. Кто-то гораздо хуже.

– Я чувствую ваш страх, – кивнул мистер Хоббс. – Я улавливаю человеческие страхи. Это энергия, которая меня питает, и вы сейчас питаете меня. Вы искали меня – и нашли. Вы хотите знать, что я думаю, что чувствую. Хорошо, позвольте вам сказать кое-что: когда я убивал их... когда я убивал всех этих людей, превращая последние минуты их жизни в кошмар, – я наслаждался каждой секундой. Я делал это для удовольствия, сам процесс доставлял мне удовольствие. Я пил их боль, пил их страх, как прекрасное вино. Особенно мне нравился финальный момент, когда они умоляли о пощаде. Каждый, каждый из них, отчаявшись, начинал молить о пощаде. Я притворялся, что готов пощадить их, и в глазах обреченных мерцали искры надежды. На мгновение я давал им эту надежду, а затем отнимал. Когда в их глазах гасли последние искры этой глупой надежды, я испытывал величайшее блаженство, даже большее, чем в момент, когда жизнь покидала их. Понимаете, доктор Косарек, именно в этот момент они ощущали присутствие дьявола и просили Бога о помощи, о защите. И именно в этот момент я заставлял их осознать, что дьявол – это и есть Бог в своем темном обличье...

Часть первая

Обитель сатаны

1

Стояла поздняя осень 1935 года. доктор Виктор Косарек был стройным, высоким двадцатидевятилетним мужчиной. Он был привлекателен, но не более того: обычный среднестатистический уроженец Богемии, не лучше и не хуже других. Впрочем, многие считали его настоящим красавцем. Он немного переживал, что у него слишком длинный нос, но все остальное вполне приемлемо – высокие скулы, тяжелый сине-зеленый взгляд из-под темных бровей и черные, цвета воронова крыла, волосы. Но Виктор Косарек старался выглядеть старше своих лет, чтобы казаться авторитетнее на работе. Ему по долгу службы – а он был психиатром – приходилось знать все о темных тайнах его пациентов, которые не очень-то были готовы делиться этими страшными тайнами с мальчишкой.

Ночью шел дождь. Он ясно давал понять, что за время года на дворе. Так как Виктор навсегда покидал арендованную квартиру, багажа у него было много – внушительных размеров сундук и два тяжелых чемодана, и от улицы Губернска до станции Мазарик, откуда он должен был уехать на пригородном поезде на центральный вокзал Праги, пришлось добираться на такси. На станцию он прибыл за сорок пять минут до отправления поезда, что было совсем неплохо, поскольку таксист выгрузил багаж из машины у входа в здание станции и укатил, а оплачивать услуги носильщика Виктору совсем не хотелось.

Виктор Косарек лелеял надежду, что его приятель Филип Староста поможет ему с багажом, но в последнюю минуту выяснилось, что тот не приехал. И как назло – ни одного свободного носильщика. Виктор готов был расплакаться, ну или застрелиться от отчаяния, ведь ждать помощи было неоткуда. Но тут ему удалось поймать юного железнодорожного служащего в слишком большом для него форменном красном кепи. На вид парнишке было не больше

восемнадцати, однако он, несмотря на свое хрупкое телосложение, с небывалой легкостью погрузил сундук и чемоданы на багажную тележку.

Едва они вошли в здание станции, как полицейская «прага-альфа» притормозила ровно на том же месте, откуда только отъехало такси Виктора. Из машины выскочили два офицера и рысью промчались мимо них.

– Что происходит? – спросил Виктор парнишку.

Тот пожал плечами, еле заметными в просторной униформе, и сказал:

– Там, в зале, вроде кричал кто-то, но вы меня позвали, и я не успел посмотреть.

Они вошли в здание, и Виктор понял, что происходит нечто ужасное. В дальнем углу толпились пассажиры. Там же были полицейские.

Раздался крик – кричал какой-то мужчина. Вслед за ним – душераздирающий женский вопль.

– Демон! – вопил мужчина. – Она демон, посланный дьяволом! – Последовала пауза, затем мужчина затараторил, словно хотел предупредить собравшихся: – Он сейчас здесь, сатана здесь! Сатана среди нас!

Оставив носильщика, Виктор быстро пересек зал и вклинился в толпу. Краем уха он услышал, как какая-то женщина с жаром прошептала своему спутнику:

– Вы думаете, это действительно он? Вы думаете, это и есть Кожаный Фартук?

Теперь Виктор мог видеть тех, кто кричал: мужчину и женщину. Оба выглядели испуганными. Женщине было страшно, потому что мужчина, обхватив ее сзади, приставил к горлу большой кухонный нож. Мужчине было страшно по только ему самому известным причинам.

– Она демон! – снова завопил мужчина. – Демон, явившийся из ада! Смотрите, она горит!

Виктор обратил внимание, что женщина была очень хорошо, со вкусом одета, в отличие от напавшего на нее сумасшедшего. Тот выглядел как рабочий. Видавшая виды кепка, куртка из грубой шерсти, безрукавка и мешковатые вельветовые брюки. Конечно же они не были

знакомы, а значит, жертва была схвачена наугад. По шальному, несфокусированному взгляду широко раскрытых глаз мужчины Виктор определил приступ шизофренического расстройства.

Полицейские ничего не предпринимали. Один из них, стоявший ближе всех к мужчине и его жертве, держал руку на кобуре. «Хоть бы он не вынул пистолет, – подумал Виктор. – Нельзя усугублять страх этого безумца». Его толкнули зеваки из напирающей толпы, он шагнул вперед, но тут же было грубо остановлен дюжим полицейским.

– А ну назад! – скомандовал чернявый парень с заметным словацким акцентом. – Куда прешь?

– Я доктор Виктор Косарек из приюта Бохнице – пробормотал Виктор. – Я психиатр. Думаю, я могу помочь.

– О-о-о... – словак кивнул напарнику, и он отпустил Виктора. – Это один из ваших? В бегах?

– Нет, не думаю. Но откуда бы он ни был, у него явно приступ. Параноидальный психоз.

Словак обратился к офицеру, одному из тех, кто только что подъехал:

– Здесь есть врач-мозгоправ...

– Пусть подойдет... – ответил офицер, не сводя глаз с мужчины и женщины.

– Мне нужно, чтобы вы разогнали толпу, – тихо сказал Виктор. – Толпа провоцирует его. Чем больше он ощущает, что ему угрожает опасность, тем бóльшая опасность угрожает юной леди.

Офицер кивнул, сделал знак, и тут же его подчиненные стали оттеснять зевак.

– Ты правда мозгоправ? – спросил офицер.

– Я доктор Виктор Косарек. Был стажером в Бохнице. А сейчас направляюсь в Орлиный замок... Ну, вы, наверное, знаете, там больница для преступников. Я еду туда работать. Вот почему я здесь, на станции.

– Спасибо за подробную информацию, доктор, но у нас здесь немного срочное дело, – в тоне офицера сквозил сарказм. – Подождика минутку, Орлиный замок? А не там ли держат «дьявольскую шестерку»? Тогда ты прибыл точно по адресу. Поможешь, парень?

– Я сделаю все возможное, но не знаю, в моих ли силах достучаться до него.

– Если не достучишься ты, боюсь, это придется сделать нам. – Офицер выразительно постучал пальцем по кобуре.

Косарек кивнул и подошел ближе к сумасшедшему и его пленнице.

– Постарайтесь не бояться, – сказал он тихо и спокойно, обращаясь к женщине. – Знаю, это очень сложно, но, что бы ни происходило, не пытайтесь вырваться и не кричите. Нельзя допустить, чтобы он еще сильнее возбудился эмоционально. Постарайтесь быть храброй. Вы меня поняли?

Она кивнула. Ее глаза были широко распахнуты от ужаса.

– Очень хорошо, – сказал Виктор. Он отметил, что лезвие ножа было чуть выше яремной вены. Малейшее движение, и все – этого будет достаточно, чтобы безумец перерезал ей горло. Если он решится на это, женщину нельзя будет спасти.

Мужчина был еще молод, возможно, на пару лет моложе Косарека. Виктору бросалось в глаза, что он не замечает полиции и толпу зевак. Скорее всего, он был во власти кошмаров. За свою короткую карьеру Косарек уже не раз видел такое: душа больного пребывает в другом, никому не ведомом измерении.

– Меня зовут доктор Косарек, – голос Виктора оставался тихим и спокойным. – Я здесь, чтобы помочь вам. Знаю, вам очень страшно, но я сделаю все, чтобы помочь вам. Как вас зовут?

– Она демон! – крикнул в ответ мужчина.

– Как ваше имя? – повторил Виктор.

– Огненный демон... Разве вы не видите? Демоны вокруг нас. Они готовы пожрать нас. Ее отправили сюда, чтобы пожрать меня. Она посланница дьявола...

Молодой человек вдруг замолк. Вид у него был такой, словно он услышал странный звук или почувствовал запах.

– Он здесь... – прошептал он торопливо. – Дьявол здесь, в этом самом месте. Я чувствую его присутствие...

– Ваше имя, – все так же тихо и любезно продолжал Косарек. – Пожалуйста, назовите свое имя.

Человек с ножом выглядел смущенным, будто не мог понять, зачем его отвлекают по таким мелочам.

– Симон, – промолвил он наконец. – Меня зовут Симон.

– Симон, мне нужно, чтобы вы успокоились. Попробуйте успокоиться.

– Успокоиться? – недоверчиво переспросил мужчина. – Вы просите меня успокоиться?.. Дьявол здесь. Его слуги среди нас. Она – демон. Разве вы никого не видите?

– Нет, боюсь, что нет. Где они?

Симон как прожектором проскользил взглядом по мраморному полу.

– Не видите? Вы что, слепой? Да они же повсюду. – Его состояние ухудшилось: возбуждение заставило покраснеть щеки, голос стал хриплым: – Они... они просачиваются сквозь пол, посмотрите... Они как лава выходят из недр Земли и обретают форму. Как этот... – Мужчина кивнул на пленницу, рука с ножом подрагивала.

– Симон, – обратился к нему Виктор. – Это не так. Эта женщина – просто женщина. Она никакой не демон.

– Да вы что, с ума сошли? Разве вы не видите эти кривые огненные рога, растущие из головы? А лаву, бурлящую в глазах? Взгляните, как раскалились железные копыта. Никакая это не женщина, это – демон, огненный демон. Мне горячо, когда я касаюсь его. Мой долг остановить его. Я должен остановить их всех. Если я этого не сделаю, они утащат нас в огненное озеро, где не будет конца нашим мучениям. – Он на мгновение задумался над собственными словами, а затем произнес спокойно и решительно: – Я должен сделать это. Я отрублю голову этому демону в обличье женщины. Отрубить голову – единственный способ убить его. Единственный способ, да.

Женщина, из последних сил сохранявшая самообладание, не выдержала и отчаянно закричала. Виктор Косарек жестами попытался успокоить обоих. Теперь уже не было сомнений, что налицо глубокий параноидальный бред, и никакого способа достучаться до разума Симона нет. Этот парень убьет жертву, и только после этого у него наступит спад.

Косарек многозначительно посмотрел на полицейского. Тот легонько кивнул и расстегнул кожаную кобуру.

– Уверяю вас, Симон, эта женщина не демон, – повторил Виктор. – Вам нехорошо. Вы плохо себя чувствуете, поэтому то, что вы видите, – обман. Закройте глаза и вздохните поглубже.

– Дьявол – великий обманщик, – услышал он в ответ. – Но меня не обманешь. Я – десница Божья. Если я закрою глаза, дьявол схватит меня и утащит в ад. – Мужчина заговорил тише, в его голосе послышалась боль. – Я видел великого обманщика. Я смотрел в лицо дьяволу. Он пытался сжечь меня своим взглядом! – закричал он в отчаянии.

– Симон, пожалуйста, послушайте меня. Пожалуйста, попробуйте понять. Дьявола здесь нет. Все, что вы видите, иллюзорно, это картинки вашего подсознания. Наше подсознание – глубокий океан, и оно зло шутит над нами. Вы меня понимаете, Симон?

Мужчина кивнул, но его глаза все еще светились ужасом.

– В каждом из нас, – продолжал Виктор, – бурлят темные волны. В этих глубинах живут жуткие монстры – наши страхи, наши запретные желания. Иногда они кажутся нам реальностью. Я знаю это, потому что я врач. Вот что сейчас с вами происходит, Симон: в вашем внутреннем океане разыгрался шторм; вздымаются волны, готовые увлечь вас в бездну. Темные монстры, таящиеся в глубинах вашего разума, проснулись и вырвались на поверхность. Пожалуйста, подумайте об этом. Я хочу, чтобы вы поняли: все, что пугает вас в этот момент, все, что вы видите, создается вашим подсознанием.

– Так это все обман? – спросил Симон голосом потерявшегося ребенка.

– Это обман, – кивнул Виктор. – Леди, которую вы схватили, – обычная женщина. Вам кажется, что вы схватили демона, но это лишь демон вашего воображения. Дьявол, которого вы боитесь, – это потаенная сторона вашего сознания. Пожалуйста, Симон, закройте глаза...

– Это все обман...

– Закройте глаза, Симон. Закройте и представьте, что шторм проходит, водная гладь успокаивается.

– Обман... – Мужчина закрыл глаза.

– Отпусти леди, Симон, пожалуйста.

– Обман... – Он опустил руку, сжимавшую плечо женщины, убрал нож от ее горла.

– Скорее! – тихо скомандовал полицейский пленнице. – Скорее ко мне!

– Обман...

Женщина, всхлипнув, бросилась к полицейскому, тот взял ее под локоть и отвел в сторону.

– Теперь, Симон, пожалуйста, – продолжал Виктор Косарек, обращаясь к мужчине, который все еще стоял с закрытыми глазами, – отдайте мне нож.

Симон открыл глаза, посмотрел на нож и повторил:

– Обман...

Затем он поднял голову, взгляд его стал жалобным, он умоляюще протянул руки к Виктору, но нож не выпустил.

– Все в порядке, – сказал Виктор, делая шаг навстречу. – Я помогу вам.

– Все обман! – внезапно рассердившись, крикнул Симон. – Великий обманщик снова обманул меня! – Он посмотрел в упор на Виктора и усмехнулся: – А я тебя не узнал. Как я мог тебя не узнать? Но я догадался, кто ты на самом деле. – Взгляд мужчины стал тяжелым и полным ненависти. – Теперь я знаю! Теперь я знаю, кто ты!

Все случилось слишком быстро. Симон бросился к Виктору, занося нож для удара. Виктор застыл. И в то же мгновение по залу ожидания эхом раскатились два звука: оглушительный грохот выстрела и крик Симона, падающего на молодого доктора:

– Дьявол!

Виктор Косарек пришел к выводу, что бюрократия въелась в плоть и кровь богемцев. В любой жизненной ситуации, что бы ни случилось, требовалось заполнить какую-нибудь форму или отчитаться перед должностным лицом.

Виктор позвонил своему новому работодателю из телефонной будки в полицейском участке на улице Бенедикта. Он рассказал профессору Романеку, что произошло на железнодорожной станции, и о том, что полицейские попросили его написать отчет, а затем еще один, из-за чего он пропустил свой поезд. Молодой доктор объяснил, что его багаж находится в камере хранения и что он постарается прибыть первым же утренним поездом. Потом он добавил, что, конечно же, искренне сожалеет о том, что пришлось задержаться.

– Мой дорогой друг, – ответил профессор Романек, – не стоит волноваться. Вы же спасли жизнь юной леди. Но что же случилось с несчастным героем этой трагедии?

– Спасибо за понимание... – Косарек сделал паузу, пережидая, пока мимо пройдут сурового вида стражи порядка. – Он в тяжелом состоянии, – продолжил он, как только полицейские удалились. – К сожалению, пока неясно, выживет он или нет. Пуля прошла через мускулатуру плеча, отклонилась от лопаточной кости и угодила в брюшную полость. Можно сказать, этому парню повезло – жизненно важные органы не задеты, но он потерял много крови. Время покажет. Я договорился, чтобы его поместили в приют Бохнице, как только он в достаточной мере поправится... если выживет, конечно.

– Это все очень печально. Но, надеюсь, это событие не омрачит ваши первые рабочие дни у нас.

– Вовсе нет, профессор. Я искренне рад, что буду работать с вами.

Профессор Ондрей Романек прославился своими новаторскими, зачастую спорными методиками, и Виктор Косарек действительно хотел у него работать.

– Сожалею, но не смогу встретить вас на вокзале, – бодрый голос Романека внезапно стал менее веселым. – Вас встретит господин Ганс Платнер. Вы с ним познакомились во время собеседования. Он отвечает у нас за отделение общей медицины. Ганс – прекрасный врач и хороший человек, но когда отстаивает свою точку зрения, бывает резким. Пожалуйста, не обращайтесь на это внимания. Я очень рассчитываю на нашу скорую встречу.

– Как и я, профессор.

Повесив трубку, Виктор Косарек осознал, что деваться ему некуда. Он съехал с квартиры, полагая, что без приключений доберется до новой работы. И что теперь?

Он не мог решить, следует ли ему звонить Филипу Старосте, приятелю и бывшему сокурснику по университету, чтобы попросить разрешения переночевать у него. Филип его подвел. И дело не только в багаже: Виктор хотел провести с ним последний вечер в Праге, но в последний момент друг отбил ему телеграмму, в которой сообщил, что не сможет увидеться с ним. Все это беспокоило Виктора. Мощный интеллект Филипа был столь же силен, как и страсти, кипевшие в нем. Его все более противоречивое поведение в последнее время наводило

на вопросы, но Виктор отмахивался от них. «Самое лучшее, – подумал он, – попытаться найти отель рядом со станцией».

У будки стоял тщедушный, похожий на птицу старик и терпеливо ждал своей очереди позвонить. Виктор вышел, намереваясь у кого-нибудь спросить, где находится ближайшая гостиница. Вдруг захлопали двери, коридор заполнился людьми. В воздухе разлилась тревога. В глаза бросился видный мужчина: высокий и широкоплечий. Кто-то из полицейских обратился к нему: «Капитан Смолак». Виктор услышал, как на улице пронзительно взвизгнули шины на влажном бульжнике.

У выхода стоял пожилой грузный полицейский. У него были крупные челюсти, густая щетина и роскошные усы; мясистые, как у бульдога, щеки покоились на жестком стоячем воротнике. Удерживая фуражку под мышкой, он читал объявления на доске.

– Что происходит? – спросил его Косарек.

– Полицейские дела, – глухо сказал бульдог, не пускаясь в разъяснения.

К Виктору подошел старик, уже позвонивший кому-то.

– Я слышал... – сказал он заговорщицким шепотом, с жаром, с которым обычно приносят плохие новости. – Я слышал, что они говорили... Они нашли тело. Еще одно тело.

– Убийство? – спросил Косарек.

Старик мрачно кивнул.

– Тело женщины, все искромсанное. Кожаный Фартук снова в деле.

Его отец был мясником.

Возможно, именно поэтому первое, что пришло на ум Лукаша Смолака, как только он увидел место преступления, что это мясная лавка.

В такую минуту, и вспомнить отца... Впрочем, ничего странного. В детстве, когда страхи, боль и одиночество переполняли его, именно отец оказывался рядом, но не мать, которая отдалялась от него все

больше. Чувства и эмоции, охватившие его в этот момент, не сильно отличались от тех, детских.

Лукаш Смолак унаследовал от отца крупную, мускулистую фигуру, добрый нрав и настолько глубокое спокойствие, что, казалось, упали небо, он бы не вздрогнул. В детстве он никогда не видел отца хмурым, ни единого злого слова не слышал. Однако был один случай, который потряс его. Даже не верилось, что это произошло на самом деле.

Лукашу тогда было лет девять или десять, после школы он отправился в лавку к отцу – мать попросила принести килограмм остревских колбасок к ужину. Лавка располагалась возле церкви, прямо посреди их деревни, в низком, побеленном здании. Лукаш вошел, но не застал отца на привычном месте за прилавком. Вдруг со двора позади лавки раздались странные громкие звуки. Он позвал отца, но тот не ответил. Лукаш тихонько прошел за прилавок и открыл дверь подсобки. В полумраке висели мясные туши. Отца здесь не было, и Лукаш отважился пойти дальше. Звуки между тем превратились в истошный, пронзительный визг.

Приоткрыв дверь во двор, Лукаш сощурился – солнце било в глаза. Отец стоял спиной к нему, удерживая коленями поросенка, – он-то и визжал так истошно. И тут тяжелый молоток опустился на голову животного. Визг смолк. Отец отбросил молоток, вынул из кармана фартука длинный нож и быстро, одним движением перерезал поросенку горло. Поток крови, пульсируя, хлынул на каменные плиты, которыми был замощен двор, устремляясь в канализацию. С каждым толчком пульсация становилась все слабее и слабее.

И тут отец увидел Лукаша. Он подошел к нему, положил руки на плечи, развернул так, чтобы Лукаш не видел поросенка, и, повесив по пути окровавленный кожаный фартук на дверь кладовой, увел обратно в лавку. Там он сел и терпеливо стал рассказывать рыдающему Лукашу об ужасной необходимости насилия в жизни.

Его отец был мясником.

Этот день вспомнился ему сейчас, в комнате, залитой кровью. Капитан полиции Лукаш Смолак, сын давно уже скончавшегося мясника, работал в отделе убийств двадцать лет и повидал, без преувеличения, все злодеяния, которые только можно представить. Он видел обезглавленных, сожженных заживо, видел застреленных –

обычное дело, видел тела забитых камнями и арматурой, тела зарезанных и искромсанных на куски. Но самыми жуткими убийствами, от которых стыла кровь, были те, что совершил маньяк, которого вся Прага называла не иначе как Кожаный Фартук.

Здесь, в этой комнате, был истинный ад на земле. Тело человека лежало на кровати, и только по обрывкам одежды можно было определить его пол. Женщина. Почти все ее органы были вырезаны из тела. На месте живота зиял провал, вскрытая грудная клетка, как остов корабля, потерпевшего крушение, белела оголенными ребрами в кровавом месиве. В углу кровати убийца педантично сложил гладкие, серо-коричневые и розовые витки кишечника. На полу, в китайском фарфоровом тазу для умывания, не менее педантично были разложены почки и сердце убитой.

Лицом несчастная была повернута в сторону Смолака. Вся кожа, как маска, была с него снята, блестящие белые глаза смотрели с укоризной, зубы ощерились в безгубой улыбке.

Простыни пропитаны кровью, а так – никаких признаков борьбы. Если повернуться спиной к кровати, комната выглядела обычно, не считая, конечно, зловонного пятна на коврике у двери, – домовладельца, обнаружившего тело, вывернуло наизнанку.

Смолаку пришлось отправить своих помощников на улицу, чтобы те могли отдышаться. Даже он, с его многолетним опытом работы в отделе убийств, не мог смотреть на труп без подступающей тошноты. И только один человек оставался беспристрастным. Низкорослый, полноватый, одетый в мешковатый костюм, он вел себя, как настоящий профессионал. Доктор Вацлав Бартош, медицинский эксперт, склонился над убитой с большой лупой в руке, забросив галстук через плечо, чтобы не запачкать в крови. Он делал свою работу.

К Смолаку подошел его подчиненный, детектив-сержант Мирек Новотны. Амбициозный рыжеволосый офицер обычно всем своим видом выражал чрезмерную самоуверенность. Но не сегодня. На бледной коже Новотны ярко выделялись веснушки.

– Нашли что-нибудь? – спросил Смолак.

– Да, кое-что есть, капитан. На этот раз старина Кожаный Фартук совершил ошибку.

– Неужели? – пробормотал Смолак, не сводя глаз с кровати.

– Мы обнаружили свежие отпечатки пальцев, которые не принадлежат жертве. И там, в углу... – Новотны указал на пол рядом с кроватью. – Он наступил в лужу крови и оставил частичный след.

Смолак нахмурился:

– На него что-то не похоже.

Он подошел и наклонился, чтобы проверить отпечаток. Нет сомнений – на полу была видна половина следа от ботинка с гладкой подошвой. Обувь явно была мужская, хотя и небольшого размера.

– Странно... Он не оставляет улики. Никогда не совершал ошибок раньше...

Новотны пожал плечами:

– Возможно, он хочет, чтобы его поймали. Иногда они так делают, психи же. Испытывают чувство вины в глубине души или что-то в этом роде, вот и хотят, чтобы их поймали и наказали. Ну, или играют в какие-то глупые игры с нами, как в кошки-мышки.

– Это не про него. Он особенный, в свои зверства вкладывает много труда. Можно предположить, что он наследил, чтобы посмеяться над нами, – мол, попробуйте поймать, – но я в этом сомневаюсь. – Смолак еще раз пристально посмотрел на след. – Как-то это все очень странно. Нашли еще что-нибудь?

– Никаких признаков взлома нет, – рапортовал Новотны. – По словам домовладельца, три дня назад она потеряла ключи на рынке. Ему пришлось впустить ее.

Смолак задумчиво кивнул.

– Вы думаете, убийца обчистил ее карманы?

– Возможно. Это объясняет, как он попал в квартиру. Думаю, надо отправить пару ребят на рынок, пусть поспрашивают, не ограбили ли еще кого-нибудь в тот день.

– Надо также выяснить, не терял ли ключи кто-нибудь из предыдущих жертв, – продолжил Смолак. – Об этом могли не рассказать, посчитав за мелочь.

Как только Новотны ушел, Смолак повернулся к медицинскому эксперту, который, закончив осмотр, выпрямился и вернул галстук на место.

– Она мертва уже сутки или больше, – сказал доктор Бартош. – Назвать конкретную причину смерти трудно: слишком много разрезов и слишком много органов недостает, но ей перерезали горло. Если это

была первая рана, то смерть, на ее счастье, была мгновенной. Могу с уверенностью сказать, что все эти мерзости напавший проделал на высочайшем уровне.

– Отлично сработано?

– Если это еще одно убийство, совершенное так называемым Кожаным Фартуком, то он становится все более изощренным, демонстрируя свое мастерство в расчленении. Он точно знал, что делать, и умело провел все операции.

– Врач?

– Не обязательно. Он может быть хирургом, анатомом, или забойщиком, или мясником. Но ходят слухи, что вы, возможно, уже схватили этого человека.

– Что? – в замешательстве переспросил Смолак.

– Некий ученик мясника из еврейской лавки, как я слышал. Этот парень схватил женщину на железнодорожной станции Мазарик и угрожал ей ножом, пока его не подстрелил один из ваших ребят.

Смолак покачал головой.

– Он не был евреем, не знаю даже, откуда берутся такие слухи. Во всяком случае, это не тот, кто орудовал здесь. Просто безумец с ножом.

– Простите, вы не считаете, что совершивший подобное – сумасшедший? – недоверчиво спросил Бартош, кивая в сторону расчлененного тела.

– Конечно, он сумасшедший, но... другой. Его безумие другого рода. Тот, кто сделал это, живет в нашем мире, а не в Зазеркалье. Как вы сами сказали, он точно знает, что делает. Единственное, чего я пока не могу понять, почему он выбрал именно эту женщину.

Смолак снова огляделся. Комната была дорого обставлена, а сам дом в стиле барокко располагался на одной из извилистых террас холма в районе Мала-Страна. Это была богатая часть города, где традиционно жили немцы, за что ее называли также Прагер Кляйнзейт. Проходя через квартиру к спальне, Смолак заметил на столе гостиней газету *Prager Tagblatt* на немецком языке, и почти все книги в библиотеке были на немецком. Жертву звали, как ему сообщили, Мария Леманн. Немка. Все предыдущие жертвы также носили чешско-немецкие фамилии, но Смолак до сих пор случая не обращал внимания на это совпадение, полагая, что этническая принадлежность никак не могла стать мотивом. Вернее, последнее, о чем хотелось

думать Смолаку, что убийца руководствуется националистическими мотивами.

– Как бы там ни было, – сказал Вацлав Бартош уже в дверях, – я напишу отчет и пришлю его.

Перед выходом он задержался, нахмурился и повернулся к Смолаку.

– Что-то еще, доктор?

Бартош пожал плечами:

– Возможно, просто наблюдение. Есть нечто вне моей профессиональной компетенции.

– Поверь мне, доктор, я буду благодарен за любые замечания, которые вы можете сделать. Это уже четвертое убийство.

– Все это... – доктор осторожно махнул в сторону кровати. – Все это кое-что очень напоминает. Около пятидесяти лет назад в Лондоне произошла серия подобных преступлений. Обычно убийства совершались на улицах или парках, ровно так же поступает и Кожаный Фартук. Но одну женщину там, в Лондоне, убили в доме, и я должен сказать вам, что картина очень похожа на эту. Возможно, вы слышали: в Англии это стало почти что фольклором. Убийца известен как Джек Потрошитель. Не знаю точно, но, кажется, его так и не поймали. Было несколько подозреваемых, однако доказать их причастность не удалось.

Смолак нахмурился; он смотрел на расчлененное тело, но на самом деле его не видел – просто вспоминал предыдущие убийства, восстанавливая в памяти хронологию и подробности.

– То есть вы говорите, нужно искать англичанина? Которому сейчас примерно от семидесяти до девяноста лет?

Доктор покачал головой.

– Когда говорят о викторианском Лондоне, вспоминают прежде всего трех человек: королеву Викторию, Чарльза Диккенса и Джека Потрошителя. Причем не обязательно в таком порядке. Как я уже сказал, маньяк, который так жестоко убивал женщин, стал почти что фольклорным персонажем. Подобно тому, как наш соотечественник Ян Неруда, прекрасный писатель, находился под влиянием Чарльза Диккенса, возможно, и Кожаный Фартук видит себя творческим наследником Джека Потрошителя. Слишком много сходств, которые следует учитывать.

Смолак задумчиво кивнул. Признаться, ему вспоминался Потрошитель, но он не знал подробностей о лондонских убийствах.

– Насколько я помню, в Лондоне все жертвы были проститутками. А эта женщина... – Он кивнул в сторону тела на кровати. – Нет, она не была дамой легкого поведения. Обеспеченная молодая леди.

Доктор снова пожал плечами.

– Я же сказал, это просто наблюдение.

– Хорошо, я займусь этим. Спасибо, доктор.

– Есть еще одна деталь, которую стоит, наверное, принять во внимание, – сказал Бартош прежде чем уйти. – Вблизи одного из мест, где было совершено убийство, приписываемое Потрошителю, был обнаружен кожаный фартук.

Доктор ушел. А Смолак вдруг заметил, что у ножки кровати что-то сверкнуло.

«В этой задержке есть свои преимущества, – утешал себя Виктор Косарек. – Гораздо приятнее совершить поездку при свете дня». Он испытывал невероятную любовь к своей стране: ощущал глубокую связь с природой Чехословакии, ее ландшафтом и культурой, и в этом не было чувства ожесточенного национализма – товара, на который вел охоту тевтонский сосед. После вчерашних событий так приятно было бы сидеть и наблюдать, как за окном поезда город уступает природе.

День снова был холодным, но в просветах между тонкими полупрозрачными ветвями деревьев, высаженных вдоль железной дороги, плясали яркие солнечные лучи. Листья еще не опали, и за багряно-позолоченной бахромой поднимались сосновые леса, дышащие легендами. Земной рябью мелькали холмы, скупающие горы выламывались из недр, мелькали поля и деревушки. Темное сердце Европы.

Однако стоило Виктору, сидящему у окна, поддаться завораживающему ритму сменяющихся пейзажей, в его сознании возникло лицо того молодого человека со станции. Ярче всего врезалось в память выражение ужаса и отчаяния, когда несчастный

бросился на него с ножом. Сейчас парень лежит в палате Главной университетской больницы в Праге, на грани жизни и смерти.

Никогда раньше, хоть он и провел немало исследований различных случаев галлюцинаций и паранойи, Виктору Косареку не удавалось представить себя в центре мира сумасшедшего; увидеть действительность глазами умалишенного, искаженную, хаотичную и страшную. Каково это – так бояться за собственную жизнь? Каково это – видеть демонов и монстров вокруг?

Затем в мысли Виктора вторглось другое, более знакомое лицо. Он постарался припомнить, когда последний раз видел Филипа Старосту.

Филип был сердечным, приветливым, светлым человеком, в компании с которым Виктору нравилось проводить время; но в то же время Филип был темной, пылкой, напористой личностью, чье общество казалось Виктору слишком шумным. Постепенно Виктор научился наслаждаться компанией светлого Филипа и терпеть общество Филипа необузданного. Как полагал Косарек, Филип был личностью, скроенной из парадоксов: это могло бы быть интересно с точки зрения исследования, но тревожило его как друга. В последнее время тревога стала более острой: Филип нередко пропадал из поля зрения окружающих, а его внезапные и сильные темные порывы увеличивались по частоте и продолжительности.

Филип не выполнил своего обещания и не пришел проводить Виктора, и это вызывало нешуточное беспокойство. Возможно, когда он, Виктор Косарек, уедет так далеко, его друга еще дальше унесет на волнах холерических припадков.

Виктор принял решение почаще выбираться в Прагу, чтобы проводить друга. В конце концов, Орлиный замок находится не на краю земли.

В купе появился еще один пассажир, приятный мужчина на вид лет пятидесяти. Он вошел, сел напротив Виктора и дружелюбно поприветствовал его по-немецки. Косарек с некоторой тревогой определил по глазам незнакомца, что тот жаждет поговорить.

– Вы едете в Млада-Болеслав? – спросил он Виктора. Вопрос был риторическим, так как оставалось всего несколько остановок до пункта назначения.

– Да, – односложно ответил Косарек.

– Прекрасный уголок страны. Позвольте поинтересоваться, с какой целью?

– По работе. – Молодой доктор наивно полагал, что на этом любопытство соседа будет удовлетворено.

Незнакомец говорил по-немецки совсем не так, как в Богемии и Австро-Баварии. Возможно, он был родом откуда-то из северной части Германии.

– Я тоже, – как ни в чем не бывало продолжил беседу немец. – Чем вы занимаетесь?

– Я врач.

– Ах, – воскликнул сосед. – Значит, вы гостили в Праге? Красивый город, поистине красивый. Такая богатая история.

– Нет, я живу, то есть жил, в Праге. Я получил новую должность.

– Так-так-так! – сказал немец. – Вот так удача! Поздравляю! Желаю вам успехов в новой работе.

Виктор улыбнулся и поблагодарил его. Несмотря на то, что столь желаемое одиночество было нарушено, дружеский настрой и приятная внешность незнакомца не оставили ни малейшего шанса раздражению.

– Профессор Гуннар Педерсен. Университет Гамбурга. Приятно познакомиться. – Немец вежливо кивнул и протянул руку.

– Доктор Виктор Косарек. – Виктор смиренно признал: длинная беседа неизбежна.

– Вы получили должность в больнице? Или вы семейный врач?

– Ни то, ни другое, – ответил Виктор. – Я психиатр. Меня пригласили на работу в Орлиный замок.

– О, я знаю, где это! – воскликнул Педерсен. – Видите ли, я профессор археологии и направляюсь как раз в те же края. – Немец задумался. – Орлиный замок... Там, кажется, держат этих убийц? «Дьявольскую шестерку»?

Виктор вздохнул. С тех пор как он принял приглашение работать в Орлином замке, все спрашивали о шестерке убийц, ставших легендой во всей Центральной Европе.

– Этот ярлык им не на пользу, да и их преступления совершенно не связаны между собой. Но вы правы, держат их именно там, в замке с таким красивым названием.

– Я хотел бы посетить замок хоть раз, – сказал Педерсен. – Совсем не потому, что там находится ваша клиника, заметьте. Просто с

точки зрения археологии это интереснейшее место.

– Неужели? Насколько я знаю, замок был построен в раннем Средневековье.

– Ах, вы ошибаетесь. Сам замок в том виде, в котором он дошел до нас, возможно, был построен именно в это время, но его фундамент... – Археолог многозначительно погрозил пальцем. – То, что находится под зданием, очень, очень древнее. Замок сооружен над постройкой времен позднего неолита. Дунайская культура или, если точнее, культура линейно-ленточной керамики, я полагаю. Фактически внешняя стена замка повторяет контур оригинальной неолитической рондели^[1]. Знаете ли вы, что при постройке замка в проекте не были предусмотрены ни кухня, ни что-либо похожее на нее? Что это место изначально вообще не было предназначено для проживания?

– Тогда для чего этот замок возвели?

– Несмотря на то, что она не несет важного стратегического значения, это одна из самых неприступных крепостей в Богемии. Но ее возвели не для того, чтобы сдерживать врагов извне, а чтобы содержать кого-то или *что-то* взаперти. Поэтому нынешнее предназначение замка вполне отвечает историческому, не правда ли?

– Вот как? – Виктор был заинтригован. – А кого же содержали там?

– Не кого, а *что*, – возбужденно воскликнул немец. – Под замком скрыта сеть пещер, которые, как полагали, были вратами ада. Замок построили, чтобы запереть эти врата. Понимаю, звучит как небылица, но то, что существует постройка эпохи неолита, в основании которой расположен вход в разветвленную сеть пещер, не вызывает сомнений. Вы ведь там были? Тогда наверняка обратили внимание, что стены замка будто бы вырастают из скалы. Напоминает Предьямский замок в Словении, который неприступным делает не только природа, но и стены, возведенные человеком. Мы, археологи, не знаем, когда в окрестностях Орлиного замка впервые поселился человек. Вот почему это место столь привлекательно для нас. И вот еще что. На протяжении нескольких столетий местные фермеры то там, то сям, но главным образом в полях за деревней, наталкивались на очень любопытные артефакты.

– Какие же? – не сдержал любопытства Виктор.

Педерсен наклонился поближе, явно довольный эффектом, который его рассказ произвел на собеседника.

– Керамические в основном. Что-то вроде осколков горшков, маленькие глиняные диски с отверстиями, просверленными посередине, огромное количество каменных орудий. Среди находок немало декоративных стеклянных бусин, но они относятся к гораздо более позднему периоду. Разумеется, самые ценные экземпляры сразу же были отправлены в университеты и музеи Праги и Вены. Уточню, все это было найдено вокруг замка.

– В самом деле? Я этого не знал.

– Да, да, доктор Косарек! Ваша новая работа находится в одном из важнейших районов с точки зрения археологии. Еще около пятидесяти лет назад ваш соотечественник Йозеф Ладислав Пич, отец-основатель чешской археологии, провел раскопки в лесу неподалеку от замка. Он обнаружил интереснейшие артефакты: две фигурки из глины, изображающие дородную богиню Матери-Земли, похожие на Венеру Виллендорфскую, – сейчас они находятся в Национальном музее в Праге. И, конечно, давным-давно, до раскопок Пича, были обнаружены останки Человека-Медведя, но никто не знает, что с ними стало.

– Человека-Медведя? – переспросил Виктор с неугасающим интересом.

– Фигурка, вырезанная из кости, по-видимому, человеческой, как говорили очевидцы, но я сомневаюсь в этом, скорее, это была медвежья кость. Фигурка изображала существо, тело которого было как у крупного мужчины, а плечи и голова – как у медведя. Ее обнаружили около ста пятидесяти лет назад, но потом реликвия была утеряна. Когда ее впервые отыскали, местный гуситский священник осудил нашедшего как сатаниста, утверждая, что фигурка связана с Яном Черное Сердце... Полагаю, вы знаете, кто такой Ян Черное Сердце?

– Боюсь, что нет.

– О... – Педерсен выглядел разочарованным.

Виктор всегда удивлялся тому, как часто эксперты почему-то ожидают, что все вокруг будут разбираться в тонкостях дела, которым увлечены они сами, причем особенно часто этот грешок водился за специалистами в области медицины.

– Не принимайте на свой счет, – кивнул немец. – Ян Черное Сердце когда-то был владельцем замка и на самом деле не имел ничего общего с Человеком-Медведем, кроме того что похожее существо было изображено на его фамильном гербе. Во всяком случае, некоторые из местных жителей утверждали, что фигурки, изображающие Человека-Медведя, есть не что иное, как местная разновидность поклонения Велесу. Вы ведь наверняка слышали об этом божестве, наполовину человеку, наполовину медведе. В славянской традиции Велес – властелин подземного мира. Но, это, конечно же, вздор: найденная фигурка была сделана за несколько тысячелетий до того, как здесь появились славяне. Однако стоит обратить внимание: какой бы версии мы ни придерживались, в любой из них содержится утверждение, что эта фигурка изображает некую темную силу.

Виктор подождал, пока мимо окна пронесется встречный поезд, и спросил соседа:

– А что вы имеете в виду, когда говорите о темных силах?

– О, знаете ли, поклонение сатане, или что-то в этом роде, – Педерсен махнул рукой. – Это совершенно неважно и, я бы сказал, анахронично. Но когда фигурка Человека-Медведя исчезла, гуситский священник обвинил местных жителей в краже – мол, они будут использовать ее в черных мессах. С тех пор и пошла молва о том, что в этой истории замешан Ян Черное Сердце. Еще ходил слух, что Франтишек Ринт забрал фигурку и спрятал среди тысяч других человеческих костей, которые он использовал для создания мрачного убранства костницы в костеле Всех Святых в Седлеце в 1870 году. Лично я полагаю, что на самом деле все более прозаично: Человек-Медведь собирает пыль на полке в каком-нибудь музейном хранилище.

Все оставшееся время Виктор с археологом провели в оживленной беседе. В глубине души Косарек был искренне рад, что его вытащили из пучины мрачных мыслей. Когда они подъезжали к Млада-Болеславу, Педерсен встал.

– Боюсь, я должен вас покинуть, – сказал он, улыбаясь и протягивая руку Виктору. – Мне нужно контролировать разгрузку своего оборудования. Возможно, мы еще увидимся.

Общительный археолог удалился, и Виктор смог посидеть в тишине, наслаждаясь видами за окном.

Поезд остановился на погруженной в полумрак станции, теснившейся между двумя высокими насыпями. Город Млада-Болеслав был ближайшим к Орлиному замку крупным населенным пунктом. На немецкий манер Орлиный замок называли Адлерсбург – Орлиный город. В этих местах все имело два названия: чешское и немецкое. Виктору Косареку повезло вырасти в стране множественных, параллельно существующих идентичностей. Его мать была немка, отец – чех. В любом другом месте в Европе этого было бы достаточно для того, чтобы чувствовать себя в изоляции, чужим. Но не здесь. Здесь это было нормой. Конечно, большей частью в новообразованной республике – Чехословакия возникла в 1918 году – люди осознавали себя представителями какой-то определенной народности: чешской, моравской, силезской, словацкой, немецкой, польской, русинской, венгерской или еврейской. Но национальная идентификация была лишь приправой, а не основным ингредиентом в блюде из густо замешанных интернациональных мезальянсов, случавшихся на этой земле. Как справедливо указал Педерсен, люди здесь жили испокон веков, о чем свидетельствуют древние камни. И все они были разными. Например, жители Богемии ни на кого не были похожи. Подобно богам, которым дарована вечная жизнь, они с любопытством наблюдали за суетой сует, будь то расширение и усечение границ государств, возвеличивание или падение империй, всплески патриотизма или предрассудков.

Как человеку, объектом изучения которого стала архитектура умов, эта многоликость родной земли и людей, ее населяющих, казалась Виктору завораживающей. Довольно часто ему доводилось слышать, что считать родным можно тот язык, на котором человек думает. Сам он думал как на чешском, так и на немецком языках.

Молодой доктор вышел из поезда и сразу же заметил коренастого мужчину среднего роста, на вид которому было около сорока лет. Одет он был в темно-зеленое пальто в охотничьем стиле, на голове – тирольская шляпа. Виктор понял, что это доктор Ганс Платнер, заместитель профессора Романека.

Платнер дружески усмехнулся, помахал рукой и вместе с носильщиком подошел к Косареку.

– Надеюсь, путешествие было приятным, доктор Косарек, – сказал он по-немецки и пожал руку Виктору. – Особенно после того, что произошло вчера вечером, – профессор Романек подробно рассказал мне все. Ужасное происшествие. Просто кошмар. Какое облегчение, что вы добрались без дальнейших приключений.

– Ну, на мой взгляд, я оказался в нужное время в нужном месте.

– В самом деле? Но вас могли ранить или убить, – решительно запротестовал Платнер. – Уверен, что полиция, в конце концов, справилась бы с этим безумцем. Но выходит, что вы спасли жизнь этой несчастной женщины. Возможно, будет лучше для всех, если напавший на нее и на вас человек скончается от ран, – он вздохнул.

– Ну почему же? Ведь тогда не будет возможности для его лечения и выздоровления... – Виктор был ошеломлен заявлением главного врача отделения общей медицины.

– Возможно ли излечение, доктор Косарек? – пожал плечами Платнер. – Мы же отчетливо понимаем, что говорим о человеке, представляющем собой хроническую угрозу как для себя, так и для общества.

Виктор заметил значок на воротнике пальто Платнера: узкий красный щит, затейливо пересеченный лентой, которая складывалась в буквы «S», «D» и «P». Он уже видел такой значок во время собеседования с профессором Романеком. Платнер был судетским немцем, и значок указывал, что он член Судето-немецкой партии^[2]. Эта партия пропагандировала идеи этнической автономии, и ее члены придерживались бескомпромиссного представления о национальной идентичности.

В Чехословакии насчитывалось почти три с половиной миллиона судетских немцев, большая часть из которых проживали в Богемии, Силезии и Моравии. Судето-немецкая партия на только что прошедших выборах выступила как самое большое политическое объединение и заняла заметные позиции как в Сенате, так и в палате депутатов. Она щедро финансировалась и имела тесные связи с национал-социалистами в соседней Германии. «Зло, сокрытое в темном лесу», – с содроганием подумал Виктор.

– О боже, – воскликнул Платнер, глядя на то, как пожилой носильщик пытается совладать с немаленьким багажом Виктора. –

Думаю, все это вряд ли влезет в мою машину. – Он сердечно похлопал Виктора по плечу. – Но мы все же попытаемся уместить.

Виктор огляделся, надеясь увидеть Педерсена, но немец-археолог как сквозь землю провалился.

– Позвольте? – вежливо осведомился Платнер и повел Виктора к совершенно новому «опелю»-Р4, припаркованному поблизости. У этого автомобиля вместо багажника было специальное крепление над задним крылом, закрывающееся тентом, и с помощью носильщика багаж удалось благополучно разместить.

– Вы частично немец по крови? Насколько я помню, вы упоминали об этом на собеседовании, – уточнил Платнер как будто вскользь, как только машина тронулась, но вышло довольно прямолинейно.

Виктор вспомнил, что по телефону профессор Романек предупреждал о радикальных взглядах своего коллеги, и, услышав вопрос, подумал, что совместное путешествие может превратиться в политическую дискуссию, как это в последнее время происходило повсеместно.

– По крайней мере, наполовину, – миролюбиво ответил он. – Моя мать была родом из Гнадлерсдорфа, или, по-чешски, Хнанице. Знаете где это?

– К сожалению, нет, – сказал Платнер.

– Ничего удивительного, это совсем крошечная деревушка. В Моравии... практически на австрийской границе. Мой отец был чехом, но его мать тоже немка по национальности. Если уж на то пошло, фамилия Немец^[3] в моей родословной значит очень много, но это вовсе не говорит о немецком происхождении.

– Вот так! – Платнеру, похоже, припала по душе родословная Виктора. – Ваша фамилия – Косарек – это значит «жнец», не так ли?

Виктор кивнул.

– Или тот, кто делает косы.

– Вам нужно сменить фамилию, дорогой юноша, – радостно воскликнул Платнер. – Как бы это звучало по-немецки? Наверное, Сенсенманн^[4], но не думаю, что пациентам в больницах стоит, пусть косвенно, напоминать о Старухе с косой. Или, может быть, Сенсеманн^[5] Подумайте об этом. В восемнадцатом веке жил миссионер по фамилии Сенсеманн. Готтлиб Сенсеманн. Он тоже был

моравско-немецкого происхождения. Может быть, Косарек – славянизация Сенсеманна? Может, вы еще более немец, чем думаете! – лицо Платнера сияло от удовольствия.

– Это не имеет большого значения, – парировал Виктор. – Все это, – он избежал слова «национальность», – на самом деле не определяет, кто вы. На мой взгляд, во всяком случае.

Платнер ничего не ответил, но Виктор заметил, взглянув на него, что улыбка с его лица исчезла.

Какое-то время они ехали в тишине. Казалось, что сосны на обочинах становились все толще и все выше, а лес все темнее. Узкая дорога была так извилиста, что казалось, она пытается вырваться из цепких объятий деревьев.

Будучи психиатром, Виктор знал, что тревоги могут произрастать из конкретных страхов, которые когда-то испытал человек, склонный к неврозу. Так, у одного из пациентов, которого он наблюдал, развилась гилофобия – болезненный страх перед лесом; перед темнотой чащи, перед тенями в глубине. При лечении этого пациента Виктор обнаружил, что у него самого проявляются те же симптомы. Но это было объяснимо, его собственная фобия была связана с конкретным травматическим событием. Когда Виктор был еще ребенком, он играл в лесу, что ему было категорически запрещено, но разве для мальчишек существуют запреты. На опушке у него было секретное место – поляна среди деревьев, где раньше они играли с младшей сестрой Эллой. Но с Эллой приключилось несчастье – она утонула, и теперь Виктор вынужден был проводить дни в одиночестве. Смерть Эллы прорвала дыру в его мире. Сестра была его лучшим другом, и теперь, когда ее не стало, в сердце образовалась зияющая пустота, наверное, ничуть не меньше той, что поселилась в сердце его матери.

В тот день Виктор пришел на их с Эллой секретную поляну, когда солнце коснулось края леса и заставило ожить тени между деревьями. И вдруг... он увидел мать. Она пристально смотрела на него невидящими глазами, ее лицо и руки были неестественно темными, как будто она и сама превратилась в тень. Скрип сука, на котором висело ее тело, был единственным звуком в замершем лесу.

Самоубийство матери оставило неизгладимый шрам в сознании Виктора. У него появился смутный, безотчетный страх леса. Виктор мог любоваться красотой дубрав и ельников, когда видел их издалека,

но чувствовал что-то похожее на паническую атаку, когда оказывался среди деревьев. И именно самоубийство матери побудило его стать психиатром. Он хотел понять, что приводит к душевным заболеваниям, и вылечить их. Ему хотелось утолить *великие печали*, которые подводят таких людей, как его мать, к критическому состоянию. Состоянию, когда они решают покончить с собственной жизнью или жизнями других людей.

Таким образом, цепочка причин привела Виктора в медицину, в психиатрию и, наконец, сюда, на новую должность в Орлиный замок, где находилась клиника для душевнобольных преступников.

До замка осталось ехать минут двадцать, путь по-прежнему пролегал по лесистым уступам горы. Замок, в котором располагалась клиника, находился на самой вершине. Виктор почувствовал животный страх, почти ужас. Отступать было поздно. Как мощные челюсти зверя-исполина, над чащей взлетали каменные зубцы скал, а еще выше, над ними, из горного склона вырастали мрачные стены. Конусные крыши на высоких, поросших плющом башнях были похожи на колпаки ведьм или колдунов. Одну из башен, стремительно сужающуюся кверху, венчал сверкающий шпиль, и шпиль этот напоминал нос корабля, парящий над волнами в шторм. Над самой большой по площади постройкой, главным корпусом, также был остроконечный шпиль, только темный, окруженный игольчатыми шпицами, которые, казалось, держали небо. Виктору достаточно было взглянуть на хищные зубцы шпилей, чтобы понять, почему замок называют «орлиным».

В стародавние времена в глубине земли произошло что-то, из-за чего скала, на которой теперь стоял замок, была рассечена на две части, будто в порыве гнева Бог ударил по ней топором. На одной из них, меньшей, расположился барбакан, защищающий подходы, на другой – сам замок, а над пропастью между ними был проложен узкий каменный мост. Непрístupность замка поражала воображение, но теперь эти прочные стены и труднодоступное местоположение использовались не для того, чтобы сдерживать натиск внешнего врага, а чтобы исключить побег тех, кто был заключен внутри.

Они подъехали к воротам барбакана, у которых ютилась сторожевая будка. Платнер небрежно махнул рукой, не опуская стекла,

и тяжелые дубовые ворота распахнулись, словно их открыли невидимые стражи.

– Электрический привод, – гордо сказал Платнер.

«Опель» пересек глубокую пропасть по каменному мосту, проехал через еще одну сторожевую башню, и они очутились в мощном дворе замка. Виктор Косарек вышел из машины и огляделся. Несмотря на прекрасный осенний денек, ему показалось, что он попал в ловушку и теперь ему не вырваться из этих цепких каменных объятий.

6

В то время как замок каждой деталью своего облика говорил о многовековой истории, оснащение больницы кричало о достижениях прогресса. За толстыми средневековыми стенами скрывался самый современный интерьер. Все было выдержано в светлых тонах: пастельные оттенки василькового в одном коридоре, земляничного – в другом. Потолки повсюду были побелены. Виктор обратил внимание на приятную цветовую гамму еще месяц назад, во время своего предыдущего визита. Он понимал, что все это было сделано для комфорта пациентов и, наверное, для того, чтобы отвлечь внимание от устрашающей архитектуры здания.

Уже тогда он подумал, что, судя по выбору цвета, профессору Романеку придется по душе хотя бы некоторые из его прогрессивных идей. Виктор воспринимал психическое заболевание как *великую печаль*, которую, как он полагал, подпитывали чувство одиночества и страхи. За свою не такую уж долгую взрослую жизнь он повидал слишком много учреждений, больше похожих на тюрьмы; в них пациенты оставались наедине со своими страхами и одиночеством. Несчастные пребывали в таких условиях, которые едва ли можно было назвать гуманными. Так что любая попытка изгнать чувство одиночества и ощущение страха из медицинского учреждения была хорошим знаком.

Несмотря на то, что Ганс Платнер поразил Виктора тем, что оказался человеком совершенно иного склада, нежели профессор Романек, он явно гордился инновационными технологиями, применяемыми в Орлином замке. Пока они шли по коридорам,

Платнер то и дело останавливался, чтобы продемонстрировать процедурные кабинеты и оборудование в них, «новейшее в медицинской технике».

Платнер не был, как Виктор или Романек, психиатром; он был врачом общей практики; в его обязанности входили заботы о физическом здоровье пациентов больницы. Поэтому Виктор не был удивлен, что предметом гордости Платнера было крыло, в котором располагался лазарет.

Платнер тут же предложил провести небольшую экскурсию по лазарету своему новому коллеге. Когда он распахнул входную дверь, Виктор понял, что гордость сопровождавшего его судетского немца не была беспочвенной. В лазарете все блестело чистотой, в коридоре стояла хорошая мебель. Массивные межкомнатные двери с тяжелыми засовами здесь были заменены на легкие створки без ручек с круглыми окошками на уровне глаз. Пять стандартных палат для пациентов, рентген-кабинет, полностью оборудованная операционная и три комнаты для консультаций. Однако ни одного пациента в лазарете не было.

Платнер познакомил Виктора с двумя медсестрами-чешками, и перешел на немецкий, чтобы представить врача, доктора Кракла. Кракл был угловатым рослым блондином, он слегка горбился, как обычно это делают чрезмерно высокие люди. Крючковатый нос и мешки под глазами придавали его облику хищный вид. Виктор улыбнулся, пожал руку Краклу – и почувствовал мгновенную, инстинктивную неприязнь к этому человеку. Он заметил, что из-под воротника медицинского халата у Кракла выглядывает краешек галстука, заколотый значком Судето-немецкой партии, таким же, как на лацкане Платнера.

Наскоро попрощавшись с Краклом, они продолжили экскурсию. На первый взгляд, единственное, что отличало лазарет от любой другой больницы, за исключением небольшой площади, было то, что здесь имелись три «безопасные» комнаты с дополнительными крепежами на кроватях и резиновой обшивкой на всех острых углах и краях. Была также собственная лаборатория и аптека, и, к удивлению Виктора, полностью оборудованный спортивный зал.

– Моя ответственность – не только лечение заболеваний, но и профилактика, – объяснил Платнер. – Те пациенты, симптомы

болезней которых находятся под контролем, или те, у кого стадия ремиссии, приходят сюда раз в неделю для прохождения терапии и физических упражнений. *Mens sana in corpore sano*^[6].

– Очень впечатляет, – сказал Виктор с искренним энтузиазмом. – Действительно, доктор Платнер, очень впечатляет.

Платнер засиял.

– А где я смогу работать с пациентами? – спросил Виктор.

– Вы имеете в виду, где вы сможете проводить свои наркоаналитические сеансы? То есть сеансы наркосинтеза? – Платнер вложил в свой вопрос дружелюбный скептицизм. – Насколько я знаю, вам выделили комнату в старой части замка. В башне. Но об этом лучше спросить профессора Романека, он точно скажет, где именно.

Они направились в кабинет управляющего по вопросам размещения персонала. По пути им встречались сотрудники клиники. Виктор обратил внимание, что белая униформа медсестер была менее формальной, чем обычно, а санитары носили короткие куртки, как у стюардов, белые, с черной оторочкой. Однако тип людей, работающих санитарями, был точно таким же, как во всех психоневрологических учреждениях, где доводилось работать Виктору. Независимо от того, насколько прогрессивными были условия, санитары были грубыми и бесстрастными. Но именно такие и могут сдерживать пациентов в кризисных ситуациях.

Старинная архитектура напомнила о себе арочными нишами. В глубине ниш прятались наглухо запертые дубовые двери. Традиционные тяжелые засовы были усовершенствованы современными противовзломными механизмами. Кроме того, Виктор заметил маленькие серые металлические коробочки: по одной на краю каждой двери (всего дверей было четыре) и еще по одной на косяках.

– Здесь у нас четыре отделения для пациентов, – объяснил Платнер. – В каждом отделении по четыре палаты. Между двумя занятыми палатами еще две остаются пустующими. Вы ведь наверняка слышали, что профессор Романек придерживается теории «ментальных инфекций», как он их называет. Следуя этой теории, он предпочитает держать пациентов не то чтобы в изоляции, но так, чтобы свести общение к минимуму. Позже вы увидите, что палаты у нас совсем не похожи на больничные. Скорее, это жилые комнаты. Но в противоположном крыле замка у нас есть и другие палаты, уже для

полной изоляции. В настоящее время они пустуют, и мы используем их как склад оборудования. У нас сейчас занято только шесть палат, но клиника рассчитана на лечение шестнадцати пациентов одновременно.

Виктор кивнул. Не стоит лишний раз вспоминать о том, что полдюжину пациентов Орлиного замка называли не иначе как «дьявольская шестерка». Правительство, насколько было ему известно, инвестировало большие деньги в модернизацию этой клиники, чтобы содержать в ней *всею шестерых*. Молодое государство предпочло отстраниться от этих нелюдей. Но здесь, в стенах клиники, их никогда официально не называли «дьявольской шестеркой», в отличие от всего остального мира. Профессор Романек считал, что не стоит укреплять мифы, а лучше развеять их.

– Думаю, вы заметили серые коробочки на дверях? – спросил Платнер. – В них помещены электрические магниты, которые включаются централизованно. Если кто-то открывает дверь, когда система включена, магнитный контакт разрывается и звучит сигнал тревоги. У нас собраны все новейшие технологии, доктор Косарек, вот так-то.

Экскурсия продолжалась. За одной из дверей несколько человек в белой униформе сутились у плит, витали приятные ароматы.

– Кухня, – подтвердил очевидное Платнер.

Неподалеку от кухни, за высокой, выше и шире всех предыдущих, аркой, располагалась большая столовая. В ней стояло шесть столов. Виктор заметил, что картины на стенах столовой были в том же стиле, что и в коридорах. Учитывая древность и историческую значимость замка, он ожидал, что повсюду будут висеть потемневшие от времени портреты Карла IV и давно умерших местных аристократов, разбавленные старинными пейзажами. Но вместо этого на стенах красовались репродукции экспрессионистов. По ярким, насыщенным цветам и выделяющимся геометрическим фигурам Виктор узнал произведения Лионеля Фейнингера, Пауля Клее, Августа Макке и Василия Кандинского. Он спросил Платнера о том, кто подбирал картины, но тот лишь пожал плечами.

– Не имею к этому никакого отношения, это выбор профессора Романека.

– Они бы подошли для городского кафе, – сказал Виктор.

Зал действительно выглядел, как обычное кафе, и это казалось диковатым.

– Пациенты обычно обедают в своих палатах. Но когда их состояние достаточно стабильно, мы ничего не имеем против, чтобы они приходили сюда. Исключение – очаровательный мистер Скала, боюсь, он не обучен хорошим манерам. Мы даже приветствуем пиво и вино в умеренных количествах для тех пациентов, у которых нет противопоказаний по симптомам или лекарствам. Вы правы, это напоминает ресторан или кафе, только посуда у нас другая.

– Посуда?

– Она изготовлена из бакелита^[7]. Из этого же материала сделаны стаканы и столовые приборы. Стекло или металл у нас, как вы понимаете, под запретом. Персонал тоже обедает здесь. Мы пользуемся обычными столовыми приборами, но при входе и выходе из столовой у нас строгий контроль – вносить и выносить ничего нельзя.

Они осмотрели хорошо оборудованную комнату для музицирования и художественную студию. Платнер воздержался от комментариев. У Виктора сложилось впечатление, что он со скепсисом относится к непрактичной, по его мнению, терапии, результаты которой нельзя было с точностью спрогнозировать.

Длинный коридор вел в следующее крыло замка. Вход был перекрыт решеткой из мощных железных прутьев, но сбоку была небольшая дверца. Платнер достал ключи, отпер замок и толкнул ее – петли протяжно заскрипели.

– Вы получите свой набор ключей, – сказал он. – Здесь у нас жилой корпус для персонала. Но в этом же крыле находится изолятор, о котором я говорил, ну, там, где у нас временно разместился склад.

Стоило сделать несколько шагов, как Виктор осознал разницу: замок здесь снова стал за мком. В интерьере исчезли пастельные цвета, да и картин не встречалось. Мрачные каменные стены кое-где были обшиты темными деревянными панелями.

– Знаю-знаю, – сказал Платнер с усмешкой. – Все это очень готично. Но именно так замок выглядел изначально. Вы привыкнете к этому.

– Понимаю, – рассеянно произнес Виктор.

Он остановился, чтобы рассмотреть панели, покрытые искусной резьбой. Его внимание привлекла одна из них: в хитросплетении узоров угадывалось лицо грузного мужчины, но если посмотреть под другим ракурсом, виделся оскалившийся зверь. Оборотень? Виктор вдруг осознал, что это не волк, как ему показалось на первый взгляд, а медведь.

– Медведь... – тихо проговорил он.

Доктор Платнер приподнял бровь и сказал:

– Профессор Романек ждет вас, доктор Косарек.

Он проклинал туман. Вся Прага была окутана им, вокруг уличных фонарей светились спектральные круги, а дома превратились в угловатые формы в оттенках серого и черного. Туман для полицейского – это плохо.

Капитан Лукаш Смолак проехал мимо дома, адрес которого был указан, как место жительства подозреваемого. В идеале ему надо было бы припарковаться на противоположной стороне улицы и вести наблюдение из машины, ожидая, когда Тобар Бихари вернется домой, но эта часть города была самой бедной в Праге, а квартал – самым нищим и самым обветшалым. Не только скрытая завесой тумана новехонькая «прага пикколо», как у Смолака, но и любая машина в этом районе казалась диковинкой. К тому же была и вторая машина, «альфа», а в ней сидели три офицера в форме, поэтому Смолак решил припарковаться за углом и пройти пешком, чтобы наблюдать за входом в жилой дом из арки через улицу. Прибыв на место, он объяснил своим подчиненным, чтобы те ждали сигнала двумя вспышками фонарика.

По отпечаткам пальцев, найденным на месте убийства в Прагер Кляйнзейт, личность побывавшего в комнате удалось определить без труда. Тобар Бихари и раньше попадал в поле зрения полиции. Пройдоха из пройдох, но вроде бы ничего такого серьезного за ним не водилось. Было известно, что он искусно владеет опасной бритвой, ножом и стилетом, однако без надобности на рожон не лез. И еще одно важное дополнение – Тобару ничего не стоило достать ключи из

сумочки Марии Леманн, так как он обладал воровскими навыками. Но при всем этом Смолаку, лично знавшему Тобара Бихари, было трудно связать его с Кожаным Фартуком или кем там был убийца.

Подозреваемый должен был появиться с минуты на минуту. Полиция уже составила подробное досье на него: этот фрукт попадал на скамью подсудимых с удручающей регулярностью. Сроки, как правило, были небольшие, и стоило ему выйти на свободу, он вновь окунался в темную жизнь. Кроме вовлеченности в разного рода махинации, Тобар был сутенером молодой проститутки, которая работала где-то в квартале Жижков, а жила тут, поблизости. Сегодня среда, у нее выходной, и человек, за которым следила полиция, как подозревал Смолак, был не только ее сутенером, но и любовником, – значит, приведет ее в свою квартиру.

Стоя в холодной арке, Смолак успел выкурить три сигареты. Вдруг он увидел, как две темные фигуры вышли из-за угла на плохо освещенную улицу. Они шли по его стороне, а не по той, где находился дом подозреваемого.

«Возможно, это вовсе и не он», – подумал Смолак.

Кавалер держал даму под руку, они приближались, и в слабом свете Смолак заметил, что молодая женщина слегка прихрамывает при ходьбе. Это соответствовало тому, что Смолак знал из досье о проститутке. Он погасил недокуренную четвертую сигарету, отступил в черноту неосвещенной арки и быстро мигнул фонариком.

Когда пара подошла ближе, до Смолака донеслись обрывки их беседы. В голосе мужчины звучали нотки то ли грусти, то ли беспокойства. Женщина, казалось, пыталась его утешить.

В ответ на сигнал Смолака «прага альфа» вывернула из-за угла, и утонувшая в густом тумане улица осветилась фарами. Мужчина и женщина на мгновение замерли. Смолак узнал подозреваемого – это точно был он. На лице маленького смуглого человека отразился сильный испуг, и это было странно. Паршивец, как известно, не боялся полиции.

– Тобар! – окрикнул подозреваемого капитан. Когда «альфа» остановилась рядом с парой, он вышел из арки и крепко схватил мужчину чуть выше локтя.

Ничего такого особенного, обычное задержание, но реакция Тобара озадачила: мужчина закричал, и это был вопль ужаса. Дикие

невидящие глаза были широко распахнуты. Он исхитрился выдернуть руку и оттолкнуть Смолака. Капитан был гораздо выше и сильнее, но от неожиданности пошатнулся и ударился спиной о стену.

Воспользовавшись преимуществом, Тобар повернулся и побежал прочь. Пока Смолак приходил в себя, один из полицейских бросился вслед за мужчиной, но ему не повезло – спутница подозреваемого ударила офицера по ногам, и тот упал на грязный тротуар.

– Вы! – крикнул Смолак другому полицейскому, устремляясь за Тобаром. – Держите ее. Остальные – со мной!

Смолак был человеком крупным и бежать ему было тяжело. Добравшись до угла, сквозь туман он увидел силуэт, удаляющийся в сторону пересечения трех улиц. Как и бо льшая часть Старого города, этот район был настоящим лабиринтом – если он потеряет Тобара из виду, его уже не найти.

Младший офицер бежал быстрее Смолака и практически настиг мужчину. Они оба повернули за угол и растворились в сумраке. Когда Смолак и старший офицер добежали до угла, они увидели, что их коллега прижался спиной к стене, обхватив ладонями лицо. Между пальцами сочилась кровь.

– Ублюдок порезал меня, – простонал он. – У него нож.

Смолак осмотрелся – Тобара было не видеть.

– Да я, вообще-то, в порядке, – сказал раненый полицейский. – Успел увернуться, а то бы без глаз остался.

Старший офицер вытащил из кармана платок и протянул напарнику. Тот прижал сложенную в несколько раз ткань к лицу и кивком указал в ту сторону, куда направился Тобар.

– У него только два пути, и оба ведут в тупики. Если он не спрячется в одном из домов, мы его достанем, – проговорил он и выпрямился, готовый продолжать погоню.

– Оставайтесь здесь, – распорядился Смолак. – Мы сами справимся.

Вдвоем со старшим офицером они бежали по улице, проверяя каждый темный угол. В конце улицы углом стоял дом, деливший ее на два рукава. Смолак кивком указал направление офицеру.

– Будь осторожен, – сказал он. – На этот раз он ни перед чем не остановится.

Пистолеты оба держали наготове.

– Лучше бы взять его живым, если это возможно.

Офицер молча кивнул.

Они разделились. Смолак пошел в правый рукав. В переулке было очень темно. Под ногами блестели мокрые булыжники, кое-где покрытые жирными пятнами моторного масла. На одном из пятен он поскользнулся и тяжело приземлился на мостовую.

От падения перехватило дыхание, и потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Поднявшись, Смолак ругнулся. Выяснилось, что он повредил колено, не сказать чтоб сильно, но достаточно для того, чтобы лишить его возможности бежать. Туман усилился, и пространство вокруг сузилось до пузыря радиусом не более трех-четырёх метров, в котором хоть что-то было видно. Все за пределами этого пузыря казалось нереальным, а этот чертов Тобар – недосягаемым.

Смолак надеялся, что беглец выбрал другое направление, и старший офицер уже загнал его в угол. Но ничего похожего на полицейский свисток не было слышно.

«Всё, – подумал Смолак, – этот ублюдок сбежал».

Вдруг краем глаза он заметил, как смутная тень в нише слева от него слегка шевельнулась и снова погрузилась в темноту. Он напрягся и заставил себя не смотреть в ту сторону. Шестое чувство подсказало ему, что произошло: Тобар укрылся в темноте, пережидая, пока его преследователь пробежит мимо, чтобы сразу после этого броситься в обратную сторону и выбраться из тупика. Если бы он, Смолак, не упал, он бы точно упустил преступника.

Наклонившись, Смолак стал ощупывать колено, нарочито громко ругаясь. Потом молниеносно выпрямился, в два прыжка достиг ниши и включил фонарик.

Ослепленный лучом маленький мужчина стоял в дверях. В вытянутой руке в свете фонарика блеснуло лезвие.

– Та-а-ак, Тобар... – Смолак сделал еще два шага к нише, продолжая слепить глаза бандита фонариком. – Выходи давай!

Мужчина, щурясь, попытался прикрыть глаза одной рукой, а другой сделал пару взмахов ножом в воздухе.

– Стой! Не подходи, зарежу!

– Не делай глупостей, Тобар, – устало проговорил Смолак. – Я вооружен. Брось нож сейчас же. Ну же!

– Никуда я не пойду. Он послал тебя, не так ли? Ну нет, меня он не получит! Я лучше умру! Я убью тебя!

– Ты про кого говоришь?

– Ты знаешь, про кого. Черт подери, ты это прекрасно знаешь!

– У меня нет времени, Тобар, не пудри мне мозги, – сказал Смолак, делая еще один шаг вперед.

Маленький мужчина снова издал высокий, пронзительный крик и, все еще ослепленный фонариком, сделал выпад в сторону Смолака, яростно рассекая ножом воздух.

Грузный детектив едва успел увернуться от удара, лезвие прорезало ткань пальто, не задев плоти. В ту же секунду, имея преимущество в росте, он ударил бандита рукояткой пистолета в висок. Оглушенный ударом, Тобар свалился на мостовую, и Смолак резко наступил ботинком на руку, все еще сжимавшую нож. Затем он трижды свистнул в свой свисток. В ответ раздался ответный свист полицейских и стук тяжелых сапог по булыжникам. Из-за угла вывернула полицейская «прага альфа».

Смолак посмотрел на человечка, лежавшего у его ног: Тобар дрожал, почти теряя сознание.

Что же так напугало этого мелкого жулика. Кого он так боялся?

Кто должен был прийти за ним?

Профессор Ондрей Романек ждал их в своем кабинете. Романек был приятным на вид мужчиной лет пятидесяти. Среднего роста, крепко сложенный. Аккуратная бородка, редкие светло-русые волосы, слегка потемневшие от геля, зачесаны назад. Лицо светилось умом и добротой. По типуажу Романек напоминал деревенского доктора, которому доверяют инстинктивно, и можно было предположить, что это дает ему бесспорное преимущество при разговорах с пациентами. У Виктора такого преимущества не было. Он был молод и красив, и когда знакомился с пациентами, казалось, они боялись его.

Учитывая продуманный интерьер клиники и неформальную униформу персонала, Виктор был удивлен, увидев, что Романек одет в лабораторный халат длиной до середины икр. В этом халате с

застежкой на пуговицах на плече профессор был похож на фармацевта или хирурга, но никак не на психиатра.

– Мой дорогой доктор Косарек! – улыбнулся Романек Виктору, обходя огромный стол из красного дерева в венгерском стиле, чтобы обменяться рукопожатием; другой рукой он похлопал Виктора по плечу. Профессор говорил по-чешски. – Так приятно снова вас видеть. Мне очень жаль, что я не смог приехать и встретить вас на станции, у меня была встреча с попечителями. Но я уверен, что доктор Платнер позаботился о вас.

– Да, все прекрасно, – улыбнулся в ответ Виктор. – И я очень рад быть здесь.

– Ну, я должен сказать, что рад вашему прибытию, особенно после того ужасного эпизода на станции. У вас действительно все хорошо?

Виктор поблагодарил за участие и сказал, что пострадал не он, а молодой человек, потерявшийся в другом измерении и преследуемый воображаемыми демонами.

– Сейчас он находится в больнице, но...

Улыбка Романака растаяла.

– Боюсь, мне придется огорчить вас, мой дорогой друг. Мне позвонили из центральной больницы Праги несколько минут назад... Несчастный юноша, к сожалению, скончался от ран.

– Он умер? – удивился Виктор.

– Боюсь, что так. Час назад. Трагедия, да.

– Но я звонил перед отъездом, и мне сказали, что он стабилен... – Виктор вспомнил взгляд молодого человека, наполненный ужасом, его личной *великой печалью*. – Я надеялся, он выкарабкается... – пробормотал он.

– Прискорбно, – сказал Романек. – Если бы он действительно был тем самым Кожаным Фартуком, у полиции была бы возможность допросить его.

– Сомневаюсь, что это был он, – покачал головой Виктор. – В его поведении не было ничего продуманного. Я видел заблудшую душу, которую поглотила шизофреническая мания. А Кожаный Фартук, насколько мне о нем известно, – высокоорганизованный убийца.

– Давайте закроем печальную тему. Как вам понравилось у нас? Как вы уже знаете, мы являемся узкоспециализированным

учреждением. Да вы присаживайтесь, дорогой!

– И очень хорошо оборудованным, – сказал Виктор, садясь на стул; Платнер остался стоять. – Доктор Платнер любезно провел подробнейшую экскурсию. Должен признать, что для шести пациентов здесь просто роскошные условия. И... это мечта врача.

– М-м-м... – Романек засмеялся. – Это правда, у нас здесь только шесть пациентов, но жуткая слава о них облетела всю Центральную Европу. Они погрузили мир в кошмар. Шесть сумасшедших, совершивших самые страшные преступления... Очень надеюсь, что вы готовы к встрече с ними. Как мы обсуждали во время собеседования, вы, как врач, будете обсуждать скрытые желания и действия, которые все человечество считает невозможными, невообразимыми. Для вас станет обычным делом говорить об убийствах, изнасилованиях, изоэренных пытках, некрофилии и каннибализме. Боюсь, то, что для нас норма, может показаться ненормальным, отвратительным всем, кто находится за пределами нашего маленького круга.

– Понимаю, – кивнул Виктор.

– Будьте осторожны, мой дорогой доктор Косарек: если говорить о чудовищных действиях абстрактно, легко забыть, что наши пациенты действительно их совершали. Более того, некоторые из наших пациентов могут показаться вам обманчиво нормальными, даже приятными людьми. Ваш предшественник совершил эту ошибку – он утратил бдительность, и это могло стоить ему жизни. Бедняга лишился глаза... Всегда помните, что эту «шестерку» поместили сюда, потому что это самое надежное место, какое только можно найти для них, и каждый из них навсегда должен быть изолированным от общества.

Виктор снова кивнул. Все это он уже слышал на собеседовании. Психиатр, на смену которому он пришел, доктор Славомир, позволил пациенту взять в руки карандаш и из-за этого лишился глаза. Во время собеседования Виктору ясно дали понять, что нет никакого смысла устраиваться на работу, если он не готов осознавать риски. Эта работа не для наивных или слабых сердцем.

Также Виктору объяснили, что пациенты, содержащиеся в настоящее время в Орлином замке, заключены сюда для наблюдений: их безумие исследуется, анализируется и описывается. Есть надежда, что изучение крайних случаев может пролить свет на схему лечения психических расстройств в менее запущенной форме. Выбор

кандидатуры Виктора был не случаен. Причиной ему стала теория, которую он выдвинул в недавно опубликованной статье. Эта статья, подобно теориям профессора Романека, предлагала новаторские идеи, которые многим казались противоречивыми.

– Мы стоим на передовом рубеже психиатрии, – объяснил Романек. – Теперь, когда вы на борту, мы разделим нагрузку между нами. Большая часть работы будет включать стандартные терапевтические процедуры, но уникальное положение, в котором мы находимся здесь, в Орлином замке, дает нам фактически безграничные возможности.

– Вы имеете в виду исследования? – спросил Виктор.

– Именно! Наши пациенты – это уникальная возможность изучить и понять некоторые из самых сложных психических состояний. Вы должны осознавать, что ни один из наших пациентов никогда не выйдет за пределы этих стен. Мы делаем все возможное, чтобы они почувствовали, что замок – их дом, потому что каждому из них суждено закончить здесь свои дни.

– Даже если они излечатся? – изумился Виктор.

Романек покачал головой.

– Если бы мы каким-то чудесным способом смогли бы излечить их душу, есть и другое. Преступления, которые они совершили, заслуживают наказания, и они никогда не получают прощения за свои злодеяния. Наша функция здесь в основном паллиативная, а не лечебная, но она дает нам уникальную возможность разрабатывать новые методы лечения, находить новые способы исцеления ума и помогать тем самым другим больным. Возможно, мы не сможем спасти именно эти души, но мы сможем уберечь другие.

– Проводя на этих шестерых эксперименты.

– И находя пути предотвращения подобных случаев. Профилактика лучше лечения, мой дорогой друг. Если бы мы проводили профилактику, то это бы спасло многие жизни. Жизни жертв, я имею в виду. К сожалению, душевные болезни поражают все больше людей вокруг, и нам нужно предпринимать меры. – Профессор Романек на мгновение остановился, затем продолжил: – Когда мы разговаривали во время собеседования, я был очень впечатлен вашими теориями, особенно вашей гипотезой о дьявольском аспекте. Знаете ли, пациенты, которые находятся под нашим наблюдением здесь, в

Орлином замке, больны всеми видами известных психозов, и эти их состояния не просто чрезвычайно сложны, но странно взаимосвязаны какой-то внутренней логикой. В психозах каждого из них есть странная общность. Насколько я понимаю, вы знакомы со слухами о заговоре между заключенными в этих стенах?

– Миф, что так называемая «дьявольская шестерка» на самом деле всего лишь один убийца, случай шизофренического множественного разложения личности, и здесь держат только одного пациента, не так ли? – спросил Виктор.

– Вот видите, вы сами сказали – это миф. И я могу понять, как он возник. Шесть наших пациентов не имели никаких контактов друг с другом до помещения их сюда, да и здесь у них мало шансов для общения. Однако их связывает нечто общее. Все они утверждают, что на преступления, которые они совершили, их толкнула некая дьявольская сила. Если вы пролистаете их истории болезни, то увидите, что сходство поразительно. Но есть и различия. С моей точки зрения, так или иначе каждый из них чувствует ответственность за свои злодеяния, но перекладывает эту ответственность на фигуру дьявола. Является ли эта фигура просто удобным прикрытием, созданным эго, чтобы защититься от чувства вины, или это действительно воплощение вашей теории дьявольского аспекта, выраженной в буквальной форме? Уверен, что вы понимаете, почему я считаю, что эти случаи были бы идеальными для использования на практике вашей терапии наркосинтеза.

Виктор кивнул.

– Конечно, понимаю.

– Видите ли, доктор Косарек, я не в первый раз вижу подобные вещи. На протяжении всей моей карьеры в психиатрии я осознавал странные... – Романек нахмурился, пытаясь подобрать правильное слово. – Да, *странные* общие черты. Совпадения и сходства, возникающие в случаях, которые абсолютно не связаны, по крайней мере у четверых наших пациентов. Я часто задаюсь вопросом, являются ли некоторые формы безумия заразными: мощный, но искаженный способ мышления, который способен распространяться как инфекция и подавлять восприимчивый ум.

– Как подавление иммунной системы?

– Именно так. Мы все время видим это в медицине тела: среди группы людей, подвергающихся воздействию вируса, одни тяжело болевают, а другие невосприимчивы к нему. Те, кто подвержен влиянию инфекции, обычно имеют ослабленную иммунную систему. Итак, вы видите, что наши с вами теории пересекаются в некоторых точках: если ваша гипотеза о дьявольском аспекте верна, значит, болезнь уже распространилась, ее носители среди нас в ожидании какого-то толчка, триггера, чтобы явить ее во всей силе. Мы все заражены вирусом безумия и зла, но только хрупкая психика становится жертвой болезни в полной мере... Я хочу, чтобы вы, доктор Косарек, опробовали свою теорию здесь, с нашими пациентами. У вас будет возможность проверить некоторые из ваших идей, но я требую тщательной документации и проверки результатов. Глаза мирового психиатрического сообщества устремлены на нас, и критический взгляд очень важен, если не сказать больше.

– Вы можете положиться на меня, – сказал Виктор.

– Если бы я не верил, что вы справитесь, вас бы здесь не было, – жесткий тон профессора Романека сопровождался улыбкой, как у деревенского врача. – Только мы с вами отвечаем за лечение психики наших пациентов. А как вы уже знаете, доктор Платнер занимается только вопросами общей медицины, включая здоровье персонала клиники.

– Так что, если вас настигнет похмелье, не стесняйтесь позвонить, – сказал Платнер, сердечно похлопав Виктора по плечу. Затем он перешел на немецкий: – Я рад, что вы присоединились к нам, герр Сенсеманн.

Платнер извинился и ушел. Как только за ним закрылась дверь, Романек в изумлении поднял бровь.

– Немецкая форма моей фамилии, – объяснил Виктор, улыбаясь. – Доктор Платнер, похоже, хочет восстановить мою родословную. Но я боюсь, что она не способна выдержать столь тщательной проверки.

Это была шутка, но Романек, похоже, не понял ее и нахмурился. На мгновение Виктор забеспокоился, что говорил с неуместным легкомыслием о его заместителе.

– Это непростой разговор, учитывая, что мы с вами едва знакомы, – сказал наконец профессор. – Но я бы настоятельно рекомендовал вам избегать любых политических дискуссий с

доктором Платнером. Я давно знаю Ганса, и мы долго оставались близкими друзьями. Не сомневаюсь, что он хороший человек, но он, как и многие другие богемские немцы, был огорчен проведением земельной реформы и ее последствиями. Результаты недавних выборов беспокоят меня – как бы мы не были охвачены тем же безумием, что охватило наших соседей. Иногда я думаю о том, что маленький австрийский капрал мог бы присоединиться к нам в качестве пациента номер семь.

– Вы думаете, нацисты в самом деле представляют угрозу для Чехословакии?

– Я думаю, что они представляют угрозу для всех, а мы ближе всего географически. Наш философ, Президент Освободитель^[8], с самого начала очень четко осознавал, какая опасность исходит от Гитлера. – Романек достал портсигар и предложил сигарету Виктору, тот взял одну. – Судето-немецкая партия – это просто нацисты в одежде данного региона. Энтузиазм доктора Платнера по поводу этой партии – проблема для меня. Я думаю, что будет лучше, если политика останется за пределами замка.

– Извините, профессор Романек, я не собирался обсуждать политику...

– О, не волнуйтесь, дорогой мальчик, – тучи миновали, лицо Романака прояснилось. – Знаю, что не собирались. И я не стал бы ничего говорить, но в эти трудные и странные времена невысказанное может представлять опасность. И поверьте, я искренен, когда говорю, что дорожу дружбой с доктором Платнером. Но мне как специалисту по болезням души трудно не поставить диагноз, когда я вижу заболевание как в его коллективной форме, так и в единичных случаях. Прошу прощения, если смутил вас своей откровенностью.

– Вовсе нет, профессор.

– Надеюсь, что нет. Вы представляетесь мне человеком, который осознает всю сложность положения нашей новой маленькой республики.

Виктор кивнул. Он знал, что не стоит тянуть за края одеяло недавно сотканной идентичности Чехословакии. Судетские немцы, как доктор Платнер и его заместитель Кракл, с их кичливой любовью ко всему германскому, панслависты, пылкие чехословацкие националисты, польские сепаратисты из Силезии, да даже Альфонс

Муха^[9] с его роскошно выписанными сюжетами и мифами о славянской чистоте, – ему было сложно представить, что они готовы побрататься.

Романек раздосадовано покачал головой:

– Ах, доктор Косарек, простите паранойю старика.

Он нажал кнопку звонка на столе, и через несколько секунд дверь позади Виктора открылась. Он обернулся и увидел высокую стройную женщину. На ней был строгий черный костюм, под пиджаком – бледно-голубая блузка. Темноволосая красавица с первого взгляда поразила Виктора.

Романек улыбнулся.

– Мисс Блохова, это доктор Виктор Косарек. Доктор Косарек, это мисс Блохова, наш главный администратор.

Виктор встал и пожал женщине руку. Ее рука была хрупкой и мягкой в его ладони; улыбка – скорее дежурной. Полнота ее губ была подчеркнута малиновой помадой. Умные карие глаза и роскошные чернильно-черные волосы. Женщина была невероятно привлекательна, но помимо возникшего влечения у Виктора возникло смутное чувство, что они уже встречались раньше.

– Вы ученик моего отца, – словно прочитав его мысли, сказала она.

– Вы дочь Джозепа Блоха? – озадаченно уточнил Виктор.

– Да, я Юдита Блохова. – Она еще раз улыбнулась, теперь более приветливо.

– Ваш отец был для меня источником вдохновения: он оказал на меня столь же большое влияние, как и доктор Юнг, – восторженно проговорил Виктор. – Я знал, что у профессора Блоха есть дочь, вы, кстати, на него очень похожи, но думал, что вы еще учитесь.

Ее умный взгляд вдруг потух, улыбка растаяла.

– Мне пришлось сделать перерыв в учебе. Но я рада, что работаю с профессором Романеком.

– Конечно, конечно, я тоже рад, что попал сюда. Это отличная возможность действительно научиться чему-то.

Повисла неловкая пауза, которую нарушил Романек.

– Мисс Блохова покажет вам оборудование для ваших сеансов. Я уверен, вы будете впечатлены: у нас есть новейшее звукозаписывающее устройство: магнитофон «AEG K1», прямо с

международной радиовыставки этого года в Берлине. Для записи в нем используется магнитная лента, – в голосе Романека звучала такая же гордость, как и у Платнера, когда он рассказывал о технических новинках в лазарете. – И, если это необходимо, мисс Блохова будет вашим секретарем и ассистентом.

Профессор подошел и положил руку Виктору на плечо.

– Но теперь, доктор Романек, – сказал он, улыбаясь, – вам пора войти в клетку со львами. Пора познакомиться с нашими пациентами...

Юдита Блохова с удивлением обнаружила, что ей очень понравился новый доктор. Но кое-что смущало ее: с первых же минут возникло странное чувство, что она была знакома с Косарекком раньше, причем не просто встречала его, скажем, на лекциях отца, а знала близко. Косарек, бесспорно, был привлекателен: высокий, приятные черты лица, широкие плечи... «Странно, – подумала она, – как быстро он освоился. В стенах *этого* замка он выглядит как дома». У нее это получилось не сразу, если получилось вообще.

В отличие от нее Виктор Косарек был человеком, у которого все в порядке с происхождением. И теперь он занимал должность, которая должна была бы достаться ей, если б учеба и все остальное шло по плану. Но все пошло не по плану. И при знакомстве с Косарекком сердце царапнуло. Но надо отдать ему должное, он сказал теплые слова о ее отце, к которому явно был привязан, как к своему бывшему наставнику.

«Я буду относиться к доктору Косареку с должной профессиональной вежливостью и уважением, но в остальном надо держать его на расстоянии вытянутой руки, – решила Юдита. – И да, сегодня вечером надо будет позвонить отцу и спросить, помнит ли он своего ученика».

С некоторых пор «расстояние вытянутой руки» для нее стало мерой во всех отношениях. Каждая новая встреча, без всяких исключений, должна быть проанализирована и оценена с точки зрения наличия или отсутствия явных или скрытых угроз. Еврейские корни никогда ранее не влияли на ее жизнь, но теперь этот факт стал омрачать взаимодействие со всеми вокруг. Всё и всех теперь нужно было рассматривать как потенциальную угрозу.

Здесь, в этом замке, угроз было более чем достаточно. Она пока ничего не знала о молодом докторе Косареке, но Платнер был нацистом, в какие бы одежды не рядился, а у нацистов не было и быть не могло никакого двойственного отношения к евреям. Ганс Платнер был вежлив с Юдитой, даже дружелюбен, ничто не выдавало в нем антисемитские воззрения, но они у него были, она знала это. С

Краклом, помощником Платнера, все было очевидно. Каждый раз, когда они сталкивались, его лицо выражало презрение. Стоило ему заговорить с ней, в его голосе слышалось усталое нетерпение, за которым сквозил холод, будто она была низшим во всех отношениях существом. Он терпел ее, как вынужденное неудобство, потому что был уверен – скоро все изменится.

Ирония заключалась в том, что Юдита всегда считала себя частью национального меньшинства: не еврейского, а немецко-чешского. Верхненемецкий диалект, а не идиш, на котором говорили некоторые пражские евреи, всегда был ее основным языком, по-чешски она говорила бегло, но не идеально. Не менее горькая ирония заключалась и в том, что по-немецки она все-таки говорила с чешским акцентом. Она, как и ее отец, да и вся ее семья, отождествляла себя с немецко-чешским народом, а немецкую культуру считала своей. Внезапно все это у нее отняли. То, что казалось богатым и разнообразным наследием, внезапно стало безжизненным. О, бесконечно изменчивая идентичность!

Юдиту мучили кошмары. Всепоглощающий ужас охватывал ее, ее семью и весь ее род, и она просыпалась в поту.

Каждый раз в разговорах с ней отец старался успокоить ее, призывал не заикливаться на темных мыслях, напоминал об опасности такого состояния. А она пыталась заставить его поверить, что ее страхи вполне обоснованы, что мир уже не такой, каким был раньше, и охватившие ее тревоги и подозрения отнюдь не иррациональны. Наоборот, ее страхи были разумными и объяснимыми.

Была еще одна важная деталь в их разговорах с отцом: успокаивая ее, он старательно избегал одного факта, да и она не упоминала об этом.

Нервный срыв. Ее нервный срыв.

Психическое расстройство настигло Юдиту Блохову во время учебы. Оно было связано с воображаемыми угрозами, которых на самом деле не было. Она излечилась, но это чертово расстройство навсегда разрушило ее репутацию. Так что теперь, когда угрозы стали реальными, никто не прислушивался к ее предупреждениям.

Казалось, все вдруг ослепли и не видят того, что так очевидно. Все чувствовали, как в обществе постепенно накапливается жестокость, но не понимали, что эта жестокость переросла в

запредельную злобу. Совсем как дети – видят облака, но не могут предсказать шторм.

Газеты кричали о подробностях Нюрнбергских расовых законов, принятых немцами месяц назад, в сентябре 1935 года, запрещающих все отношения между евреями и не евреями. Для евреев вводились ограничения на образование, род занятий и социальные взаимодействия. Юдиту расстраивало, что она не смогла убедить своего отца в том, что в этом медленном и необратимом разделении человечества на евреев и не евреев кроется неминуемая опасность для представителей ее национальности.

Учитывая все это, Юдита Блохова оценивала каждого нового человека на своем пути как потенциальную угрозу. Но Косарек ей понравился с первого взгляда, да и он не стал скрывать, что она ему нравится. Разве это не значит, что он не заражен общим безумием?

Сегодня вечером. Сегодня вечером она спросит у отца о Косареке, когда позвонит ему.

Они потратили два часа на изучение личных дел шести пациентов. У профессора Романека был странно тусклый голос, а тон – успокаивающий, который, должно быть, хорошо помогал ему при работе с пациентами. Но когда он читал и комментировал истории болезней, это имело странный эффект: каждый клинический случай в его устах казался темной сказкой. Учитывая ужасающие, почти сюрреалистические детали, было легко поверить, что подобное могло существовать только в фантазии автора или в народных сказаниях, которым новые поколения добавляли свои краски.

Виктор так и сказал профессору:

– У вас это звучит как фольклорное повествование. Я понимаю, что это нечто иное, но как юнгианец я все же склонен видеть связь между фольклором и бессознательным. Мифология – коллективное бессознательное человечества, культуры. Вся моя теория дьявольского аспекта основана на этом. Ну, вы знаете, я писал об этом в своих статьях.

Романек задумчиво кивнул.

– Хорошее замечание, коллега. Я и не обращал внимания, что придаю поэтические нотки кошмарным историям этих людей. И если я так сделал, то это крайне неправильно с моей стороны: нет ничего более прозаического, чем психотическое насилие. Но должен признать, что я часто думал о том, насколько креативны мы, чехи. Среди нашего народа более высокий уровень психических расстройств, но у нас и большее количество музыкантов, художников, литераторов, чем у любого из соседей в Европе. Я считаю, что это во многом связано с глубиной нашей культуры и продолжительностью нашей истории. Может быть, у нас и более глубокое культурное бессознательное.

Романек встал, подошел к окну и посмотрел на залитый лунным светом лес.

– Я часто думаю, что есть причина, по которой мы сейчас с вами здесь, именно в этом замке. Мы живем на древней земле, и более древнего места, чем это, в округе не найти. Предки людей, которые живут внизу, в деревне, тоже здесь жили, их род уходит своими корнями в самые древние времена. Пусть я высокопарно выражаюсь, но здесь смешалась кровь матерей и отцов Европы. Эта земля была заселена задолго до кельтов, до германских севов и задолго до славянских чехов. Верите или нет, история нашей маленькой деревни уходит в глубь веков на семь тысяч лет.

– Я слышал об этом, – кивнул Виктор. – По дороге сюда мне довелось познакомиться с одним немецким археологом, который рассказал мне многое о неолитической постройке, на которой был возведен замок. Он сказал, что под замком расположена сеть пещер...

– Вполне вероятно, но даже если эти пещеры действительно существуют, – а в это верят местные жители, – у нас нет доступа к ним из замка.

Романек подошел к шкафу в углу кабинета, достал два тонких бокала, поставил их на стол и наполнил вишневым бренди из графина.

– Семь тысячелетий коллективного культурного бессознательного и наша маленькая крепость в центре – отличные условия для того, чтобы заниматься изучением поврежденных умов. – Романек сел за стол, закрыл последнюю папку и поднял бокал. – За вас, мой юный друг. Теперь, когда вы услышали шесть страшных сказок, вы сожалеете о том, что приехали сюда? Знаете, у вас еще есть шанс успеть на последний поезд до Праги.

– Я не стал покупать обратный билет, – улыбнулся Виктор и поднял свой бокал. – В Бохнице мне приходилось иметь дело с ярко выраженными психозами. Возможно, те случаи не столь сложны, как у пациентов замка, но я знал, что меня ждет, когда согласился на предложенную должность.

Романек улыбнулся.

– Тогда давайте выпьем и пойдем познакомимся с первым пациентом.

II

Капитан Лукаш Смолак был человеком рассудительным. Он никогда не спешил осуждать кого-либо или сходу навешивать ярлык – он считал, что нужно время, чтобы оценить человека. В своей карьере он часто видел, как его коллеги слишком поспешно делали выводы, а затем, проводя расследование, буквально притягивали факты за уши. Это был не его случай, он всегда проявлял большую осторожность и всегда находил время, чтобы, сопоставив факты, заглянуть за пределы очевидного.

Но в этот раз... Вина тщедушного человечка была настолько очевидной, что трудно было ее оспорить.

В комнате для допросов стоял письменный стол, к которому был привинчен дубовый стул, и вся эта конструкция, в свою очередь, была надежно прикреплена к полу. Связанный Тобар Бихари сидел на стуле. Двое полицейских стояли справа и слева от него. Кители полицейских висели на настенной вешалке, рукава рубашек закатаны выше локтей. Результат интенсивного допроса был очевиден.

Смолак вошел в комнату и сел за стол с другой стороны. Полицейские вытянулись в приветствии. Перед допросом Смолак внимательно прочитал досье, так что он был готов. Но прежде чем задавать вопросы, он взглянул на задержанного.

Тобар Бихари – невысокого роста, астенического телосложения. Он носил костюм, который был ему немного большеват, и это несмотря на амбиции портного. Крой выглядел модно, но костюм был сшит из дешевого материала. Многие сказали бы, что и сам Тобар Бихари сделан из дешевого материала, это бросалось в глаза.

Взъерошенные волосы были угольно-черными, кожа смуглая, будто хранила в себе память о далеком солнце, далеком континенте и далеком времени.

Тобар был цыганом. Одного этого факта хватило бы, чтобы убедить большинство полицейских от Пльзеня до Кошице в том, что он виновен.

Но Смолак знал, что предрассудки есть самый быстрый путь к ошибке. Огромное количество камер в тюрьмах Панкраца и Рузине^[10] были заполнены смуглолицыми людьми, а настоящие белокожие преступники разгуливали на свободе.

Но тут национальность была ни при чем, Бихари был виновен.

На лице Тобара Бихари блуждала легкомысленная улыбка, и это несмотря на то, что одна щека была разбита и глаз начал пухнуть. Смолак не одобрял дурного обращения с задержанными, но ничего не сказал своим коллегам. Их можно было понять: Бихари ранил одного полицейского, а другому угрожал ножом, и в таких случаях с задержанными не церемонятся. Что заслужил, то и получил.

Смолак уже не раз арестовывал Бихари. И каждый раз, виновен он или нет, Тобар вел себя так же дерзко, и никакие методы допросов не могли сбить с него эту спесь.

У Смолака не было сомнений, что цыган лжив и коварен; тем не менее он отдавал должное стойкости Бихари. Там, где другие видели только лукавство, Смолак видел острый ум. По его мнению, если бы Бихари довелось пожить жизнью, свободной от угнетения и предрассудков, свободной от ужасающей нищеты, которая выпала на его долю, он мог бы стать стоящим человеком.

Но сегодня Тобар Бихари вел себя по-другому. Его обычная уверенность куда-то испарилась. И дело тут не в том, что над ним поработали полицейские, и даже не в том, что за преступление, которое ему вменялось, наказание было одно – виселица.

Нет, что-то другое сломило волю цыгана.

– Дальше сам разберусь... – Смолак кивнул на дверь, и полицейские, забрав свои кители, вышли.

– У тебя проблемы, Тобар, – сказал Смолак, оставшись наедине с задержанным. – И они совсем не такие, как раньше. Ты же понимаешь, о чем я, да?

Бихари сверкнул на детектива темными глазами. В его взгляде читалось что-то похожее на доверие.

– Я все знаю о своих проблемах, начальник. И я, конечно же, знаю, что я влип. Но я влип не потому, что сижу здесь, есть вещи и пострашнее.

– Что ты имеешь в виду?

– Вам не понять, – с горечью мотнул головой цыган. – Вы не видели...

– Не видел что?

– Не могу сказать, – Бихари нахмурился. – А где Цора? Вы позволили ей уйти?

– Она у нас, – ответил Смолак. Женщину, которая была с Тобаром в момент задержания и которая подставила подножку полицейскому, звали Цора Мирга. – К ней тоже есть пара вопросов.

– Она тут ни при чем. Она ничего не знает.

– Тогда ей нечего бояться, Тобар, поговорим и отпустим ее с миром.

Как и Бихари, Цора Мирга была цыганкой. Разглядев женщину при ярком свете в участке, Смолак был поражен ее роковой красотой. На ней было тесно облегающее фигуру темно-синее платье, и внешность ее не мог исказить даже такой изъян, как уродливый ортопедический ботинок на левой ноге.

– Но, видишь ли, она чинила препятствия твоему аресту, – добавил детектив.

– Она калека. Почему бы вам не оставить ее в покое?

– А что у нее с ногой?

– Ее беременная мать случайно перешагнула через могилу. Из-за этого дочь родилась косолапой.

– Это суеверие, Тобар.

– Это то, во что верят люди. – Цыган странно и горько усмехнулся. – Они также верят, что дьявол не тронет Цору из-за ее косолапости. А если он попытается идти по ее следам, то ему не удастся определить, в каком направлении она пошла.

– Прекрасно, но меня интересуют твои следы. По ним мы и вышли на тебя. – Смолак посмотрел на допрашиваемого долгим взглядом. – Зачем ты это сделал, Тобар?

– Что сделал? Я ничего не делал, но вы мне никогда не поверите. – Сказано это было без тени враждебности, спокойным, ровным тоном.

Смолак вздохнул.

– Ладно, Тобар, я понимаю, что ты не убивал ее, убийства не по твоей части, кому, как не мне, это знать. Но вдруг она помешала тебе, когда ты вломился в ее квартиру, намереваясь что-нибудь украсть? Могу предположить, что ты потерял контроль над собой, а дальше все развивалось не по плохому, а по худшему сценарию. Она начала кричать или даже попыталась удержать тебя, пока не придет помощь. В такой ситуации все может случиться. Кровь ударяет в голову, ты пытаешься заставить ее замолчать, она кричит, ты не рассчитываешь силу удара, и все, она мертва. Не успел ты опомниться, как простая кража со взломом превращается в убийство. Ну или в непредумышленное убийство. Вот это я могу понять. Издержки твоих занятий, можно и так сказать. – Смолак заиграл желваками. – Но то, что ты сделал с этой женщиной, понять невозможно. Не могу поверить, что ты убил ее, как корову на бойне, а затем погрузил руки в ее живот и вытащил внутренности. Это выше моего понимания.

– Я этого не делал. – Голос Бихари был по-прежнему ровным. Он зажмурил глаза, как будто пытался спрятаться от чего-то. – Не делал.

Смолак и раньше слышал, как Бихари отрицает свою причастность к тому или иному преступлению. Но сейчас он совершенно точно мог сказать, что цыгану наплевать, поверят ему или нет. И это очень беспокоило Смолака. Тут определенно что-то не сходилось.

– Ты узнаешь это? – спросил он, положив на стол маленькую стеклянную бусину, которую нашел на месте преступления. Цыган напряг зрение, чтобы разглядеть ее.

– Что это?

Смолак взял бусину со стола и подошел к задержанному. Он держал ее, перекатывая кончиками пальцев, перед самым лицом Бихари.

– Я никогда раньше этого не видел, – голос цыгана не дрогнул.

– Ты обронил это на месте преступления. Никто не обратил внимания. Я тоже чуть было не упустил из виду, но мне повезло. Могу поспорить, что во время обыска среди твоих вещей мы найдем

подобные. Даже одна крошечная стеклянная бусина, такая же, как эта, будет достаточным доказательством, чтобы повесить тебя.

– Вы все равно меня повесите, – сухо ответил цыган.

– Чем тебя так вдохновил лондонский потрошитель, Тобар? На кой черт венгерскому цыгану в Чехословакии знать об убийствах в Англии пятидесятилетней давности?!

Бихари прищурился и покачал головой.

– Что, черт возьми, ты несешь?

– Как я понял, Джек Потрошитель – твой идейный вдохновитель, да?

Бихари посмотрел на него в полном недоумении.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

И снова Смолак увидел, что цыгану абсолютно все равно, верят ему или нет. Он вздохнул и вернулся за стол.

– Хорошо, давай поговорим прямо: почему ты убил Марию Леманн, Тобар? Давай покончим с этим быстро. Ты ведь не горишь желанием продолжить неприятное общение с этими молодчиками в полицейской форме? Они далеко не ушли, ждут своей минуты в коридоре. Зачем тебе это? Просто сознайся мне, что ты ее убил, расскажи, почему ты ее убил и почему ты убил всех остальных женщин. Может быть, удастся признать тебя сумасшедшим, и тебя отправят в лечебницу. Это лучше, чем виселица.

Бихари взглянул на Смолака. В его пустых глазах читалось: «Повесьте меня. Я хочу, чтобы вы меня повесили».

– Ты что, правда хочешь, чтобы тебя повесили? – ужаснулся Смолак. – Но почему?

– Потому что я не могу с этим жить. Я хочу освободиться от этого. Я хочу, чтобы наступила тьма, ничто, вместо этих картинок в моей голове, которые возникают снова и снова.

– Понимаю, – кивнул детектив, хотя на самом деле он ничего не понял. – Должно быть, это не просто – творить кошмары своими руками. Послушай, расскажи мне все с самого начала. Может быть, это поможет тебе.

– А что я могу тебе рассказать? Я не убивал ее. Я не убивал эту женщину, и вообще никого не убивал. Убийство я бы еще смог пережить, – цыган засмеялся, но в этом смехе звучала горечь, – но я не могу жить с тем, что я пережил. *Он* владеет мной, и я знаю, что он

придет за мной однажды. И если это... – Тобар кивнул на стеклянную бусину в руке Смолака, – если это принадлежит *ему*, то он придет за ней. А так как ты нашел ее, он придет и за тобой тоже.

– Кто, Тобар? Кто придет? О ком ты говоришь?

В этот момент Смолак увидел нечто, чего никогда раньше не видел: Тобар Бихари начал плакать.

– Я видел его. Я видел его, и он видел меня. Он заставил меня смотреть.

– Кто, Тобар? Кто?

– Бэнг. Это был Бэнг. Бэнг убил ее и заставил меня смотреть, что он делает с ее телом.

– Кто такой Бэнг, Тобар? Он из вашей банды? Он твой поделщик? Ты с ним совершил эту кражу со взломом?

Бихари покачал головой.

– Бэнг не человек. Разве это не понятно? Бэнг – так в моем народе называют самого страшного из темных демонов. Бэнг – это цыганское имя дьявола.

Смолак выдержал паузу, ему надо было подумать над тем, что сказал Бихари. «Цыган сошел с ума, – резюмировал он. – Дьявол совершил злодеяние в Прагер Кляйнзейте, но этот дьявол был частью Бихари, и ему не хватает сил признать, что это он сам». Про себя он разразился проклятиями: убийц-сумасшедших обрабатывать сложнее всего. Придется подготовить огромное количество документов: психиатрические заключения, противоречивые мнения экспертов о вменяемости, бумаги по статистическому учету...

Было бы гораздо проще, если бы ему удалось выбить чистосердечное признание.

– Ты говоришь, что видел, как кто-то убил Марию Леманн? – Смолак положив маленькую стеклянную бусину на стол перед собой. – То есть ты был там, но ты не убивал ее? Просто сидел и смотрел, как некто убивает и расчленяет женщину?

Тобар Бихари, накрепко привязанный к своему стулу, во все глаза уставился на Смолака, его зрачки расширились от ужаса. Казалось, он видел кого-то еще, и этот кто-то делает ему знаки.

– Это был Бэнг! – закричал он. – Я видел, как Бэнг проделывал все это с ней! Это был Бэнг, он заставил меня смотреть! – Тело его сотрясала дрожь.

Смолак знал, что Тобар Бихари не врет.

– Хорошо, Тобар, – тихо сказал он. – Почему бы тебе не рассказать мне всю историю с самого начала? Чистую правду, все, что ты делал и видел. Начни с самого начала и ничего не пропусти.

Профессор Романек был в своем репертуаре: каждому пациенту он дал прозвище, которое использовал для заголовка истории болезни. Первой из «дьявольской шестерки», с кем предстояло познакомиться Виктору, стала Вегетарианка.

Комната, в которой обитала Хедвика Валентова, была именно такой, как описывал ее Платнер: она больше напоминала гостиничный номер, чем больничную палату. На стенах в гостиной висели спокойные пейзажи; удобное кресло, диван и журнальный столик. Виктор обратил внимание на бюро у окна: красивая вещица, но ни бумаги, ни письменных принадлежностей он не заметил. На окне – крепкие решетки, но вид открывался умиротворяющий: среди деревьев вдали просматривалась типичная для среднечешской равнины деревня. Спальня была в другой комнате, и, конечно же, имелась ванная.

Присмотревшись внимательнее, Виктор заметил, что картины были *приклеены* к стенам, а не висели на них, а каждый предмет мебели накрепко привинчен болтами к полу. Даже оконное стекло было усилено мелкой стальной сеткой, чтобы не разбилось вдребезги при ударе. Ни малейшего шанса сделать орудие для того, чтобы нанести увечья персоналу.

В этом интерьере обитательница палаты выглядела более чем странно. Внешне безумие может никак не проявлять себя, и не существует такого понятия, как «типичный сумасшедший». Но Виктор был поражен, насколько Хедвика Валентова не производила впечатление умалишенной.

Очень худая скромная женщина лет сорока на вид. Встретив такую на улице, вы не обратите на нее внимания. В безупречно выглаженной юбке и блузке, в трикотажном кардигане, она напоминала школьную учительницу. У нее были впалые щеки и уставшие глаза. Виктор знал, что она вегетарианка – об этом сказал

профессор Романек, добавив, что специфическое отношение госпожи Валентовой к еде доставляет много хлопот персоналу клиники.

Хедвика Валентова сидела с прямой спиной на самом краю дивана. В этой нелепой позе она напоминала птицу. Она мельком взглянула на вошедших, затем опустила глаза и уставилась в пол, ее руки нервно ерзали на коленях. Невозможно было поверить, что эта ничем не примечательная хрупкая женщина – одна из «дьявольской шестерки».

Профессор Романек представил Виктора и объяснил, что с этого момента он будет лечащим врачом госпожи.

– А что случилось с доктором Славомиром? – спросила она тихим-тихим голосом.

– Доктор Славомир больше не работает у нас, – объяснил Романек. – Возможно, вы вспомните об этом. О вас позаботится доктор Косарек. Уверяю вас, он один из самых ярких молодых врачей Чехословакии.

– Я с нетерпением жду момента, когда мы с вами начнем курс лечения, – Виктор решил, что настало его время вступить в разговор. – Я разработал метод, который поможет разобраться в ваших проблемах, – продолжил он и коротко объяснил суть своей гипнотической терапии на основе седативных средств. Когда он закончил, госпожа Валентова все так же сидела, уставившись в пол. Вдруг она взглянула на Романека, и на ее шее и щеках вспыхнули пятна румянца.

– Мне бы хотелось пожаловаться, – сказала она, еще больше покраснев. Казалось, что она стесняется, но промолчать было выше ее сил.

– Вас не устраивает лечение, которое предложил доктор Косарек? – спросил Романек.

– Меня это не волнует, – ответила женщина, снова опуская глаза. – Я не нуждаюсь в лечении, я прекрасно себя чувствую. Единственное, что меня беспокоит, это дурное настроение, связанное с тем, что меня кормят ядами из плоти. Если бы меня кормили должным образом или если бы я могла сама готовить для себя, мое настроение улучшилось бы. Вас ведь беспокоит мое настроение, не так ли?

– Как же так, госпожа Валентова? – раздраженно переспросил Романек. – Мы делаем все возможное, чтобы ваш рацион был самым

лучшим...

– Жир, – перебила она профессора.

– Что, простите?

– Нет смысла держать меня на вегетарианской диете, если овощи готовят на животном жире. Это отвратительно. Сегодня мне пришлось дважды опустошить желудок, чтобы избавиться от него.

– Я распорядюсь, чтобы это исправили, – сказал Романек, совладав с раздражением. Он встал. – Ну, я должен представить доктора Косарека другим его пациентам.

– С нетерпением жду следующей беседы с вами, – вежливо поклонился Виктор.

Госпожа Валентова проигнорировала его.

– Боюсь, вы не сможете работать с этой пациенткой, – сказал Романек, стоило им выйти из палаты.

Им вернули личные вещи – ручки, карандаши, монеты и другие мелкие предметы, которые они положили на металлические подносы перед тем, как зайти в палату к Валентовой.

– Это действительно необходимо? – спросил Виктор. – Мне нужно каждый раз сдавать все, чтобы зайти к ней? На вид она не представляет особой угрозы.

Профессор Романек повернулся к Виктору. Лицо его было непривычно суровым.

– Боюсь, мой дорогой доктор Косарек, вы рискуете сделать тот же неверный вывод, что и ваш предшественник. Никогда не входите в эту палату с чем-либо, что можно использовать в качестве оружия.

– Так это она ударила Славомира карандашом?

Романек кивнул.

– Ей показалось, что он похотливо посмотрел на нее. «С плотским желанием», как она выразилась. Взгляд молодого врача оскорбил ее, поэтому она так поступила.

– Глаз не восстановить?

– Боюсь, что нет. К тому времени, как санитары прибежали на крики доктора Славомира, наша вегетарианка, госпожа Валентова, уже проглотила его.

– У меня возникла идея. – Тобар Бихари сделал паузу, затем его глаза загорелись осознанием. – Нет, не так все было! Я вспомнил – мне подкинули эту идею. Шикарный способ разжиться деньгами с минимальными рисками. Теперь-то я понимаю, это был *он*! Мне до сих пор не приходило это в голову – и правда, это именно Бэнг подкинул мне эту идею! В ту ночь он вышел из тени и вложил эти мысли в мою бедную голову! О боже, это был он все это время!

– Успокойся, Тобар. Сделай глубокий вдох, – сказал Смолак, надо было остановить этот бред. – Какая идея? И чья это была идея?

Бихари потребовалось время, чтобы успокоиться, но все равно чувствовалось, как страх электрическими искрами пронизывает все тело этого маленького человечка.

– Ну, я был в одной пивной во Вршовице, в местечке для скопчачков^[11] – для немцев, ну знаете? Хозяин выставил меня на улицу, как только заподозрил, что я цыган. Он сказал, что не хочет, чтобы в его заведении ошивались такие подонки, как я. Он там большая шишка, и его окружали здоровые такие молодчики, которым только скажи «фас». Ну, я и ушел, а когда оказался на улице, какой-то парень появился прямо из тени. Я готов был уже врезать ему, но он вдруг начал говорить, что, мол, слышал, что произошло, и что я не должен позволять этой немчуре разговаривать со мной так. Что я должен проучить их как следует. Я вот теперь думаю, а чего этот парень сидел в немецкой пивной, если так ненавидит скопчачков? Короче, он сказал, что видел, как меня выгнали, и вышел за мной, потому что ему показалось, что он меня знает, но никак не может вспомнить, откуда. Мы разговорились, и он просек, чем я занимаюсь. Сказал, что у него на примете есть кое-что с большим кушем. Намекнул, что он тоже при делах. Но вообще-то он не был похож ни на карманника, ни на сутенера, и вряд ли я когда-либо его встречал.

– Как он выглядел?

– Он был высокого роста, это все, что я могу сказать наверняка. Одет в длинное черное пальто, которое выглядело слишком большим для него. На улице было темно, да и шляпа у него сползла на глаза, поэтому лица я особо не разглядел. Но мне показалось, что ему стоило бы принять ванну и побриться. Одет он был хорошо, но выглядел так, будто спал не раздеваясь.

– Он назвал свое имя?

– Может быть... – Бихари нахмурился. – Не могу вспомнить. О боже, о боже, это был он, это был Бэнг... Я должен был понять это, как он только явился из тени.

– Сохраняй спокойствие, Тобар. Повтори мне, что он сказал.

– Он сказал, что понял обо мне все. Что я кретин, если рискую ради небольшой прибыли. «Неважно, насколько ты хорош в своем деле, – сказал он. – Тебе повезет пару раз за день, но потом тебя все равно схватит полиция». Еще он сказал, что лучше работать в толпе – быстрее можно испариться и наметить следующую цель. А потом он и подкинул эту идею. Сказал, что если я набил руку на карманных кражах, то пора уж переходить на квартиры. «Вот если бы я был таким же искусным карманником, я бы насквозь видел, где и что у кого лежит», – сказал он. Его гениальная идея заключалась в том, чтобы не тырить кошельки и ценности. Вместо этого нужно вытаскивать ключи. Если у вас вдруг пропали ключи, но кошелек и ценные вещи на месте, вам и в голову не придет, что вас ограбили. Люди считают, что любой вор вытащит деньги, но не ключи. «Нет, – подумает обыватель, – меня никто не грабил, я просто потерял ключи».

– Ну, так думают, пока квартиру не ограбят, – кивнул Смолак.

– Наверное, так и думают. Короче, он сказал, что, завладев ключами, нужно незаметно проводить жертву до дома, чтобы увидеть, где она живет, подождать до ночи или когда хозяева квартиры уйдут, и потом приступить к делу.

– Значит, ты последовал совету этого совершенно незнакомого тебе человека? – уточнил Смолак. Он не верил ни единому слову, но его беспокоило, что Бихари, как казалось, искренне был убежден в правдивости того, что говорит.

Бихари кивнул.

– Я решил побродить по Малостранской площади в торговый день, когда на рынке полно богатых немцев.

– Твоей целью были чешские немцы? Почему? Ты что-то имеешь против них?

– Нет... – Бихари медленно покачал темной головой. – Нет, мне, в общем-то, все равно. Просто-напросто они богаче, по крайней мере, большинство из них. У них есть чем поживиться. Во всяком случае, когда на площади разворачивается рынок, там всегда толпа. Люди снуют, натываются друг на друга – просто идеальные условия для

карманника. В базарные дни я терся среди покупателей и даже прикупал кое-что, и все время искал подходящую дамочку, ну, понятно, побогаче на вид. А выбрав, подходил поближе и вытаскивал ключи. Затем ждал, когда она покинет рынок, и шел за ней к дому. Дожидался, когда хозяйева уснут, открывал двери и начинал работать. Так я обокрал не менее полдюжины квартир. И каждый раз удачно. Все было проще простого.

– И точно так же ты оказался в квартире Марии Леманн?

– Я увидел ее на рынке в Мала-Страна. По тому, как она была одета, было понятно: у нее есть что прибрать к рукам. Кольца на руке у нее не было, и я решил, что она живет одна. Дамочка зашла в овощную лавку, и, пока она выбирала товар получше, ее сумочка была открытой, так что мне ничего не стоило незаметно вытащить ключи. Там было еще что прихватить, но я взял только ключи. Затем походил за ней по рынку, а когда она привела меня к своему дому, я понял, что не прогадал, – на улице Снемовни живут обеспеченные люди.

Я следил за ней, посмеиваясь про себя, пока она искала ключи, чтобы зайти. Она даже огляделась, чтобы проверить, не обронила ли их неподалеку. В конце концов она нажала на звонок, и ее впустил сторож. Все это время я стоял вне поля ее зрения, на другой стороне улицы, и осторожно наблюдал.

Ну ладно, она смогла зайти в подъезд, но было еще кое-что: ключа от квартиры у нее тоже не было. Был еще вопрос, вызовет ли она слесаря. Если б позвала, мне бы пришлось сдать: от раздобытого ключа никакого толку, коль замок сменят. Но я рассчитывал на то, что у сторожа всегда есть запасные ключи от всех квартир. Я ждал час, потом другой. И приз стоил ожидания.

– Приз? – прервал Смолак. – Ты имеешь в виду эту женщину? Она была твоим призом?

– Женщина? – Бихари нахмурился и, казалось, смутился. – Мне она была совсем не интересна. Это не по моей части, но могу точно сказать, что дамочка эта была богатой немецкой сукой, и меня интересовали ее вещички, но не она сама.

– Если так, то почему ты ничего не украл? За исключением, может быть, вещицы, связанной вот с этим... – Он указал на маленькую стеклянную бусину на столе.

– Я же сказал, я эту бусину никогда раньше не видел. И я ничего не взял из квартиры, потому что там был *он*.

– Ты имеешь в виду Бэнга? Твоего цыганского дьявола?

– Можешь думать что хочешь, но он был Бэнгом, и он – дьявол. Ни в одном человеке не уместится столько зла. Ни один человек не проделает такое с другим человеком. Ты полагаешь, что я сошел с ума, или что я все это придумал на ходу, но это правда. Правда, твою ж мать. И я теперь понял, что это он, дьявол, был той ночью возле пивной во Вршовице. Он выбрал меня.

– Давай рассказывай дальше. Расскажи мне все, что ты помнишь.

– Я ждал до двенадцати, может быть, даже до часу ночи. Прошло полчаса с того момента, как все огни в доме погасли, и я решил – пора. На мое счастье, дамочка подходила к окну, и я точно знал, куда мне идти. Квартирка у нее оказалась двухуровневая. Обычно все самое ценное хранят в спальне, но я начал с комнат внизу – рискованно входить в спальню, где кто-то спит. Я рассчитывал, что и так хорошо поживлюсь, не слишком рискуя. Понимаете, секрет не в том, чтобы унести все, а в том, чтобы уцелеть, – жадность многих сгубила.

Я принес с собой небольшой чемоданчик. Я всегда беру его с собой на дело. В него не так много влезает, но по мне – в самый раз. Представь, как бы это выглядело со стороны: посреди ночи фраерок тащит по улице огромный неподъемный чемодан... Да вся пражская полиция слетится, как мухи на дерьмо. Короче, к делу нужно подходить, как к сбору фруктов: даже если все плоды хороши, выбирай самые лучшие. Но было еще кое-что. Мне хотелось побыстрее выбраться оттуда. Как только я зашел в эту квартирку, у меня появилось очень плохое предчувствие.

– Что за предчувствие?

– Что там был еще кто-то. Я кожей чувствовал. Как ты понимаешь, работаю я в темноте, при мне только слабый фонарик, и нервы, бывает, подшучивают над тобой: тени, тени... кажется, что кто-то затаился в углу, и сердце прыгает в пятки. Но там... не знаю, тени по правде двигались, и у меня было такое чувство, будто за мной кто-то наблюдает, аж мурашки побежали.

Однако ж надо было шевелиться. В гостиной я открыл бюро и понял, что выиграл джек-пот. Наличные. Никакие чертовы скупщики краденого не нужны, если повезет наткнуться на такую кучу налички.

Там была толстая пачка сотенных купюр, пять сотен одной бумажкой и даже несколько банкнот в тысячу крон. Как только я их увидел, то понял, что мне больше не нужно ничего брать. Это был мой лучший улов за всю жизнь.

– Но наличные лежали в бюро, когда тело было найдено. Почему ты не взял их?

Стоило Смолаку задать этот вопрос, как по всему тщедушному телу цыгана снова пробежал электрический разряд дикого страха. Страх был настолько силен и заразителен, что у детектива поднялись волоски на руках.

– Мне показалось, что одна из теней шевельнулась, и я очень быстро обернулся. Он был там. Он просто стоял там, в темноте, как будто он и есть тень, и следил за мной.

– Опиши его мне.

– Это был Бэнг. – Бихари снова начало трясти. – Как можно описать дьявола?

Лукаш Смолак встал, вынул сигарету из пачки и дал прикурить цыгану. Тобар жадно затянулся табачным дымом. Поскольку цыган был привязан к стулу и не мог держать сигарету, процесс курения требовал от него некоторой концентрации: пришлось откидывать голову назад, чтобы дым не попадал в глаза. Это возымело тот эффект, которого добивался Смолак: Бихари расслабился и отвлекся от своих страхов.

Докурив, цыган кивнул детективу, чтобы тот забрал окурок; тело еще потряхивало, но уже не так сильно.

– Послушай, Тобар, – продолжил Смолак, присаживаясь на край стола. – Я не знаю, кого ты видел на самом деле, но это точно не дьявол. Если в квартире действительно кто-то был, лучший способ спасти свою шею от веревки – описать его.

Бихари кивнул.

– Он был высокого роста. Я не мог разглядеть его одежду, потому что на нем был кожаный фартук и кожаные рукавицы до локтя. Фартук и рукавицы в пятнах, некоторые пятна были темнее других. Одни –

черно-коричневые, другие – красно-коричневые. Было видно, что это пятна крови, ввевшейся в кожу. Я чувствовал его запах: от него пахло засохшей кровью и смертью.

– Его лицо, Тобар. Опиши его лицо.

Цыгана вновь затрясло. На этот раз еще сильнее. По смуглой щеке пробежала слеза. Голос его превратился в жуткий шепот:

– Его лицо... Его лицо было лицом дьявола. Господи, помоги мне! Боже милостивый, помоги мне!

– Как он выглядел? – настойчиво повторил Смолак.

– Я же сказал! Это было лицо дьявола. Вытянутое темно-серое лицо с кошмарной усмешкой. Острые зубы, черные рога. Совсем как маски, которые немцы носят в ночь перед Рождеством.

– Перхтенмаскен?^[12]

– Да, они, – подтвердил Бихари. – Как Крампус^[13].

– Так он был в маске?

– В маске? – Бихари нахмурился. – Не знаю, может быть, это была и маска. Но я думаю, что это было его лицо.

– И что же случилось потом?

– Я замер, окаменел от страха. Попытался закричать, но ничего не вышло. Хотел убежать, но не смог даже шелохнуться. Он подошел ближе. Вышел из тени, но это было так, будто он сам и есть тень, и эта тень надвинулась на меня. Из-под фартука он вытащил нож, большой длинный нож, похожий на тот, который используют для разделки туш. Потом он схватил меня за горло. У него были длинные, очень тонкие и очень холодные пальцы, как будто это просто кости, без живой плоти. Он сжимал мое горло так крепко, что я начал задыхаться. Все же мне удалось в какой-то момент глотнуть немного воздуха: пахло давно запекшейся кровью, смертью – запах исходил от его кожаных перчаток и фартука. Он заглянул мне в глаза. Его взгляд пронизывал насквозь: он видел всего меня, мою суть. – Бихари остановился, пытаясь собраться с силами, руки его тряслись. – Острие ножа он воткнул мне в щеку, чуть пониже глаза. Я почувствовал, что кровь стекает к подбородку, как слезы. Он сказал, что был бы не прочь забрать мои глаза на память... Сказал, что у него уже неплохая коллекция глаз.

– Что случилось потом?

– Он отпустил меня и сказал, что сохранит мне глаза, чтобы я увидел нечто особенное, то, что запомню навсегда. Что я должен стать

свидетелем чего-то важного... Что есть важное дело, за ходом которого я должен наблюдать. Мы пошли к спальне, туда, где была та женщина.

– Так ты просто пошел с ним?

– Вы не понимаете.

– Возможно, Тобар, возможно, не понимаю. Расскажи, что произошло потом.

– Вы и так знаете, вы видели, что он сделал с этой женщиной. – Голова цыгана безвольно повисла, плечи его сотрясались, он рыдал как дитя.

– Значит, ты утверждаешь, что убийца – не ты, а человек в маске дьявола? – уточнил Смолак. – Но при этом ты признаешь, что украл ключи у Марии Леманн, чтобы проникнуть в ее квартиру. Но, видишь ли, у нас нет никаких доказательств того, что кто-то еще находился в квартире, – мы нашли только твои «пальчики», никаких других там не обнаружено.

– Перчатки. Он заставил меня снять перчатки. Он заставил меня прикасаться к вещам в квартире. Он заставил меня встать у кровати и прикасаться к ней...

– Женщина, Мария Леманн, она была жива в этот момент?

– Она спала...

– Продолжай, Тобар.

– Бэнг наклонился ко мне и начал шептать на ухо всякие гадости.

Он сказал, что она *фотце*^[14]. Это немецкое слово. Плохое слово. Знаешь, что оно значит?

– Да, – кивнул Смолак.

– Он сказал, что она фотце и заслуживает всего, что с ней произойдет. Он описал мне, что собирается с ней сотворить, и я все это должен был увидеть. Он сказал, что мне предстоит узнать, каково это – захватить живую душу, – так он выразился, – предстоит наблюдать за тем, как потухает жизнь в глазах. Почувствовать запах, вкус, ощутить, каково это – разрезать тело и вытащить из него всё.

– Почему он так с ней? Он объяснил тебе?

– Он сказал, что она будет служить ему после смерти.

– Что это значит?

– Он сказал: «Так как никто не живет вечно, никто и не умирает навечно. Все повторяется снова и снова». Но он еще сказал, что есть место после смерти – место между жизнями. И там переступившие

черту проводят очень много времени. В этом месте он собирает рабов – души, которые будут ему служить.

– И ты ничего не сделал, чтобы остановить его?

Плечи Бихари еще сильнее затряслись от захлестнувших его рыданий.

– Я пытался, вы должны мне поверить, пытался. Я снова и снова умолял его не делать этого. «Хорошо, – сказал он, – ты можешь спасти ее. Она проснется и будет жить своей жизнью. Но ты умрешь вместо нее». Он сказал, что убьет меня быстро и не станет ничего делать с моим телом. «Твоя жизнь была бесполезной, – сказал он, – но я могу придать ей смысл, если ты спасешь эту женщину».

– Но ты ее не спас.

Рыдания вновь охватили цыгана:

– Я не смог. Я испугался. Я не хотел умирать. И он заставил меня смотреть. Он сказал, что ценность моей жизни теперь будет заключаться в том, что мне посчастливилось увидеть, как он работает.

– Тобар, ты бы мог остановить его. Или, по крайней мере, попытаться. Ты мог попробовать сбежать или поднять тревогу.

– Я *не мог*, вы не понимаете. Я был беспомощен. У него была... власть, безграничная власть надо мной, меня как будто парализовало. Он заставил меня смотреть. Сказал, что это единственная причина, по которой он решил оставить мои глаза в целости: чтобы я мог быть свидетелем. Сказал, что если я отведу взгляд или закрою глаза, он отрежет мне веки.

– И ты смотрел?

– Он заставил меня смотреть! – У Бихари началась истерика. – Господи, помоги мне, Бэнг заставил меня смотреть! Дьявол заставил меня увидеть!

Виктор знал, что безумие подчас приобретает самые причудливые формы. *Великая печаль...* Если разум повреждается, если мы получаем травму, подсознание поспешно перебрасывает мостик к спасению; затем этот мостик превращается в надежную опору, а лучше сказать –

в защитную стену. Такие стены можно обнаружить у каждого, без них мы не могли бы справиться с эмоциональными потрясениями.

Но бывает и так, что опоры рушатся, и это приводит к чудовищному уродству личности. Защита не срабатывает, и взгляд на мир в целом меняется.

Метафора с опорами была применима ко всем пациентам Орлиного замка. Каждый из «дьявольской шестерки» взрастил свое безумие вокруг какой-то травмы в далеком прошлом. Обрушение опор для них стало фатальным.

У каждого из пациентов было прозвище. После встречи с Вегетарианкой, госпожой Валентовой, Романек познакомил Виктора с остальными пациентами.

Под прозвищем Дровосек скрывался Павел Зелены из Чешской Силезии, который был лесником по профессии. Он совершал свои злодеяния с помощью своего рабочего инструмента – топора. Виктора предупредили, что Зелены склонен к непредсказуемым вспышкам агрессии, поэтому при посещении его палаты их сопровождали два санитары.

Следующий пациент, Леош Младек, по прозвищу Клоун, был маленьким человечком, более похожим на ребенка. Он казался мягким и безобидным, а в прошлом был успешным артистом цирка, много путешествовал по Чехословакии, Венгрии, Австрии, Южной Германии и Польше.

Четвертый из «дьявольской шестерки» носил прозвище Ученый – профессор Доминик Бартош, автор принципиальных новаторских разработок в области квантовой физики. Его могучий интеллект затерялся в лабиринте абстрактных идей, что привело к непоколебимому заблуждению: Бартош считал, что он может общаться с мертвыми.

Коллекционером Стекла называли Михала Мачачека, маньяка, известнейшего специалиста по богемскому стеклу, фаната своего дела.

Знакомство с каждым из них было кратким, пациенты соглашались с тем, что у них будет новый доктор, но сотрудничать не спешили.

Последняя встреча, однако, потребовала наивысших мер предосторожности.

Войтич Скала был шестым. Его называли Демон.

Скалу поместили в особый «люкс для пациента номер шесть», самую дальнюю палату за усиленной дверью.

– Изначально его содержали в изоляторе, – объяснил Романек. – Он страдает самой заразной формой безумия, и мы держим его как можно дальше от других.

Из личного дела Виктор знал, что Войтич Скала был человеком, обладавшим такой же несокрушимой верой, как у самого преданного служителя Церкви. Но вера Скалы заключалась в том, что он поклонялся силе чистого зла. Он был убежден, что зло – движитель всего во Вселенной, и воплощал в жизнь свои фантазии с предельной жестокостью.

Из всей «шестерки» именно Скала был подвержен самому глубокому и мрачному психозу. И именно по этой причине он представлял для Виктора особый интерес: с его помощью молодой доктор надеялся постичь то, к чему стремился в изучении бессознательного.

Аспект Дьявола.

– Вы уверены, что готовы? – спросил профессор Романек в коридоре перед дверью палаты.

– Да.

Казалось, Романек был недоволен стремлением коллеги ответить поскорее. Он по-отечески положил руку на его плечо.

– Скала не гений, но у него есть уникальные способности проникать в сознание других. И изгнать его оттуда не представляется возможным. Из всех преступников, заключенных у нас, – давайте уж без обиняков, – Скала является самым опасным. Поэтому спрошу еще раз: вы готовы к этому?

– Да, профессор Романек, я готов.

Это было совершенно не профессионально, поэтому Виктор корил себя за то чувство, которое испытывал. Как психиатр, он прекрасно понимал, что такого понятия, как «зло», не существует. За свою непродолжительную карьеру ему доводилось работать с извращенными и жестокими умами, но зло все равно оставалось социальной, но никак не медицинской концепцией, к тому же безнадежно устаревшей. Тем не менее, когда он столкнулся лицом к лицу с Войтичем Скалой, у него появилось неотступное ощущение, что в воздухе растворено подлинное вселенское зло.

Скалу надежно привязали перед их визитом. Огромный мужчина с буйной и темной, как у Виктора, шевелюрой. Грубо высеченные черты лица. Из-под тяжелых бровей зловещим блеском сверкали маленькие жестокие глазки.

Кресло, к которому был привязан Скала, в стенах старинного замка выглядело средневековым устройством для пыток. Оно было вырезано из массива дуба и оснащено стальными лентами и кожаными ремнями. Маленькие колесики с резиновыми покрышками под каждой ножкой позволяли бесшумно катать кресло по каменным плитам. Ноги пациента были зафиксированы на специальной подножке. Широкая стальная лента, скрепленная при помощи специального болта, охватывала грудь. Эта конструкция вызывала отдаленные ассоциации с рыцарскими доспехами. Запястья мужчины удерживали на предплечьях стальные манжеты. Надежное переплетение прочных кожаных ремней связывало плечи, а голову удерживало специальное устройство из мягкого материала – все это не позволяло пациенту даже шелохнуться.

Романек представил Виктора и попросил его кратко объяснить «мистеру Скале» основные методы лечения, которое он намерен использовать. Скала слушал молча, не сводя злобного взгляда с молодого доктора.

– У вас есть ко мне какие-то вопросы? – спросил Виктор, завершив свой рассказ.

– Вы знаете, чем я прославился? – голос Скалы был тихим и визгливым. Он так резко контрастировал с его физическими данными, что это внушало еще больший страх перед ним.

– Я знаком со всеми деталями вашего дела, Войтич.

– Вы думаете, я сошел с ума, и поэтому совершил все это?

– Я думаю, в вашей психике есть повреждения. А какие именно, я и хочу разобраться.

– Так вот, я насиловал, уродовал, пытал и ел людей. Мужчин, женщин, детей и младенцев. Животные тоже представляли для меня интерес. Я исследовал страх и боль каждого вида живых существ. Я срезал лица людей и надевал на себя, как маски, чтобы их глазами видеть то, что видели они, а они, в свою очередь, видели бы то, что видел я. Я демонстрировал им истинную, наичистейшую природу

зла. – Скала злорадно ухмыльнулся. – И это, доктор Косарек, вы описываете как «повреждения»?!

– А как бы вы это назвали?

– Моя сила. Моя религия. Моя вера во всеильное зло.

– Что бы вы ни думали, – ответил Виктор, – это не что иное, как психоз. Я хочу докопаться до его сути и помочь вам победить болезнь. Я с нетерпением жду, когда мы с вами начнем работать.

Грузное тело Скалы застыло в кресле, на лице застыла маска презрения и ненависти.

– Вы очень красивый мужчина, доктор Косарек, – сказал он вслед уходящим докторам. Виктор ничего не ответил.

– Я уверен, вам не все обо мне рассказали, – продолжал говорить Скала. – Вы всегда должны оставаться начеку. Я тоже с нетерпением жду совместной работы с вами, доктор Косарек, потому что при первой же возможности я срежу красивое лицо с вашего черепа и, пока вы еще живы, примерю его как маску. Тогда все скажут, что я красавец. – Он засмеялся. – Это будет нечто!

– Позвольте дать вам совет, – сказал профессор Романек, выходя с Виктором из отделения для пациентов. – Было бы неплохо, если бы вы проводили свободное время за стенами замка. Прогулки по окрестностям принесут вам удовольствие, в деревне есть уютная гостиница, а Прага находится достаточно близко, так что можно уезжать на выходные.

– Я еще не думал о свободном времени.

– Так задумайтесь. В лечебных учреждениях нашего профиля можно обнаружить практически весь спектр психических заболеваний. Так вот... – профессор пытался подобрать слова, – наблюдаемые у нас пациенты поражены болезнью в крайней стадии: их безумие достигло своего апогея. Вы обнаружите, что некоторые из них обладают недюжинными интеллектуальными способностями, они способны рационализировать иррациональное. Они без труда могут убедить вас, что это у вас, а не у них искаженное видение реальности, а они же, напротив, наделены способностями особого понимания истины. Более

того, они способны заразить своими иллюзиями. Поверьте мне, это хорошая идея – отвлекаться от происходящего здесь и регулярно восстанавливать связь с реальным миром и здоровыми умами.

– Уверен, что моих знаний достаточно...

– Я говорю это, опираясь на личный опыт, – не ожиданно резко прервал его Романек. – Много лет назад я позволил одному пациенту воздействовать на меня. Я слишком много времени проводил с ним и не заметил, как через некоторое время стал терять голову. Я начал сомневаться в истинности существующего порядка вещей.

– Что же случилось?

– Меня отстранили на несколько недель. На расстоянии силы его воздействия иссякли, и я понял, что расстройство моего пациента было более сложным, а бредовые идеи настолько убедительными, что даже мне не удалось сохранить рассудок.

– Этот пациент здесь? – поинтересовался Виктор.

На лицо доктора Романека легла тень.

– Нет, не здесь. Он давно умер. Туберкулез. В любом случае, эта история поучительна: внимательно изучайте сети, которые ткут здесь пациенты, но не подходите так близко, чтобы попасться в них. Найдите время, чтобы насладиться жизнью среди здравомыслящих. Вы влюблены в кого-нибудь?

– Нет. Была одна девушка, но... – Виктор не смог договорить.

– Так найдите себе другую. – Романек улыбнулся, привычное, по-доброму шутливое расположение духа вернулось к нему. Он похлопал Виктора по спине. – Наслаждайтесь жизнью.

Рабочий кабинет Виктора располагался в административном крыле замка. В кабинете, как, впрочем, и во всей этой части замка, интерьер был сохранен в своем первоначальном виде, не считая, конечно, электропроводки и громоздких труб отопления, проложенных вдоль каменных стен. В просторной комнате было два высоких окна с каменными подоконниками шириной в полметра. Из жилых комнат замка открывался приятный вид на лес, извилистую дорогу к деревне и лоскутное одеяло возделанных полей, окна же рабочих кабинетов смотрели на уродливую черную скалу, которая своим видом напоминала горб, выросший на спине замка. Стоя у окна, Виктор вспомнил рассказ археолога Педерсена о сети пещер в этих скалах. Перед глазами предстала картина: темные, влажные коридоры среди

мертвенно-холодного камня, наполненные спертым воздухом замогилья.

– Я принесла вам кое-что.

Виктор обернулся и увидел на пороге Юдиту Блохову с коробкой, заполненной канцелярскими мелочами.

– Извините, не хотела вас напугать, – сказала она и улыбнулась, как показалось Виктору, вполне приветливо. – У нас тут особо нечем любоваться, – кивнула она на окно.

– Да, вы правы. В другом крыле вид получше. Но, полагаю, при строительстве думали о безопасности, а не об эстетике. – Он взял у нее коробку и поставил на стол. – Спасибо. Должен признаться, не ожидал, что кабинет будет таким большим.

– Чувствуйте себя как дома, – снова улыбнулась она. – В вас есть... – Юдита на мгновение задумалась, – порода, простите уж за прямоту. Если вам понадобится моя помощь, обязательно скажите. Мы с вами еще должны сходить на склад, чтобы выбрать записывающее оборудование и все прочее, что вам понадобится для работы с пациентами.

– Спасибо, мисс Блохова.

Она и не думала уходить.

– Позвольте поинтересоваться, как вы оказались здесь, доктор Косарек?

– Профессор Романек прочитал статью, в которой я выдвинул мою теорию. Я называю ее «аспект дьявола». Он пригласил меня на собеседование. Когда я приехал, собеседование свелось к тому, что мы два часа проговорили о моей теории.

– Я что-то слышала об этом, – сказала Юдита. – Так вы верите в существование дьявола? – Ее тон не был ни насмешливым, ни серьезным, и это застало Виктора врасплох.

– Да, это факт. Я верю в дьявола и в то, что он несет ответственность за все зло в обществе, за безумие и склонность к насилию у некоторых людей. Но дьявол, в которого я верю, отнюдь не сверхъестественное существо: он – внутреннее явление, присущее каждому человеку, и наиболее ярко это явление раскрывается в крайних степенях безумия. А поскольку дьявол прячется в темных глубинах подсознания, его присутствие часто отрицают. Вот почему так много пациентов с психическими расстройствами не могут

вспомнить, как совершали насильственные действия. – Виктор обвел взглядом кабинет. – И именно поэтому я здесь. Я верю, что смогу обнаружить, где скрывается дьявол, и что есть способ добраться до него и обезвредить.

– Так вы считаете, что этот аспект дьявола есть у каждого?

– Да. Как и Юнг, я считаю, что большинство наших суеверий происходит из общих архетипов. В подсознании каждого есть темная сторона, скрытая от нас самих. Эту сторону мы стремимся отрицать, но именно в ней зарождаются все наши страхи и ночные кошмары, и именно она отвечает за изменения в нашем поведении. Архетипы формируются через мифы и легенды, которые мы передаем из уст в уста. Миф о дьяволе – один из самых распространенных. Дьявол не существо – он просто одна из универсальных архетипических моделей. Дьявол скрывается во всех нас.

– И вы собираетесь отправиться на охоту на него в сознание убийц, вооружившись гипнотерапией и лекарствами?

– Я убежден, что смогу достичь дьявола посредством лекарственного синтеза, да. Использование седативных средств означает, что я могу на время подавить эго и проникнуть глубоко в бессознательное, в его теневую часть. Оказавшись там, я попробую направить пациента на противостояние внутреннему дьяволу. Дьявола можно обезвредить или, по крайней мере, ограничить. Если хотите, это хирургия души.

Во взгляде Юдиты Блоховой читались тревога и сочувствие.

– Может быть, будет лучше, – сказала она наконец, – если бы вы оставили дьявола в покое в его укрытии?

– У вас есть минутка? – обратился Смолак к доктору Бартошу. Доктор сидел за столом и курил, маленький и пухлощекий, в мятом, не у лучшего портного сшитом костюме. Смолака поразили контраст: на столе образцовый порядок, а доктор выглядит неопрятно. О нем некому позаботиться?

Склонившийся над бумагами Бартош выпрямился и улыбнулся.

– Минутку, конечно, найду, пора сделать перерыв. Присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

Смолак принял предложение присесть, но отказался от сигареты, которую в ту же секунду протянул ему хозяин кабинета.

– Я знаю, доктор, что вы не психиатр по специальности, – продолжил он, – но у меня возник вопрос. Вы ведь знаете, что мы задержали подозреваемого по делу так называемого Кожаного Фартука?

– Да, я в курсе.

– Так вот, он рассказал очень странную историю. Я хотел бы услышать ваше мнение об этом.

Доктор завозился в кресле.

– Так-так, продолжайте, пожалуйста.

Смолак подробно пересказал все, что услышал от Тобара Бихари. О цыганском дьяволе Бэнге, о человеке, появившемся из тени, и о том, что Бихари, по его рассказу, чувствовал себя бессильным, как будто этот Бэнг в кожаном фартуке загипнотизировал его.

– Что бы ни говорил этот Бихари, я не верю, что на месте преступления был еще кто-то.

Когда Смолак замолчал, маленький неопрятный доктор продолжал сидеть и курить. Для него, полицейского врача, курение и размышление были неразрывно связаны.

– Полагаю, что вы, скорее всего, правы, – сказал он в конце концов. – Более того, я уверен, что вы правы. Крайне маловероятно, что убийца, который так ловко избегал ареста в течение нескольких месяцев, вдруг да решил позволить вашему цыгану быть свидетелем убийства, а затем дал ему уйти. Я думаю, что ваш подозреваемый выдумал этого Бэнга, а вся эта история – лишь способ отрицать собственную вину.

– Это я и надеялся услышать, – с облегчением вздохнул Смолак. – Возможно, был кто-то еще, человек, который подсказал ему мысль воровать ключи из сумок, но мне и это кажется крайне маловероятным. – Он задумался. – Вы слышали когда-нибудь о так называемом раздвоении личности, доктор Бартош? Видится мне, что именно с таким случаем мы и имеем сейчас дело.

Бартош пожал плечами.

– Да, я читал об этом, но в таких делах я не эксперт. Не думаю, что смогу чем-нибудь помочь. А в чем дело? Похоже, вы не очень-то рады, что поймали этого человека.

– Дело в том, что если у него раздвоение личности, если он болен, доказать это в суде будет не так-то просто. Присяжные не поймут.

– Но если вы правы, Бихари следует поместить в лечебницу. Я могу призвать на помощь психиатров. Они в таких вещах эксперты.

Смолак кивнул. Пока шел допрос, в нем крепло убеждение, что цыган совершенно безумен. В глазах карманника, мелкого воришки, кроме страха, проглядывало что-то темное и пугающее. Никакого загадочного незнакомца в маске цыганского демона, конечно же, не было, хотя Бихари утверждал обратное. Просто в Бихари обитала еще одна темная личность, которая руководила его поступками.

Разум не может принять и оправдать жуткие преступления и поэтому создает другую личность, несущую ответственность за совершенное зло.

– Спасибо, что уделили ваше драгоценное время, доктор.

– А почему вы обратились с этим вопросом именно ко мне? – вдруг спросил Бартош с подозрением.

– Потому что вы медик, потому что ваша заинтересованность и проницательность всегда приносила пользу в процессе расследований.

– Уж не думаете ли вы, что у меня есть какая-то личная выгода в этом деле?

– Личная заинтересованность... – Смолак вздохнул, осознав, о чем говорил доктор. – Нет, доктор Бартош, если вы имеете в виду, что я пришел к вам из-за того, что произошло с вашим братом, то нет. Нет, я и не думал об этом.

Бартош нахмурился и кивнул.

– Еще раз спасибо, доктор.

Пока Смолак шел обратно в свой кабинет, его не покидала мысль, что личная история доктора Бартоша и правда могла побудить обратиться к нему за советом. Безумный брат доктора был заключен в психиатрическую лечебницу.

Часть вторая

Клоун и Вегетарианка

1

В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОЙ РАБОЧЕЙ недели Виктор решил сконцентрироваться на изучении истории болезни. У него также была назначена встреча с Юдитой Блоховой, которая, как показалось, была расположена к нему.

Юдита отвела его на склад оборудования. Доктор Платнер говорил, что здесь должна быть палата для пациентов, требующих полной изоляции, но пока ее приспособили для хозяйственных нужд. Помещение в целом было похоже на другие, но все же имелись незначительные отличия. Во всяком случае, вид из окон был лучше: от гобелена полей и лесов Центральной Богемии захватывало дух. Особенно это бросалось в глаза из-за контраста с удручающим видом из окон кабинета Виктора.

Однако несмотря на роскошный вид, в этой палате было что-то, что напрягло Виктора, и он снова почувствовал, как за мок сжимает его в своих каменных объятьях.

– Вы тоже это чувствуете? – Юдита поняла его состояние. – В этой комнате у меня мурашки по коже бегут. Я каждый раз дрожу как осиновый лист, если мне нужно приходить сюда вечером, чтобы что-то взять.

– Странно... Во многих отношениях здесь даже уютнее, чем в других помещениях. Здесь когда-нибудь держали пациентов?

– По замыслу профессора Романека здесь должна быть палата для изоляции пациентов во время приступов. Не мне вам рассказывать, как они вопят, режут и бьются. У нас везде неплохая звукоизоляция, и все шестеро пациентов находятся на приличном расстоянии друг от друга, но вы знаете, насколько шумными могут быть некоторые больные, не услышать их сложно. – Ее гладкий лоб прорезали морщины. – Мне сложно это понять, но вы наверняка слышали о том, что безумие

может распространяться как вирус. В это верит профессор Романек, и он, похоже, очень обеспокоен всем происходящим здесь.

– Вы хотите сказать, что здесь планировалось устроить что-то вроде карантина...

Хотя Виктор не разделял полностью теорию Романека, общие идеи казались ему разумными: «коллективное безумие» ставит под угрозу состояние пациентов и делает их более склонными к припадкам. Надо понимать, что «психический» иммунитет у таких людей ослаблен.

– В моей практике были случаи, когда происходило нечто подобное. Не много, но все же были, – сказал он. – *Folie à deux*^[15], в основном. Один случай синдрома Ласега – Фальре – Гризингера^[16], ставший *folie en famille*^[17]. Но я думаю, что психозы редко бывают заразными.

– Вот здесь я не соглашусь с вами, – перебила его Юдита, внезапно рассердившись, – Ничего не могу сказать про *folie à deux*, но осмотревшись, вижу *folie à plusieurs*^[18] повсеместно. Если хотите увидеть самый настоящий массовый психоз, просто посмотрите на то, что происходит в Германии, – если творящееся и там, да и у нас, не эпидемия безумия, то я не знаю, как еще это назвать. Кажется, наши коллеги, Платнер и Кракл, уже заражены.

– Некоторые считают, что коммунизм является вакциной.

Юдита издала презрительный смешок.

– Разве вакцина, созданная для защиты от вируса, может убивать пациента? О, извините, вы коммунист? Хотя вы выглядите слишком аристократично, чтобы быть коммунистом.

– Нет. Но я социалист. В любое другое время я был бы аполитичен, но никто не может позволить себе быть аполитичным в эти дни. – Он сделал паузу. – И тем не менее, почему это помещение сейчас отдано под склад?

– Вряд ли его когда-нибудь будут использовать для изоляции пациентов. Вы ведь, несомненно, уже имели удовольствие познакомиться с очаровательным мистером Скалой?

– Да, мельком. Демон.

– Он самый. Мистер Скала побывал здесь... Когда его привезли к нам, он часами кричал о том, что приближается время дьявола, будто какой-то безумный проповедник. Твердил и твердил, что вскоре мир

превратится в пустыню, а немногих выживших заставят носить знак Зверя. Чушь, как вы понимаете. Если, конечно, Опустошитель не носит усов, как у Чарли Чаплина, а знак Зверя – это не свастика. – Юдита пожала плечами. – На самом деле мистера Скалу и сейчас держат в изоляции, под надежной охраной, но в палате. Ему дают обычные успокоительные, хотя он считается самым опасным пациентом замка. Если вы знаете хоть что-то об остальных, это повод задуматься.

– Он обещал срезать кожу с моего лица и носить ее как маску, – мрачно кивнул Виктор.

– О, наш очаровательный мистер Скала в своем репертуаре.

– А вам доводилось общаться с ним?

Юдита отрицательно покачала головой.

– В моей работе есть одна странная особенность: я знаю все о пациентах, так как заполняю их личные дела, но с ними, надеюсь, никогда не пересекусь. Они слишком опасны для того, чтобы общаться с немедицинским персоналом. А я не медик.

Виктор все отчаяннее порывался спросить Юдиту, что помешало ей завершить обучение на медицинском факультете. Но он не хотел ненароком ее спугнуть, чувствуя, что она становится все более откровенной с ним.

– Тогда у вас должно быть наиболее объективное представление о них, – сказал он. – Объект наблюдения лучше просматривается на расстоянии.

– На расстоянии все их злодеяния кажутся вымыслом. Даже не кошмарами, которые не дают спать по ночам, а просто страшными сказками. Может быть, поэтому мне не нравится приходить сюда, – она еще раз оглядела комнату, – это приближает меня к реальности, я начинаю думать о мистере Скале. Но мы здесь, чтобы вы выбрали все, что вам нужно для работы. Где вы собираетесь проводить сеансы?

– В главной башне есть отремонтированная комната... – начал было Виктор.

– Могу вам сказать, что это единственная комната, в которую можно попасть. По остальным помещениям в этой башне никому еще не удавалось пройти. Как-нибудь я расскажу вам местную легенду, – перебила его Юдита и лукаво улыбнулась.

– Легенду?

– О поклонении дьяволу в Средние века. Длинная история.

– Ах, об этом, – улыбнулся Виктор. – Мне уже довелось немного узнать из истории замка. Буду рад, если вы поможете восполнить пробелы в моих знаниях. Что же до комнаты, профессор сказал, что она идеально подходит для моих целей. Во-первых, башня расположена близко к крылу, в котором размещены пациенты, так что их транспортировку не трудно будет осуществить, соблюдая все меры безопасности. Во-вторых, в комнате есть тревожная кнопка, если мне понадобится помощь в срочном порядке.

– Понятно, – кивнула Юдита. – Смотрите, у нас тут есть звукозаписывающие устройства. – Она показала на три больших ящика, обитых по краям железом. – Это магнитофоны «К1». Я распоряжусь, чтобы один из них вам доставили в башню.

– Я уже понял, что профессор Романек и доктор Платнер – ярые технократы, но действительно ли эти магнитофоны так хороши, как о них говорят?

– Если честно, звук не фантастический, но для работы они удобны. Профессор Романек пользуется магнитофоном во время своих сеансов, и я могу разобрать почти все, когда переносу записи на бумагу. Но есть одно условие: микрофон должен быть установлен между вами и вашим пациентом, и вам придется находиться на довольно близком расстоянии, а это некомфортно.

– Ну, это не проблема, – решительно ответил Виктор. – Пациенты будут надежно привязаны к кушетке, да к тому же они будут под воздействием лекарств.

– Смотрите сами, – сказала Юдита, положив тонкую руку на один из коробов. – С моей точки зрения, они, конечно, лучше, чем виниловые, но, на мой взгляд, не так хороши, как магнитно-проводные. Если хотите, у нас найдется пара и тех и других.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Виктор. – Не хочу, чтобы профессор думал, что я против прогресса. Жажду произвести хорошее впечатление.

– Вам импонирует профессор Романек? – улыбнулась в ответ Юдита.

– Он хороший человек и прекрасный врач. Он заботится о своих пациентах. Он видит, что зло, которое они сотворили, дело рук болезни, а не их истинной природы.

– Вы тоже в это верите?

– Да, думаю, что так оно и есть... Уверен в этом. Любой может стать психически больным, абсолютно так же, как любой может заболеть ангиной. От этого никто не застрахован, в той или иной степени, в то или иное время. Я считаю, что психиатрия когда-нибудь наконец признает этот факт. Когда-нибудь, но не скоро. Профессор Романек рассказывал вам о моих взглядах?

– Нет. Кстати, я говорила с моим отцом, который передает вам теплые пожелания. Он сказал, что вы один из лучших его учеников и что вы искренне заботились о пациентах.

– Как я уже говорил, ваш отец оказал на меня такое же большое влияние, как и доктор Юнг. У меня остались самые приятные воспоминания о нем.

Повисла неловкая пауза. Виктор вдруг осознал, что все это время пристально и беспардонно рассматривал Юдиту: ее внимательные темные глаза, полные губы, безупречную кожу.

– Так вот... – пробормотал он, не зная, что сказать дальше.

– Я позову кого-нибудь, чтобы все перенести, – помогла ему Юдита, и они продолжили выбирать оборудование.

После того как все было собрано и рабочий отнес все коробки в башню, Виктор поблагодарил Юдиту за помощь, и она собралась уходить.

– Мисс Блохова... – окликнул ее Виктор, когда девушка уже подошла к двери. Юдита оглянулась.

– В деревне есть маленький ресторанчик, что-то вроде этого, – сказал он. – Не будет ли бестактным пригласить вас составить мне компанию и выпить по чашечке кофе? Вы бы рассказали мне все о мрачной истории замка. – Он вздрогнул от собственной неуклюжести.

Она стояла у двери, внимательно наблюдая за Виктором, и по ее лицу невозможно было понять, что у нее на уме. Казалось, это продолжалось вечно.

– Почему же, думаю, что могу составить вам компанию, – сказала наконец Юдита и улыбнулась. – У меня выходной в конце недели...

Виктор кивнул, и девушка удалилась. Стоило ей выйти за дверь, безупречно красивое лицо молодого доктора расплылось в широкой улыбке.

Виктор Косарек провел свой первый сеанс терапии через три дня. Он решил начать с пациента, которого все сотрудники считали самым покладистым и наименее агрессивным.

Леош Младек. Клоун.

Пока проходила настройка оборудования, Виктор потихоньку привык к комнате, отведенной для его сеансов, но, оказавшись там впервые, он ощутил нечто похожее на клаустрофобию.

Круглая комната с высокими потолками располагалась в верхней части центральной башни, почти на одном уровне с этажом отделения для пациентов. Попастъ в нее можно было только по пандусу. Очевидно, в Средневековье это помещение предназначалось для хранения зерна и других продовольственных запасов: двухметровые толстые стены обеспечивали постоянную температуру зимой и летом. А пандус вместо лестниц был сооружен, чтобы облегчить транспортировку продуктов.

Не только толстые стены, но и тяжелая дубовая дверь, обшитая железными листами, обеспечивали практически полную звукоизоляцию. На установке тревожной кнопки настоял профессор Романек, так как Виктор был намерен проводить сеансы наедине с пациентами. Санитары должны были дежурить за дверью.

– Под воздействием транквилизаторов или нет, – сказал профессор, – это самые опасные психические больные в Центральной Европе. Мне нужно быть уверенным, что приняты все меры предосторожности.

В центре комнаты поставили стол и стул для Виктора и особую секционную кушетку. На трех регулируемых секциях и подлокотниках кушетки были ремни из мягкой кожи для надежной фиксации больного, прочные крепления были также предусмотрены для запястий и лодыжек. На этом тоже настоял Романек – несмотря на то, что пациенты в течение всего сеанса будут находиться под воздействием сильнейших лекарств, они должны быть ограничены в движении, то есть привязаны к кушетке.

По просьбе Виктора установили две лампы. Одну на стол, другую – на пол, так, чтобы свет от нее падал на стену. Для сеансов нужны были искусственные сумерки – рассеянный свет лучше способствует расслаблению больных.

Леош Младек, Клоун, был невысоким стройным человеком с прозрачно-голубыми глазами. Его голова казалась слишком крупной для хрупкого тела. Из-за этой диспропорции он выглядел много моложе, чем был, и казался подростком, а не тридцатилетним мужчиной. Коротко стриженные волосы, настолько темные, что они казались крашеными, были тщательно намажены и уложены на пробор, деливший голову на две части контрастной и четкой линией. Лицо его было очень бледным: кожа белая, словно загрунтованный холст, ожидающий краски. Виктору казалось, что еще чуть-чуть, и Леош Младек смог бы играть Пьеро без грима.

Пациент попытался приподняться на кушетке.

– Что происходит? Почему я здесь? – с наивностью в голосе затараторил он, широко распахнув большие, как у младенца, глаза с мелкими зрачками-бисеринками. – Что со мной будет?

– Вам не о чем беспокоиться, Леош. Мы просто поговорим, вот и все. – Виктор открыл ящичек из нержавеющей стали, в котором аккуратными рядами стояли пузырьки и ампулы с лекарствами. – Я сделаю вам укол, который поможет вспомнить все немного яснее. Обещаю, вы приятно проведете время и расслабитесь. Прошу, доверьтесь мне.

– Но я не нуждаюсь в лечении! – в голосе Младека послышалось отчаяние. – Я не сумасшедший. Я же всем это рассказал. Я ничего не делал. Это все Тейффель. Это был Тейффель, Арлекин, это он виноват во всем...

Виктор с легкостью нащупал под полупрозрачной кожей предплечья голубую вену. Игнорируя отчаянный протест Младека, ввел иглу и кивнул санитарам, чтобы те вышли из комнаты.

Очень скоро под воздействием транквилизатора пациент начнет погружаться в глубины подсознания, слой за слоем проваливаясь все дальше. Леоша Младека больше не волновали стягивающие его тело ремни, он наконец перестал тараторить, расслабился, зрачки расширились. Как Виктор и рассчитывал, пациент не отключился полностью. Просто все страхи и тревоги покинули его.

Косарек нажал на рычаг магнитофона, и стальные катушки завертелись.

– Вас зовут Леош Младек? – спросил он.

Младек заторможенно кивнул и невидящим взглядом уставился на Виктора.

– Пожалуйста, отвечайте на все мои вопросы вслух, ваши ответы будут записываться. Вы Леош Младек? – Виктор говорил тихо и спокойно. Он знал, что скополамин^[19] вскоре разрушит волю Леоша, его способность управлять своими мыслями без наставлений.

– Да, я Леош Младек.

– Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Я клоун. Пьеро. Я заставляю людей смеяться и плакать.

– Вы и Арлекин тоже? – задал вопрос Виктор.

– Нет. Я никогда не играл Арлекина. Только Пьеро.

– Вы никогда не играли Арлекина? – продолжал спрашивать доктор.

– Я никогда не играл Арлекина.

Виктор сделал пометку в блокноте.

– Вы знаете, где вы находитесь?

– Я в сумасшедшем доме, – ответил Младек без горечи и гнева. – Меня держат здесь с сумасшедшими.

– Вы сумасшедший?

– Нет.

Виктор сделал паузу, затем заговорил:

– Леош, я хочу, чтобы вы представили бескрайний и бездонный океан. Я хочу, чтобы вы представили, что мы плывем по океану. Что вы видите?

– Океан.

– Воды много, океан глубокий, очень глубокий, но его поверхность спокойная. В этом океане все воспоминания, все события, случившиеся в вашей жизни. Леош – клоун, Леош – друг, Леош – возлюбленный, Леош – ребенок. Вы можете это представить? Вы видите это? Что вы видите?

– Бездонный океан.

– Здесь, в замке, на земле, вы знаете, кто вы такой. Но я хочу, чтобы вы оставили землю и погрузились в воду, глубоко в свои воспоминания. Океан – это вы, Леош. Я хочу, чтобы вы нашли начало, тот момент, когда все началось, когда ваша история началась. Вы можете найти начало?

Воцарилась тишина. Младек закрыл глаза.

- Я нашел.
- Это очень хорошо, Леош. Что произошло? С чего все началось?
- Все началось, когда он пришел.
- Кто и когда пришел?
- Дьявол. Это был день, когда пришел дьявол. День, когда Манфред Тойффель пришел в цирк.

3

– Когда люди думают о клоунах, они обычно представляют нелепые ботинки и забавные парики, – тихо говорил Леош Младек, лежа на кушетке в комнате с искусственным освещением. – Но это не совсем так. Пьеро – персонаж комедии дель арте, возникшей в те времена, когда цирковое мастерство действительно было народным зрелищем. Быть Пьеро – значит быть актером, а не шутком; иметь навыки импровизации, чувствовать аудиторию и управлять ее эмоциями. Это не просто работа – это призвание, великая традиция. Когда я на арене, я не просто играю Пьеро, я становлюсь им. Я и есть он.

– А почему вы стали именно Пьеро? – спросил Виктор.

– Ходили слухи, что я из цирковой семьи, что артистические данные у меня в крови. Это не так. Цирк – мое призвание, Пьеро – мое истинное «я», но родился я в благополучной провинциальной семье. Мой отец был сельским врачом в Доудлебско, на юге Чехии, и моя мать могла позволить себе заниматься чем угодно, проводить время так, как подобает жене сельского врача. Более заурядного и более буржуазного происхождения и представить невозможно. С пеленок мне была предначертана блестящая карьера в медицине. А какой родитель не грезит об успехе своего дитя, хотя видит в нем лишь посредственность?

– Профессия врача почетна, Леош, – возразил Виктор. – Врач спасает жизни людей, а что может быть важнее жизни? Я врач и горжусь этим. Я надеюсь излечить и вас.

– Мой отец никогда не хватал звезд с неба, – тихо сказал Младек. – Он был простым сельским врачом: вправлял вывихнутые конечности фермерам, прописывал припарки, зашивал раны

крестьянам... Ничего серьезного, самые заурядные занятия. Когда он приходил к детям, которых не мог вылечить, то просто стоял над ними и хмурился, иногда измерял температуру, а потом качал головой, изображая профессионала. На самом деле он просто смотрел, как они умирают. Такой была его жизнь, и он больше ничего не хотел. Но он также не хотел большего и для меня. Он считал, что я получу образование и унаследую его дело, а как только я возьму все обязанности на себя, он тихо и спокойно уйдет на пенсию. Потом уже мой сын заменит меня, и так далее – бесконечный круговорот посредственности... Но я никак не мог согласиться с этим. Я не мог стоять и смотреть, как умирают дети. Дети... Я не протестовал. Я был очень послушным ребенком, а затем послушным подростком. Я прилежно учился в школе, что, казалось, только подтверждало правоту моего отца, который считал, что послушание, прилежание, покорность и недостаток воображения – лучшие доказательства того, что я создан для медицинской профессии.

– Так что же случилось? Как вам удалось уйти с проторенного пути?

Даже сквозь наркотический туман в больших глазах Млада просиял свет.

– Цирк! Цирк был причиной. В деревню приехал цирк. Мне было семнадцать. Масленица, День дурака. Это была первая Масленица после войны, во время войны ее не праздновали. Что еще более важно, это была первая Масленица в нашей обновленной стране, освобожденной от Австро-Венгрии. Название «Чехословакия» все еще казалось странным на слух, но все были преисполнены надеждой, а во мне, вдобавок ко всему, бурлили юношеские страсти. Я хорошо помню это время. Оказалось, что у нас есть страна, и было такое чувство, будто весь мир наш. В Доудлебско испокон веков жили немцы, но их было ровно столько же, сколько и чехов. Тем не менее традиционные масленичные гуляния включали в себя элементы немецкого фашинга^[20], который обычно начинался с шествия масок. Я помню эти маски, эти шествия. Мне и в самом деле казалось, что они изгоняли старых духов с нашей земли.

– Какие маски, Леош? Немецкие перхтенмаскен? Изображающие дьявола?

– Да.

- Они вас пугали?
- Мне было семнадцать, кого можно в таком возрасте напугать масками?
- Но ведь маски важны для вас?
- Бледное лицо Младека исказило недовольство.
- Что вы имеете в виду?
- Вы же надеваете маски во время представления, не так ли?
- Пьеро не носит масок...
- Но Арлекин носит, – парировал Виктор.
- Я никогда не играл Арлекина.
- Но даже Пьеро иногда надевает маску. Черную маску. Он прячет лицо за черной маской, чтобы скрыть свои эмоции или же скрыть свою личность, я правильно говорю?
- Да, возможно, в некоторых традициях это и так. Но я никогда так не делал. Маску носит только Арлекин.
- Но и Скарамучча, и Панталоне, и Доктор тоже в масках, а они играют большую роль в традиции комедии дель арте.
- Я никогда не носил маску. И я выступал один.
- Понимаю, – сказал Виктор. – В этом-то все и дело. Видите ли, как и юнгианская психология, комедия дель арте основана на типологии, на изучении универсальных типов. Я вот что никак не могу понять, Леош: персонаж Пьеро существует и обретает смысл только в процессе взаимодействия с другими: с Арлекином, с Коломбиной, со Скарамучче. Тем не менее вы утверждаете, что выступали в одиночку. Как я понял, до тех пор, пока Манфред Тойффель не присоединился к труппе, Арлекина у вас не было. Как такое возможно? Как мог существовать Пьеро без Арлекина?
- Но процесс взаимодействия был! Я работал с аудиторией, с детьми. Пьеро невинно шалит, как ребенок. Он в действительности и есть ребенок, взрослый, но ребенок. Вечный ребенок.
- Хорошо, – Виктор на мгновение умолк. – Расскажите мне больше о Масленице и о том цирке, который приехал к вам.
- Тот год был особенным, – продолжил Младек. – После всех шествий, танцев и прочих развлечений началось цирковое представление: небольшая труппа артистов установила шатер в поле на окраине деревни. Тогда я увидел Пьеро впервые в жизни. Все деревенские дети были в его власти. Видели бы вы их личики!

Малышей будто загипнотизировали. Я сразу понял, что он – мой идеал, моя мечта. Я осознал, что хочу быть таким, как он.

– И тогда вы решили пойти работать в цирк? Как ваши родители отреагировали на это?

– Я не сказал им. Я должен был поехать в Прагу в следующем году, чтобы начать учиться на медика. Я знал, что если расскажу о своей мечте, они найдут способ остановить меня. И тогда я договорился с артистами цирка – те сказали, что я могу поехать с труппой, как только они отправятся в путь. Сестра, а она была в курсе, пыталась отговорить меня, но я никогда не был так уверен в чем-то. Через нее я передал письмо родителям. В нем я не просил прощения, мне не за что было извиняться.

Этот день положил начало моей карьере. Вскоре я перешел из той труппы в бо льшую, затем снова перешел, и в конце концов меня пригласили на работу в цирк Пелинек. Я стал в этом цирке большой звездой, они в моем лице, можно сказать, вытянули счастливый билет. Мы гастролировали по всей Европе. Мне потребовалось более десяти лет, чтобы достичь вершин в профессии, настолько заоблачных высот, что конкурентов у меня не было и быть не могло. Я был счастлив. Абсолютно счастлив... Но тут пришел он, Манфред Тойффель, Арлекин. – В голосе и в выражении лица Младака внезапно заиграла ярость, даже несмотря на то, что действие лекарства все еще продолжалось. – Как только он пришел, все рухнуло. Он обманывал всех с самого начала, но только не меня. Я видел его насквозь. Я видел его таким, каков он на самом деле.

– А каков он на самом деле? – уточнил Виктор.

– Он дьявол. Разве вы не понимаете, почему он явился в обличье Арлекина? В переводе со старофранцузского имя Герлекин означает дьявол, демон. А «тофель» по-немецки означает «дьявол». Он называл себя Манфредом Тойффелем и играл Арлекина, и никто не подозревал, что он – дьявол. Кроме меня. – Следующую волну гнева, захлестнувшую все существо Младака, мягко усмирило действие наркотика. – Все восхищались его выступлениями. Все его любили. Но только я мог видеть его таким, какой он был на самом деле. Он не был великим артистом, он был великим чародеем. Тойффель околдовывал зрителей. Особенно юных и невинных, ведь именно так поступает дьявол. Он выступал в маске Арлекина, как это предписано

традициями, но под маской его лицо было загримировано, как у Пьеро, – он делал это специально, чтобы оскорбить меня. Более того, он делал лицо Пьеро обезображенным, он издевался над традиционным образом. У Пьеро должно быть белое лицо, красные поджатые губы, черным контуром должны быть подведены глаза, по щеке должна стекать нарисованная слеза. Тойффель соблюдал эти правила, но образ в его исполнении получался обезображенным, искаженным, демоничным. Он надевал двухцветную маску и колпак с двумя длинными рогами, поэтому никто не мог видеть, как он загримирован. Но иногда он подходил к краю арены, наклонялся и говорил: «Подходите поближе, дорогие дети. Еще ближе, ну же, не бойтесь, дорогие дети. Подходите, и я расскажу вам на ушко один большой-большой секрет». Затем, когда дети собирались вокруг него, он вдруг срывал с себя маску и рычал на них. Малютки вопили и плакали от ужаса. Затем он снова надевал маску, шел к другим юным зрителям и проделывал это снова. Дети с восторгом и радостью бежали к нему, желая, чтобы он напугал их как следует. Они наслаждались своим страхом. Видите ли, детям нравится пугаться. Если раньше Пьеро в своем представлении затрагивал самые наивные и добрые стороны детской сути, то теперь Арлекин будил в них все самое низменное и грубое.

Он стал звездой. Его успех был значительно громче, чем мой. Арлекин сместил Пьеро. Мы гастролировали по всей Центральной Европе – Австрия, Венгрия, Югославия, Польша, Германия... Наше шоу стало настоящим хитом, и в каждом спектакле Арлекин заманивал детей во тьму, высмеивая и побеждая Пьеро, унижая его. Я ненавидел его за это. Вся труппа поклонялась Тойффелю, как и зрители. Но я видел его насквозь. Я видел, сколько зла в нем, я видел, что он – дьявол. Только я видел, как ему нравилось пугать детей на каждом представлении, как он питался их страхом.

Однажды нам сообщили, что в городе, где мы выступали, пропала маленькая девочка. Это было в Польше. Мы не успели пересечь границу, как полиция остановила нас и провела обыск всех наших фургонов и автомобилей. У них не было особых подозрений в отношении кого бы то ни было, но вы знаете, как недоверчиво люди относятся к странствующим. К тому же мы находились не так далеко от Тешинской Силезии^[21], а там поляки очень настороженно относятся

к чехам. Нас всех допрашивали, но никто ничего не знал о маленькой девочке. Никто не мог вспомнить, видел ли ее, так как на представлениях в цирке всегда много детей. Так что об этом случае в труппе вскоре забыли все, даже я. Но потом это случилось снова, не прошло и полгода. Двое детей, мальчик и девочка. На этот раз в Баварии. Но мы успели пересечь границу, прежде чем кто-либо связался с цирком. Но теперь я знал, знал, что Тойффель причастен к их исчезновению. Я знал, что он питается ужасом маленьких детей.

– Вы говорили кому-нибудь о ваших подозрениях насчет Арлекина? Кому-нибудь из труппы цирка?

– Они бы не поверили мне. – Младек замолчал, затем произнес настолько серьезно, что Виктор удивился: – Вы должны понять, дьяволу свойственно скрывать свое присутствие. Правда в том, что дьявол появляется на жизненном пути каждого из нас, хоть однажды, но появляется. Те, кто сталкиваются с ним, зачастую и не подозревают, с кем имеют дело. Столкнувшись со злом, человек обвиняет во всем происходящем других или даже себя. Никто больше не верит в дьявола, и это неверие является самым мощным его оружием.

– И как вы боролись с ним? – спросил Виктор.

– Мне нужно было собрать доказательства. Мне нужно было показать, кто такой на самом деле этот Тойффель. Мы выступали в Привозе, районе города Острава, это в Моравии. Разбили палатки в поле у реки Одер. В течение двух недель каждый вечер мы собирали аншлаги в нашем шатре. Малышам нравились представления, им нравился я, Пьеро. Но Тойффеля, Арлекина, они любили больше всех остальных. Пугая детей, он заставлял их отвернуться от меня. Всякий раз, когда он проделывал свой трюк, дети кричали от ужаса, а затем умоляли его повторить снова и снова. Стоило Арлекину показаться, зрители забывали обо мне.

Среди них была одна маленькая девочка, казалось, она была одержима Арлекином и не пропускала ни единого его представления. В первый раз она пришла с матерью, потом появлялась одна. Нетрудно было догадаться, что скорее всего она жила неподалеку от того места, где мы разбили наш палаточный лагерь. На вид ей было не больше девяти или десяти лет, совсем еще ребенок, с русыми кудряшками и серьезными зелеными глазами, как у истинной уроженки Силезии. Эта девочка всякий раз, когда Арлекин срывал с себя маску, сколько бы она

ни видела этот номер, испуганно визжала и хлопала в ладоши. Тойффель уделял ей особое внимание, сосредоточившись на малышке больше, чем на других детях.

Накануне того, что произошло, она была на представлении, но он почему-то не проделывал на нем номер с маской. Весь вечер он высмеивал и унижал Пьеро, то есть меня. Я терпеливо переносил это. Я чувствовал, что он выбрал эту маленькую девочку жертвой, и был счастлив, что все его внимание сосредоточено на мне, а не на ней, что на меня, а не на нее льется его жестокость бесконечным потоком. Но, как выяснилось, что это было частью его коварного плана... Уже позже я узнал, что стоило девочке пару раз посетить цирк, как Манфред Тойффель сделал для нее входной билет, по которому она могла приходить когда захочет... Так вот, тем вечером он игнорировал малышку, и я не мог не заметить, как она была разочарована. Но, отыграв с ним представление, я мог с уверенностью сказать, что под маской Арлекина у него все же была маска Пьеро.

Во время следующего представления он вдруг подошел к девочке. Я видел, как она разволновалась, как блестели ее большие, наивные глаза. Он сорвал маску. Малышка закричала. Но не так, как раньше. Я никогда не забуду этот крик. Это уже не было игрой, это был вопль истинного ужаса. Я не знаю, что она увидела под маской, но она с криками убежала из шатра в ночь. Тойффель же надел маску и до конца представления уже не снимал ее, а продолжал выступать, как будто ничего не произошло. Но, видите ли, в тот момент я окончательно убедился, что она станет его следующей жертвой. Он провел эксперимент, он «снял пробу», отведал капельку ее страха, и это еще сильнее разожгло его голод. Я точно знал, что Арлекин собирается полакомиться ею. Мне нужно было разыскать малышку, прежде чем ее найдет Тойффель. У меня даже не было времени, чтобы смыть грим. Я просто натянул пальто поверх костюма, надел шляпу и бросился на поиски девочки.

– И вы нашли ее...

– Я нашел ее в зарослях кустов на берегу Одера. Но я опоздал. – Слеза пробежала по бледному лицу Младака. – Я нашел ее во тьме, лежащей в грязи... она казалась такой спокойной. Тойффель опередил меня, Арлекин нашел ее первым. Ее уже начали искать, и прежде чем я успел что-то сделать, они нашли меня. С ней. Меня начали бить, и

наверняка убили бы, если бы не подросла полиция. Понимаете, они решили, что я это сделал. Они не поняли. Они говорили, что это я убил ее и убивал других детей, они говорили, что я монстр. Я пытался объяснить им. Я пытался убедить их, что убийца – Манфред Тойффель. Что это сделал он, само зло, дьявол. Но никто не верил мне, поэтому они заперли меня здесь, в сумасшедшем доме.

– Хорошо, Леош, – сказал Виктор. – Наш сеанс подходит к концу. Мне нужно, чтобы ты вынырнул на поверхность океана. Вернулся в настоящее.

Молодой доктор открыл папку из толстой кожи, лежащую перед ним на столе, и вытащил желтоватый лист, на котором большими буквами было набрано: «ЦИРК ПЕЛИНЕК», ниже были фотографии и текст помельче. Он подошел к Младеку и поднес лист к его лицу так, чтобы тот мог прочитать написанное.

– Вы можете сказать мне, что это такое, Леош?

– Это цирковая афиша.

– Совершенно верно. Можете ли вы сказать мне, что здесь написано?

Пациент кивнул и сфокусировал на листочке взгляд.

– Здесь говорится, что я исполняю роль Пьеро, а Манфред Тойффель исполняет роль Арлекина. Две звезды цирковой арены.

– Посмотрите еще раз, Леош. Посмотрите внимательно. Здесь написано, что вы единственный клоун в цирке. Самый знаменитый клоун в Европе. Вы видите фотографии? Это... – Виктор указал на снимок. – Это вы в роли Пьеро. А это... – Он указал на второй снимок. – Вы можете сказать мне, кто это, Леош?

– Это он. Я уже столько раз повторял: это Тойффель. Это Тойффель в роли Арлекина.

– Нет, это не так, Леош, – решительно отрезал Виктор. – Это вы. Не было никогда никакого Манфреда Тойффеля. Вы выступали и как Арлекин, и как Пьеро. Вы играли обе эти роли. Это были вы, и всегда были только вы.

– Это неправда, – воскликнул пациент яростно. – Да, мне говорили об этом и раньше. Когда меня арестовали, мне говорили, что я сотворил с бедной девочкой и с другими детьми. Их всех попутал дьявол!

– Как же так, Леош. Я вижу фотографию одного клоуна. Леош Младек в роли Пьеро и Леош Младек в роли Арлекина. Это вы пугали детей. На самом деле это вы были Пьеро под маской Арлекина. Это была другая часть вас, и она была Арлекином.

Младек устало покачал непропорционально большой головой, теперь из-за действия транквилизатора его клонило в сон.

– Вы не правы, – тихо проговорил он. – Это дьявол, понимаете. Дьявол морочит вам голову, он обманывает вас, как и всех остальных...

Стояло ясное утро. Они шли по лесной тропинке, ведущей из замка в сторону деревни. Осень и не собиралась заканчиваться – сияла яркими красками листвы в кронах деревьев, напоминала о себе паутинками, летающими в воздухе. Полупрозрачную завесу облаков ветер разметал на клочки, и вырвавшееся из плена лучи солнца напомнили о не так давно ушедшем тепле. Но тень замка все равно висела над ними, и Виктору было не по себе.

Ему хотелось побольше узнать о жизни Юдиты, и он нашел способ, как сделать это. Профессор Блох. Они говорили о профессоре Блохе. Виктор рассказывал о нем, как о наставнике, Юдита – как об отце. Болтали также о жизни в замке, о мечтах и надеждах. Виктор деликатно не расспрашивал о той части жизни Юдиты, которая была далека от ее работы. Какое-то время они шли в полной тишине. И вдруг Виктор осознал, что ему невероятно легко молчать с ней, так еще ни с кем и никогда не было.

– Разве это не прекрасно? – спросила Юдита, первой прервав молчание; она огляделась и набрала полные легкие вкусного осеннего воздуха.

Виктор улыбнулся.

– Да, действительно. Но я, признаться, всегда немного неуютно чувствую себя в лесу.

– Почему? – Она взглянула на него с удивлением.

– Не знаю. Возможно, ощущаю нечто очень юнгианское. Как бы сказать... леса напоминают мне бессознательное, темное и полное

тайн. – Виктор был не готов рассказать о том, как двенадцатилетним ребенком нашел в лесу повесившуюся мать. Даже сейчас тени между деревьями могли пробудить воспоминания о ее покачивающемся теле, о потемневшем лице... Это событие определило для него выбор профессии психиатра. – Правда, однако, в том, что я рад ненадолго покинуть стены замка, – сказал он. – Профессор Романек прав, это действительно помогает восстанавливать связь с внешним миром.

– Ондрей Романек сказал это? – изумилась Юдита.

– Да, а что-то не так?

– О нет, ничего. Просто он сам, кажется, не слишком прислушивается к собственным советам. Почти все время доктор Романек проводит в замке. Более того, у него есть обыкновение подолгу запирается в своем кабинете.

– В самом деле?

– Представьте. И он дает строгое указание, чтобы его не беспокоили. Бедный, бедный Ондрей...

– Почему вы так говорите?

– Все, что у него есть, это работа. Видите ли, он вдовец. Детей нет. Очевидно, он был искренне предан жене, но она умерла сравнительно молодой. Я не так много знаю об этом... Профессор Романек, на мой взгляд, один из тех людей, про которых с первого знакомства становится ясно, что они – достойнейшие люди. Знаете, он очень глубокий человек. Его шуточный нрав не должен вводить вас в то же заблуждение, в котором пребывают все. И на него время от времени находят тучи меланхолических настроений. Вот поэтому он и запирается. Во всяком случае, я так думаю.

– Вы говорите, его жена умерла?

– Да.

– А не от туберкулеза ли она умерла?

Юдита остановилась и внимательно посмотрела на Виктора.

– Да, насколько можно верить слухам. А откуда вы знаете?

Ему отчаянно хотелось рассказать ей, как в минуту откровенности профессор признался, что когда-то почти полностью погряз в безумии пациента. Выходит, это был не просто пациент – это была его жена.

– Да как-то доктор Платнер вскользь упомянул об этом, – соврал он.

Им потребовалось полчаса, чтобы спуститься в деревню. Это было место исключительной красоты. Вряд ли здесь что-нибудь изменилось за пару столетий. В Чехословакии полным-полно деревушек и маленьких городков, дышащих историей. Расположенные в самом сердце Европы, они надежно укрыты от мира плотным одеялом традиций и устоев. Как говорил профессор Романек, люди в этих краях жили поколение за поколением, и имена их прародителей терялись в таком далеком прошлом, что при одной мысли об этом начинала кружиться голова. На Виктора это давило, он чувствовал смутную панику – нечто похожее на клаустрофобию, ведь он привык к шуму и суете Праги. Была и еще одна причина для паники – в Прагу он приехал из такой же деревушки, как эта. Да, находилась она на другом краю страны, но была – один в один.

Молодые люди зашли в трактир. Сидевшие там местные жители, человек пять, наблюдали за ними с неприкрытым любопытством. Никакой враждебности, но и никакой приветливости. Просто смотрели и всё. Виктор обратил внимание, что Юдита привлекла гораздо больше внимания, чем он сам. Он никак не мог решить, причиной тому ее красота, или же они почувствовали в ней чужую: Юдита со своей яркой внешностью была чужой в родной стране.

– Сегодня чудный день, – сказал он. – Может, сядем за столик на улице?

Юдита кивнула, и они вышли. От столика у дверей открывался вид на деревенскую улицу и гору, с которой они только что спустились. Над ними нависал замок, чуть в стороне виднелся горб черной скалы. Виктор снова почувствовал, что находится во власти замка, как будто его навеки осудили к заточению в этих стенах.

Трактирщик, крепкий дружелюбный мужчина лет пятидесяти с лихо подкрученными усами, вышел и принял заказ. Очень скоро он принес тарелку с ватрушками. Виктор пытался возразить, что они их не заказывали, но мужчина широко улыбнулся:

– Возьмете с собой.

Виктор всегда удивлялся, как сильно отличается выговор у тех, кто вроде бы живет неподалеку от Праги. Мужчина говорил *провинциально*.

– Вы же из замка? – поинтересовался усач.

– Да, – ответил Виктор, представился сам, а затем представил Юдиту.

– Вы должны извинить местных жителей за их косые взгляды. У нас не часто бывают такие красивые гости, – он вежливо поклонился Юдите. – Да и вообще, чужие сюда редко заглядывают. Мне стыдно признаться, но у нас не склонны доверять тому, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к замку. Это понятно, ведь там заперты сумасшедшие. Да еще и легенды ходят всякие об этом месте...

– Легенды?

– Я вам все расскажу, – перебила Юдита. – Это долгая история.

– Да, это долгая история, – подтвердил трактирщик. – Ладно, я оставляю вас, и вы сможете побеседовать об этом. Наслаждайтесь кофе и выпечкой. И, пожалуйста, запомните, мы рады вас видеть в любое время. – Он снова поклонился и ушел.

– Как ваш сеанс с Леошем Младекком? – спросила Юдита, приподняв воротник пальто, прежде чем сделать глоток кофе.

– Начало положено... Да вы сами все услышите, когда будете расшифровывать запись. Все, что мне удалось вытащить, – нежный клоун Пьеро, который считает себя невиновным в ужасных преступлениях. Леош отказывается признавать, что его личность обрела две разные формы. Но человек, с которым я действительно хочу поговорить, это Арлекин, или Манфред Тойффель, как Младек называет вторую часть своей личности.

– Вы думаете, что, общаясь с ним, сможете найти аспект дьявола?

– Если мне это удастся и если я смогу удалить его из сознания Младека, то у меня есть шанс вылечить его. Как просто звучит: выселить Манфреда Тойффеля и разрешить Леошу Младеку быть Леошем Младекком, цельной личностью.

– Больше похоже на средневековый экзорцизм, чем на психиатрию двадцатого века, – заметила Юдита.

– Может быть, это и есть то, от чего отталкивался средневековый экзорцизм: признание дьявольского аспекта. Но это было признание без понимания и без капли сочувствия, за что и сегодня мы должны испытывать угрызения совести.

– Вы похожи на средневекового знахаря, – усмехнулась она. – Может быть, это судьба, что вы оказались здесь.

– Правда? Ваши намеки, как и намеки трактирщика, разожгли мое любопытство. Вы обещали рассказать мне мрачные легенды...

– Виктор, вы знаете, как местные жители называют замок?

Он улыбнулся и поставил локти на стол.

– Просветите меня.

– Град з Чародеек^[22].

– Правда? – Виктор взглянул на нависающее над горой строение. – Почему Замок колдунов?

– Темные дела и тайные знания. А еще человек, чье сердце было полно тьмы. – Она сделала пару глотков кофе, наблюдая за Виктором. – Традиционно история повествует нам о том, что везде, где бы ни воцарялось христианство, местные языческие культы уничтожались огнем и мечом, – продолжила она, вернув чашку на блюдце. – Аристократия была в авангарде этой борьбы – создание христианской церкви стало еще одним средством порабощения крестьян и укрепления власти знати. Конечно же, приверженцы традиционных религий были клеймены как колдуны. Как вы понимаете, никто из этих людей не был носителем чародейского знания. Однако это не останавливало тех, кто продолжал жечь на кострах каждого, на кого падало хоть малейшее подозрение.

– По-моему, вы очень осведомлены в этом вопросе.

– Мне интересна история, это помогает понять настоящее. В те времена простой деревенский народ был вовсе не против, когда сжигали не таких, как они. Но правда заключается в том, что чехи никогда не увлекались охотой на ведьм, не считая, конечно, Боблига из Северной Моравии^[23]. Преимущественно это было связано с тем, что католическая Австрия подавляла протестантов, предавая их казни по ложным обвинениям. Охота на ведьм была завезена в Чехию немцами. Как я уже говорила, история помогает понять настоящее.

– Замок назвали так, потому что он стал прибежищем колдунов? – с воодушевлением спросил Виктор, пытаясь увести Юдиту от мрачных мыслей о дне сегодняшнем. – Потому что в этих краях было много язычников?

– Может быть. Местная аристократия не пыталась сплотить чернь с помощью веры. Правителем здесь был Ян Черне Срдче, то есть Ян Черное Сердце...

– О, археолог, которого я встретил в поезде, говорил о нем, да и профессор Романек упоминал его имя. Но я понял только одно: что он когда-то был хозяином замка. – Виктор улыбнулся, любуясь красотой собеседницы. – Я весь в предвкушении, очевидно, меня ждет захватывающая история о темных временах.

– Вы даже и представить не можете, что это за история, – сказала Юдита. – Тени воспоминаний все еще висят над замком, как сказал трактирщик. Ян Черное Сердце был сыном местного герцога; не единственным сыном, у него было два старших брата. Говорят, что Ян продал свою душу дьяволу еще в раннем детстве, поэтому он и был настолько злым, тщеславным и безжалостным. Оба его брата умерли, прежде чем смогли унаследовать титул отца. Один утонул, купаясь в неглубоком озере за деревней, другой погиб: несчастный случай на охоте. – Она кивнула в сторону замка. – Видите ли, этот замок не был родовым гнездом герцога, здесь находились его охотничьи угодья. И в той, и в другой смерти подозревали причастность дьявола, но правда заключалась в том, что Ян был единственным свидетелем гибели братьев. Но как бы там ни было, он унаследовал титул и проводил в этих стенах больше времени, чем в замке, где жили его жена и дети, можно сказать, брошенные на произвол судьбы.

– И почему же этот демонический герцог предпочитал обитать здесь?

– Эти места и сейчас глушь, а тогда и подавно. Здесь был девственный уголок, рай для любителя охоты. Говорят, герцог управлял принадлежавшими ему территориями, как истинный тиран. Тотальная власть и абсолютная вседозволенность. Все боялись и тайно ненавидели его. О нем ходили всевозможные слухи, их передавали из уст в уста, и со временем они превратились в легенды. Достаточно сказать, что и сейчас никто из местных не отважится даже подойти к замку. Почти весь персонал, медицинские работники и служащие хозяйственной части, приезжают на пятидневные смены из Млада-Болеслава.

– У легенд обычно есть историческое основание, – сказал Виктор.

– Конечно, Ян Черное Сердце был страшным человеком. Он занимался оккультными практиками в замке, собрав ведьм и колдунов со всей Чехии. Поговаривали, что ему удалось вызвать то ли Чернобоха – Черного Бога, славянского дьявола, то ли Велеса, темного

властелина преисподней. Ходили слухи о черных мессах и тому подобных обрядах, совершаемых в окрестных лесах и в самом замке. Правда это или нет – неизвестно, но факты остаются фактами: Ян похищал и убивал женщин и девушек из местных деревень. Сколько их было? Неизвестно, но, определенно больше ста.

– Почему вы называете эту часть легенды фактом?

– Это подтверждается историческими документами. Король распорядился отправить комиссию для расследования, и вина Яна Черное Сердце была доказана. Но его, конечно же, не казнили. Если бы он был простым крестьянином, его бы повесили или колесовали за совершенные преступления. Но вместо этого его замуровали в замке: обычное в те времена наказание для преступников знатного происхождения. Вместо того, чтобы сгноить в тюрьме или предать казни, его заточили в комнате без окон и дверей, оставив в стене небольшую щель для подачи еды и воды. Так можно было прожить годами, и даже десятилетиями. В зависимости от того, какая версия легенды вам больше по душе, слуга, приставленный к замурованному Яну Черное Сердце, был то ли глухонемым от рождения, то ли ему залили в уши свинец, а язык отрезали.

– Зачем? – ужаснулся Виктор.

– Считалось, что герцог может уговорить кого угодно подчиниться его приказам и убедить даже самого благочестивейшего человека прислуживать сатане. Многие считали, что он вовсе не был учеником дьявола, а был самим дьяволом, что Ян Черное Сердце – это Ян Черный Бог, сатана, которого навсегда заточили в замке. Так что слуга должен был быть глух к его просьбам и мольбам об освобождении. – Юдита наклонилась поближе к Виктору и, понизив голос, почти зашептала насмешливым заговорщическим тоном. – Может быть, повинуюсь голосу Яна Черное Сердце, вы проводите с пациентами в башне свои сеансы черной магии? Говорят, что замуровали его именно в этой башне, потому что в ней самые толстые стены, но комнату, где он закончил свои дни, так до сих пор никто и не смог найти.

– Не припомню, чтобы слышал голоса извне, – сказал Виктор. – Мне достаточно вполне реальных демонов, с которыми я сражаюсь. Изгоняю, как вы говорите.

– Думаю, еще услышите. Одна из легенд гласит, что по ночам откуда-то доносится стук – это Ян бьет кулаками по каменным стенам и призывает своего господина, сатану, освободить его. – Юдита рассмеялась. – Возможно, именно вы и освободите его. Возможно, Ян Черное Сердце – это и есть тот самый аспект дьявола, который вы ищете. Не исключено, что он сам придет за вами. Есть еще одна легенда. Она гласит, что каменщик, замуровавший комнату, был колдуном и соратником герцога в его развратных играх. Так вот, он сделал потайную дверь, за которой скрывался проход в сеть пещер в горе под замком. Еще говорят, что призрак Яна все еще обитает в башне, но всякий раз, когда на небе появляется полная луна, он через пещеры пробирается в лес в поисках жертв, чтобы утолить жажду крови. – Она злорадно ухмыльнулась, ее темные брови насмешливо выгнулись.

В Юдите Блоховой сосуществовали и слабость, и сила, это очаровывало Виктора все больше.

– Археолог, которого я встретил в поезде, рассказывал, что пещеры под замком ведут к воротам ада, и замок был построен, чтобы запечатать доступ к ним. Вы слышали об этом?

Юдита засмеялась.

– Да уж, приходилось слышать. Местные жители называют замок и так: *Пекелна Брана*, что в переводе означает «Врата ада». Да, действительно, стены главной башни прочные и толстые, но функционально замок никогда не был стратегически важным форпостом, способным выстоять в случае нападения. Но в качестве тюрьмы он идеален.

– А что было раньше в комнате для сеансов? Зерновой склад? – спросил Виктор.

– Возможно, там и был склад, но поговаривают, Ян Черное Сердце использовал это помещение для своих грязных делишек. Легенда гласит, что он развлекался там со своими жертвами, по-видимому, потому что стены в этом помещении способны сдерживать любые крики. И, конечно же, именно там, как говорят местные жители, проходили всевозможные оккультные обряды, черные мессы... Там он вызывал дьявола. А теперь и вы в той же самой комнате занимаетесь тем же: вызываете дьявола.

– Подозреваю, что вы слишком долго переписывали истории болезни, – засмеялся Виктор, но стои ло ему через плечо Юдиты взглянуть на замок, он снова почувствовал себя в плену мертвенно холодных каменных стен. – Мне кажется, нам пора возвращаться...

Он так и не признался. И не признается. Смолак допрашивал Тобара Бихари несколько раз, но показания цыгана оставались прежними. Вернее, так было первые три или четыре раза; после этого Бихари, казалось, ушел в себя. Вопросы Смолака повисали в воздухе без ответа не потому, что Тобар игнорировал их, а потому, что не слышал их. Он смотрел куда-то прямо перед собой, смотрел так, будто видел какую-то отдаленную точку в другом измерении. Никакими уговорами, никакими предложениями не удавалось выжать из него еще хоть словечко о случившемся, кроме сказанного на первом допросе.

День за днем все меньше Тобара Бихари оставалось в этом мире. Во время допросов его уже не связывали. Тщедушный цыган как автомат садился, как автомат вставал, когда его брали за локоть, чтобы поднять со стула.

Смолак с горечью осознал, что ему никогда не заставить подозреваемого рассказать о других убийствах, которые он, возможно, совершил. Квартиру, где жил цыган, тщательно обыскали, но не нашли ни окровавленного кожаного фартука, ни предполагаемого орудия убийства, ни стеклянных бусин, подобных той, что Смолак нашел на месте преступления. Оставалось только наблюдать, как Тобар Бихари все глубже погружается в свое безмолвное безумие.

Смолак решил еще раз поговорить об этом деле с доктором Бартошем, и даже попросить его принять участие в одном из допросов, чтобы тот высказал свое мнение о психическом состоянии Бихари.

– Я же говорил вам, капитан, – сказал Бартош, когда они со Смолаком курили после допроса в коридоре полицейского участка. – Вам действительно следует обратиться за помощью к специалистам. Например, к профессору Романеку из клиники «Орлиный замок». Увы, я не компетентен...

– Все, о чем я прошу, это высказать ваше мнение, доктор. Ума не приложу, что делать с этим Бихари. Он ведет себя не так, как обычно ведут себя виновные. Он ушел в себя. Иногда кажется, что он и не подозревает, что в комнате, кроме него, есть еще кто-то.

– Да, я тоже это заметил, – кивнул Бартош. – Он двигается, только когда его коснутся. Послушно сидит, когда его сажают на стул. Такое поведение называют «восковой гибкостью», и это предшествует полномасштабной кататонии^[24]. Судя по тому, что мне довелось увидеть, он проявляет также признаки онейрофрении^[25], то есть видит сны во время бодрствования. Боюсь, он вскоре перестанет говорить, перестанет двигаться, перестанет реагировать на раздражители.

– Как вы думаете, в чем причина этого расстройства?

Бартош стряхнул сигаретный пепел со своего изрядно помятого костюма и пожал плечами.

– Он пребывает в состоянии сильного шока. Это шок от встречи лицом к лицу с дьяволом. Я имею в виду, что он противостоит какой-то чудовищной части себя, своему внутреннему дьяволу. Но можно также допустить, что тем вечером с ним действительно был кто-то, и этот кто-то – настоящий Кожаный Фартук, воля и дух которого намного сильнее, чем у Бихари. Думаю, наш единственный шанс узнать, кто он на самом деле – Кожаный Фартук или нет, это привлечь к работе психиатров.

– Хорошо, доктор, я попробую позвонить профессору Романеку. Посмотрим, что он скажет.

Дверь открылась, и полицейский вывел в коридор из комнаты для допросов Тобара Бихари, лицо цыгана ничего не выражало.

Смолак и Бартош молча проводили его взглядами.

– Звоните профессору как можно скорее, – вздохнул Бартош, – пока несчастный не покинул этот мир.

Смолак кивнул.

Вдруг из-за угла коридора раздался крик, и детектив сорвался с места – сработал профессиональный инстинкт. Доктор Бартош побежал за ним.

Конвоир Бихари лежал на полу со сломанным носом; цыган наклонился над ним и вытаскивал из кобуры пистолет. По кровавому пятну на стене, выкрашенной кремовой краской, было件нятно, что произошло: Бихари припечатал полицейского лицом об стену.

Смолак замер и протянул руку, чтобы остановить Бартоша.

– Вернитесь за угол, доктор, – сказал он глухо и спокойно.

– Но...

– Делайте, что вам говорят, доктор, сейчас же вернитесь за угол, – повторил Смолак, не отрывая глаз от Тобара Бихари и табельного пистолета у него в руках. – Тобар... – Смолак протянул руку. – Тобар, давай договоримся не делать глупости. Отдай мне пистолет.

В ответ Бихари прицелился в лицо детектива.

– Стой на месте, – проговорил он спокойно.

Казалось, перед Смолаком был другой человек. Не запуганный до смерти, не вялый и пассивный, как в последние дни, а уверенный в себе. У Смолака мелькнула мысль, что сумасшествие Бихари было хитрой уловкой расчетливого, организованного ума, способного на жестокие, тщательно продуманные убийства.

Детектив мысленно измерил расстояние между собой и цыганом и мгновенно подсчитал, как быстро сможет его преодолеть и сколько пуль выпустит за это время в него цыган.

– Стой, где стоишь, – повторил Бихари. – Я не хочу делать тебе больно, Смолак. Я никого не хочу обижать.

– Тогда отдай мне пистолет, Тобар.

– Я верну тебе пистолет, но хочу, чтобы сначала ты пообещал мне кое-что.

– Тобар, я не имею права заключать сделки. Я полицейский.

– Речь не о сделке. У тебя нет ничего такого, что ты можешь мне предложить. Я хочу, чтобы ты дал мне обещание.

– Обещание? Какое?

– Я не могу жить с *ним* в голове. То, что он сделал со мной... Я не могу с этим жить.

Смолак слышал, как по коридору бегут полицейские, которых, вероятно, позвал доктор Бартош.

– Отдай мне пистолет, Тобар. Сейчас же!

– Выполни обещание.

– Да какое же?!

– Бэнг – дьявол, – продолжил Бихари. – Он дьявол, и его нужно остановить. Я хочу, чтобы ты пообещал мне остановить его.

– Обещаю, – ответил Смолак.

– Спасибо...

Раздался оглушительный хлопок выстрела. Каждая мышца в теле Смолака напряглась, готовясь к удару пули. Но вместо этого он увидел, как череп цыгана взорвался фонтаном крови. Нижняя челюсть в том месте, куда щедушный Бихари мгновение назад приставил дуло пистолета, стала черно-серой от пороха. Ноги цыгана подкосились, и он, как тяжелый мешок, рухнул на пол. Ничтожная жизнь оборвалась.

Смолака окружили полицейские. Доктор Бартош наклонился, чтобы осмотреть безжизненное тело. Вокруг головы цыгана на каменном полу образовался темно-алый ореол.

Смолак никак не мог понять, были ли последние слова Тобари Бихари признанием или нет.

6

Начинало смеркаться. Они поднимались к замку. Вокруг крыш, напоминавших колпаки ведьм, собирались облака, и тени в лесу сгустились.

Они прошли только полпути. Серо-голубое небо становилось все темнее. Внезапно по листве деревьев забарабанил каплями проливной дождь, вымочивший одежду насквозь буквально за несколько минут.

– Идемте! – Юдита схватила Виктора за запястье и потянула на узкую тропинку в стороне от дороги.

– Куда вы меня тащите?

– Не задавайте лишних вопросов, – отрезала она. – Там, по крайней мере, сухо.

Они побежали. Тонкие, холодные от дождя пальцы Юдиты сжимали его руку. Темная чаща смыкалась вокруг тропы. Виктор ощутил, как его охватывает иррациональный страх клаустрофобии.

– Вперед! Вперед! – подбадривала Юдита, почувствовавшая его смятение.

Вскоре плотная чаща начала редеть, и они оказались на поляне, посреди которой стояло деревянное здание. Над покатой крышей высился остроконечный шпиль, на вершине которого был шар, а над шаром – православный крест с нижним косым подножием и двумя верхними горизонтальными поперечинами. Стены были покрыты замысловатой резьбой, вход обрамляли колонны из темной древесины.

Древняя славянская часовня. По стилю и резьбе Виктор догадался, что она была построена примерно в XVI веке. Для человека, имеющего представление об истории Богемии, о бесконечных сменах политических и религиозных влияний, эта часовенка, запрятанная подальше от любопытных глаз, не была чем-то удивительным. Виктора изумило другое: несмотря на почтенный возраст, здание было в отличном состоянии; очевидно, кто-то из деревни поддерживал здесь порядок.

Юдита потянула его за руку.

– Идемте, – скомандовала она.

Они поднялись по узкому крыльцу. Виктор отодвинул тяжелый засов и толкнул массивную дубовую дверь, но дверь так и не сдвинулась с места.

– Я и раньше пыталась попасть сюда, – сказала Юдита, – но тут всегда заперто. Полагаю, должен быть какой-то потайной замок. Но и на крыльце можно спрятаться от дождя.

Они стояли и молчали, засмотревшись на потоки ливня, пронизывающие чащу. Виктор отметил, что чувствует небывалую легкость – ни тени беспокойства, обычно охватывающего его в лесу.

«Наверно, дело в Юдите», – подумал он.

– Как вы узнали об этом месте? – спросил он.

– Я часто гуляю по лесу. Вы ведь говорили, что иногда нужно проводить время вне замка. Ах да, это говорил профессор Романек... В общем, мне кто-то рассказал, что по пути из замка в деревню когда-то была часовня, и я решила, что обязательно найду ее. Этой часовне, должно быть, несколько сотен лет.

Виктор осмотрелся. Казалось бы, мрачноватому на вид зданию самое место в лесу, но оно почему-то выглядело здесь инородным.

– А вдруг именно в этой часовенке ваш Ян Черное Сердце проводил свои жуткие ритуалы? – усмехнулся молодой доктор и, гримасничая, наклонился к Юдите. Их лица сблизились так, как если бы они собрались обменяться поцелуем.

– Кажется, дождь утих, – неловко сказала Юдита. – Нам нужно успеть вернуться в замок, пока он снова не пошел.

Виктор не сводил с нее глаз.

– Да, нужно успеть...

Юдита начала было спускаться по ступенькам, как вдруг остановилась, заметив что-то на деревянной колонне крыльца. Она подошла поближе, нахмурилась и провела пальцем по древесине.

– Странно, я раньше этого не видела...

– Чего – «этого»? – спросил Виктор.

– Здесь что-то вырезано на колонне.

Виктор засмеялся.

– Да вся часовня покрыта резьбой.

– Нет, посмотрите. – Она отодвинулась, позволив Виктору наклониться, чтобы рассмотреть так заинтересовавший ее фрагмент.

– Все понятно, – сказал он. – Здесь что-то написано, вырезано ножом.

– Что это за алфавит? Это не латиница и не кириллица. Это глаголица?

– Именно она, – подтвердил ее догадку Виктор.

Буквы были вырезаны на темной от времени древесине с особым прилежанием, ясно просматривались четыре строчки, но понять их было невозможно.

– Хм, странно... – сказал он.

– Что странно?

– Учитывая глаголицу, разумно было бы предположить, что эту надпись сделали несколько столетий назад. Но она появилась сравнительно недавно.

Юдита еще раз осмотрела загадочные строки и пожала плечами.

– Вы правы. Уверена, что в последний раз, когда я была здесь, этой надписи не было. Похоже, орудовал вандал.

– Ну, это довольно изощренный вандал, если он вырезает письма на старославянском. Интересно, что это значит... – Виктор достал из кармана блокнот и ручку и тщательно перерисовал буквы. – У меня есть друг. Тот, о котором я вам рассказывал, Филип Староста, он специалист в таких вопросах. При встрече я обязательно спрошу у него, может ли он перевести это.

Всю неделю Виктор готовился к следующему сеансу с Клоуном, а также к беседам с остальными пациентами замка. Частью его метода было общение с больным на поверхности психоза, без использования сильнодействующих транквилизаторов.

На таком «облегченном» сеансе Леош Младек практически слово в слово повторил все, что Виктор уже слышал. На следующем сеансе молодой доктор, наоборот, собирался ввести более мощную дозу препаратов. Его целью было подавить личность Младека и поговорить напрямую с Арлекином. Если получится, у него будет возможность обнаружить аспект дьявола в чистом виде и доказать свою теорию.

Результаты бесед с пациентами очень разнились. Несмотря на общую для всех паталогическую склонность к насилию, они были совершенно разными людьми, как и представители любой другой случайной группы. Даже их отношение к болезни и заключению в клинику было разным. Некоторые из них, как, например, Леош Младек или дровосек Павел Зелены, никак не могли понять, за что их заперли в сумасшедшем доме, в чем их обвиняют и почему считают безумными. Такие случаи Виктор именовал «эгоистичными», считая, что преступления, совершенные пациентами, были настолько чужды их личности, что они отказывались от ответственности за них.

Грубоватая и резкая Хедвика Валентова и коллекционер стекла Михал Мачачек утверждали, что их напрасно заточили в лечебницу, так как они совершили вполне объяснимые, оправданные акты насилия. Их болезненное сознание скорректировало заблуждения так, чтобы подстроить их под истинные ожидания. То есть они считали, что сделали то, что должны были сделать, то, что мир ожидал от них. Таких пациентов Виктор называл «эгосинтонными»; их лечение оказывалось особенно трудным, потому что они видели в окружающих душевнобольных и извращенцев, в то время как себя считали разумными людьми, подчиняющими свою жизнь и свои поступки неоспоримой логике и взвешенному анализу.

Особняком стоял Войтич Скала. Говорить с ним можно было, только если накачать его сильнейшими лекарствами, при этом он должен быть в смиренной рубашке, пристегнут к кушетке, да еще и под неусыпным контролем двух крепких санитаров (с ним Виктор пока что отступил от своего правила беседовать с пациентами наедине).

Косарека поразила собственная реакция на общение со Скалой. С каждым сеансом он все больше убеждался, что маньяк обладает феноменальным магнетизмом; казалось, воздух вокруг него был заряжен каким-то мощным темным электричеством. Теперь было понятно, о чем говорила Юдита: Скалу изолировали от других пациентов, чтобы он не заразил их своими заблуждениями. Профессор Романек по этой же причине настоял на том, чтобы персонал, работающий со Скалой, менялся чаще, чем у других пациентов.

– Что бы вы ни делали, – предупредил он Виктора, – помните о том, что именно вы должны проникнуть в сознание Скалы, а не наоборот.

Во время первого сеанса Скала с удовольствием рассказывал о своих злодеяниях; он смаковал детали, ему явно доставляло удовольствие говорить о том, что он сделал. Маньяк не отрицал свою причастность к злу, но при этом, как и многие другие пациенты, полностью отрицал диагностированное у него безумие.

По его словам, он не был сумасшедшим – он был просто злым.

Всю неделю Виктор дважды пытался дозвониться до Филипа, но оба раза никто не снял трубку, и он начал еще больше беспокоиться о друге. Да еще к тому же не давал покоя текст на глаголице, который Виктор тщательно скопировал в блокнот. Единственный среди его знакомых, кто мог бы перевести эти строки, был Филип.

Профессор Романек регулярно беседовал с Виктором, но на этой неделе он заперся в своем кабинете, проинструктировав всех, что его нельзя беспокоить. Все было в точности так, как описывала Юдита, и казалось, что все, кроме Виктора, восприняли самоизоляцию Романика как обычное дело.

Составив расписание сеансов наркоанализа, Виктор выписал все необходимые ему препараты в аптеке, управление которой было возложено на доктора Кракла. Он изо всех сил пытался скрыть свою антипатию к Краклу, а когда ему довелось поближе познакомиться и с ним, и с Гансом Платнером, эта антипатия, скорее инстинктивная, стала аргументированной неприязнью.

Кракл, казалось, с подозрением относился к Виктору; каждый запрос на такие препараты, как амитал натрия, пентотал натрия, фенобарбитал или скополамин, он тщательно инспектировал, при этом маскируя свою дотошность под профессиональный интерес к методам

Виктора. Однажды, когда Виктор запросил в аптеке пикротоксин, Кракл потребовал объяснений.

– Наркоанализ – это новая и развивающаяся терапия, – сказал Виктор, скрывая раздражение. – Обычно я смешиваю ацетат натрия с другими барбитуратами небольшими, рассчитанными дозами. Но метаболизм у каждого пациента работает по-разному, а значит, и реакции бывают различными. Это, конечно, маловероятно, но если в ходе сеанса случится передозировка барбитуратов, пикротоксин является наиболее сильным противоядием.

Кракл несколько мгновений помолчал, стервятником посматривая на Виктора. На нем был белый лабораторный халат. Пристальный взгляд и облачение делали его похожим на хищную птицу.

– Как вы думаете, чего можно достичь с помощью этой терапии? – наконец спросил он. – Ремиссии, вы полагаете?

– Я прекрасно понимаю, что ни одному из «шестерки» не суждено вернуться в общество, но в моих силах, по крайней мере, попытаться помочь им обрести мир в душе.

– Мир? Вы действительно считаете, что эти монстры заслуживают мира после всего, что они сделали?

Виктор покачал головой.

– Они не могут нести ответственность за то, что сделали. Они больны, и мы, врачи, обязаны сделать все возможное, чтобы помочь им. Если я смогу обнаружить аспект дьявола в сознании пациентов и полностью подчинить его внутренней сущности моих подопечных, их аберрации прекратятся. Это равносильно операции на бессознательном: нечто вроде удаления психической опухоли.

Лицо Кракла искривилось в злорадной улыбке, казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться.

– Эти люди – уроды, жуткие уроды. Подобно тому, как никакие операции не помогут восстановить врожденно отсутствующую конечность, этих людей невозможно вылечить.

– Я нахожу такое отношение к пациентам странным для врача, – сухо ответил Виктор. – Вы утверждаете, что мы не должны пытаться вылечить больных?

– Долг врача – исправление. Иногда это исправление скорее социальное, чем индивидуальное. – Кракл запрокинул голову, глаза его сузились. – И иногда миссией врача становится профилактика, а не

лечение. Наша задача обеспечить, чтобы больший процент населения был здоров как душой, так и телом. Самая серьезная угроза человеческой эволюции – дегенерация. Если мы не позволим физически и умственно вырожденным людям размножаться, если мы удалим их из общества, мы принесем пользу человечеству. Это важнейшая миссия.

– То есть вы считаете, что евгеника спасет человечество? – с недоверием в голосе уточнил Виктор.

– Лучшее лекарство от несовершенства – это отсутствие недостатков.

Косарек покачал головой.

– Извините, доктор Кракл, я боюсь, что мне не выжить в вашем идеальном мире. – Он собрал препараты, за которыми пришел в аптеку. – А пока я буду продолжать делать все возможное для моих пациентов. Ради них и ради человечества.

8

Следующие сеансы наркосинтеза с Леошем Младеком ни к чему не привели: ни в том, чтобы купировать специфический психоз Клоуна, ни в попытках Виктора доказать теорию дьявольского аспекта. Он позволил Младеку заgrimироваться, надеясь, что это поможет открыть что-то глубоко запрятанное в его бессознательном. Виктор полагал, что причина расстройств личности этого человека кроется именно в профессиональной деятельности; он жалел беднягу, сочувствовал этому безобидному, нежному по сути существу, которое так и не смогло смириться со своим заключением в клинику за преступления, в действительности этим существом не совершенные. Во многих отношениях это было правдой: невинный Пьеро был осужден за преступления, совершенные Арлекином, его антиподом.

Виктор надеялся, что сеанс с Хедвикой Валентовой, Вегетарианкой, принесет больше плодов.

Ему пришлось противостоять протестам медперсонала, без энтузиазма воспринявшего весть о том, что сеансы будут проводиться по вечерам. Косарек объяснял, что это необходимо, чтобы синхронизировать лекарственную терапию с естественными

биоритмами пациента. Он был убежден: чтобы внушить разуму, что он впадает в сумеречный сон, нужно тело заставить поверить в это.

Свою точку зрения удалось отстоять, и через два часа после вечерней трапезы госпожу Валентову привели в комнату для сеансов.

Пациентка и сейчас напоминала своим внешним видом чопорную провинциальную учительницу. Она была болезненно худой, одета во все серое, выцветшее, бесформенное, без намека на вкус: юбка, блузка, кардиган и чулки. Виктор не на шутку забеспокоился, заметив, что Хедвика еще сильнее исхудала с того момента, как он впервые встретился с ней.

Даже под действием транквилизаторов госпожа Валентова опасно озиралась вокруг, особенно внимательно прошупывая взглядом Виктора. Закрепить ремни она позволила только медсестре, и настаивала на том, что оставаться наедине с мужчиной лежа непозволительно, поэтому пришлось отрегулировать положение кушетки так, чтобы пациентка оказалась в сидячем положении.

Чтобы усыпить бдительность пациентки, медсестра оставалась в комнате до тех пор, пока Виктор не ввел необходимую дозу скополамина и препарат не начал действовать.

В конце концов эго Хедвики Валентовой высвободилось из-под гнета. Несколько минут ушло на то, чтобы, погрузившись в пучины подсознания пациентки, пройти путь протяженностью в десять лет, которые она провела в различных клиниках для душевнобольных. Только затем Виктор смог направить свою подопечную на поиски того момента, который мог бы определить, кто такая на самом деле Хедвика Валентова.

– Я хочу, чтобы вы оказались в то время и в том месте, с которых все изменилось в вашей жизни, – сказал он. – Будьте наблюдателем, посмотрите на себя со стороны, взгляните на себя так, как вас видели другие. Найдите эту точку во времени и пространстве и перенеситесь туда.

Повинуясь, Хедвика закрыла глаза. Воцарилась тишина. Пока она путешествовал по глубинам внутреннего океана, он смотрел на нее. Лицо было правильных пропорций, в нем не было ни единого изъяна, кроме таких явных последствий недоедания, как впалые щеки и темные круги под глазами. Ее нельзя было назвать страшилищем, но и привлекательности в ее чертах не было. Виктор вдруг понял, что

Хедвику Валентову вообще невозможно описать. Человека с таким лицом не заметишь в толпе, а отвернувшись, тотчас забудешь, как он выглядит.

Наконец госпожа Валентова достигла цели своего путешествия:

– Я на месте, – сказала она.

– Где вы?

– Я на вечеринке. Вечеринка в честь дня рождения.

– Это ваш день рождения?

Она покачала головой.

– Это вечеринка одной из моих одноклассниц. Она красивая и богатая. Ее отец – кто-то важный на заводе «Шкода». Она не собиралась меня приглашать, но я догадываюсь, что моя мама поговорила с ее матерью.

– Ваша мать с вами? – спросил Виктор.

– Да. «Мы должны заботиться друг о друге, – мама всегда так говорила. – Нас всего двое, и мы должны заботиться друг о друге».

– У вас нет братьев или сестер?

– Нет братьев. Нет сестер. Нет друзей. Мой отец умер, когда я была младенцем, и все, что у меня есть, – это моя мама.

Голос Валентовой стал детским.

– Вы счастливая девочка, Хедвика?

– Нет. Я несчастная. Я никогда не была счастливой. Я так одинока. Моя мама делает все возможное, чтобы помочь, но я всегда одна. Никто не замечает меня. – Голос госпожи Валентовой начал прерываться, накопленная за тридцать лет боль накрыла ее волной.

– Хедвика, необходимо, чтобы вы посмотрели на себя со стороны. Помните, я говорил о том, что вы должны стать наблюдателем, отстраниться. Оставайтесь на той вечеринке, но нужно, чтобы вы взглянули на себя глазами других. Я хочу, чтобы вы описали события так, будто вы наблюдаете за ними, а не проживаете их. Вы понимаете?

– Да, понимаю, – ответила она уже взрослым голосом.

– Опишите себя, девочку, которую вы видите.

– Маленькая девочка-невидимка. Маленькая девочка, которая должна всегда оставаться одна.

– Почему вы так говорите? Почему вы должны быть одна?

– Я невзрачна. Я стеснительна. Я боюсь, что меня будут дразнить, издеваться надо мной, а значит, лучше, чтобы меня просто-напросто не

замечали, чтобы я стала невидимкой. Если бы люди заметили меня, то они бы подумали, что я странная. Я и есть странная, не такая, как все. Думаю, одиночество в детстве и сделало меня такой. Но все, что я хотела, это быть замеченной.

– Расскажите о вечеринке.

– Мама сшила мне платье. Самая красивая вещь, которую я когда-либо видела: оно было из розового шелка и все в кружевах. Я примерила его, и мама сказала: «Ты выглядишь так красиво». На этот раз я поверила ей. Я стояла перед зеркалом и чувствовала себя счастливой. Очень, очень счастливой. Я представляла, что скажут девочки о моем платье, как мы будем веселиться, как я приобрету друзей. Я ждала этого дня, который все навсегда изменит.

– И что же случилось на вечеринке? – продолжал спрашивать Виктор.

– Ничего. Платье не имело значения. Никто не заметил меня, никто не говорил со мной. Я вручила свой подарок Маркете, имениннице, в честь которой был устроен этот праздник, она поблагодарила и улыбнулась, но так ни разу и не заговорила со мной. Она не была жестока, она не нагрубила мне – она просто забыла о моем существовании, как если бы я и вовсе не приходила. И не только она. Никто даже не заметил мое платье. Я осознала тогда, что платье и вправду было красивым, но оно было как шапка-невидимка для меня. Я подумывала, что, наверное, меня вовсе не существует, я – пустота. Все играли в настольные игры, но им не было дела до меня, меня они не замечали. Затем Маркете вручили подарок от родителей. Ей подарили щенка. Такой чудесный малыш. Все хотели подержать его на руках.

– Вы тоже держали его на руках?

– Какое-то время. Мне очень понравился щенок, и я очень сильно захотела, чтобы он был моим. Я думала, что, может быть, собака, в отличие от людей, заметит меня и будет любить независимо от того, как я выгляжу. Но Маркета позвала своего песика, и он стал вырываться, чтобы побежать к ней. Я гладила его, шептала ему на ушко, просила, даже умоляла, чтобы он остался, но он извивался в моих руках, и его пришлось отпустить.

Все продолжили веселиться и играть, они обнимались друг с другом, спонтанно, по-детски. А я просто сидела и смотрела на них.

Все было как всегда.

– Но что-то же случилось на том празднике, не так ли?

– Я хотела уйти, но мама сказала, чтобы я пошла и поиграла с детьми. Но в какой-то момент даже она забыла обо мне, заговорившись с другими женщинами. Я хотела обнять щенка, но он снова вырвался – ему хотелось участвовать в общем веселье. Я осталась одна в саду. Сидела и издали наблюдала за всеми. Стоял жаркий солнечный день. Людям сложно осознать, что одиночество наиболее остро ощущается и приносит особую боль, когда ярко светит солнце, когда стоит чудесная погода... Вдруг Маркета заплакала, ее красивое личико искривилось и покраснело. Все остальные дети, как по цепочке, тоже начали плакать.

– Что случилось?

– Щенок потерялся. Должно быть, он убежал, пока все играли, и никто сразу не заметил пропажи. Этого бы не случилось, останься он со мной, – я бы присмотрела за ним. Все бросились на поиски песика, но его нигде не было. Затем они вспомнили, что последней, с кем его видели, была я. Я честно рассказала, что щенок вырвался и побежал к Маркете и другим детям, чтобы поиграть. Но меня не слушали. Все смотрели на меня и на мое платье. Затем они нашли тело щенка в глубине сада. Выглядело оно ужасно. Должно быть, щенка разорвал дикий зверь: может, лиса, может, хищная птица. Вы бы видели, во что он превратился. Маркета зарыдала, затем начала кричать на меня. Она рыдала и кричала, что это я убила его. Они все начали показывать на меня пальцами и твердить, что это я убила песика, но я не делала этого. Я просто обнимала малыша. Но даже мама смотрела на меня странно. Родители Маркеты заявили, что они собираются поговорить о случившемся с администрацией школы и с полицией. Но я же ничего не сделала! Как бы я могла что-то сделать с этим славным малышом? Я спрашивала у них: «Где тогда следы крови? Почему мое прекрасное платье такое чистое? Почему мои руки тоже чистые?» Мы вернулись домой, и мама сказала, что я должна пойти в свою комнату и переодеться, но мне очень хотелось еще разок взглянуть на себя в зеркало. Я хотела посмотреть на свое платье, представить хоть на секунду, что я красива, и снова почувствовать себя счастливой.

– Это получилось?

– Нет. Я встала перед зеркалом. Платье в зеркале было таким же красивым, но мое лицо... Должно быть, я закричала, потому что мама тут же прибежала ко мне. В зеркале я увидела, что платье все так же прекрасно, но лица у меня нет. Нет глаз, нет рта, нет носа – только гладкая кожа без единого выступа или углубления. Ровная маска из плоти. – Она устремила свой невидящий взгляд на Виктора. – Вы понимаете? Я смогла увидеть то, что видели все остальные, когда смотрели на меня. Теперь я знала, что я – пустота, невидимка. Когда я еще раз взглянула в зеркало, то обнаружила, что кто-то испортил мое чудное платье. Оно все было заляпано кровью. Я видела свое отражение без лица и красивое платье в кровавых пятнах.

– Что же случилось, Хедвика?

– Именно после этого меня отправили в спецшколу.

9

Магазин был намного шикарнее, чем предполагал Смолак. Он занимал первый этаж громадного здания в стиле *secesse*, уникальной чешской версии ар-нуво, на углу улицы Кржеменцова. Над входом красовалась золотая вывеска, гласившая: «Посуда и украшения из стекла Петраш». Изящные узоры вывески повторялись в декоре выложенных плиткой стен здания.

Витрины магазина были заполнены стеклянными предметами всех типов, функций и размеров: от ваз до бижутерии, от простых стаканов и графинов до аптечных гирек и ламп. Все было со вкусом разложено и, если наклониться и приглядеться к ценникам, можно было увидеть, что все очень и очень дорого.

Смолак вошел в магазин; женщина за стойкой кассы свысока наблюдала, как он приближается. Ей было чуть за сорок. Стройная, элегантная брюнетка. Темные волосы тщательно собраны в прическу, глаза подведены черным, губы ярко накрашены. Он обратил внимание на редкий, светло-изумрудный цвет ее глаз, в которых можно было утонуть. Ему пришла на ум глупая мысль, что, вероятно, ее наняли на работу из-за этого магического блеска в глазах, не уступающего блеску стекла вокруг.

Одета она была во все черное, на ней была атласная блузка с высоким воротом, как у китайского мандарина. Смолак догадался, что этот цвет она выбрала, чтобы не отвлекать внимания от великолепной игры света в искусном ожерелье в стиле модерн, которое плотно обхватывало ее горло и причудливо ниспадало по шелку блузки. Явно дорогое украшение представляло собой затейливое переплетение цепочек из белого золота, соединявших в искусный геометрический узор – ромбы из сверкающего изумрудного, салатового и бирюзового стекла.

«Вероятно, это демонстрационный образец», – подумал детектив.

– Добрый день, я пришел, чтобы поговорить с хозяином магазина, полагаю, мистером Петрашем, – сказал он и протянул бронзовый жетон офицера полиции. – Я капитан Лукаш Смолак из уголовного комиссариата.

– В чем дело? – спросила она высокомерно.

Смолак с удивлением отметил, что его задевает тон женщины, но в то же время голос показался ему очень привлекательным. Он устало вздохнул.

– Я буду говорить о цели своего визита только с владельцем магазина. Где я могу его найти?

Женщина указала на дверь в конце торгового зала.

– Кабинет там. Но придется подождать.

– У меня нет времени... – начал было говорить детектив, но горделивая красотка уже повернулась к клиентке, женщине средних лет, закутанной в меха, и заговорила с ней по-немецки.

Смолак не спеша пересек торговый зал. Колонны были облицованы ониксом. Застекленные витрины похожи на сверкающие айсберги в море белого мрамора; в каждой красовались искусно сделанные предметы из стекла. Смолак прикинул в уме, что его зарплаты полицейского не хватит ни на один товар, представленный в витринах. Очевидно, три другие продавщицы, одетые так же, как первая, придерживались того же мнения о его кредитоспособности и поэтому не обращали на него ни малейшего внимания.

Смолак постучал в дверь, но ответа не последовало, и тогда он, не церемонясь, вошел в кабинет. Посреди практически пустой комнаты стоял большой стол, на нем – стопка больших тарелок, завернутых в бумагу. Наполовину заполненная окурками хрустальная пепельница.

По сравнению с роскошью торгового зала помещение казалось бедным, оно свидетельствовало скорее о практичности владельца, чем о его стремлении к показному блеску. Смолак сел за стол и стал ждать.

Он встал, обернулся, когда дверь открылась, но, вопреки ожиданиям, в кабинет вошла та самая надменная красавица, поэтому он снова сел и, не сдержав раздражения, сказал:

– Я думал, что вы позовете владельца.

Брюнетка проигнорировала его раздражение, обошла стол и села в кожаное кресло.

– Я и есть владелец, – сухо произнесла она. – Меня зовут Анна Петрашова.

– Ах, простите, – смутился Смолак. – Мне жаль, я...

– Чем я могу быть полезна, капитан? – отрезала женщина.

И чем же вызвана ее резкость? Тем, что она почувствовала симпатию с его стороны, и это, вероятно, раздражало ее, или же тем, что она терпеть не может полицейских? Смолак не мог не знать, что большинство людей, как правило, не любит полицейских.

Он сунул руку в карман пальто, вынул нечто, завернутое в платок, и бережно развернул платок на столе. Стеклянная бусина размером с горошину. Если присмотреться, в сердцевине бусины изображен крошечный белый бутон розы.

Мадам Петрашова открыла ящик стола, достала из него ювелирную лупу и поднесла к глазу, затем взяла бусину и внимательно осмотрела ее, прокручивая между кончиками пальцев с малиновым маникюром. Через некоторое время она отложила лупу и вернула бусину на носовой платок.

– Это не наше, – резюмировала она. – В любом случае, у нас не было краж за последнее время.

– Я по другому поводу, мадам. Мне нужно знать, где сделана эта стекляшка.

Она пожала плечами.

– Сложно сказать. Стеклодувное мастерство распространено не только в Богемии.

– Был бы признателен, мадам, если бы вы оказали содействие следствию, – нажал Смолак. – Для нас это вопрос крайней важности.

– В чем же дело, позвольте спросить?

– Убили женщину. Эту бусину мы нашли на месте преступления, а среди вещей жертвы нет ничего подобного.

Светло-изумрудные глаза Анны Петрашовой расширились. На мгновение она потеряла самообладание.

– Кожаный Фартук? Эта та несчастная, которую убили в Прагер Кляйнзейт? Но ведь подозреваемый пойман? Я читала, что он покончил с собой, находясь под стражей.

– Боюсь, я не могу это прокомментировать, мадам Петрашова. Все, что я могу сказать, – для нас это действительно вопрос крайней важности.

Она на мгновение замешкалась, оценивающе посмотрела на собеседника, затем наклонилась вперед и снова взяла бусину в руки, чтобы рассмотреть ее еще раз.

– Я никогда раньше не видела такой работы, хотя не исключаю, что это сделано здесь, я имею в виду, в Богемии. Может быть, Яблонец^[26]. Там делают львиную долю богемского стекла. Некоторые производители из Яблонца переехали в Рейнскую область Германии, так что ваша бусина может быть и оттуда. Вы ведь слышали про стразы, имитирующие настоящие камни? Но это всего лишь немецкая версия стекла из Яблонца, они давно освоили эту огранку. – Женщина пожалала плечами. – На самом деле вашу бусину могли произвести и в Чехии, и в Германии, и во Франции, и в Польше, и в России. Где угодно. Мне жаль, но я не могу вам больше помочь.

Она положила бусину в платок, и Смолак осторожно завернул драгоценную улику, прежде чем отправить в карман.

– В любом случае, спасибо за уделенное время, – вставая, смиренно произнес он.

Анна Петрашова нахмурилась, словно только что в голову ей пришла мысль.

– Кажется, есть один человек, который может вам помочь. Он эксперт по чешскому стеклу, я бы даже сказала, одержимый стеклом эксперт. К нему обращаются, когда уже нет надежд установить происхождение.

– Вот как? И кто же он?

– Михал Мачачек. Нет никого, кто знает больше него о богемском стекле. У него самая масштабная и полная коллекция в мире.

– Как мне его найти?

– Вы не знаете? – Анна Петрашова выглядела по-настоящему озадаченной. – Похоже, не знаете. Наверное, потому, что все те несчастья обрушились на Пльзень, а не на Прагу. Поверьте, капитан Смолак, поиск этого специалиста по богемскому стеклу не составит для вас большой проблемы.

– Почему? – Смолак изо всех сил старался скрыть нетерпение.

– Михал Мачачек – один из «дьявольской шестерки», его держат в Орлином замке, клинике для душевнобольных.

10

Виктор молча выкурил сигарету. Пациентка безжизненно обмякла на кушетке, обычная для нее напряженность всех мышц исчезла. Приглушенный отсвет лампы на стене, казалось, еще больше подчеркивал замкнутость пространства, неприступность стен башни. Виктор снова почувствовал, как замок сжимает его в своих каменных объятиях. Он попытался побороть эти ощущения и хоть на мгновение представить золотистые равнины там, внизу, за высокими, мертвенно-холодными стенами.

Хедвига Валентова совершила леденящие душу преступления, казалось бы, ей нельзя ни сострадать, ни сочувствовать, но в то же время в ней жил грустный, одинокий ребенок. Тихая и застенчивая девочка вертелась в красивом платье перед зеркалом, с нетерпением ожидая праздника, полная надежд, которым не суждено будет сбыться.

Ее отправили в школу для трудных детей, это было место, о котором даже в узких профессиональных кругах ходили мрачные слухи. Валентова провела там три года, которые стерлись из ее воспоминаний. Виктор пытался разузнать, что же произошло в этот жуткий период ее жизни, подступаясь к нему со всех сторон, но это ни к чему не привело.

– Что произошло после того, как вас выпустили из школы? – спросил он на одном из следующих сеансов.

– Я вернулась к маме. Она заботилась обо мне, но уже совсем не так, как прежде. Она постоянно присматривала за мной, всегда контролировала, где я и что я делаю. Мама сильно постарела за время моего отсутствия, гораздо сильнее, чем стареют люди за три года.

Следующие пару лет я провела в обычной школе, после чего пошла работать на стекольный завод.

– У вас были ухажеры в тот период? Я имею в виду до вашей свадьбы?

– Я никогда не пользовалась такой популярностью, как красивые девушки. Другие девушки, отнюдь не красотки, все же привлекали внимание противоположного пола, потому что были посмелее, но мне не хотелось быть такой, как они. Я была слишком кротка, слишком застенчива. К тому же все вокруг знали, что я провела какое-то время в школе для сумасшедших детей. Все считали, что я ненормальная.

– Но вы хотели выйти замуж?

– Я очень хотела выйти замуж. Я так боялась быть одинокой до конца моей жизни. Но я знала, что никто никогда не попросит моей руки. Я знала, что никогда не встречу такого человека, о котором мечтала. У меня были все шансы остаться старой девой, но мне пришла в голову мысль. Все было очень просто, выполнимо и даже очень практично. Я решила, что стану особенной в другом смысле.

– И каким образом вы решили стать особенной? – спросил Виктор.

– Кулинария. Я решила стать лучшим поваром в нашем районе. В городе. В регионе. Я готовила мясные блюда, в основном свинину, готовила супы и десерты, пекла хлеб и пирожные, я делала всё.

– Мясные блюда? Но вы же строго придерживаетесь вегетарианской диеты?

– Тогда еще не придерживалась. Это было до того, как я осознала, насколько плоть грязная и отвратительная. Именно мясные блюда моего приготовления пользовались наибольшей популярностью. Я готовила свинину так, что ее можно было резать, как масло, и она таяла на языке. Я могла превратить самое отвратительное сырое мясо в изысканное блюдо. Мне не суждено было преуспеть в других областях, но в кулинарии я была асом. Все люди неравнодушны к плоти. Всё, что они хотят, это плоть. Поэтому я решила, что кратчайший путь к сердцу мужчины – это приготовление вкуснейшей, нежнейшей плоти. Они и не думали возжелеть моего тела, но они возжелели моего стола. Сначала я готовила дома для себя и мамы, пока не убедилась, что отточила свое кулинарное мастерство до идеала. Мама хвалила мои успехи, говорила, что моя стряпня прекрасна и что из меня получится

замечательный повар. Потом я стала носить обеды в термосе для сотрудниц на стекольный завод. Они заметили меня. Они не могли запомнить мое лицо, но забыть вкус еды, которую я приготовила, им было не под силу. Через некоторое время мне предложили работу в столовой нашего завода. Даже начальники, которые обычно ходили обедать в ресторан, начали есть в столовой. Затем подтянулись и клиенты с улицы.

– И вы таким образом встретили будущего мужа? Острая боль воспоминаний пронзила Хедвику даже сквозь пелену лекарств.

– Мама умерла весной того года. Она была единственным человеком, который заботился обо мне, я осталась совершенно одна. У меня была паника. Я боялась, что теперь окончательно исчезну, перестану для всех существовать, что меня теперь вообще никто не заметит. Было страшно смотреть в зеркало: а вдруг я снова увижу себя без лица. Но тогда в моей жизни возник Моржич. Моржич приходил за покупками в лавку при нашем производстве, частенько он заглядывал и в столовую. В конце концов он сделал мне предложение.

– Он попросил вашей руки?

– Да. Он решил жениться из-за моей стряпни.

Ну, по крайней мере, это была одна из причин. Возможно, второй причиной было то, что после смерти мамы мне по наследству остался небольшой капитал. Вероятно, это его сестра подкинула такую идею: жениться. Но когда Моржич Валента попросил моей руки, я согласилась. Хотя мне было девятнадцать, а ему сорок, хотя он был маленького роста, толстый и некрасивый, я сказала «да».

– Итак, вы сыграли свадьбу. Был ли он влюблен в вас?

И снова скополамин с амиталом не смогли полностью отключить ее эмоциональные реакции: она горько рассмеялась.

– Влюблен? Какое отношение любовь имеет к браку? При чем тут любовь? Вы не понимаете, да и никто не понимает, что такое быть одинокой по-настоящему. Все когда-нибудь ощущают одиночество, но то, что все испытывают, это мимолетная инфекция, как простуда. Одиночество, которое я испытала и в детстве, и в молодости, было похоже на рак. Моржич Валента знал, каково это – быть одиноким, никем не замеченным. Мы поженились, чтобы спасти друг друга от одиночества, но это привело к тому, что мы были одиноки вместе. Моржич озлобился, он стал критиковать меня за любую провинность,

указывать на каждый мой недостаток. Вот что я вам скажу, он любил мою стряпню, уплетал ее за обе щеки. Но он когда-нибудь говорил об этом? Он когда-нибудь хвалил меня? Никогда. Вы спрашиваете меня, любил ли он меня, и я вам отвечу, что да, любил: он любил мои кулайды^[27] и брамборачки^[28], мою свичкову^[29], мои котлетки-карбанатки. Но больше всего, хотя он никогда не говорил об этом, он любил мое вепро-кнедло-зело^[30]. О да, истинным объектом желания Моржича Валенты была тарелка приготовленного мною жаркого из свинины!

– Между вами не было никакой привязанности?

– Никакой. Он унижал меня при каждом удобном случае: все говорил, что я уродлива и скучна, что я серая мышь и что он мог бы выбрать жену намного лучше. «Ты не Адина Мандлова^[31] и не Анни Ондра»^[32], – приговаривал он. Он частенько упоминал их, потому что знал, что я считаю поведение актрис кино аморальным, а может быть, потому что догадывался, что я тайно завидую их внешности. Конечно, у меня никогда не хватало смелости ответить ему тем же, сказать: «Но и ты не Карел Ламач»^[33].

– А вы? Как вы относились к мужу?

– Я не испытывала к нему никаких чувств. Он был таким человеком, по отношению к которому легко оставаться равнодушной. Но у него была хорошая работа. Он частенько бывал в разъездах, был специалистом по украшениям из стекла и неплохо зарабатывал на этом. Вот почему он иногда посещал наш завод. Его интересовали кристаллы алмазной огранки и бусины с крошечными фарфоровыми цветами в середине. Колье, серьги, браслеты... Сразу после свадьбы он настоял на том, чтобы я бросила работу. Мы жили в большой квартире в центре Млада-Болеслава. Муж держал все ценности в сейфе в столовой. Он нередко бывал в командировках неделями, ездил по всей стране. У него был маленький мотоцикл «Ява», он закидывал портфель с образцами на спину, натягивал кожаный мотоциклетный шлем и защитные очки на свою маленькую голову. Шлем был слишком тугим и придавал ему нелепый вид. Он был похож на толстого циркового поросенка, с трудом балансирующего на своем мотоцикле. Всякий раз, когда я видела его спину с этим портфелем, меня охватывала радость.

– Вам нравилось жить без него? Вы отдыхали?

– Мне не удавалось особенно отдохнуть. Каждый раз, когда он уезжал, приходила его старшая сестра Джитка и нередко оставалась ночевать. «Чтобы приглядывать за тобой», – говорила она. Они знали и мне не позволяли забыть, что мне пришлось провести какое-то время в «школе для психов», как они ее называли. Джитка была озлобленной, сварливой бабой, ведьмой, а не женщиной. Такой же жирной, как Моржич. С такой же пухлой рожей, как у откормленной свиньи. Она использовала любую возможность, чтобы похвалить своего дорогого брата и унижить меня. А я, ну, я была слишком кроткой, чтобы протестовать. Но я знала еще кое-что: они оба были без ума от моей стряпни, вот почему Джитка так часто бывала у нас в доме. И я правда не припомню, чтобы кто-то из них похвалил хоть одно блюдо, которое я приготовила.

– Хорошо, Хедвика, – прервал ее Виктор. – Теперь вам необходимо оказаться в определенном месте и времени. Я имею в виду день вашего ареста. Вы можете вспомнить, с чего все началось?

– О, тот день?

– Да, тот день, – повторил Виктор. – Мы можем оказаться там?

Она замолкла на мгновение. Виктор заметил, что пациентам всегда требовалось время, чтобы вспомнить конкретный эпизод из своей жизни. Это не было похоже на судорожный поиск в ментальной картотеке, чтобы извлечь необходимую папку скорее они действительно путешествовали по глубинам подсознания, изучая закоулки собственной вселенной.

– Все началось на кухне, – Хедвига наконец прервала затянувшуюся паузу. – Каждый мой день начинался, проходил и заканчивался на кухне. Моржич снова уехал, но вот-вот должен был вернуться, его сестра тоже собиралась прибыть к обеду, так что я заранее начала лепить пельмени. Я чувствовала себя странно в тот день. Не знаю почему, но я была полна решимости приготовить самое лучшее блюдо из всех, что я когда-либо готовила: заставить Джитку и Моржича – если, конечно, он вернется вовремя – наконец-то признать, что я великолепный повар. По какой-то причине я почти не спала накануне ночью, а когда встала ранним утром, то почувствовала себя как-то не так. – Она нахмурилась. – Нет, я была в порядке, но почувствовала, что все вокруг какое-то не такое. Как будто мир

изменился, понимаете? Вроде бы все так же: квартира, улица за окнами в гостиной, задний двор за окошком кухни, но как будто все перенеслось на другую планету, под другое солнце, и тени, отбрасываемые всем вокруг, тоже были другими. Так странно. А потом он пришел на кухню.

– Моржич?

– Нет.

– Кто пришел на кухню, Хедвика?

– Ангел. Человек. И то, и другое одновременно. Он был самым красивым существом, которое я когда-либо встречала. Он был обнаженным и идеальным. Идеальное тело. Идеальное лицо.

– Вам не показалось странным, что обнаженный мужчина внезапно появился на вашей кухне?

– Нет-нет, вы не понимаете. Он не был обычным человеком. Он был красив. Это был ангел. Кожа как бронза, волосы – струящееся белое золото; от него исходило сияние, воздух вокруг него так и искрился. Он был не просто прекрасным ангелом, разве вы не понимаете? Он был самым прекрасным ангелом. Падшим ангелом.

– Сатаной? Вы хотите сказать, что дьявол явился к вам на кухню в Млада-Болеславе?

– Именно об этом я и говорю. Он заговорил со мной, но ни единого слова не слетело с его уст. Его голос звучал в моей голове. Он объяснил мне все. Он стоял передо мной в кухне, но на самом деле его там не было, как будто его проецировали из какого-то другого измерения. Его красота была ослепительна, и он любезно подождал, пока я привыкну к его сиянию, а потом рассказал мне о щенке. Он рассказал, что это именно он сотворил со щенком то, что потом увидели все. Он не просто рассказал – он показал мне все, что произошло в тот злополучный день, поместив воспоминания в мою голову. Именно он заставил отправить меня в ту школу. Он сказал, что ему не дано чувствовать сожаление или сострадание, что ему наплевать, прощу ли я его за все это, но он пришел, чтобы помириться со мной.

– И как он собирался это сделать?

– Как? Он собирался открыть мне тайны кулинарного мастерства, неограниченной власти над мужскими аппетитами. Он обещал сделать меня величайшим поваром в истории, сделать так, чтобы все

запомнили, кто такая Хедвика Валентова. Без лишних слов, с помощью образов и представлений, возникших по его воле в моей голове, он объяснил мне все о еде. Еда – его стихия, дьявол знает все лучшие рецепты. В одно мгновение он поместил всю историю приготовления пищи в мою голову. Всю философию кулинарии. Он поведал, что каждый прием пищи является подарком, заветом и актом самовыражения. Как в процессе приготовления воскрешается мертвая плоть и как она перерождается и становится самым чистым наслаждением на устах, на языках, на умах и в воспоминаниях. Затем он поделился секретным рецептом дьявола, как можно улучшить мое коронное блюдо, вепро-кнедло-зело. Он подробно изложил, как поджарить свинину, чтобы о ней слагали легенды, чтобы получилось блюдо, которое мой муж и золовка никогда не забудут. Он сделал так, чтобы рецепт возник в моей голове, и это было великолепно. Просто идеально. Само совершенство. Весь процесс занимал больше времени, чем обычно, потому что свинину нужно было готовить гораздо дольше и при более низкой температуре, чем я обычно это делала. Поэтому я тут же приступила к выбору самого лучшего куска мяса и его приготовлению вместе с маринадом и розмарином.

На какое-то время в комнате воцарилась тишина. Слышно было только, как крутятся катушки магнитофона и ровное, легкое дыхание Хедвики Валентовой.

– Я трудилась на кухне все утро, представляя, как отреагируют Джитка и Моржич, как, забывшись, они не смогут скрыть своего восторга. Как им придется меня похвалить. Джитка пришла к обеду, как и договаривались. Она спросила, где Моржич, и я ответила, что он вернется позже. «А почему его “Ява” стоит у дома?» – спросила она. Я предположила, что он, наверное, поехал по делам на поезде. Я заметила, что она смотрит на меня с подозрением, но опять же, она никогда не смотрела на меня иначе. «Вот и хорошо, что я пришла, будет кому за тобой присмотреть», – сказала она.

– Вы накрыли на стол? – спросил Виктор.

– Я накрыла на стол. Для начала я угостила ее желито, домашней кровяной колбасой, которую немцы называют «грюцвурст»; эту колбасу я приготовила по рецепту прекрасного ангела. Я смешала кровь, мелко нарезанную печень и муку с майораном, тмином и перцем. Ангел сказал, что колбасу необходимо подавать охлажденной,

нарезанной тонкими ломтиками, в качестве аперитива, за которым последует черед вепро-кнедло-зело.

– А дьявол, то есть ваш светловолосый ангел, оставался с вами весь день? – уточнил Виктор.

– Он был рядом весь день. Были периоды, когда от его сияния слепило глаза, а в другой момент свечение вокруг него меняло цвет, но он всегда был прекрасен.

– Вам не было страшно?

– Он все время менялся. Его свечение, достигнув предела, становилось тьмой. Но это не было похоже на обычную ночную тьму. Это была сияющая тьма, которая заполняла собой всю кухню, впитывала в себя все краски и весь свет. Это продолжалось буквально мгновение, затем все вновь менялось. После аперитива из желито я подала основное блюдо. Я уже говорила, что вепро-кнедло-зело было моим коронным номером. И на этот раз жареная свинина была идеальной. Все компоненты получились превосходно. Я видела, что Джитка тоже так считает, но она ничего и не сказала. Я наблюдала, как она ест. Джитка была такой же маленькой жирной свиньей, как и ее брат, и она ела с таким аппетитом, что подлива стекала по ее подбородку. В ее свиных глазках читалось, что это лучшая стряпня, которую она когда-либо ела; вкус, аромат – она наслаждалась ими. Но Джитка все еще оставалась Джиткой, поэтому вовсе не собиралась ничего говорить, эта свинья тщательно пыталась скрыть испытываемое удовольствие.

– А дьявол? Был ли дьявол с вами, пока вы обедали?

– Он был! Был! Он осветил комнату своим сиянием. Ангел сидел на другом конце стола, наблюдая за нами и смеясь над Джиткой. Он полыхал бронзовым, красным и золотым и был таким красивым и таким ярким, что было больно смотреть на него. Он сказал мне, что видит нас и что я могу видеть его, но Джитка не могла. Он сказал, что доволен тем, как я приготовила блюда по его рецепту. Джитка съела все до последнего кусочка. Она отломилла краюшку хлеба, чтобы промокнуть до капли весь соус, и доела все кнедлики, которые я отложила на отдельную тарелку. Обед подошел к концу, но она так и не сказала, насколько вкусной была еда. Джитка была слишком подлой и мелкой, чтобы признать это. Но она спросила, где я взяла свинину.

– И вы ей рассказали? – спросил Виктор.

– О да, я ей рассказала. Как же прекрасный ангел смеялся, когда я рассказывала! Его смех звенел в моей голове, но, конечно, Джитка не слышала этого смеха, она начала плакать и кричать – ее крик был больше похож на пороссячий визг, – и она так испугалась, что не могла встать из-за стола.

– Она кричала, потому что вы рассказали ей, что она только что съела своего брата? – уточнил Виктор. – Вы убили его, а затем приготовили из его тела обед?

– Я рассказала ей, что на самом деле Моржич приехал домой еще прошлой ночью и что прекрасный ангел велел мне в то утро подняться, пока муж еще спал, и перерезать ему горло ножом для филе. Он велел мне взять тазик, чтобы слить кровь для приготовления желито. Он также объяснил, что мне придется вырезать кишку и очистить ее, чтобы использовать в качестве оболочки для колбасы. В то время как ангел диктовал мне рецепт, Моржич лежал, дергаясь в предсмертных судорогах, пока кровь стекала в таз. Это была хорошая, густая, жирная кровь, она идеально подходила для приготовления колбасных изделий. Как я и ангел смеялись! Как только Моржич прекратил дергаться, прекрасный ангел очень внятно и четко объяснил, как именно я должна разделать тушу, чтобы получить самые сочные кусочки. Все это было очень интересно, вы знаете, действительно захватывающе, и я даже попыталась объяснить некоторые из наиболее интересных технических моментов Джитке, но она не стала слушать. Она просто плакала и кричала. Соседи, должно быть, услышали визг Джитки и начали стучать в дверь, но я игнорировала их. Должно быть, они позвонили в полицию. Тем временем прекрасный ангел пел мне красивые песни. Когда наконец прибыла полиция, они нашли то, что осталось от Моржича в ванной.

– Что же случилось с Джиткой?

– Полиция приехала. Они застали меня на кухне. В сковороде я обжаривала голову Джитки с солью, молотым перцем, майораном и петрушкой. Все как положено для бульона.

В комнате снова все стихло, не было слышно ни звука, кроме тихого пощелкивания магнитофона и размеренного дыхания пациентки. Перед Виктором лежала папка, в которой были фотографии из полицейского отчета. Там же были свидетельские показания изумленных соседей и других людей; они говорили о Моржиче

Валенте как о внимательном и любящем муже, всегда заботливо относившемся к своей эмоционально хрупкой жене, а его сестра Джитка была нежно предана Хедвике за то счастье, которое она принесла ее брату.

– Вы встречались с сатаной с тех пор? – наконец спросил Виктор.

– О да, да, много раз. На самом деле он и сейчас здесь. Прекрасный ангел стоит в этой комнате во всей своей красе.

Виктор почувствовал волнение. Вот оно, возможно, ему предстоит вступить в непосредственный контакт с тем, что он искал: с дьявольским аспектом в бессознательном госпожи Валентовой.

– Могу ли я поговорить с ним?

– Нет, – хмуро ответила Хедвика. – Вы не можете. Он не будет с вами общаться.

– Где он?

– Разве вы не знаете? – изумилась Валентова. – Отчего же вы молчите? Он стоит прямо за вами. Дьявол положил руку вам на плечо...

11

Похолодало. От влажного пара горячей еды и дыхания посетителей окно у столика, за которым он сидел, запотело. Все в этом месте было крепким и добротным: пол из каменных плит, витрины из толстого стекла, столы из темного дерева. Ничего удивительного: трактиру этому было лет двести. В городе и стране, где свинина была самым распространенным продуктом, не так-то просто было найти заведение, которое отвечало бы его вкусам. Он уже подумывал о том, не лучше ли обедать дома, но на то, чтобы готовить себе еду, не было ни времени, ни сил. Но потом он нашел это место и стал постоянным посетителем. Каждый сотрудник городской полиции знал, где можно разыскать капитана Лукаша Смолака, если его нигде нет, – в первую очередь нужно заглянуть в таверну «Ипподром».

Почему это славное место так странно называлось, Смолак не знал, и это не давало ему покоя. В самом сердце Праги, в тесном историческом центре, сложно было представить ипподром или конный манеж. В конце концов он пришел к выводу, что таверну называли так

нынешние владельцы, не блещущие оригинальностью, и они же изобразили синей краской лошадей на вывеске над дверью. Но не исключено, что это название было более древним, чем Старый город, и сохранилось с незапамятных времен первых поселений в этих краях.

«Вот это и есть особенность нашей страны, – думал Смолак, неспешно поглощая овощное рагу. – И головокружительная старина и недавнее прошлое всегда рядом, а мы пытаемся смотреть в будущее».

Он устал и был мрачен. После самоубийства Бихари в полицейском участке призрак цыгана преследовал его в ночных кошмарах. Все вокруг, кроме него самого и, возможно, доктора Бартоша, были убеждены, что последние слова Бихари были признанием в том, что дьявол, которого он не мог выкинуть из головы, и был той его частью, что заставляла убивать и калечить несчастных женщин. Все единогласно решили, что цыган, совершив самоубийство, убил дьявола, убил Кожаного Фартука.

Однако Смолак сомневался.

Как и всегда, он сидел за столиком у окна, между рам была насыпана галька, сквозь стекла, мутные от конденсата, капитан смотрел на призрак Старой Праги и думал, не означает ли его бездействие и нерешительность, что по городу разгуливает настоящий Кожаный Фартук. Сидя в таверне под защитой толстых стен, он испытывал чувство вины, потому что монстр, дьявол в человеческом обличье, все еще бродит по улицам и не торопясь выбирает следующую жертву.

Пессимистические настроения Смолака не улетучились и после телефонного разговора с главным психиатром больницы для умалишенных преступников. Профессор Романек, хотя и показался с первых минут беседы разумным и дружелюбным, без восторга отнесся к просьбе о том, чтобы навестить пациента клиники Михала Мачачека, которого красавица Анна Петрашова назвала ведущим специалистом по божьему стеклу.

Вскоре он понял, что профессор так подозрителен, потому что считает, что детектив, возможно, захочет расспросить Мачачека о преступлениях, в которых его подозревают, но в которых он так и не признался. Смолак заверил Романика, что его интересуют профессиональные знания Мачачека, а не убийства, которые он, возможно, и совершил. Они договорились, что Смолак приедет через

четыре дня. Как объяснил Романек, чтобы получить хоть сколько-нибудь вразумительную информацию от Мачачека, требовалось, чтобы пациент был не слишком взволнован из-за внезапного визита. Кроме того, сейчас он проходит курс лечения у доктора Виктора Косарека, а этот Косарек предложил революционный метод – что-то вроде сеансов глубокого лекарственного гипноза, после которых Мачачек может пребывать в дезориентированном состоянии пару дней. Смолак настаивал на том, что дело не терпит отлагательств, но Романек был не умолим.

Он ничего не сказал Романеку о другой причине, по которой решил посетить клинику: ему хотелось поставить посмертный психиатрический диагноз Тобару Бихари. Возможно, эксперты клиники могли бы высказать свое мнение о том, сражался ли цыган с внутренним демоном или действительно жил в страхе перед кем-то еще. Доктор Бартош был прав, следовало бы обратиться за помощью раньше.

Рагу было недурно приготовлено, но, пожалуй, с приправами переборщили. Марта, шеф-повар и мать владельца «Ипподрома», искренне полагала, что недостаток мяса в рационе постоянного посетителя должен компенсироваться большим количеством специй, пряностей и соли. На город спустились сумерки. Смолак протер рукавом запотевшее окно. В нем отразились интерьер таверны и он сам.

Лукаш Смолак никогда не был склонен любоваться собственным отражением. Он был человеком приятной наружности: открытое, честное лицо, хорошо сложен, мускулист, – но ему казалось, что его внешность обманчива. Так оно и было на самом деле: при всех своих достоинствах капитан Смолак казался простоватым и даже туповатым (полицейский, что с него взять), между тем он был неординарной личностью, человеком далеко не простым.

Эта двойственность не раз помогала ему: многие преступники на допросах выдавали себя с головой, недооценив острый ум детектива, умело сокрытый за кажущейся простотой.

Он снова вспомнил богатую и красивую владелицу магазина Анну Петрашову. Признаться, он думал о ней с момента их встречи. Сначала она была холодна и смотрела на него свысока, но затем проявила

участие к его делу. Разглядела ли она его остроумие за внешней простотой? Поняла ли она, что он вовсе не «туповатый полицейский»?

Смолак пытался развеять наваждение, но ее образ вновь и вновь возникал в памяти. Он знал, что они никогда больше не встретятся. А что, если набраться смелости и пойти в магазин, пригласить ее выпить или пообедать с ним, а может, посетить театр или сходить в кино? Что она ответит? Не посмеется ли над ним? Смолак с удивлением обнаружил, что злится на себя, воображая эту встречу. Да нет же, этого никогда не случится. Он никогда больше не увидит прекрасную Анну Петрашову.

Он доедал овощное рагу, не отрывая взгляд от тарелки. Хлопнула тяжелая входная дверь, и кто-то торопливо спустился по каменным ступеням. Смолак знал, что это пришли за ним и принесли плохие вести.

Он поднял глаза. Перед ним стояли два полицейских офицера и Мирек Новотны, дежурный детектив.

Как и все, кто изо дня в день имеет дело с капризами человеческого разума, Виктор Косарек удивлялся тому, насколько он не может постичь тонкости собственного поведения. Он планировал купить машину, чтобы облегчить поездки до Праги и обратно, но был слишком увлечен новой работой, чтобы предпринять для этого хоть что-нибудь. Поэтому пришлось отправиться в город на поезде. Ему ни разу не приходило в голову, что стоит ему вернуться на станцию Масарик, как тут же пробудятся тревожные воспоминания об отчаянной битве молодого мужчины с воображаемыми демонами. *Великая печаль* заблудшей души была излечена пулей полицейского, но не врачами.

Все следы на станции убрали, но все равно воспоминания были живы. Виктор думал вовсе не о том, что под угрозой в тот злополучный день была его собственная безопасность, а о том, что в критической ситуации он продемонстрировал свою профессиональную несостоятельность. Вдобавок ко всему у выхода Виктор столкнулся с

тем самым юношей-носильщиком в форме с чужого плеча. Судя по мрачному взгляду, парнишка узнал его.

А в дороге, наблюдая за мелькающими за окном пейзажами, Виктор сосредоточенно обдумывал, с чего начать поиски друга, Филипа Старосты. Что же за беда с ним стряслась? Он пытался дозвониться до него несколько раз, но безуспешно. Зная, что Филип склонен к приступам депрессии, Виктор уже не просто беспокоился – он паниковал. Его тревожило, что друг может совершить непоправимое – наложить на себя руки.

Он взял такси и сразу с вокзала поехал к Филипу. Тот обретался на последнем этаже жилого дома в стиле *секесе* в восточной части Старого города. Модерновый лифт с цветными витражами и растениями, выкованными из железа, не работал, и Виктор пошел пешком. Эхо его шагов разносилось по парадной. Добравшись до последнего лестничного пролета, он с облегчением услышал, как в квартире наверху отодвинулась задвижка дверного замка. Скорее всего, Филип услышал, что к нему идет гость, – его квартира на пятом этаже была единственной.

Каково же было удивление Виктора, когда в дверях его встретила простоволосая молодая брюнетка, а откуда-то из глубины квартиры доносился истошный плач младенца.

Он снял шляпу и представился, объяснив молодой женщине, что ищет Филипа Старосту.

– Ах, Филип... Он снимал эту квартиру до нас, – сказала она рассеянно. – Подождите минутку... – Она исчезла в квартире, оставив Виктора у открытой двери. Плач стих. Женщина вернулась с младенцем на руках. – Мы никогда не встречались с ним, он вывез свои вещи за несколько недель до нашего переезда сюда, но мы нашли вот это. – Она протянула Виктору листок бумаги. – Я решила, что по этому адресу следует пересылать его почту и прочее. Во всяком случае, для чего-то он оставил адрес. Может быть, вы найдете его там.

Виктор смутился на мгновение и прочитал записку. Ему понадобилось время, чтобы запомнить адрес, затем он протянул листок женщине.

– Вы можете оставить это себе, – сказала она. – Ему ни разу за все это время не приходила корреспонденция, и вы единственный, кто

ищет его после переезда. Не думаю, что кто-то еще будет им интересоваться.

– А когда вы переехали сюда? – спросил Виктор.

– Больше двух месяцев назад. Почти три.

Виктор вдруг осознал, что в течение трех, может быть, четырех месяцев Филип не приглашал его к себе в гости, они всегда встречались где-то. Почему он так скрытно поменял место жительства?

Он задумался. Вдруг его осенило:

– Но я звонил сюда, и Филип отвечал мне!

– Здесь нет никакого телефона.

У женщины было широкое восточнославянское лицо. Говорила она с ярко выраженным акцентом. «Наверное, русская», – подумал Виктор. В ее взгляде и голосе читалось все возрастающее подозрение к незнакомцу. Она мельком посматривала, нет ли кого-нибудь еще у него за спиной и на лестнице внизу, и постоянно оглядывалась в сторону квартиры.

Виктора раздражало ее недоверие, но, подумав о том, что в последнее время из-за убийств, совершенных Кожаным Фартуком, пражские газеты пестрели предостережениями о том, что лучше избегать общения с незнакомцами, он улыбнулся, быстро извинился за беспокойство и направился к выходу.

Виктор нашел дом, адрес которого был указан в записке. Он располагался в темном закоулке с разбитой брусчаткой во Вршовице, на юго-востоке от Старого города. Это была не самая лучшая часть города по соседству с металлообрабатывающими заводом и фабриками.

В воздухе витал дух разочарования. Закопченные жилые дома были густо населены, во дворах доживали свой век настолько старые и ржавые машины, что, казалось, с них давным-давно уже сняли двигатели, оставив лишь скелеты-каркасы.

Виктору потребовалось немало времени, чтобы найти дом, номер которого был указан на листочке, а так как он не встретил ни одной живой души, спросить было не у кого. Совершенно случайно он заметил узкую щель между домами. Заляпанная грязью табличка сообщала, что проход к домам номер 71 и 73 находится здесь.

Вопреки ожиданиям, Виктор увидел вовсе не многоквартирные муравейники, а скорее бывшие каретные сараи, наспех переоборудованные под дешевое жилье. Из окна второго этажа за его передвижениями с неподдельным интересом наблюдал какой-то старик, важно водрузив локти на подоконник и покуривая трубку.

Отыскав квартиру, Виктор постучал, и дверь ему открыл Филип. Судя по выражению лица, он был неприятно удивлен. Виктору пришло в голову, что его собственное лицо выражало крайнее удивление: Филип Староста сильно исхудал и был болезненно бледен. Копна светлых волос напоминала мочало. На лице проступила двухдневная щетина. Судя по сальному воротнику, рубашка давно нуждалась в стирке, да и вся одежда на нем была измятой и грязной. Это совсем было не похоже на Филипа, который всегда со вкусом, стильно одевался.

– Боже мой, приятель, – воскликнул Виктор. – Что с тобой случилось?

– Случилось? – Филип уставился на него невидящим взглядом. Его голубые глаза, казалось, выцвели. – Со мной ничего не случилось. Со мной никогда ничего не случится.

– Можно мне войти?

Взгляд Филипа на мгновение вспыхнул.

– Конечно, – сказал он и отстранился, чтобы пропустить Виктора.

Квартирка представляла собой одну большую комнату с кухней, из которой по лестнице можно было подняться в спальню. Еще одна дверь была плотно закрыта. Виктор с облегчением выдохнул, убедившись, что в квартире было относительно чисто, но главное – в ней чувствовался прежний дух Филипа. Повсюду были книги: стены скрывались за высокими шкафами, плотно заставленными фолиантами всех размеров, большие стопки книг занимали весь обеденный стол, а чтобы позволить гостю сесть, хозяину пришлось убрать еще одну стопку с кожаного стула в углу.

– Что с тобой случилось? – снова спросил Виктор. – Не пытайся скрыть от меня. Я же вижу, что-то не так. Почему ты не сообщил мне, что переехал? Дружище, ты заставил меня понервничать.

Филип пожал плечами.

– Не о чем беспокоиться. Я потерял работу в университете, вот и все. Ты меня знаешь, я не умею держать язык за зубами, у меня на все

свое мнение. Так что пришлось приспособливаться к новым обстоятельствам... – Он обвел рукой помещение. – Просто не хотел беспокоить тебя, пока с работой не разобрался, извини.

Он сел напротив на потрепанный кожаный диван.

– Боже, Филип, жаль это слышать. И чем ты планируешь заняться?

– Я уже занялся. Пишу. Написал две пьесы и отправил их Франтишеку Лангеру в Городской театр. Он еще не ответил, но я с нетерпением жду его реакции. Это две первые пьесы из сюрреалистической серии о древних славянских богах, живущих в современном мире, здесь, в Праге. Если Городской театр с помпой ставит дурацкие спектакли черт-те о чем, то мои пьесы должны их заинтересовать... – Он говорил заторможенно, без всякого пыла. – И это еще не все. Я пишу книгу.

– Книгу? И что за книгу?

В глазах Филипа вдруг зажегся огонь.

– Большую и очень важную книгу. Окончательная и наиболее полная на сегодняшний день история богемских мифов и легенд. Весь западнославянский пантеон, все мифы, вплетенные в наше сознание. Говорю тебе, это будет великая книга, и она принесет мне славу.

– А на что ты живешь, пока пишешь?

– На пособие, – ответил Филип. – Все-таки есть одно неоспоримое преимущество в том, что у моего богатого отца нет времени на сына и он заменяет общение наличными. Дает немного, но этого достаточно, чтобы кое-как существовать.

– Послушай, Филип, я должен спросить тебя кое о чем. Ты употребляешь наркотики? – нахмурился Виктор. – Пусть ты в полном дерьме, с ними будет только хуже.

Филип фыркнул.

– Я похож на наркомана, приятель? А я-то думал, что ты хорошо знаешь меня. – Передразнивая серьезные интонации Виктора, он проговорил: – Нет, я не употребляю наркотики. Мои настроения зависят только от меня и моего самочувствия. И с чего ты взял, что я в полном дерьме?

Они сидели и разговаривали. Время от времени Филип погружался в себя, и Косареку приходилось тормозить его. Рассказывая о своих проектах, Филип раздухарился. Но это оживление

беспокоило Виктора. Он видел в нем предвестие приступа мании. К тому же он вспомнил свой разговор с профессором Романеком о взаимоотношениях бессознательного с мифами и легендами. Виктору пришло в голову, что при написании работы о западнославянской мифологии его друг мог соприкоснуться с собственными внутренними демонами.

– Полагаю, моя работа будет особенно интересна для вас, исследователей бессознательного, – скороговоркой проговорил Филип. – Видишь ли, есть три основания древних богемских верований. Первое – это дуализм: все принадлежит свету или теням. Свет управлял Сварогом Ярким, а Тени – Чернобогом Темным и Мораной, богиней ночи, зимы и смерти. Второе – это царство простых духов: богов и демонов, которые берут свое начало в силах природы. Третье – культ смерти; мертвые населяют другой мир, которым управляет Велес, и вход в этот мир лежит через пещеры. – Он воодушевленно закивал. – Разве это не имеет смысла, Виктор? Ты же последователь Юнга, не так ли? Разве ты не видишь соответствий?

Виктора вновь охватило беспокойство.

– Мы, юнгианцы, считаем, что причины, по которым боги и демоны имеют одинаковую форму в разных культурах, заключаются в том, что они происходят из общих архетипов, – сказал он. – Но судя по всему, дружище, ты нашел предмет своего исследования и по-настоящему увлечен.

– О да, нашел. Нашел!

Филип встал направился в кухню и вернулся с двумя рюмками и бутылкой бехеровки. Виктор обратил внимание, какими изысканными были эти рюмки: стекло переливалось фиолетовым, зеленым и синим, ножка была в виде стебля, удерживающего колоколообразную чашу.

– Что-то новенькое, – сказал он, поворачивая рюмку кончиками пальцев. – Никогда не видел таких раньше.

Филип пожал плечами.

– Подарок. От поклонницы, которая знает толк в таких вещах.

Он наполнил рюмки и сел напротив Виктора. За беседой и ликером они просидели достаточно долго. Виктор заметил, что его друг успевал выпить дважды, пока он сам растягивал одну порцию.

Наконец, явно разогретый ликером, Филип начал расспрашивать Виктора о его жизни, о новой работе. В двух словах, не вдаваясь в

подробности, Виктор рассказал о своих пациентах. Затем он вспомнил о письменах на лесной часовенке. Он описал Филипу строение, не забыв упомянуть о том, что надпись на темном от времени дереве была совсем свежей.

– На мой взгляд, это глаголица. Скорее всего, старославянский язык.

– Ну что же ты тянешь, дай посмотреть, – сказал Филип и нетерпеливо протянул руку.

Получив записку, он тут же открыл тетрадь и начал записывать перевод, не прибегая к помощи справочников и словарей, несмотря на то что был окружен ими.

– Это очень интересно... – Филип вырвал листок с переводом из тетради и вручил Виктору вместе с оригиналом.

Читая, Виктор почувствовал, что его бросило в дрожь. Строки вонзались в сознание:

*Я здесь, и я останусь здесь,
Тут зло вокруг витает.
Я здесь, и я останусь здесь,
Тут дьявол обитает.*

Говорят, дома похожи на своих владельцев. Бесспорно, здесь был именно такой случай. Смолак топтался в роскошном холле – он с трудом сдерживал бурю эмоций, захватывавшую его всякий раз, когда он вдруг осознавал, что увидит Анну Петрашову еще раз, что их встреча неизбежна. Он ощущал флер ее сдержанной элегантности во всем, что его окружало. Он мечтал, чтобы этот миг никогда не заканчивался, чтобы это ощущение, делавшее ее близкой, фактически осязаемой, длилось как можно дольше, но предстояло совсем другое.

Ее дом был именно таким, как он представлял себе, за исключением того, что почему-то он полагал, что живет Анна Петрашова поближе к деловому центру города. Оказалось, что ее вилла была на севере, за Влтавой, с видом на сады в Бубенече^[34].

В доме многое напоминало о ее работе: в торговом зале «Посуда и украшения из стекла Петраш» колонны и пол были выполнены из того же полированного мрамора и оникса; тот же сдержанный декор на стенах – ровный тон без узоров, чтобы не отвлекать внимание от смелой геометрии и ярких цветов модернистских и супрематических картин, украшавших интерьер.

И конечно же повсюду было стекло: сияющие водовороты из фиолетового, зеленого и синего на узких горлышках ваз и широко распахнутых раковинах блюд и тарелок. В холле Смолак увидел нечто, что безропотно мог назвать самым прекрасным произведением искусства, сотворенным стеклодувами, – вазу высотой полтора метра, изготовленную из уранового стекла. Ваза имела угрожающе хищный вид: длинные ростки, похожие на щупальца, поднимались от основания к узкому горлышку, сливались воедино, а затем, снова переплетаясь, устремлялись к краям, напоминая то ли экзотический цветок, то ли пасть чудовища. Изысканные формы вазы вызвали восхищение, но сильнее всего детектива поразили цвета: стекло переливалось всеми оттенками радуги, подобно перу павлина, и, казалось, что ваза излучает свет.

Прибыть сюда по срочному вызову казалось невероятным. Ощущение, что мир не перестает удивлять, в последнее время преследовало капитана Лукаша Смолака. Полицейские, а особенно детективы, расследующие убийства, обращают внимание на то, чего не видят другие. Он привык ориентироваться в ситуациях, которые казались другим сюрреалистическими, причудливыми. Тем не менее, будучи представителем профессии, в которой принято ко всему необычному относиться с подозрением, он был склонен трактовать бесчисленные необъяснимые совпадения именно как случайности, стечение обстоятельств.

Смолак стоял в прихожей Анны Петрашовой, со страхом предвкушая встречу с ней лицом к лицу, не переставая изумляться красотой стеклянной вазы, гипнотизирующей, как будто застывшей в движении и переливающейся на свету. Ему казалось, что земля уходит из-под ног.

Да, совпадение, стечение обстоятельств, но такое совпадение даже Смолаку виделось совершенно неправдоподобным.

– Капитан? – обратился к нему Мирек Новотны, его подчиненный, молодой и чересчур амбициозный; он забрал Смолака из кафе «Ипподром» и теперь стоял рядом посреди прохладного, отделанного мрамором холла.

– Где? – спросил Смолак.

– В спальне, – Новотны указал в сторону лестницы с причудливо изогнутыми перилами.

Смолак поднялся на второй этаж. По раздающимся голосам он понял, какая именно из трех спален была пунктом назначения.

Судмедэксперт доктор Бартош и полицейский-криминалист уже были на месте.

Она тоже была там, Анна Петрашова. Лежала на кровати и смотрела на него. Взгляд был тяжелым.

Ему захотелось вернуться вниз, в холл, чтобы стоять и любоваться прекрасной вазой. В холле было спокойно, там царил вкус хозяйки дома. Здесь же, в этой спальне, властвовали хаос, кошмар и боль.

Ее лицо...

Это и было самым ужасным. Лицо Анны Петрашовой было нетронутым. Она была прекрасна. Ее макияж был так же безупречен, как и тогда, когда они виделись в последний раз, волосы так же расчесаны и уложены назад. Малиновые губы слегка приоткрыты, обнажая белые безупречные зубы.

Но все остальное, все, что ниже шеи, было кровавым месивом из плоти и костей.

Как он ни пытался подготовиться по дороге сюда, зная, что его ждет, как ни тянул время внизу, в холле, пытаясь предупредить шок, ничего не помогло. Подступила тошнота, кровь запульсировала в висках, в глазах зарябило и поплыло, Смолака била дрожь.

Вацлав Бартош изучал тело жертвы. Он повернулся и кивнул детективу.

– Значит, наш маленький цыганский друг был невиновен, – сказал он.

– Или работал с напарником, который решил продолжить дело без него, – предположил Смолак, взяв себя в руки.

– Ее зовут Анна Петрашова, – начал было Новотны. – Она владела элитным стекольным магазином в Нове-Место.

– Я знаю, – тихо сказал Смолак.

– Вы знаете?

– Я знаю. Знаю имя, знаю, где она работала. Я знаю ее.

– Вы что, знакомы с жертвой?

– Да, именно это я и сказал. Мы встречались с ней два дня назад в ее магазине.

– Два дня назад?

Смолак повернулся к Новотны. Лицо его потемнело.

– Да, два дня назад. Мне что, каждое слово дважды повторять?

Новотны покачал головой и сжал губы, задумавшись на мгновение.

– Нет-нет, капитан. Просто это, ну, довольно...

– Странное совпадение?

– Ну да. О чем вы с ней разговаривали? – спросил Новотны.

Смолак вперил взгляд в подчиненного. Если Новотны и почувствовал себя неловко, то тщательно скрыл это. Он просто делал свою работу: уточнял о связи своего начальника с жертвой, выяснял, когда он в последний раз видел ее живой. Какова была природа их отношений, он не заикнулся.

– Мы говорили о стеклянной бусине, – ответил Смолак. – О той стеклянной бусине, которую нашли на месте убийства Марии Леманн. Я пришел к Анне Петрашовой с бусиной, как к эксперту. Она не смогла мне помочь и порекомендовала обратиться к Михалу Мачачеку, лучшему специалисту по стеклу. К сожалению, он находится в тюрьме для умалишенных, но я договорился и смогу побеседовать с ним. Орлиный замок, слышали о таком?

Доктор Бартош, склонившийся над телом убитой, обернулся и через плечо уточнил:

– Вы собираетесь в Орлиный замок?

– Да. Во всяком случае, собирался туда. Убийство Анны Петрашовой означает, что мне придется отложить поездку на несколько дней.

Вацлав Бартош кивнул и вернулся к работе. Смолак знал о скандале, который чуть не разрушил его карьеру. Скандал был вызван тем, что его брат, выдающийся ученый, был назван одним из «шестерки дьявола» и заключен в ту самую клинику.

– О боже... – пробормотал вдруг Новотны. – Все это значит, что Кожаный Фартук убил человека, косвенно вовлеченного в

расследование его дела?

– Вот именно, что только косвенно. Это, вероятно, странное совпадение. Но жуткое совпадение.

– Пожалуйста, повторите еще раз. Вы обратились ней по поводу стеклянной бусины, которую нашли на месте преступления в Прагер Кляйнзейт?

Смолак кивнул. Он мог поклясться, что его подчиненный хотел сказать: «стеклянную бусину, которую *вы* нашли». Ведь действительно, нашел ее именно он, Смолак, и нашел после того, как несколько полицейских, осматривавших помещение, не заметили ее. Еще одно совпадение.

Он знал, что Новотны не будет всерьез рассматривать его как подозреваемого, но он также знал, насколько амбициозен молодой офицер. Его смазливое личико вводило в заблуждение, в Миреке Новотны таилась расчетливая жесткость. Новотны слишком хорошо знал, что подозрением можно сильно подпортить репутацию одного человека и в то же время способствовать карьере другого. Времена стояли такие, что холодный расчет в головах молодых карьеристов в девяноста девяти процентах из ста оправдывался.

Лишь об одном можно было сказать с уверенностью: придется взять себя в руки. Отвести подозрения от своей персоны вряд ли удастся, особенно учитывая тот факт, что он *странно* вел себя на месте преступления. Личность жертвы волновала его. Не будет же он рассказывать Новотны о том, что он думал об Анне Петрашовой постоянно с тех пор, как впервые встретил. Его сердце почти разрывалось от вида крови. Вокруг так много крови.

Изначально жемчужно-серые сатиновые простыни были темными и липкими. Стены спальни, выкрашенные в белый, чтобы акцентировать внимание на картины, теперь были расчерчены струями артериальной крови.

Но было еще кое-что. На стене над кроватью рукой, испачканной кровью, кто-то оставил надпись: *Fotze*.

– Как вы думаете, преступник немец? – спросил Новотны. – Или же он хочет, чтобы мы поверили, что он немец?

Смолак покачал головой. Он вспомнил, как во время допроса Бихари утверждал, что Бэнг, демон, который, по словам цыгана,

заставил его наблюдать за убийством Марии Леманн, сыпал немецкими ругательствами.

– Вы знаете, что означает это слово? – спросил он Новотны.

– Конечно. Это значит п****. Так что мы можем утверждать, что это сексуальная агрессия.

– Это больше, чем сексуальная агрессия. Он хочет сказать, что она была *немецкой* п****. До сих пор все жертвы были частично или полностью немецкой крови. По какой-то причине на этот раз он ошибся. Петрашова – не немецкая фамилия. Разве что это фамилия мужа... У нее есть муж?

– Я пока не уточнял, капитан, – ответил Новотны. – Она жила здесь одна, по словам соседей. Наши сейчас как раз опрашивают всех, кто с ней соприкасался. Посмотрим, сможем ли мы еще что-нибудь разузнать. – Полицейский бросил быстрый взгляд на Смолака. – Как вы думаете, ее посещали мужчины?

– Хм... Я ничего по этому поводу не думаю. Она была закрытым человеком – это единственное, что я знаю. – Чтобы скрыть злость, Смолак обратился к Бартошу: – Вы нашли что-нибудь, доктор?

– Жертва тщательно выпотрошена. Ну, это вы и сами видите. Однако на этот раз преступник забрал ее внутренности с собой. Должен обратить ваше внимание: влагалище и матка полностью удалены, как в лондонских убийствах. То есть он, как я и говорил ранее, последователь Джека Потрошителя.

В спальню вошел младший офицер с папкой в руках и протянул ее Новотны. Тот раскрыл папку, пролистал и сказал:

– Это документы жертвы. Они хранились в бюро на первом этаже. Вот, посмотрите.

Смолак взял папку, быстро просмотрел бумаги.

– Черт... Да она силезийская немка по происхождению. Ее девичья фамилия Дитрих. Анна Дитрих.

Офицер, который принес документы, пояснил:

– Соседи говорят, что она взяла фамилию мужа. Ее муж умер около четырех или пяти лет назад, оставив ей свое дело.

– Возможно, убийца наводил справки о ней, – сказал Новотны Смолаку. – А вы, капитан, не знали, что она немецко-чешских кровей?

Смолак сердито посмотрел на него.

– Если бы знал, я бы сказал об этом, детектив-сержант Новотны. Давайте уточним, я встречался с ней только однажды, мы разговаривали меньше двадцати минут и не обсуждали личные вопросы.

– Да-да, конечно. Прошу прощения, капитан, – начал извиняться Новотны, но он достиг своей цели: Смолак увидел удивление на лицах полицейских. Слухи теперь точно поползут.

– Есть еще что-то, – сказал младший офицер. – Вы должны взглянуть на это. Пойдемте на улицу.

Он проводил Смолака, Новотны и доктора Бартоша на задний двор и указал на выбеленную стену здания.

– Должно быть, преступник сделал это, когда уходил. Полагаю, это тоже кровь жертвы.

– Черт побери, – воскликнул Смолак. – Этого еще не хватало! Политика!

– Нет, это не имеет отношения к политике, – возразил Бартош. – На мой взгляд, это дань уважения лондонскому убийце. Практически такое же послание однажды оставил Джек Потрошитель. Просто здесь и сейчас эти слова приобретают политическое значение.

Смолак вздохнул, перечитывая начертанное кровью послание. Как и ругательство на стене спальни, надпись была на немецком языке.

Die Juden müssen getadelt werden.

Евреи должны быть обвинены.

Часть третья

Коллекционер Стекла и Дровосек

1

ВИКТОР НЕ ХОТЕЛ МНОГО пить. Он знал, что эта часть города была не самой безопасной. Почему-то вспомнилось, что две первые жертвы убийцы, которого все зовут Кожаный Фартук, были найдены в паре кварталов от дома Филипа.

Настроение Старосты улучшилось: он расслабился, явно согретый алкоголем. Нервное напряжение, сковывавшее его, спало. Виктору это было на руку: так больше удастся узнать о психическом состоянии друга. Поэтому, когда Филип предложил прогуляться до местного паба, он сразу же согласился, отметив про себя, что он, по сути, применяет к Филипу тот же метод, что и к своим пациентам. Только в качестве транквилизаторов выступали пиво и бежеровка, а не скополамин и амитал натрия.

На улице уже совсем стемнело. Филип надел длинное темное пальто. Виктор вспомнил, что когда его друг приобрел это пальто, совсем не дешевое, оно выглядело стильно и идеально сидело на нем. Теперь же оно было потертым и висело на Филипе, как на вешалке. Шляпа тоже выглядела потрепанной. Он натянул ее на глаза, словно хотел скрыться от мира.

Они вышли через заднюю дверь и попали в маленький дворик. Заперев замок, Филип не положил ключ в карман, а поднял булыжник рядом с дверью и сунул ключ под него.

– Я всегда все теряю, – сказал он, объясняя свои действия.

Туман мелкого дождя муслиновой завесой висел в воздухе. Заметно похолодало. Виктор искренне радовался, что паб оказался близко. Район Вршовице представлял собой несколько длинных улиц, рассеченных паутиной узких переулков с высокими заборами, за которыми скрывались мастерские и склады. Жили здесь в основном чехи, но среди них было немало немцев. В то время как судетских немцев, живших в деревнях, частенько пренебрежительно называли

скопчаками, в больших городах, таких как Прага, немецкое население в основном формировало городскую элиту. В рабочем квартале Вршовице это было не так ощутимо, но все же и здесь на руках немецких рабочих было меньше мозолей: в основном они были хозяевами мастерских или фабричными мастерами.

Паб, в который они пришли, имел немецкое название. Заведение располагалось в подвале, попасть в него можно было, спустившись по крутой лестнице. Низкие арочные окна на уровне тротуара напоминали глаза плывущего бегемота. В пабе было шумно и жарко, пахло солодом и мокрой одеждой. Посетители, как показалось Виктору, в основном были рабочими. По речи он понял, что среди них столько же немцев, сколько и чехов. У барной стойки Виктор почувствовал себя не в своей тарелке: ему казалось, что дорогой костюм, галстук, шляпа и пальто привлекают к его персоне чересчур много внимания.

Он заказал по пиву себе и другу, решив, что этого достаточно, но Филип попросил еще две рюмки яблочной водки. В углу освободился стол, и Филип направился к нему, кивком предложив Виктору следовать за ним.

Они сидели, пили и беседовали. Виктор пытался выудить хоть какие-нибудь подробности об увольнении Филипа из университета – ему хотелось понять, есть ли у друга шанс вернуться, – но Филип уклончиво уходил от ответов. Было видно, что его гнетет что-то еще, кроме увольнения. Так и оказалось.

– Мы расстались с Еленой, – признался он в конце концов, с притворным безразличием пожимая плечами.

– Мне жаль это слышать, – сказал Виктор. – Она была хорошей девушкой. Вы были хорошей парой.

– Нет, не были. Не была. Она была сукой. П*****. Нет, хуже, она была немецкой п*****, – свирепо и неожиданно громко сказал Филип. Настолько громко, что двое мужчин за соседним столом обернулись. Виктор, потрясенный вспышкой ярости друга, нервно улыбнулся и извинился перед ними. Мужчины недовольно отвернулись.

– Они все суки. Все женщины. – Лицо Филипа потемнело. – Они лгут и изменяют направо и налево, но при этом хотят, чтобы мы были в их власти. Они думают, что могут делать все что захотят. Но я скажу тебе кое-что. Тот парень, который их потрошит, – ты знаешь о ком я,

его прозвали Кожаным Фартуком, – наставит их на путь истинный. Пусть он и маньяк, но он единственный, кто знает истинную цену женского отродья.

– Очнись, Филип, ты же так не думаешь.

– Ну почему же? – Он вызывающе посмотрел в глаза Виктору, и вдруг гнев покинул его так же внезапно, как и охватил; он поник, плечи его опустились. – Конечно же нет, я так не думаю. Ох, не знаю, что со мной не так. Во мне столько злости в последнее время... Я злюсь на всех, даже на близких людей, на тех, кто мне небезразличен, таких как ты. Из-за этого меня уволили. – Он вздохнул. – Честно говоря, шансов вернуться на работу в Карлов университет у меня нет. Как, впрочем, и устроиться в любой другой университет. Я ударил Ференца, главу нашего факультета.

– Ударил?!

Филип кивнул.

– Я вышел из себя, не рассчитал силы и выбил ему два зуба. Вызвали полицию. Я провел за решеткой четыре дня, но старик Ференц в конце концов смягчился. Он снял обвинение, взяв с меня обещание, что духу моего не будет в университетских коридорах. На мой взгляд, это справедливо.

– Боже, Филип... – Виктор покачал головой. – Поэтому и Елена ушла от тебя?

– Нет. Мы разругались задолго до этого. Не сошлись в политических взглядах, так сказать. Я был наивен, потому что думал, что можно доверять немке. Я был вдвойне наивен, потому что думал, что могу доверять женщине. Ты же знаешь, что Елена родом с севера, из Либереца, там живут в основном немцы. Добрые малые, уравновешенные, большинство из них члены чешско-германской социал-демократической рабочей партии. Ну, ты в курсе, они против присоединения к Германии, но за само управление в федеральной Чехословакии и все такое прочее. Но Елена не из них. Она печатала прокламации для Конрада Генлейна^[35] и Судетонемецкой партии. Эта глупая сука не понимала, что творит. Она вообще не понимает, что творит. Как я ни пытался ей объяснить, она даже не хотела понять, что собираются делать эти ублюдки. – Филип вновь разозлился.

Виктору становилось все более и более не по себе. Он понимал, что многие посетители паба говорят по-немецки, а его друг

продолжал:

– Через десять лет, нет, через пять или даже меньше, наша маленькая республика исчезнет. Я говорил ей – да, я не раз говорил ей, – что и у нее, и у Генлейна, и у многих из них вскоре не останется ничего, они будут в туалет ходить по разрешению, потому что ими будет управлять этот маленький австрийский эгоист, этот Гитлер.

– Хорошо, Филип, давай потише... – Виктор видел, как двое за соседним столом снова обернулись, а еще один, за другим столом, молча и многозначительно с ними переглянулся.

– Что? Разве двое друзей не могут поговорить? Разве люди не могут обсуждать политику? – снова чересчур громко воскликнул Филип, словно обращался не к Виктору, а ко всем собравшимся вокруг.

Виктор наклонился вперед, поставил локти на стол и сказал тихо и спокойно:

– Конечно, могут. Но всему есть время и место. А сейчас не то время, и мы не в том месте. В наши дни о политике нужно говорить осторожно, Филип, а не публично.

– Да клал я на это, – выругался Филип, снова повышая голос. – Они должны слышать об этом. Каждый должен слышать. Им нужно знать, к чему нас приведет эта маленькая австрийская сволочь и его судетские шавки.

В этот момент мужчина за соседним столом что-то сказал своим приятелям, после чего все трое резко встали и подошли к столику Виктора и Филипа. В их глазах не было ничего, кроме жажды крови.

Филип вскочил.

– Что? – крикнул он. – Какого черта вам надо?

Выплеснув на каменный пол остатки пива, он начал размахивать пустой кружкой перед лицом самого крупного из троих. Отсутствие страха и явная готовность к драке заставили мужчину сделать шаг назад. Виктор воспользовался этим и встал между ними.

– Тише, тише, господа, – подняв руки, сказал он тем же успокаивающим тоном, какой использовал в работе с пациентами. – Мой друг расстроен и слишком много выпил. Вот и все. Я сейчас отвезу его домой, и он больше вас не побеспокоит. Прошу прощения за причиненные неудобства. – Он сунул руку в карман и положил на стол скомканные банкноты и гость монет. – Пожалуйста, купите себе выпить. Мы сейчас уйдем.

Он повернулся к Филипу. Лицо друга еще пылало от гнева. Виктор положил руку ему на плечо и сказал тихо, но твердо:

– Ради бога, Филип, ты смерти нашей хочешь? Пойдем отсюда сейчас же. Я отведу тебя домой.

Расцепив пальцы Филипа, он забрал у него кружку и поставил ее на стол, затем собрал пальто и шляпы. Филип все еще сверлил взглядом мужчин через плечо Виктора, но позволил проводить себя к выходу.

– *Gute Nacht, die Damen*^[36], – уже в дверях сказал мужчинам Филип.

Как только они оказались на улице, он резко встряхнулся, чтобы освободиться от хватки Виктора.

– Мне не нужна твоя помощь. Я просил о помощи? Кто ты такой, чтобы разыскивать меня и совать нос в мои дела? Я ни о чем тебя не просил. Я не один из твоих психов. Я не твой псих.

– Нет, Филип, – спокойно произнес Виктор. – Ты мой друг. Ты мой друг, и я беспокоюсь о тебе. И больше всего меня беспокоит то, что ты заранее знал, что это немецкий паб. Ты решил пойти туда, чтобы во что бы то ни стало ввязаться в неприятности, я угадал? Тебе нужно взять себя в руки, дружище.

Гнев Филипа начал утихать, но он все еще казался взбудораженным.

– Отпусти меня, Виктор. Оставь меня в покое. Я как-нибудь сам разберусь со своей жизнью, а ты вернешься к своей. Возвращайся, строй карьеру, планируй будущее. Разве ты не понял, что от меня стоит держаться подальше? У меня проблемы, я знаю это. Я провоцирую хаос. Вот почему я отстранился от тебя. Если бы ты только знал... – Филип запнулся на полуслове.

– Если бы я знал что? – Виктор взгляделся в лицо друга. В слабом свете уличных фонарей он выглядел еще более бледным и хрупким, словно был призраком, тенью прежнего Филипа. Как будто его и не было.

– Не обращай внимания, – сказал Филип. – Помнишь, мы шутили, что мы с тобой разные стороны одной монеты, аверс и реверс. Это не так. Мы разные монеты, отлитые из разных металлов. Ты хороший, я плохой. Вот и все, что нужно знать. Ты не сможешь предотвратить то, что со мной происходит, но если будешь рядом, это может испортить

тебе жизнь, твое будущее. Ты должен отпустить меня, оставить меня в покое.

– Ты мой друг, Филип, вот что я тебе скажу. Я не собираюсь...

У Виктора не было возможности закончить мысль. Они дошли до того места, где узкая улица упиралась в транспортную развязку. В этот момент из-за угла вышли трое и остановились, освещенные тусклым лучом уличного фонаря.

2

– Так когда же вы планируете отправиться в Орлиный замок?

– Что, простите? – Смолак повернулся к доктору Бартошу, сидевшему рядом с ним. Он вызвался отвезти Бартоша домой, после того как они завершили все бумажные дела в участке. Оба устали после долгого рабочего дня, сказывалось также эмоциональное истощение, которое совершенно не зависит от того, как часто приходится по долгу службы сталкиваться с насильственной смертью. К смерти не привыкнешь.

– Я спросил, когда вы планируете поехать в клинику. Если вы, конечно, не возражаете, я бы поехал с вами.

– Но зачем? – спросил Смолак.

– Вы сами знаете, капитан, – устало вздохнул Бартош. – Вам прекрасно известно, что именно там находится Доминик. Ни для кого не секрет, по крайней мере, в пражской муниципальной полиции, что мой брат – один из «дьявольской шестерки».

– Да, – кивнул Смолак. – Я знаю это. И поэтому вы хотите поехать со мной.

– Просто я подумал, раз уж вы собираетесь туда, то, вероятно, можете мне организовать встречу с братом. Я был бы благодарен, если бы вы пригласили меня составить вам компанию. Глупо, но я боюсь встречи с ним. Прошло пять лет, но каждый раз, когда я думаю о том, что нужно навестить Доминика... – Бартош снова вздохнул. – Мне всегда казалось, что при встрече с братом лицом к лицу я столкнусь и с тем, что он сделал.

– Понимаю, – кивнул Смолак.

Конечно же он знал о Доминике Бартоше, блестящем физике, ставшем убийцей. Как сказал доктор, в пражской муниципальной полиции об этом знали все. А некоторые, в том числе Смолак, даже предполагали, что Вацлав Бартош выбрал карьеру полицейского врача, чтобы загладить преступления, совершенные его братом.

– Буду рад помочь, постараюсь устроить для вас эту встречу, – сказал Смолак. – Да и компания в дороге мне не помешает.

Оба замолчали. Ночная Прага скользила мимо окон «праги пикколо» угловатыми тенями и причудливыми барочными силуэтами, напоминавшими геометрию экспрессионистов. Наконец они подъехали к дому Бартоша.

– Не хотите ли выпить немного шнапса? – спросил доктор, наклоняясь к окну Смолака, перед тем как зайти в дом.

– Нет, спасибо, доктор. Сегодня был очень долгий день. – Это была правда, к тому же Смолак видел, что не менее уставший Бартош пригласил его из вежливости.

Получив отказ, доктор с облегчением выпрямился.

– До скорой встречи, поговорим еще. Спасибо, что подвезли. – Он на мгновение сделал паузу. – То, что мы видели сегодня... То, что он сделал с этой женщиной... Это неспроста, в этом есть особый смысл.

– Да?

– Это эскалация. Он явно вдохновлен Джеком Потрошителем, но, боюсь, что он хочет пойти дальше.

– Что вы имеете в виду?

– Он хочет стать не просто таким же знаменитым, как лондонский убийца, а более известным. Он хочет, чтобы его слава затмила память о Джеке Потрошителе. Вы понимаете, что это значит.

– Что жертв будет больше, чем в Лондоне. Что он не остановится. Он будет продолжать убивать, пока мы его не поймает.

Бартош кивнул.

– Настоятельно рекомендую вам спросить экспертов в Орлином замке о том, что они думают о Кожаном Фартуке. Спокойной ночи, капитан.

– Спокойной ночи, доктор.

Смолак проследил, как маленький полицейский врач зашел в парадную. Ему нравился Бартош, но его беспокоило, что брат

известного серийного убийцы так тонко понимал мышление преступника.

У Виктора не было времени разглядеть, были ли это те трое из паба. Не успел он опомниться, как один из них ударил его. На мгновение он отключился, а очнувшись, обнаружил, что лежит на мокрых булыжниках. Он шевельнулся, и этот момент к его голове полетел тяжелый ботинок; удар был нацелен в лицо, но так как нападавший поскользнулся, пришелся в плечо. Виктор сжался, ожидая следующего, более точного удара. Но его не последовало. Он услышал крик. Истошный, безумный крик. Крик сумасшедшего.

С трудом поднявшись на ноги, Виктор увидел, что никто не собирается добивать его. Один из троицы прислонился к стене дома и судорожно сжимал правое предплечье. Ткань рукава расцвела черно-красным в уличном свете. Двое его приятелей пытались приблизиться к нему, чтобы помочь, но на их пути стоял Филип. В свете фонаря блеснуло что-то длинное и блестящее. Нож. Филип размахивал перед их лицами длинным ножом. Он без остановки кричал, осыпая немцев гнусными оскорблениями, смакуя подробности того, что он сделает с ними и с их женщинами, если разыщет их.

Виктор понял, что гнев нападавших испарился: они осознали, что имеют дело с чем-то гораздо более опасным, чем уличная драка. Ожидавшие в засаде, они сами попали в засаду, и на их лицах отразился ужас.

Виктор подскочил к Филипу.

– Отпусти их, – закричал он.

Филип обернулся и посмотрел на Виктора, теперь лезвие ножа было направлено в его сторону.

– Пусть заберут своего приятеля и уходят, – сказал Виктор уже спокойнее. – Они свое получили.

Филип пожал плечами и кивком головы указал немцам на раненого. Поколебавшись, они подбежали к нему и торопливо увели по направлению к пабу.

– Нам лучше уйти отсюда, – сказал Филип. – Хотя эти ублюдки сами заварили кашу, они наверняка позвонят в полицию.

Виктор ничего не сказал, просто пошел с Филипом в сторону его дома.

– Нет, – остановил его Филип, тон у него был решительный. – Пришло время идти своим путем. Разве ты не видишь? Пусть каждый делает то, что должен делать.

– Но, Филип, тебе нужна помощь. Я не знаю, что случилось с...

– Тебе тоже лучше уйти отсюда. Эти фрицы могут вернуться в любой момент с большим количеством друзей или с полицией. Если поспешишь, успеешь сесть на последний поезд.

Не попрощавшись, Филип Староста растворился в тумане пражской ночи – нырнул за угол и исчез из виду. Виктор знал, что он исчез и из его жизни.

Оказавшись в одиночестве на пустынной улице, он почувствовал себя незащищенным. Поднял шляпу с земли, выпрямился, отряхнул пальто и быстро двинулся в направлении железнодорожного вокзала.

К четырем часам утра Лукаш Смолак вернулся в свою квартиру. Он решил поспать пару часов, прежде чем ехать в участок, но стоило ему лечь в постель и закрыть глаза, как в сознании беспощадно замелькали кровавые картины. Никогда еще убийство не было для него таким личным. Он обнаружил, что по-детски обижается на мертвую женщину за то, что она произвела на него такое глубокое впечатление. Почему? Что это было? Почему Анны Петрашовой так много в его душе?

Он лежал в кровати и курил, конечности были свинцовыми, но мысли роились и роились в голове, прогоняя сон, в котором он так отчаянно нуждался. Смолак попытался отбросить воспоминания, но они, как навязчивая идея, не покидали его.

Был только один способ избавиться от наваждения: воссоздать в памяти детство, счастливые времена, которые он провел со своим отцом. Они ловили рыбу в реке, изогнутой линией пересекавшей их деревню, или шли сквозь солнечные пятна, собирая ягоду в лесу...

Через некоторое время его начала одолевать дремота. Лукаш Смолак заснул и увидел сон.

Во сне мир и все в нем было огромным, а сам он был ребенком, лет десяти, не больше, и этот юный возраст почему-то беспокоил Смолака. Он чувствовал себя незащищенным и уязвимым. Мир, который ему снился, – мир его детства, – теперь таил угрозу. Все вокруг было колючим, с острыми краями и зернистой, как наждак, поверхностью. Каждая деталь была невероятно отчетливой – настолько, что резало глаза.

Он бежал через деревню, которая была точно такой, какой он ее помнил, за исключением того, что дома казались великанскими и пугающе осязаемыми. В небе над деревней все менялось с неестественной скоростью. За очерченную уверенной рукой линию горизонта уносились кипящие облака, окрашенные в карминно-красный цвет.

Мать попросила его сходить в магазин отца, чтобы принести килограмм остравских колбасок на ужин. Она сказала об этом на немецком, на своем родном языке. Она старалась говорить по-немецки при любой возможности, чтобы язык отложился в юном уме сына. Пока Смолак был маленький, так было всегда. В детстве он воспринимал немецкий еще и как язык упреков и наказаний.

Маленький Лукаш бежал через деревню мимо церкви. Красная колокольня с луковичным куполом казалась больше, выше, чем он помнил. Шпиль пронзал небо, как обогрелая кровью игла. Вот и белоснежная постройка с низкой крышей, в которой располагалась мясная лавка отца. Он зашел в магазин и обнаружил, что за прилавком никого нет. Так же, как это произошло в памятный день тридцать лет назад, его безотчетно потянуло к двери, ведущей в подсобные помещения, туда, куда ему строго-настрого запрещали входить. Его привлек пронзительный визг, доносившийся откуда-то.

Как и тогда, в детстве, Лукаш позвал отца, но на его зов никто не ответил. Во сне магазин казался больше, дверь в подсобку темнее, а само помещение – холоднее. Стоя посреди развешенных на крюках туш и подносов с разделанным мясом, среди гирлянд сосисок и полукружй колбасы, он отчетливо ощутил, как от могильного холода по спине побежали мурашки.

С бьющимся сердцем Лукаш направился туда, откуда доносился истошный визг.

Оказавшись на заднем дворе, он внезапно снова стал взрослым. Как и в тот день, отец стоял спиной к нему. На мгновение Смолаку показалось странным, что они с отцом стали ровесниками. Отец обернулся и улыбнулся ему. Он улыбался тепло, как может улыбаться только любящий отец, а в это время существо, которое он удерживал между коленей, пыталось вырваться, билось и корчилось.

– Я так рад, что ты пришел, – сказал отец. – Ты сможешь мне завершить работу...

Смолак улыбнулся и взглянул на существо, которое сейчас убьют. Это был не поросенок – это была Анна Петрашова. Обнаженная, она кричала и плакала, умоляя Смолака помочь ей.

Одной рукой придерживая ее голову, другой отец занес тяжелый молоток, чтобы нанести сокрушительный удар.

– Нет! – закричал Смолак. – Стоп!

Отец остановился и нахмурился.

– В чем дело?

– Нельзя разбивать ей голову, – сказал Смолак. – Ее лицо должно остаться нетронутым.

– Ах да, конечно... – кивнул отец. – Хорошо, что ты здесь. Важно, чтобы мы все сделали правильно. – Он кивнул в сторону подсобки. – Там есть все, что для этого нужно.

Смолак вернулся в холодную подсобку. На этот раз, однако, здесь была человеческая плоть. На крюках висели тела женщин, распоротые от груди к животу и начисто выпотрошенные. На одном из подносов лежала рыжеволосая голова Марии Леманн, убитой в Прагер Кляйнзейт. Она уставилась на него с укором, алое лицо было залито слезами.

Смолак стал искать то, что просил принести отец. То, *что для этого нужно*.

Из ящика с инструментами он достал большой нож для филе, а перед тем как выйти, снял с крючка на двери кожаный фартук, такой же как у отца, и надел его.

Затем он отправился обратно на задний двор, туда, где его ждала Анна Петрашова.

Вернувшись в Орлиный замок, Виктор, к своему удивлению, почувствовал облегчение. После событий в Праге каменные объятия перестали казаться удушающими, напротив, они вселяли ощущение безопасности и даже уюта. А увидев Юдиту (они не виделись два дня), Виктор понял, насколько сильно обязан ей за эти ощущения.

– Так что вы собираетесь делать? – спросила она.

Виктор и Юдита сидели вдвоем и пили кофе, но не в уютном деревенском трактире, а в столовой клиники.

– Делать? Я ничего не могу поделать, – ответил Виктор. – Филип – мой друг, но он не будет меня слушать. Я психиатр, но он не мой пациент, и я не знаю, как быть, даже если болезнь станет очевидной и появятся основания для вмешательства. – Он помрачнел и пожал плечами. – Боюсь, что после всего этого мне придется последовать его совету и держаться подальше от него. Эта драка...

– Драка? – нахмурилась Юдита.

Виктор вздохнул. Он не хотел ни с кем обсуждать случившееся. Он считал, что ему крупно повезло, так как видимых синяков не осталось, иначе пришлось бы объяснять Романеку и коллегам их происхождение. Но Юдита казалась ему человеком, которому можно доверять, поэтому он не стал ничего скрывать.

– У него больше нет якоря, – резюмировал Виктор, рассказав подробно о драке. – У него были романтические отношения с девушкой, Еленой Кройзель. Она была очень милой и хорошо влияла на моего друга, при ней он сдерживал свои порывы. Но все развалилось. Я уехал, с работы в университете его уволили, Елена ушла. Теперь его ничего не держит, а он не из тех, кто может вовремя остановиться сам.

– И все же, что вы собираетесь делать?

– Делать? – Виктор погрустнел. – Я ничего не могу сделать. Так или иначе, я не могу позволить себе быть втянутым в этот хаос. Филип ходит по тонкому краю. Полагаю, у него депрессивная мания, и он явно испытывает проблемы с контролем импульсивных порывов. Это не делает его безумцем, но и, конечно, не освобождает от ответственности за свои поступки. Я говорил уже, что не могу контролировать его, и у меня нет оснований относиться к нему как к

пациенту. Я должен думать о своем будущем, о карьере. Это звучит эгоистично?

– Нет, это звучит разумно, – твердо сказала Юдита. – Но, зная вас, берусь утверждать, что вы будете очень сильно нервничать по этому поводу. Вы будете беспокоиться о нем.

– Я ничего не могу поделать ни с ним, ни с собой.

– Есть что-то еще, что вы мне не рассказали? – спросила Юдита, вглядываясь в его мрачное лицо.

Виктор поболтал ложкой в полупустой чашке. Его тяготило то, чем он не мог поделиться: смутное, мрачное подозрение в отношении Филипа, подозрение, в котором он не хотел признаваться даже себе. Он покачал головой.

– Нет. Я просто устал. И расстроен.

На какое-то время в столовой повисла тишина. Внезапно Виктор вспомнил:

– О, вот еще что – Филип смог перевести ту надпись.

– Правда?

Он вручил Юдите листок с переводом.

– «Я здесь, и я останусь здесь, тут зло вокруг витает. Я здесь, и я останусь здесь, тут дьявол обитает», – прочитала она вслух и, как ни странно, рассмеялась. – Вот видите? Я же говорила, Ян Черное Сердце жив и здоров, и обитает здесь, в замке. Он прокрался ночью, вооружившись перочинным ножом, чтобы вырезать послание на стене церквушки. Пусть местные жители знают, что он все еще творит свои темные дела.

– Разве вы не находите, что все это немного... жутковато.

Юдита пожала плечами.

– Наверное, местные подростки пытаются напугать деревенских жителей.

– Местные подростки, владеющие глаголическим письмом? И полагающие, что кто-то из местных жителей сможет это прочитать?

– Так вы считаете, это сделал образованный человек? – Она обворожительно улыбнулась. – Вы верите в существование лесных демонов? Или думаете, что это действительно дело рук Яна Черное Сердце?

– Меня больше волнуют демоны, обитающие здесь. Я говорю о живущих в этом замке.

– Это глупо. Надпись никак не связана с нашими пациентами. Никто из них не может пробраться в лес.

– Надеюсь, что не может. Но прочитайте еще раз, здесь есть простор для интерпретации: «дьявол» – это один из пациентов; «я здесь, и я останусь здесь»... можно предположить, что сделавший эту надпись намерен держать зло взаперти, и может быть, даже уничтожить его, если представится возможность.

– Что? – Юдита скептически улыбнулась. – Вы думаете, это один из сотрудников?

На этот раз Виктор пожал плечами.

– Ну, или родственник жертвы, к примеру. Некто, связанный каким-то образом с пациентом или его преступлениями. Всякое случается, не мне вам рассказывать.

– Нет. Этого не может быть, – возмутилась Юдита. – Зачем так мудрить? Повторю ваши же слова: почему тогда на старославянском? Мы с вами образованные люди, но даже нам потребовалась помощь друга-эксперта, чтобы перевести это.

– Полагаю, вы правы, – улыбнулся Виктор. – Но все это очень странно.

– Я думала, что странное – норма для вас. Для всех нас, работающих здесь. – Она сделала глоток кофе. – Кстати, я расшифровала все ваши сеансы. Кто из пациентов следующий?

– О, я, можно сказать, в начале пути. Сам я с нетерпением жду сеанса с милейшим Войтичем Скалой. Уверен, будет любопытно. Ну и, плюс ко всему, я хочу продолжить сеансы с Леошем Младеком и особенно с Хедвигой Валентовой. Хочу вытащить ее «прекрасного ангела».

– Вы полагаете, что аспект дьявола проявит себя... мм... столь буквально?

– Понимаю, что вы имеете в виду, но творческое мышление у госпожи Валентовой не слишком развито. Даже образы ее психоза, бы сказал, примитивны: вкус мяса, которое она готовит, и удовлетворение от еды – это довольно грубые метафоры для понятия плоти в сексуальном или моральном смысле. Вегетарианство – совершенно очевидный аналог ее сексуального воздержания. Боюсь, что фрейдистское учение проявляется здесь в самом грубом виде. Я должен был работать с Мачачеком, но сеанс придется отложить: его

надо подготовить к полицейскому допросу. Романек сказал, что полиции потребовалась помощь Мачачека, как специалиста по стеклу.

– А разве вы не слышали новости? – спросила Юдита. – Встреча Мачачека с полицией пока отложена. В Праге произошло еще одно убийство. Снова Кожаный Фартук. Поэтому детектив, который...

– Еще одно убийство? – прервал ее Виктор.

– Да. Убита деловая женщина. Какая-то важная персона.

– Когда это произошло?

– Два дня назад. А в чем дело?

Виктор покачал головой.

– Нет-нет. Ничего.

И снова невысказанное подозрение туманом застелило его мысли. Он вспомнил возбужденное состояние Филипа, то, как быстро он становится агрессивным, вспомнил его яростные женоненавистнические высказывания. В памяти вспыхнул блик света на длинном лезвии ножа.

– Значит, встречу отменили? – в конце концов переспросил Виктор.

– Нет, не отменили, просто перенесли. По словам профессора Романека, какой-то детектив из Праги хочет поговорить с Мачачеком. Эта женщина, которую убили, имела отношение к торговле стеклом. В полиции подчеркнули, что с Мачачеком они намерены поговорить не потому, что подозревают его в причастности к давнишним преступлениям, а как со специалистом по производству и сбыту стекла.

Виктор кивнул. Ему вдруг вспомнились красивые рюмки из богемского стекла. Такие изысканные, элегантные и такие неуместные в квартире Филипа.

Михала Мачачека привели в комнату в башне. Виктор не стал откладывать сеанс наркосинтеза.

Внешне Мачачек не был похож на жестокого и кровожадного убийцу, как, впрочем, и Леош Младек, и Хедвика Валентова. Низкорослый Мачачек был толстым до такой степени, что его фигура

напоминала яйцо; лысый купол головы окружала узкая полоска черных волос на носу примостились очки без оправы.

Коллекционер Стекла показался Виктору человеком суетным, склонным к патологической нетерпеливости. Когда его привели, он всем своим видом показывал, что не может терпеть все неудобства, связанные с его заключением в клинику. Он не переваривал Виктора и кривился на санитаров. Он не мог терпеть того, что Земля недопустимо медленно крутится.

В его нетерпении Виктор распознавал симптомы мегаломании^[37] и нарциссического комплекса: Мачачек испытывал эгоистические чувства обладания вся и всем, он верил в то, что мир и Вселенная существуют исключительно для удовлетворения его потребностей.

Для достижения целей, которые поставил перед собой Виктор, это было сложнейшим препятствием. Болезненно разбухшее эго Мачачека как крепкий и несговорчивый швейцар охраняло двери, ведущие в бессознательное. Но смысл сеансов наркосинтеза состоял именно в том, чтобы подчинить несговорчивое эго пациента воле врача и широко распахнуть эти двери.

Для достижения желаемого эффекта Виктор увеличил дозу транквилизаторов. Постепенно дрожь в пальцах прекратилась, выражение лица смягчилось, взгляд перестал метаться. Казалось, этот толстяк впервые в присутствии Косарека успокоился.

Виктор решил дать Мачачеку несколько минут отдохнуть, прежде чем углубиться в его подсознание. Пока нечем было заняться, он разглядывал комнату. Высокий сводчатый потолок удерживали балки из той же породы древесины, что и единственная дверь. Толстые крепкие стены, покрытые штукатуркой, немного сужались к потолку. Он таили в себе историю. Камни были уложены, как в незапамятные времена, но видны были следы перестроек. Возможно, где-то здесь скрывается та самая дверь, за которой навеки был заточен Ян Черное Сердце. А может, как гласит местная легенда, была здесь и еще одна секретная дверь, через которую этот монстр вышел за пределы замка. Виктор с усмешкой подумал, что аллегорически основной функцией этой комнаты стало высвобождение монстров.

Мачачек не возражал, когда Виктор сделал ему вторую инъекцию – возможно, он и сам наслаждался тем, что его покинуло беспокойство. Прошло еще несколько минут, и Виктор нажал на

неуклюжий рычажок из бакелита на магнитофоне, обозначив таким образом, что сеанс начался. Как обычно, сначала он задавал вопросы, руководствуясь тем, что прочитал о детстве и юности Мачачека в его личном деле, затем перешел к периоду, когда Михал учился на бухгалтера. Несмотря на львиную дозу лекарств, Мачачек сгущал краски, суетливо перескакивал с одного на другое, путался в деталях, преувеличивал свои достижения в любом деле, о котором вспоминал. Пару раз он даже попытался оспорить право Виктора задавать вопросы. Но постепенно разбухшее эго маленького человека сдулось, и пациент стал покладистее.

Он покорно рассказал Виктору свою историю.

– Я работал бухгалтером в Городском совете Пльзеня. И являлся, без сомнения, самым эффективным сотрудником в отделе. На самом деле я мог сразу стать начальником департамента, сам мэр однажды намекнул мне об этом. Никто не был так же предан делу, как я. Никто из моего отдела не был так внимателен к деталям, как я. Никто из моих коллег не был так целеустремлен, так исполнительен, как я. Уверен, вы, конечно же, понимаете, что я чертовски нравился женщинам, но, будучи настолько увлеченным своей работой, так и не решился взять на себя ответственность жениться на одной из них.

– Так почему же вы не продолжили работать там? – Виктор знал, что в случае Мачачека ему придется управлять ходом сеанса более жестко, чем обычно. Самовосхваления пациента затрудняли проникновение в его бессознательное, и, чтобы не сесть на мель, надо было вовремя пресекать его разглагольствования. – Почему вы бросили все это и начали коллекционировать стекло? – спросил он.

– Я всегда коллекционировал стекло, в основном богемское и немного муранское, с самого детства. Я много читал о стекольном производстве и разных занятных вещицах. Моя семья была очень богата, да, а мои родители были уважаемыми людьми. Вскоре после смерти отца умерла мать, и я унаследовал достаточно денег, чтобы постоянно пополнять свою коллекцию. А вскоре я стал настолько успешным в розничной торговле, что вполне мог жить только на эти средства.

Еще одно преувеличение. По документам Виктор знал, что семья Мачачека, хоть и не бедствовала, но и особым богатством не располагала, и, конечно, никакого отношения к высшему свету она не

имела. Действительно, Мачачек получил некоторый капитал в наследство, но гораздо более скромный, чем он описывал. И что правда, то правда, он стал экспертом во всем, что касается богемского стекла и его истории.

Кроме денег, Мачачек также унаследовал довольно большой, но ветхий дом своих родителей на улице Таборска, недалеко от железнодорожной сортировочной станции Пльзенья. Согласно материалам его личного дела, дом был трехэтажным, с огромным погребом и чердаком. Он переоборудовал весь верхний этаж и чердак для размещения своей коллекции. По мере того как мания собирательства становилась все более навязчивой, Мачачек перестроил и погреб, в котором хранились особо ценные экземпляры его коллекции. Погреб был выбран для них потому, что, со слов Мачачека, он не хотел, чтобы кто-либо, кроме него, мог наслаждаться созерцанием красоты.

– Понятно, – сказал Виктор. – Ваша коллекция очень ценна. На мой взгляд, она одна из лучших в Чехии.

– Не одна из лучших, а лучшая. В ней собрано множество прекрасных произведений.

– Но коллекция Калбача? Разве она не так обширна?

– Нет, и никогда не была. – Протест Мачачека был лишен страсти из-за действия лекарств. – Даже близко не стояла.

– Но вы были знакомы с Калбачем?

– Антон Калбач – самодовольная, высокомерная свинья, – ответил Мачачек.

Его это все еще было на страже, все еще затрудняло пути к подсознанию. Виктор подумал, что, наверное, стоит рискнуть и сделать еще одну инъекцию, чтобы усилить эффект и без того тяжелого лекарственного коктейля.

– Этот Калбач утверждал, что обладает самой обширной коллекцией старого богемского стекла в Европе, – продолжил Мачачек. – Ложь. Наглая ложь. Мое собрание было намного больше, чем у него, в несколько раз больше. Да, у него были работы Фридриха Винтера, и это был повод для зависти, не стану отрицать. Но у меня имелось несколько оригинальных работ Георга Шванхардта, которые гораздо ценнее и с исторической, и с финансовой точек зрения. У меня даже было гравированное изнутри стеклянное панно великого Каспара

Лемана, мастера, который начинал как ювелир при дворе императора Рудольфа Второго. Оно практически бесценно. Тот идиот, который продал его мне, понятия не имел, какова его истинная ценность. Поверьте мне, этой деревенщине, Антону Калбачу, и не снились сокровища такого масштаба. Могу с уверенностью сказать, изделий из опалового стекла у меня было намного больше, чем у него. Как только Калбачу хватило духу обмолвиться, что его коллекция лучше моей, ума не приложу.

– Но вы боролись с ним? Я имею в виду борьбу за владение конкретным предметом. За так называемый Кубок дьявола?

– Я боролся. Но я победил. Я увел кубок из-под носа Калбача.

– Расскажите мне о Кубке дьявола.

7

– Дьявольский кубок, а не Кубок дьявола, – поправил Виктора Мачачек. – Это лучший, непревзойденный образец ремесленного производства стекла. Хотя нет, это не ремесло, это искусство. Кубок изготовили в семнадцатом веке, когда еще не было массового применения переливающегося уранового стекла. Стекло это кажется живым, чаша сияет радугой граней. Если смотреть на кубок долго, то видно, как играет каждая грань. Я мог часами смотреть на этот кубок: магия света и цвета затягивает, как воронка. И, клянусь, я видел лицо в гранях этого кубка.

Дьявольский кубок был создан Карлом-Хайнцем Кляйнфельдером. Вы знаете, говорят, что великий композитор живет в музыке, которую он написал; великие художники живут в своих полотнах еще долго после своей смерти. То же произошло и с Кляйнфельдером: он живет в произведении искусства, сотворенном его руками.

– Вам ведь известна история Кляйнфельдера и его Дьявольского кубка? Я слышал, есть легенда?

– Да, есть. Вы знаете, потратив долгие часы на изучение этого произведения искусства, я поверил в эту легенду. Я верю, что она правдива. Правда заключена в самом кубке.

– Но что это за легенда? – спросил Виктор, зная ответ.

– Хорошо, слушайте. Карл-Хайнц Кляйнфельдер, более известный как Шванхардт, был учеником великого Каспара Лемана. Он работал на него двадцать лет и в мастерстве практически достиг уровня своего учителя, но так и не смог превзойти его. Напомню, речь идет о тех временах, когда сам император, по слухам, баловался алхимией и оккультизмом. Поговаривали, что Кляйнфельдер был другом Йиржи Бареша, известного алхимика, и работал вместе с ним над созданием стекла с некими магическими свойствами. Но для Кляйнфельдера этого было недостаточно. Он так завидовал мастерству Лемана, что решил вызвать сатану, чтобы тот помог ему создать уникальный предмет из стекла. Ходили разговоры, что стекло для кубка было сделано путем расплавления древних бусин, известных как Слезы Перуна. Перун был славянским богом грома, и он создал первый хрустальный бокал, ударив молнией в песчаную яму. После того как Слезы Перуна расплавились, с дьявольской помощью мастер подмешал к стеклу красный пигмент и умбру – они должны были придать кубку уникальный гипнотизирующий эффект. Но для того чтобы кубок стал особенным, не хватало еще одного ингредиента, самого важного из всех. Дьявол сказал, что откроет этот секрет Кляйнфельдеру на последнем этапе работы. Кляйнфельдер был настолько одержим, что пообещал дьяволу свою бессмертную душу за помощь. Мастер был готов на все. В ответ дьявол сказал, что он не будет претендовать на душу Кляйнфельдера до тех пор, пока кубок не разобьется.

Согласно легенде, дьявол пришел в мастерскую Кляйнфельдера в полночь. Он плавил стекло своим дыханием, лепил и скручивал когтями. Кляйнфельдеру он пообещал, что в тот момент, когда первые лучи утреннего солнца осветят мастерскую через окно, кубок будет закончен. Так и вышло: Дьявольский кубок был готов на рассвете. Он был великолепен. Кляйнфельдер был поражен, но все же чувствовал, что в нем чего-то не хватает.

– И чего же в нем не хватало? – спросил Виктор.

Несколько мгновений Мачачек лежал на кушетке неподвижно, уставившись на сводчатый потолок. Тишину нарушало только тихое шуршание магнитофона. Виктор вновь ощутил, как его нутро сдавливает замкнутое пространство стен замка.

– Исторические документы сообщают, что Кляйнфельдера нашли мертвым в мастерской тем самым утром, – продолжил наконец Михал Мачачек. – Его волосы поседели, а взгляд был устремлен на законченный кубок, который стоял перед ним во всей красе. По официальной версии у него не выдержало сердце, но я знаю правду. Видите ли, в тот самый момент, когда солнце начало подниматься над горизонтом и его лучи коснулись краев кубка, дьявол добавил тот самый последний секретный ингредиент: чтобы придать Дьявольскому кубку чарующий эффект, которым он славится и по сей день, хозяин преисподней запер в кубок душу Кляйнфельдера. Она остается там и поныне, а прошло почти триста лет. И она останется там до тех пор, пока Дьявольский кубок не разобьется. Но если это когда-нибудь произойдет, как и было обещано, дьявол придет, чтобы забрать душу мастера.

– Понятно, – сказал Виктор. – Вы стали одержимы этой легендой, согласитесь?

– Одержим? Нет. Попробуйте присмотреться к игре света в стекле Дьявольского кубка, потратьте на это, как и я в свое время, несколько часов, и вы поверите легенде. Я говорил вам, что видел лицо в кубке, и я знаю, чье это было лицо. Карла-Хайнца Кляйнфельдера. Я видел своими собственными глазами его душу, запертую там, в кубке. Я говорил уже о великих композиторах или художниках, продолжающих жить в своих произведениях. Такая участь постигла Кляйнфельдера буквально, а не в переносном смысле. Беззвучно кричащий мертвец заперт в его собственном дьявольском шедевре.

Виктор помолчал несколько мгновений.

– А где вы впервые услышали эту легенду? – спросил он наконец.

– Где? Да все знают легенду о Кляйнфельдере и дьяволе. Это часть фольклора, связанного с производством стекла.

– Странно, – сказал Виктор; в его тоне не было и доли сомнения в правдивости Мачачека, – но мне так и не удалось найти записи этой легенды. И как я ни старался, никаких свидетельств о том, что у Каспара Лемана был такой ученик, не обнаружилось. Складывается впечатление, что вы единственный, кто знает эту легенду.

– Чепуха, все это знают, – бесстрастно выразил протест Мачачек. Лекарства делали свое дело, Виктор понял, что еще чуть-чуть, и пациент заснет.

– Хорошо, – сказал Виктор. – Как вы думаете, является ли эта легенда в действительности метафорой вашего соперничества с Антоном Калбачем? Смогли бы вы продать свою душу, чтобы превзойти Калбача? Превзойти как коллекционер?

– Нет. Такого не может быть. – Если бы не наркотики, этот ответ был бы агрессивным. – Я уже превзошел его.

– Но вы признаете, что убили Калбача? Вы берете на себя ответственность за его смерть?

– Да. Это сделал я. Он получил по заслугам.

– Расскажите мне, что произошло.

– Он подал на меня в суд, обвинил в том, что я украл Дьявольский кубок из его коллекции.

– Вы украли его?

– Я взял то, что было моим по праву. Получив уведомление о судебном процессе, я сразу же связался с ним и попросил прийти и обговорить этот вопрос. Я сделал так, что он поверил в то, что я собираюсь вернуть кубок. Он был мужчина крупный и явно считал, что встреча со мной не сулит ему никакой опасности. Он приехал. Я сказал ему, что мне очень жаль, что я не хочу создавать проблем. Я сказал, что хочу все исправить и готов немедленно вернуть кубок, и не только это – он сможет взять любой предмет из моей коллекции, любой, какой пожелает, лишь бы он отказался от иска. У меня была припасена бутылочка великолепного вина – токай, вы знаете, – мы выпили с ним по бокалу, и это его немного расслабило. Высокомерная свинья, он думал, что переиграл меня, унизил. Я позволил ему так думать. Я умолял его о прощении, сказал ему, что у меня в коллекции есть экземпляры, которые вполне могут конкурировать с Дьявольским кубком, и что я могу подарить ему один из них. Я рассказал ему историю кубка и признался, что у меня есть предметы, в которых тоже заточены человеческие души. Бесценные произведения, жемчужины моего собрания... Я сказал, что храню их в подвале. Я убедил его, что ему не доводилось видеть ничего подобного ранее, кроме, конечно, Дьявольского кубка.

– Он поверил и пошел с вами?

– Да. Я искренне хотел увидеть его реакцию в тот момент, когда он увидит витрины с моими сокровищами.

– И как он отреагировал?

– Он был ошеломлен. Он был потрясен. Потом он сошел с ума. Он кричал на меня, кричал как безумец, он говорил мне, что я сумасшедший, и грозился вызвать полицию. Но яд, который я положил в токай, уже подействовал. Он не смог преодолеть и половины лестницы в подвал.

– Он умер?

– Не там и не в этот момент. Я положил его в эмалированную ванну, которая была установлена в подвале для изготовления вещиц из стекла. Я раздел и связал его так крепко, чтобы он не смог шелохнуться, затем закрепил литейную форму над его головой. Мне уже приходилось проделывать это раньше, и по опыту я знал, что если жертва будет двигаться, в расплавленном стекле образуются пузырьки. – В этот момент, он сделал паузу, потом продолжил: – Вы знаете, я пошел на поводу у собственного высокомерия. Это был большой риск – использовать Антона Калбача для пополнения моей коллекции. Если бы я проявил осмотрительность и в качестве материала продолжал бы выбирать тех, кто со мной никак не связан, то собирал бы свою коллекцию и по сей день.

– Понятно, – ответил Виктор.

Он рассматривал фотографии, сделанные полицией в подвале Мачачека. Там была печь и все, что могло понадобиться стеклодуву-любителю. В витринах были расставлены громоздкие неуклюжие вазоны, в каждом вазоне был прозрачный, герметично запаянный шар, а в каждом шаре – в одиннадцати из них – хранилась голова молодой женщины. В течение одиннадцати лет Мачачек похищал и убивал по одной женщине. Он использовал как прикрытие свои поездки по разным уголкам страны, якобы необходимые ему для пополнения коллекции. В Пльзень он возвращался с пленницей в багажнике машины. Никому и в голову не приходило связать исчезновения несчастных с его командировками.

Головы жертв прекрасно сохранились. Даже самую первую из них практически не затронул процесс разложения. Двенадцатая голова принадлежала мужчине. Это был Антон Калбач.

Виктор взглянул на Мачачека, тот спал. Сколько ни пытался Виктор разбудить его, наркотический коктейль был слишком силен. Ничего не оставалось, как закончить сеанс, – пациент проснется через

несколько часов. Он зафиксировал время окончания работы и выключил магнитофон.

...Это произошло в тот момент, когда Виктор повернулся спиной к пациенту, чтобы подойти к двери и дать команду санитарам отвезти Мачачека в палату.

– Вы все еще ищете меня, доктор? – раздался голос. Он исходил из уст Мачачека, но это был не его голос. Он был проникновенным и низким, намного ниже, чем писклявый тембр коллекционера стекла. Звук этого голоса эхом отозвался в стенах комнаты.

Вопрос был задан по-английски.

Виктор обернулся как ужаленный:

– Что вы сказали?

Но ответа не последовало. Мачачек спал или притворялся спящим. Виктор подошел к нему и грубо потряс за плечи.

– Что вы только что сказали? – спросил еще раз Виктор.

Коллекционер завозился, но так и не смог очнуться от глубокого сна.

Зашли санитары и забрали пациента. Виктор продолжал стоять посреди комнаты, пытаясь расслышать эхо странного голоса.

И чем больше он думал об этом – о том, как абсурден мир, в котором обычный бухгалтер из Пльзени превратился в беспрецедентно жестокого серийного убийцу, и этот убийца вдруг обратился к нему не своим голосом на незнакомом языке, – тем больше он убеждал себя в том, что ему просто послышалось.

Ах, если бы он не выключил магнитофон.

Еще тогда, во время первой прогулки в деревню с Юдитой, Виктор подумал, что трактиру, то есть дому, в котором он располагался, много веков. Прогулки с тех пор повторялись довольно часто, и каждый раз, заходя, он вынужден был немного наклоняться, чтобы не удариться головой о тяжелый, богато украшенный резьбой свод дверного проема. Однако до сегодняшнего дня он никогда не обращал внимания на то, что было вырезано на темном дубе. Картинка казалась знакомой. В переплетении веток и листьев скрывалась фигура

некоего существа в крестьянской одежде. Тело было человеческим, а голова, повернутая в профиль, – медвежьей. Виктор вспомнил, что похожий резной декор он уже видел в замке, но здесь изображение было примитивнее.

Они с Юдитой заняли место у окна. В зале были и другие посетители, но на этот раз они не обратили на них ни малейшего внимания. Ничего удивительного – со временем к новичкам теряют интерес. Толстощекий и усатый трактирщик принес заказ, улыбнулся и пожелал им от всего сердца *dobrou chut* – приятного аппетита.

Молодые люди с аппетитом набросились на еду. Маршрут их совместных прогулок уже устоялся – из замка они спускались к деревне, обедали или пили кофе, затем, проведав лесную часовню, возвращались обратно. Виктор и Юдита общались как друзья, но оба ясно понимали, что уже подходят к той грани, после которой их отношения станут более близкими, любовными. Виктор не торопил события, да и Юдита, несмотря на явную привязанность к доктору, сохраняла разумную дистанцию.

Из окна трактира открывался вид на темную громаду замка. Виктор заметил, что его спутница была бледна, глаза немного опухли, под ними темнели круги. Обеспокоенный ее самочувствием, он спросил, все ли с ней в порядке, но Юдита лишь отмахнулась.

– Я просто плохо спала прошлой ночью, вот и все. Так мы говорили о пациенте, – вернулась она к теме разговора. – Вы уверены, что слышали этот голос?

Виктор нахмурился.

– Если честно, я не знаю. Может, и показалось, хотя... Нет, наверное, все-таки слышал. И определенно это говорил Мачачек, только голос его был совершенно другим, и я готов поклясться, что он говорил по-английски. Только как это объяснить? Пациент был погружен в сон и вряд ли мог сказать что-то осознанно, так что могу допустить, что слышал случайное бессмысленное бормотание спящего. Как жаль, что я выключил магнитофон в это мгновение.

– Представляю, как вас это потрясло...

– Честно говоря, меня беспокоит, что я проявляю предвзятость в своих исследованиях. Вероятно, я просто хочу поверить в то, что это был дьявольский аспект, запрятанный в подсознании Мачачека, хотя

вероятнее всего мой пациент просто бормотал во сне. – Виктор покачал головой. – Но это было так... по-другому.

– Разве это не распространенное явление? Разве голос человека не может изменяться во сне до неузнаваемости?

Виктор пожал плечами.

– Не спорю, вы правы, конечно. Еще раз повторю, видимо, я придаю этому слишком большое значение.

– Планируете ли вы еще сеансы с ним? Я имею в виду Мачачека.

– Ну, начнем с того, что я должен подготовить его к приходу полиции, так что в ближайшее время я с ним поработаю. Но мне необходимо определиться с остальными пациентами. Знаете, Юдита, я уже начинаю отчаиваться, смогу ли когда-нибудь найти доказательства своей теории. Следующий сеанс я запланировал провести с Павлом Зелены, Дровосеком, как называет его профессор Романек. Он состоится сегодня вечером.

Юдита кивнула, не отрываясь от обеда.

– Очень подходящее прозвище, впрочем, как и у других. Он работал лесничим в каком-то поместье. В Чешской Силезии, насколько я помню.

– Я в курсе, – кивнул Виктор, – читал его личное дело.

– Жуткая история...

– А остальные истории разве не жуткие? Иногда я думаю, что лучше бы мне стать акушером, приносил бы в мир новую жизнь.

Юдита положила нож и вилку на тарелку, откинулась на спинку стула и с насмешливой серьезностью приподняла бровь, словно видела Виктора в первый раз.

– Даже не знаю, подходите ли вы для этого... Мне кажется, вам нужно немного легче ко всему относиться.

– Легче?

– Да-да, легче. Вы слишком серьезны, слишком зациклены на том, чем занимаетесь. Вы говорите, акушер. Да своей серьезностью вы бы распугали всех мамаш.

– Ну, спасибо, – улыбнулся Виктор. – Видимо, пора начать работать над собой.

В трактир вошла старушка с корзиной овощей. Она прошла мимо стола, за которым сидели Виктор и Юдита, не обратив на них ни малейшего внимания. На приветствие Виктора она не ответила, что

было не в местных традициях. Так и не проронив ни словечка, она унесла корзину на кухню.

К ним подошел хозяин трактира.

– Это бабушка Ружена, – объяснил он. Принесла последние в этом сезоне овощи. У нее лучший огород в деревне, и ей проще подружиться с пастернаком и кабачками, чем с людьми. Прошу прощения, если она показалась вам невежливой.

– Она со всеми такая? – спросила Юдита.

Усач пожал плечами.

– Почти со всеми. Знаете ли, она, как и многие у нас, да все, наверное, не испытывает восторга от того, что замок используется... ну... как он используется. Вы же там держите «дьявольскую шестерку», и все такое. Мне-то все равно, но люди не очень к такому относятся. Особенно деревенские. У них свой взгляд на такие вещи.

– На какие вещи? – воскликнула Юдита.

– О, в деревне разное говорят. Каких только глупостей не придумают. Ходят слухи о всяких безумных экспериментах... Вы вот между собой по-немецки говорите... Я не хочу никого оскорбить, но у нас – чешская деревня, и здесь много толкуют о том, что Орлиный замок – рассадник судетских нацистов, которые проводят эксперименты на пациентах-чехах. – Он неловко улыбнулся из-под своих роскошных усов и покачал головой. – А недавно пополз еще один слух, здорово всех напугавший. Говорят, что кто-то из вашей «шестерки» нашел потайной ход и теперь разгуливает на свободе, когда ему вздумается. Не знаю, известно ли вам, что в лесу у нас тут есть старая деревянная часовня...

Юдита явно хотела уже сказать, что конечно же знают и не раз видели ее, но Виктор остановил ее, положив руку на плечо и слегка сжав.

– Что это за часовня? – спросил он.

– С ней тоже связана местная легенда. Рассказывают, что Ян Черное Сердце использовал часовню для своих ритуалов. Устраивал там черные мессы и тому подобное. По преданию, существует тайный ход, который ведет из замка по сети подземных пещер к часовне, и где-то неподалеку от нее, а может, и в ней самой есть секретный люк. Ян Черное Сердце, которого якобы замуровали в башне, тайком убегал по ночам и продолжал убивать женщин и детей. Конечно, все это сказки –

уж сколько раз эту часовню и все вокруг нее обыскивали, – но кто знает... – Усач пожал плечами. – В любом случае, не обижайтесь на бабушку Ружену. Она никогда не разговаривает с незнакомцами, да и со мной почти не говорит, глупая старая карга. Еще раз приятного аппетита вам.

После обеда Виктор и Юдита отправились на прогулку вокруг озера за деревней. Выгнутое в форме почки, оно больше напоминало пруд, но для пруда было слишком большим. Беседуя, они шли по извилистой тропинке вдоль берега, как вдруг Виктор заметил старуху Ружену. Она стояла поодаль и наблюдала за ними, в ее взгляде, как ему показалось, читалось молчаливое обвинение. Увидев, что Виктор заметил ее, она подняла с земли пустую корзину, развернулась и ушла.

День был пасмурный. В хмуром сером небе сквозь пелену туч бледным блюдцем просвечивало солнце. Виктор вдруг понял, что вовсе не хочет продолжать прогулку. Тропинка у кромки воды была узкой, и к ней близко подступал еловый лес. Близость леса беспокоила его. Он то и дело всматривался в темноту между деревьями. Свою тревогу, намного более сильную, чем обычно, он пытался оправдать тем, что проводил много времени, изучая личное дело Дровосека, до сеанса с которым оставалось несколько часов. И да, да, это озеро в окружении леса напоминало ему о другом месте – о Чертовом озере на крайнем западе страны, где утонула его сестра. Он еще раз взглянул на лес, словно ожидая увидеть потемневшее лицо матери, тело которой висело на ветке.

– С вами все в порядке? – почувствовала его тревогу Юдита.

– Извините, – улыбнулся он. – Я думал о работе. Наверное, нам пора возвращаться...

Они шли к замку. Юдита взяла его под руку. Доверчивость с ее стороны доставляла Виктору невероятное удовольствие, но он все еще боялся сделать первый шаг к тому, чтобы их отношения переросли в нечто большее.

– Посмотрим на лесную часовню? – предложила она немного капризным тоном. Ее и без того темные глаза казались еще темнее на бледном лице. – А вдруг нам удастся отыскать потайную дверь, и мы дойдем до замка секретным путем Яна Черное Сердце?

Виктор не стал ей возражать.

Она взяла его за руку и повела по узкой тропинке. Темные ветви кустарников и деревьев тянулись к ним, будто пытаясь ухватить. Виктор снова ощутил липкий страх; тревога нарастала, ему хотелось сбежать из леса как можно скорее.

Деревья расступились, и перед ними открылась поляна, на которой стояла часовня. Юдита зашла на крыльцо и неожиданно прижалась всем телом к Виктору. Ее губы потянулись к его губам. Он растерялся, но эта растерянность была сладкой. Целуя ее, он отогнал мысль, что торопливость Юдиты беспокоит его.

– Я хочу быть с тобой, – сказал он, оторвавшись от ее губ. – Хочу, чтобы мы были вместе.

– Мы и так вместе, – улыбнулась она. – Мы вместе здесь и сейчас. И я счастлива.

– Я говорю не о здесь и сейчас. Я говорю о завтрашнем дне, о будущем. Хочу, чтобы мы были вместе.

– Завтра не будет. – Юдита отстранилась от него, улыбка с ее губ исчезла. – У нас нет будущего. Разве ты не понимаешь, что мы должны жить сейчас, Виктор? Как никогда прежде людям нужно жить сейчас. Мы должны использовать любой момент, который дается нам, при малейшей возможности. Сейчас не время смотреть в будущее и строить планы.

– Почему? Из-за того, что происходит в Германии? Из-за политической ситуации?

– То, что происходит, – это не «политическая ситуация». И это происходит не только в Германии, но и здесь. У меня такое ощущение, что зарождается страшный шторм, который разрушит все на своем пути. – Она положила руку ему на щеку, пальцы ее были холодными. – Будущее, которое ты, возможно, представляешь, рассыплется мелкими осколками. Все рушится, Виктор.

– Почему ты так уверена в этом?

– Но это же очевидно, стоит только присмотреться. – Юдита нахмурилась. – Мне снятся такие страшные сны... Вот почему я почти не спала прошлой ночью. Такие кошмары...

Он взял ее за плечи, приблизил свое лицо к ней.

– И какие же кошмары тебе снятся?

– Мне снятся мертвые. Темные фигуры, как тени в ночи, как призраки. Бесчисленные толпы мертвых... И я во сне знаю, что эти

- люди не понимают, что они уже мертвы. Они такие же, как я.
- Что значит «такие же, как ты»?
 - Они евреи, Виктор. Их тысячи. Они все евреи, как и я.

Магазин был закрыт, объявления о причинах закрытия и о том, когда он откроется, нигде не было. Вероятно, с кончиной Анны Петрашовой закончилось и ее дело. Несмотря на потерю мужа, мадам не задумывалась о вероятности преждевременной смерти и не предприняла никаких шагов, чтобы распорядиться своим имуществом в печальном случае. Ее адвокат выбился из сил, собирая бумаги, чтобы найти законное решение судьбы магазина.

Именно к адвокату и обратился в первую очередь Смолак в поисках друзей или деловых партнеров, которые могли бы рассказать хоть что-нибудь о личности Анны Петрашовой, о ее привычках и образе жизни. Как детективу, расследующему убийства, Лукашу Смолаку надо было знакомиться с мертвыми: надо было разузнавать про все их причуды и слабости, разузнавать про особенности поведения, надо было раскрыть после смерти все тайны, которые они скрывали при жизни.

Это можно было назвать «знакомством со смертью», и это означало, что Лукаш Смолак, в отличие от Анны Петрашовой, отчетливо осознавал, что и его собственный конец неизбежен.

Адвоката звали Франц Шнайдер. Ему было немногим за пятьдесят, это был ничем не примечательный пражский немец. Шнайдер возглавлял юридическую фирму средней руки. Его контора располагалась на улице Лезница, недалеко от Карловой площади в районе Нове-Место. Он искренне хотел помочь следствию, но толком ничего не знал. Мадам Петрашова была очень закрытым человеком, сказал он. Ее деловые связи всегда оставались сугубо деловыми. Шнайдер признался, что работать с ней было совсем не просто. Слушая его, Смолак заподозрил, что этот ничем не примечательный мужчина был безнадежно влюблен в свою клиентку.

Тем не менее Шнайдер назвал Смолаку имена и адреса трех продавщиц, которые работали на Анну Петрашову. Также оказалось,

что у него был комплект ключей, который он предложил детективу, если вдруг понадобится провести осмотр магазина.

Смолак узнал Магду Тумову. Она была одной из продавцов-консультантов в магазине «Посуда и украшения из стекла Петраш» и работала в тот день, когда он приходил туда. Столь же утонченно стройная, как и ее хозяйка, но не обладающая чарующей красотой Анны. Капитан сразу вспомнил, как предположил, что в магазин нанимают сотрудниц, ориентируясь прежде всего на их внешние данные, а уж потом оценивая навыки в торговле.

Адрес Магды был указан в списке, который предоставил адвокат Шнайдер. Она делила квартиру с двумя подругами. Обе ее соседки были на работе, поэтому она разговаривала с детективом через едва приоткрытую дверь, не снимая цепочки замка, пока Смолак не показал ей свой полицейский жетон. По ней было видно, что несчастье, случившееся с Анной Петрашовой, потрясло девушку до глубины души. К тому же она чувствовала себя потерянной из-за того, что внезапно оказалась без работы.

– О, я вас помню, – сказала она Смолаку, когда тот вошел. – Вы приходили к нам в магазин, чтобы поговорить с мадам. Прямо перед... – Она потупила взгляд.

– Да, это так, – кивнул Смолак. – Прошу прощения за беспокойство, но мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Конечно, конечно, – закивала Магда и проводила полицейского в гостиную.

Магда была хорошо одета: бледно-голубая блузка, кардиган в тон и широкополые жаккардовые брюки в стиле Марлен Дитрих. Волосы свободно спадали каштановыми волнами на плечи. Однако стоило ей заговорить, элегантный образ мерк: в голосе сквозил неистребимый деревенский моравский акцент, хотя она и пыталась его скрыть.

– Я сделаю все, что в моих силах, – сказала Магда, разливая кофе по чашкам и присаживаясь напротив детектива. – Бедняжка мадам Петрашова... Она была так добра к нам, девочкам. Строга, но очень добра.

Смолак задавал обычные в таких случаях вопросы. Показания адвоката подтвердились: было очевидно, что Анна Петрашова ревностно охраняла личную жизнь и соблюдала дистанцию, общаясь с сотрудниками. Смолак задумался, а не скрывала ли Анна за своей

отстраненностью какие-то факты, которые могут быть очень и очень неприятными? Такое не раз встречалось в его практике.

– Ее муж умер пять лет назад. У нее были друзья-мужчины? Она когда-нибудь говорила, что равнодушна к кому-то? А может, кто-нибудь видел ее в компании с женщиной?

– Нет, никогда. Но это не значит, что у нее не было любовников, – ответила Магда. – Несмотря на возраст, она была очень привлекательной. Анна нравилась многим мужчинам, даже совсем молодым. Но она никогда не флиртвала с клиентами-мужчинами. Обычно она была с ними... ну, холодна. Издевалась над ними, хотя я думаю, что это была уловка. Полагаю, в ее холодности, в ее умении поддеть частично и была сокрыта тайна ее привлекательности. Я потеряла счет, сколько раз бывало, когда какой-нибудь мужчина приходил в магазин за пепельницей, а уходил с дорогим графином и набором бокалов. И всякий раз после этих игр в «неприступную крепость», когда мы упаковывали покупки, она подмигивала нам, демонстрируя, что справилась.

– Но был ли кто-нибудь, к кому она относилась по-особенному, не так, как ко всем?

Магда покачала головой.

– Грустно, но, несмотря на всю ее красоту и богатство, думаю, бедная мадам Петрашова была одна-одинешенька. Видите ли, смерть мужа стала для нее настоящим ударом. Это произошло задолго до того, как я устроилась к ней на работу, но так говорили. Похоже, мужчины не особо ее интересовали.

– Понятно.

Смолак вздохнул. Ухватиться было не за что, и он начал переживать, что дело так и не удастся распутать.

– Знаете, а вы ей понравились, – вдруг сказала девушка.

– Простите, что?

– Вы понравились мадам Петрашовой. Вот почему я вас запомнила. После того как вы ушли... не знаю, может, мне просто показалось, но она переменялась, стала другой.

От этого заявления у Смолака закололо в груди. Это было одновременно и то, что он хотел бы услышать, и то, чего не хотел бы услышать никогда.

– Какой – другой? – спросил он.

– Не знаю, как вам объяснить... Женщины обычно примечают подобные перемены в других женщинах. Я просто уверена, что вы ей понравились.

– А вы не путаете? Может, это было связано с тем, о чем я с ней говорил? Я принес стеклянную бусину, чтобы посоветоваться с ней, как с экспертом. Могло ли это повлиять?

Магда засмеялась.

– Ох, вы, мужчины, начисто лишены интуиции. Без сомнений, вы понравились Анне Петрашовой, еще раз вам это скажу. – Она вновь стала серьезной. – Бедняжка мадам, она заслуживала счастья.

Некоторое время они сидели в тишине и пили кофе. Вдруг Магда встрепенулась, будто мысль, посетившая ее, ударила электрическим разрядом.

– Я вспомнила кое-что... Вы же спрашивали, заметила ли я что-то необычное. И только сейчас я кое-что вспомнила.

– Что именно?

– Может быть, это совсем не важно...

– Магда, – мягко, но настойчиво произнес Смолак. – Пожалуйста.

– Приходил мужчина. Его интересовали стеклянные украшения. Внешне он не производил впечатление человека, который может себе позволить купить нечто подобное, но он хотел посмотреть, какие у нас есть бусы из стекла. Я совсем забыла о нем...

– Его обслуживала мадам Петрашова?

– Нет, в этом-то все и дело. Его обслуживала я. Я показала ему бусы, но он почему-то все время смотрел не на них, а на мадам. Все время. Это очень раздражало.

– Когда это было?

– Это было в тот день, когда вы приходили в магазин. На самом деле прошло около часа или около того, как вы ушли.

– Он что-нибудь купил? Бусы?

– Нет. Я как раз демонстрировала ему комплект, и вдруг он молча развернулся и вышел из магазина.

– То есть вы утверждаете, что это случилось после того, как я поговорил с мадам Петрашовой?

– Да, именно так.

– Как он выглядел? Вы можете описать его внешность?

– В этом-то все и дело. Он ни разу не посмотрел мне в глаза, пока я его обслуживала. Высокого роста, одет был в черное пальто, такое ужасно мятое и пыльное. Он выглядел так, будто не брился, по крайней мере, пару дней. Большую часть его лица закрывала потрепанная широкополая черная шляпа, которая была низко натянута на глаза. Помню, подумала даже: «Как он может видеть то, что я ему показываю?» Сейчас-то я догадываюсь, что он просто не хотел, чтобы я видела его лицо.

– Вам не показалось, что у него были недобрые намерения?

– Что он хочет нас ограбить? Ну да, такая мысль мелькнула. Но он был слишком спокоен. Он говорил тихим низким голосом. У него была правильная речь образованного человека, что никак не соотносилось с его внешним видом. Хотя, возможно, его одежда и была очень дорогой, пока была новой.

– Он говорил по-чешски или по-немецки?

– По-чешски, но, если не ошибаюсь, со слабым немецким акцентом. Но я не ручаюсь.

– Мадам Петрашова видела его?

– Нет, она в это время общалась с другим клиентом. Я собиралась рассказать ей о нем позже, но было столько работы, что забыла об этом. Он смотрел на нее, не отрывая взгляда... Я должна была рассказать ей... – лицо Магды исказилось в гримасе от ужаса. – Как вы думаете, это был он? Если бы я рассказала мадам... Хотя бы намекнула... О боже, вы думаете, я могла бы спасти ее?

– Нет, Магда, – ответил Смолак успокаивающим тоном. – Нет никаких оснований полагать, что он замешан в убийстве. Но даже если бы был замешан, рассказали бы вы о нем мадам Петрашовой или нет, это не имело бы никакого значения. Вы ничего не могли изменить.

– Честно?

– Честно, Магда, – кивнул Смолак.

Но стоило ему выйти из квартиры на улицу, как желудок сжался от одной только шальной мысли о том, что все могло сложиться иначе, и Анна Петрашова была бы сейчас жива. Важно было, что описание незнакомца в точности соответствовало описанию, которое дал Тобар Бихари, рассказывая о человеке, вышедшем из тени около пивнушки, о человеке, который подкинул ему идею воспользоваться украденными ключами, чтобы проникнуть в квартиру Марии Леманн.

Именно в этом заключалась самая мрачная догадка Смолака: Бихари говорил правду. В доме убитой действительно был кто-то еще.

Значит, теперь у Смолака есть описание Кожаного Фартука, а это уже немало.

Виктор и Юдита всю дорогу держались за руки, и только когда они подошли к воротам замка, отпустили руки и даже отошли друг от друга. Почему-то было понятно, что свои отношения они должны держать в секрете. Но стоило попасть на территорию замка, они нашли укромный уголок и поцеловались.

Виктор собрался было идти, но Юдита вдруг не ожиданно схватила его за руку.

– Сегодня, как только закончишь сеанс, приходи ко мне в комнату. – Выражение ее лица было очень серьезным.

– Хорошо, – ответил Виктор. Он собирался сказать что-то еще, но Юдита резко развернулась и зашагала в сторону корпуса для персонала.

Перед сеансом с Павлом Зелены Виктор решил повидаться с профессором Романеком, чтобы рассказать ему о проделанной работе. В тот момент, когда он проходил мимо кухни, рядом с ним пробежали три здоровенных санитаров в белых куртках. В ту же секунду Виктор услышал пронзительный женский крик из столовой и тоже бросился бежать.

Он ворвался в столовую сразу же за санитарями. Михал Мачачек сидел в углу, сжимая что-то в окровавленных руках. Рядом с ним стояла молодая медсестра, обеими руками схватившись за щеку. Между пальцев текла алая кровь.

Санитары пробежали через зал, с грохотом роняя стулья, скрутили Мачачека и уложили его на пол лицом вниз. Из его рук выкатился разбитый стеклянный стакан, скользкий от крови. Он взвыл, безуспешно пытаясь вернуть свое сокровище.

Убедившись, что Мачачек под контролем, Виктор бросился к медсестре. Он запомнил ее с первой встречи. Ее звали Марта Хоракова. Она была очень красивой девушкой, на вид ей было около двадцати. Как Виктор ни уговаривал, она не убирала руки от лица. Когда ему все же удалось разжать ее пальцы, стало ясно почему. Кровь пульсирующими струями еще сильнее полилась из уродливой рваной раны на правой щеке, тянувшейся от губ до глаза. Сквозь плоть

виднелась кость скуловой дуги. Рана, конечно же, заживет, но останется шрам. А из-за сильно поврежденной мышцы смеха улыбка девушки будет кривой всю жизнь. Если, конечно, она найдет в себе силы улыбаться.

Виктор вынул из кармана чистый носовой платок и заставил испуганную медсестру прижать его к ране.

– Я отведу вас в лазарет, – сказал он твердо, но нежно, как говорят детям. – Мы вас вылечим. – Через плечо он обратился к санитарам, державшим Мачачека. – Пациент не сопротивляется?

– Нет, доктор, – рявкнул самый крупный из них, прижимая коленом тщедушного Мачачека к полу.

Тот жалобно хныкал, но не от страха или боли, а от отчаяния: он не мог вернуть себе трофей, его взгляд все еще был прикован к разбитому стакану. Виктор заметил лужу крови, ореолом растекавшуюся вокруг его руки, – он тоже поранился стеклом.

– Наденьте на него смирительную рубашку и отведите обратно в палату, – распорядился Виктор. – Вколите ему пятьдесят миллиграммов амитала натрия, подождите шестьдесят секунд, а затем введите вторую дозу в пятьдесят миллиграммов. Когда он успокоится, пусть им займется доктор Платнер.

Виктор приобнял медсестру одной рукой, убедился, что она крепко прижимает платок к ране, и осторожно повел ее из столовой в сторону лазарета. Ее трясло, и он переживал, что девушка в любой момент может упасть в обморок.

– Расскажите, что случилось, – попросил Виктор.

– Не знаю. Он был смирным. Я привела его в столовую. Все было в порядке. У нас никогда не было никаких проблем с ним, поэтому он мог обедать вне палаты. Я отошла, чтобы принести ему попить, а когда вернулась, увидела у него этот стакан. Понятия не имею, откуда он взялся. Сотрудники могут пользоваться стеклянной посудой, но нас всегда строго проверяют. – Ее затрясло еще сильнее. – Но я не уверена, что это наш стакан. Наши стаканы выглядят иначе. – Она застонала.

– Мы почти пришли, – успокаивающе сказал Виктор. – Потерпите немного.

– Он сидел, держал в руках стакан и рассматривал его, как драгоценность. Я спокойно попросила его, чтобы он отдал стакан мне, а он посмотрел на меня как на сумасшедшую. Потом я попыталась

отнять у него... – Она замолчала, ноги у нее подкосились. Виктор подхватил девушку и понес ее на руках.

В лазарете их встретили две медсестры, доктор Платнер и Кракл. Виктор коротко рассказал, что произошло.

– Мы позаботимся о ней. Я сам зашью ей рану, – сказал Платнер и кивнул на одежду Виктора. – Вам надо привести себя в порядок, коллега.

Виктор опустил глаза и увидел большое кровавое пятно, растекшееся по рубашке и рукавам пиджака. Он на мгновение застыл, испытывая странное чувство.

– С вами все в порядке? – спросил Платнер.

– Да, я в порядке, – ответил Виктор и медленно покачал головой. – Профессор Романек прав, иногда мы забываем, насколько больны и насколько опасны наши пациенты.

– Я никогда не забываю об этом, – сказал Платнер. Его лицо было серьезным.

11

Виктор наблюдал, как розовая вода из белой эмалированной раковины уходит через сливное отверстие в канализацию. Затем зачерпнул ладонями немного холодной воды из-под крана и намочил лицо.

Случившееся выбило его из колеи. Несмотря на преступления, совершенные ранее Коллекционером Стекла, он никогда не проявлял агрессии по отношению к персоналу клиники. Предстояло расследовать, как стеклянный стакан попал в руки пациента. И, конечно же, надо будет понять, какое событие или какое действие могло вызвать изменения в поведении Мачачека.

Промокнув полотенцем лицо, Виктор надел чистую рубашку и галстук. Затем аккуратно сложил испачканный кровью пиджак, упаковал его в бумагу и перевязал бечевкой, чтобы отнести в прачечную клиники. Возможно, там смогут вернуть ему былой вид.

Он взглянул на себя в зеркало над умывальником, откинув густые черные волосы со лба. У него были такие же темные круги под глазами, как у Юдиты.

«Может быть, – подумал он, – все дело в этом месте. Может быть, этот чертов замок, пропитанный безумием, выжимает из человека всю энергию. Но Юдита чувствует себя здесь в безопасности, потому что настоящее безумие творится снаружи, за пределами этих стен и этих лесов».

Как бы там ни было, его ждала работа. Он хотел доказать, что аспект дьявола существует. Только здесь, в замке, где заключены самые изощренные преступные умы, он мог справиться с этой задачей.

До сеанса с Павлом Зелены, Дровосеком, он решил посетить лазарет. Платнера не было, Виктора встретил не улыбочивый Кракл.

– Я пришел спросить, как поживает медсестра Хоракова, – сказал Виктор. – Могу ли я увидеть ее?

Кракл пожал плечами.

– Да, пожалуйста. – Он взялся проводить Виктора до палаты пострадавшей. – Мы дали ей успокоительное. Герр Платнер промыл и зашил рану. Он очень хорошо провел операцию. Хоракова так переживала из-за своей внешности. Глупая женщина.

– Глупая?

– Если бы удар пришелся на шесть дюймов ниже, была бы повреждена сонная артерия, и тогда бы ей не пришлось беспокоиться о своей внешности.

Виктор собрался было возразить, что для женщин внешность очень важна, но они свернули из коридора в палату. Свет был выключен. Молодая медсестра лежала на кровати, но не спала, ее взгляд был прикован к потолку. На щеку была наложена повязка, но было видно, что лицо сильно отекает.

Она повернулась на звук шагов и попыталась улыбнуться, улыбка получилась односторонней. Виктор боялся даже предположить, каким теперь будет ее лицо. Он взял ее за руку и спросил, как она себя чувствует.

– Спасибо, я в порядке, – ответила девушка и поблагодарила Виктора за все, что он сделал.

Он сказал, что благодарить надо не его, а доктора Платнера, так как, по словам доктора Кракла, он проделал свою работу на высочайшем уровне.

Девушка взглянула на Кракла, и ее глаза на мгновение стали холодными.

– Как вы думаете, мое лицо будет безобразным?

Виктор проигнорировал вздох Кракла за спиной.

– У вас останется шрам, но не стоит особо переживать по этому поводу. Вы наверняка сможете замаскировать все косметикой. – Он обманул ее: рану он видел собственными глазами. – А сейчас вам нужно отдыхать и поправляться.

– Еще раз спасибо. Не знаю, что бы я делала, если бы вы не...

– Я не сделал ничего особенного. А вам сейчас нужно немного поспать.

Виктор вышел вслед за Краклом в коридор и попрощался, объяснив, что он должен идти на очередной сеанс.

– Раньше у нас никогда не возникало проблем с ним.

– Что? – Виктор развернулся к Краклу.

– С Михалом Мачачеком. Мы считали его тихоней.

– Возможно. Но как профессор Романек не единожды повторял, ни на секунду нельзя терять бдительность. Здесь нет пациентов, которых нельзя назвать непредсказуемыми.

Кракл пожал плечами.

– Все, что я знаю, – у нас никогда не было проблем с Мачачеком до вашего так называемого сеанса наркосинтеза.

Виктор недоверчиво покачал головой.

– Вы хотите сказать, что это нападение спровоцировано сеансом? Или, может быть, вы хотите сказать, что я не способен контролировать клиническое состояние пациента?

– Все, что я хочу сказать, что вы, возможно, расшевелили в нем что-то такое, что раньше сдерживалось, ваши сеансы могли стать кнопкой для его агрессивного поведения. На мой взгляд, это самое логичное объяснение того, что случилось.

– Со всем уважением, доктор Кракл, но вынужден заметить, что ваши слова свидетельствуют о глубоком непонимании того, как работает мой метод, а также о непонимании целого пласта психиатрии, связанного с проникновением в бессознательное, и я бы даже сказал, психиатрии в целом.

– О, я понимаю это лучше, чем вы думаете. – В голосе Кракла слышалось открытое презрение. – Попытка излечить неизлечимое. Куча терминов вместо того, чтобы обозначить проблему одним словом: безумие. Бессмысленное разглагольствование, слишком усложняющее

простой факт: иногда люди рождаются неполноценными. Некоторые с физическими дефектами, другие с психическими. И, конечно же, из этих теорий всегда можно извлечь свой шекель, ведь неслучайно отец вашего направления, доктор Фрейд, еврей. И психиатрия, и психология – это не просто лженаука, это еврейское хитроумное изобретение для зарабатывания денег.

– Ну, если вы действительно так считаете, то почему вы работаете в сумасшедшем доме, друг мой? И я, между прочим, юнгианец, а не фрейдист. И то, что, черт возьми, Зигмунд Фрейд еврей, вовсе не имеет отношения к моим исследованиям.

– Я работаю здесь, потому что это необходимо. Я работаю здесь, потому что безумцев нужно изолировать от тех, кто в здравом уме. Их нужно держать взаперти до тех пор, пока не будет найдено решение получше.

– И доктор Платнер разделяет эти взгляды?

– Это мои взгляды. Доктор Платнер верит в то, что важно для него. В любом случае, раз уж мы с вами говорим откровенно, я считаю, что все эти фокусы-покусы, которыми вы балуетесь, не имеют положительного эффекта. Я действительно считаю, что ваши сеансы потенциально опасны и что таких атак, как с Мачачеком, будет больше, если вы не прекратите заниматься этой ерундой.

Виктор смотрел на Кракла, худого и высокого, похожего на ястреба, и с трудом подавлял желание немедленно ударить его кулаком по лицу.

«Если этот тип и есть представитель “высшей расы”, – подумал он, – то да поможет Бог всем нам».

– У меня нет времени слушать ваш бред, – сказал Виктор вслух, повернулся к Краклу спиной и вышел из лазарета. – Мне пора показывать фокусы-покусы.

Виктор пришел в башню заранее, чтобы настроить оборудование, посидеть, собраться с силами и расслабиться перед сеансом. Он был потрясен, причем причин для потрясения было две: происшествие с

медсестрой, которое еще раз подтвердило опасения доктора Романека, и разозливший его до крайности Кракл.

Горькая правда крылась в том, что Виктор понимал: агрессивное поведение Коллекционера Стекла действительно могло быть спровоцировано сеансом. От этого становилось не по себе. Что, если он нечаянно выпустил наружу того самого «дьявола», который прятался в подсознании пациента? А Кракл... Всякий раз, когда Виктор думал о его отношении к душевнобольным и, надо полагать, к евреям, судя по тому с каким презрением он относился к Юдите, у него сжималось сердце.

Виктор сидел один, в полной тишине, размышляя обо всем этом, а потом его мысли приняли другое направление. Он подумал о жестоком владельце замка, о котором сложено столько легенд. Подумал о том, что легенды не возникают на пустом месте, и здесь еще столько неразгаданных тайн. Он разволновался, мысли хаотично перескакивали с одного на другое. И вдруг понял, что не может совладать с собой. Это испугало его больше всего.

В дверь постучали. На пороге стоял профессор Романек, лицо его было хмурым.

– Я просто хотел зайти поблагодарить вас, – сказал он. – То, что случилось сегодня, результат чудовищной ошибки в организации мер безопасности.

– Пожалуйста, проходите, профессор.

Романек обвел взглядом комнату, кушетку и письменный стол в центре с магнитофоном на нем.

– Я знаю, что у вас назначен сеанс, поэтому задержу вас буквально на минуту. Вы молодец, оказали помощь бедной девушке и взяли на себя ответственность в этой крайне неприятной ситуации.

– Я не сделал ничего особенного, – пожал плечами Виктор. Он понимал, что настоящая причина визита Романека сокрыта в чем-то другом. – Скажите, профессор, удалось выяснить, откуда он взял стакан?

Романек нахмурился еще сильнее.

– В том-то и дело. По осколкам, которые мы собрали, стало понятно, что таких стаканов нет и никогда не было ни в столовой, ни на кухне. Сине-зеленое стекло, скорее декоративное, чем функциональное. Получается, что сам Мачачек каким-то невероятным

образом пронес его с собой в столовую... Не знаю, как такое может быть. Наш недосмотр, что тут говорить.

– Но где он мог его взять?

– Вот это и остается загадкой. – Романек на мгновение смолк. – Доктор Косарек, как по-вашему, мог ли сеанс наркосинтеза спровоцировать Мачачека на такой поступок?

Виктор сдержал вздох. Ах вот в чем дело... Профессор Романек хотел поделиться той же догадкой, что и Кракл, но в отличие от Кракла он высказал свои опасения более дипломатично.

– Нет, ручаюсь, – твердо ответил он. – Сеансы наркосинтеза действуют на пациентов успокаивающе, а не разжигают психозы. Агрессивное поведение Мачачека стало для меня таким же потрясением, как и для вас. А что насчет этого полицейского, который хочет поговорить с Коллекционером Стекла? – спросил он.

– Я разберусь с этим. Встречу необходимо отменить. Или, по крайней мере, отложить. С кем у вас сегодня сеанс?

– С Павлом Зелены, силезским Дровосеком.

Романек пристально посмотрел на Виктора.

– Очень хорошо. Еще раз спасибо, доктор Косарек.

Павел Зелены был простым лесорубом из Силезской Моравии. О Чешской Силезии Виктор знал только то, что это родина Зигмунда Фрейда. Ему ни разу не доводилось побывать в этих краях, но дело не в этом – он беспокоился, сможет ли разобрать ляшский диалект, на котором говорили многие силезийцы^[38]. В документах Зелены указывалось, что образования у него практически не было, то есть он так и не научился ни читать, ни писать. А вдруг он не может свободно говорить по-чешски?

Привели Зелены. На нем был костюм с белой рубашкой – скорее всего, одежду ему выдали в больнице: откуда такому взяться у простого лесника. Крупный, крепко сложенный мужчина, чисто выбритый, но заметно, что щетина у него отрастает очень быстро.

Когда Виктор впервые встретился с ним, внешность Дровосека его смутила. В этом человеке не было ничего, что могло бы выдавать в

нем сельского жителя, кроме, конечно, крепкого телосложения. Черты лица у Зелены были тонкие, а ярко-изумрудные глаза вообще поражали. Глядя на него, можно было подумать, что в материалы личного дела закралась какая-то ошибка.

Дровосек был совершенно спокоен и не сопротивлялся, пока его вели к кушетке и пристегивали, однако Виктор отметил, что на этот раз пациента сопровождали не два, а четыре санитары. Зелены, в отличие от Мачачека, уже не раз нападал на персонал клиники, а силы у него было немеряно. Виктор задал несколько ничего не значащих вопросов, и оказалось, что на чешском Зелены говорит достаточно хорошо, хотя и с акцентом.

Он ввел ему лекарственный коктейль, немного подождал и включил магнитофон.

Наркотики подавили волю Зелены очень быстро, быстрее, чем это происходило у других пациентов, как будто его психика была соткана из более тонких нитей. Он отвечал на вопросы совершенно спокойно, а голос был удивительно мягким.

Дровосек коротко рассказал свою историю.

– Мы были счастливы. Я и моя жена, мы были счастливы. Шарлотта была хорошенькой девушкой, и она была счастлива со мной. Мы двое, ну, мы были как две стороны одной медали, если вы понимаете, о чем я. Четыре года все так и было. Четыре счастливых года.

– Что же случилось потом? – спросил Виктор.

– Родились дети, мальчики-близнецы, и все вдруг поменялось. Но вообще-то все начало меняться еще до детей. Шарлотта стала хитрой. Она уже не была такой открытой, как раньше. И она стала лгать мне.

– Вы с ней пытались поговорить?

– Шарлотта во всем обвиняла лес. Она говорила, что он ее пугает. Я смеялся над этим. Я всю жизнь жил и работал в лесу. Как дровосеку мне был положен дом. Отличный дом, большой, но находился он в самой чаще леса. Шарлотта беспокоилась, что детям будет сложно добираться до школы, когда придет пора, – от нашего-то дома до деревни три километра. Ближайшим соседом был управляющий, но и его дом стоял почти в двух километрах от нашего.

– Может, ей было скучно одной? – спросил Виктор.

– Да, думаю так. Но она говорила об этом по-другому. Она говорила, что во всем виноват лес. Что он пугает ее, что она постоянно видит что-то в темноте между деревьями. Она говорила, что там полно призраков, духов. В детстве ей рассказывали о демонах, феях и лесных ведьмах, которые живут в лесу. Я попытался объяснить, что это просто игра теней: солнце движется по небу и его лучи рисуют всякие картинки. Она не поверила и все твердила: в лесу полно того, что мы не понимаем. Я ничего не мог поделать – она никак не успокаивалась. Уехать мы не могли, лес – моя работа.

– А как насчет вас? Судя по вашим словам, в лесных духов вы не верите? – спросил Виктор.

– Я такого не говорил. Это я только Шарлотте говорил, что не верю в них, но вы же знаете, я всю свою жизнь прожил в лесу, а если вы хотите жить в лесу, то должны понимать, чего лес хочет.

– И чего же он хочет?

– Лес – он живой. Я не имею в виду деревья, всякие там растения, животных – это всё части леса, как, скажем, руки, ноги или волосы – это части нас. Я имею в виду лес целиком. Лес – это великий всемогущий ум, который охватывает всё. Он наполнен тенями и светом. И более того, он видит сны. Сновидения о всевозможных вещах. О хороших и плохих вещах.

– А лесные духи?

Зелены вяло кивнул, движения его замедлились из-за действия лекарств.

– Духи являются частью сновидений. Видите ли, сны леса и сны людей часто переплетаются и запутываются. Знаете, как корни молодого дерева прорастают между корнями старого и переплетаются с ними. Если вы пробудете в лесу достаточно долго, то начнете видеть демонов, ангелов и духов в тенях между деревьями. Я думаю, с Шарлоттой что-то такое и начало происходить. Она, наверное, начала видеть духов, но не поняла, что к чему.

– Значит, вы думаете, что у нее были галлюцинации? Я имею в виду, она видела что-то, чего на самом деле не было?

– О, они-то были. С ними все в порядке. Они, духи, как будто играют с нами. «Тот, кто прячется за спиной» – есть такая игра. Может, вы знаете – кто-то наблюдает за вами, идет по вашим стопам, но прячется за деревом, как только вы поворачиваетесь. А в тех краях, где

мы жили, как раз находится дом лесного великана Краконоша, которого немцы называют Рюбецаль^[39], еще там обитают лесные духи-мужчины, которых называют Лески^[40], и лесные ведьмы Вилы^[41]. Черный демон Чор тоже там, и, конечно, сам великий Велес, дух леса... Лес – их дом, потому что они – сны леса. Только эти сны наяву.

– Но вы не рассказывали жене ни о чем таком?

– Она бы еще больше испугалась. Я надеялся, что она со временем привыкнет. Когда долго живешь в лесу, со временем привыкаешь к духам. Думаю, она все-таки привыкла к ним. – Зелены вздохнул. – Шарлот та изменилась. Я хочу сказать, она снова изменилась. И на этот раз очень сильно. Она перестала жаловаться на лес. Она не вылезала из леса. Все гуляла и гуляла, и детишек с собой брала. Но она перестала обращать на меня внимание. Не хотела быть со мной. – Зелены остановился, чтобы подобрать слова. – Она не хотела, чтобы я выполнял свой супружеский долг.

– У нее были на то причины? – спросил Виктор.

– Нет. Она говорила, что просто устала. Но я знал. Я знал правду. Она спала с другим. Кто-то другой был ей мужем.

– Как такое могло произойти? Вы сказали, что жили в уединении.

– Она встретила кое-кого в лесу. Я выяснил, что у нее был любовник из леса, он приходил к ней, пока я работал в лесу. У меня были и другие доказательства. – Зелены снова заторможенно кивнул. – Дети начали смотреть на меня странно. Они отказывались проводить время со мной, совсем перестали общаться. Они втроем, моя жена и дети, все чаще стали уходить куда-то в лес. А однажды близнецы играли на заднем дворе. Помню, что это было в воскресенье, так как я не работал. Они не знали, что я их слышу. А я слышал их. Я хорошо их слышал.

– О чем они говорили?

– В том-то и дело, что я не знаю, о чем они говорили. Я не понял ни слова из того, что они говорили. Они разговаривали шепотом, как будто не хотели, чтобы их кто-нибудь услышал, и язык такой странный, я раньше никогда ничего подобного нигде не слышал.

– Немецкий?

Зелены покачал головой.

– Я не говорю по-немецки, но понимаю, что это немецкий, когда кто-то говорит на нем. Нет, это был не немецкий. Это был не немецкий или чешский, и не польский, и не русский. Люди на таком языке не говорят. Слова странные, совсем не похожие на слова, а больше похожи на мурлыканье, щелчки и рычание. Это язык не нашего мира, понимаете, о чем я? В общем, я понял: надо что-то делать с этим. Мне необходимо было найти доказательства, но это было нелегко. Хозяйство, в котором я работал, заставляло меня работать все больше. У меня была норма, которую нужно было выполнять каждый день, прежде чем управляющий приходил с лошадьми за древесиной. Это означало, что на работу нужно было идти задолго до рассвета. В это время лес только начинает оживать, и у меня просто не было времени на слежку. Однажды небо потемнело перед надвигающейся грозой, стало почти черным, и управляющий сказал мне, что не приедет на погрузку, и я мог вернуться домой немного раньше обычного. Но я решил не идти домой сразу, а сошел с тропы в лес и спрятался в кустах. Оттуда я мог видеть все, что происходило. Мне было важно поймать их. И у меня все получилось. Я видел его.

– Кого вы видели?

– Сначала я услышал их. Они были в доме. Я слышал голос жены. Моя жена стонала, как шлюха, а в это время наши дети играли на улице. Через некоторое время он вышел. Серый Человек. Он был высокий. Он был выше и худее, чем обычный человек. И он был серым. Он вышел из дома, и я увидел, что он – не человек. У него был длинный, острый нос и огромный рот, будто он все время улыбается, но это было не так. Его рот просто перекосило, потому что у него было очень много зубов, которые не влезали в рот. Очень-очень много зубов: сто или больше длинных острых зубов, похожих на иголки. У него все было острым, не только зубы: его лицо было угловатым, а взгляд был, как бурав, и глаза блестели, как бриллианты. И вместо того чтобы пойти по тропинке, он сразу направился в лес, в непроходимую, густую и темную чащу. Он просто растворился в тени, как будто растаял. Но я смотрел на него достаточно долго, чтобы понять, кто он такой. Я знал, кто такой Серый Человек. Я знал это очень хорошо.

– Так кто же он такой? – спросил Виктор.

Зелены понизил голос. Он практически шептал.

– Я знал, кто он такой. Это был Кощей, понимаете. Вы ведь знаете, кто он? Бессмертный демон леса. Злой демон. Я понял, что моя жена была лесной ведьмой и демонической шлюхой. Все это обрело смысл, понимаете? Шарлотта была подстилкой для демона, а может быть, даже не одного. Моя Шарлотта стала болотной демоницей, которая соблазняет мужчин и крадет детей, чтобы заменить их на своих. Вы, наверное, слышали, эту демоницу называют Дзивозона. Я понял это. Я прозрел. Я видел все так, как это было: Шарлотта, или Дзивозона, ходила в лес, чтобы искупаться в топи и потрахаться с Кошеем. А дети? Теперь я точно знал, что они не мои: мои дети были мертвы, и Шарлотта заменила их на одмианцев^[42] – подменышей. Эти дети были кошеевым отродьем, а язык, на котором они говорили, был лесным языком. Они вели разговоры о древесных демонах и подземных духах.

– Вы все еще верите в это, Павел? – спросил Виктор.

– Конечно верю. Это все чистая правда. Почему бы я сделал то, что сделал, если бы все это не было правдой?

– Но этот Серый Человек, которого вы видели, – продолжил Виктор, – разве вы не понимаете, что он не мог быть Кошеем? Кощей – это всего лишь персонаж славянских сказок. Его не существует, как не существует ни одмианцев-подменышей, ни болотных демониц. Это все банальные суеверия. Старые сказки.

– О да, но Кощей был настоящий. Вот поэтому я знал, что делать. Видите ли, я не мог убить Кощея, потому что он и в самом деле бессмертен. Его смерть заперта далеко-далеко, за семью печатями. Наверняка вы слышали легенду, согласно которой Кощей отправился на волшебный остров Буян, чтобы запрятать там свою смерть. Он превратил ее в серебряную булавку, булавку положил в яйцо, яйцо – в утку, утку – в зайца. Зайца запер в железный сундук, а сундук закопал под волшебным дубом зеленым. И пока булавка запрятана, никто – ни вы, ни я, ни кто-либо другой – не может убить Кощея. У него есть дар возвращать к жизни умерших: он дует в уста мертвых и заставляет их очнуться, но оживают они уже без душ. Вот почему я должен был

провернуть все так, как сделал. Это было тяжело и противно, но я знал, что должен сделать это.

– Вы должны были убить свою жену и детей? Зарубить их топором? – переспросил Виктор.

– Да, – бесстрастно ответил Зелены. – Более того, я должен был сделать кое-что еще. И вообще, они не были моими детьми, Шарлотта не была моей женой, они не были моей семьей. Это была семейка демонов: ведьма и кощейские одмианцы-ублюдки. Зарубить их топором недостаточно, не так ли? Если бы Кощей нашел их тела, то вернул бы их к бездушной жизни.

Виктор заглянул в материалы личного дела пациента. Полицейские фотографии было трудно воспринимать с профессиональным беспристрастием. На них просто невозможно было смотреть.

– Вы же понимаете, почему я должен был сделать то, что я сделал, именно так? – спросил Зелены. – Я должен был порубить их тела на очень мелкие кусочки, чтобы разбросать их по лесу. Я все сделал для того, чтобы Кощей не смог их вернуть к жизни. И я, конечно же, должен был найти тайники для голов. С детьми было проще, потому что их головы были маленькими.

Виктор вздохнул. Внезапно он почувствовал всю тяжесть безумия Зелены. И осознал нелепость своего стремления найти так называемый аспект дьявола. Неграмотный дровосек просто сошел с ума, жесточайшее параноидальное заблуждение привело его к расправе над женой и детьми. У него явно не было никакого расщепления личности, никакого сложного, не поддающегося объяснению нарушения психики. В его случае теория дьявольского аспекта терпела полный крах.

Зелены затуманенным взором смотрел на врача, не выказывая ни малейшего раздражения. Внезапно Виктор принял решение. Он схватил шприц, наполнил его лекарством и, повернувшись к магнитофону, громко назвал дозу.

– Что? – спросил Зелены.

– Ничего, Павел, – ответил Виктор. – Я сказал это не вам. А вам я собираюсь сделать еще одну инъекцию. Это еще больше расслабит вас, но может вызвать сонливость, поэтому постарайтесь не засыпать.

– Хорошо, – ровным голосом произнес Дровосек.

Через некоторое время после укола Зелены впал в бессознательное состояние. Он не спал, но и не бодрствовал.

– Я хочу поговорить с Серым Человеком, – сказал Виктор и почувствовал, как сердце забилось быстрее в груди. Введенная им дополнительная доза была на пределе допустимого, а если честно, чуть превышала ее. Он знал, что рискует жизнью пациента, преследуя свои научные интересы.

– Я хочу поговорить с Кощеем, – сказал он торопливо. – Вы там? Вы дремлете внутри Павла Зелены?

Ответа не последовало.

– Кощей? Вы там?

В комнате по-прежнему было тихо. Виктор заметил, что дыхание Зелены стало менее глубоким, интервалы между вдохами увеличились. Это были явные признаки опасной гиповентиляции от передозировки.

– Павел? Павел, вы меня слышите?

Зелены не отвечал.

– Павел?

Почувствовав, что дыхание пациента опасно угнетено, Виктор одной рукой нащупал шприц, а другой – ампулу пикротоксина. Вдруг ампула выскользнула из его пальцев и покатилась по столу. Он попытался схватить ее, но не успел.

Виктор вскочил, обошел стол и увидел, что ампула разбилась, а ее содержимое растеклось блестящими каплями по серым каменным плитам пола.

– Черт!

Это была единственная ампула антидота, которую он принес с собой.

В отчаянии он бросился к пациенту, схватил его за плечи и начал трясти.

– Павел?

Виктор тряс Дровосека снова и снова, но тот не реагировал. Тогда он попытался привести его в сознание при помощи болевого стимула, сильно скручивая кожу на груди пациента.

Бесполезно. Зелены оставался неподвижным, его глаза были закрыты, дыхание едва заметно.

Виктор бросился к столу, чтобы нажать на кнопку вызова санитаров: пусть принесут из аптеки еще пикротоксина.

Вдруг за его спиной послышался глубокий вздох. Виктор обернулся и увидел, что Зелены внимательно наблюдает за ним. Взгляд его был совершенно осмысленный.

Виктор на мгновение растерялся. То, что Зелены после передозировки как ни в чем не бывало пришел в себя, пусть и не сразу, выглядело фантастикой. И этот его взгляд... Такого просто не может быть.

– С вами все в порядке, Павел?

Зелены молчал, продолжая внимательно рассматривать Виктора ярко-зелеными пронизательными умными глазами.

Когда он заговорил, его голос был иным: низким, хорошо поставленным.

– Вы можете звать меня мистер Хоббс, – сказал он на английском языке.

15

– Вы никогда не рассказывали мне о своем брате, доктор Бартош. – Смолак предложил доктору сигарету, и тот не отказался. – Складывается впечатление, будто бы вас совсем не волнует случившееся с ним.

– Нет, это не так, – ответил Бартош.

Маленький и помятый, он сидел через стол от Смолака и разглядывал обстановку в кабинете детектива. Она была исключительно рабочей: папки с документами, сборники законов и нормативных актов. И ни намека на личные вещи.

В кабинете было только одно окно, но оно было огромным, и через него беспрепятственно лился свет – здание напротив – одноэтажное, а кабинет находился на третьем этаже. Получив этот кабинет, Смолак сразу же переставил стол, чтобы сидеть спиной к окну. Благодаря этому его лицо было в тени, в то время как лицо человека, сидящего напротив, ярко освещено. Это был трюк, о котором он вычитал в одной исторической книжке: Карл IV Люксембургский, король Германии, король Чехии и император Священной Римской империи, установил свой трон в зале для аудиенций в замке Карлштейн, что юго-западнее Праги, между двумя высокими, от пола

до потолка, окнами. Выражения его лица невозможно было разглядеть, в то время как его вассалы на ярком свете были как на ладони. Детектив был согласен с императором, что свет лучше всего обнажает ложь.

– Но я полагаю, об этом говорят все, – спокойно сказал Бартош. – О том, что я устроился на работу в полицию из-за брата. Потому что, мол, я хотел понять, что его толкнуло на преступления.

– А это так?

Маленький неповоротливый доктор издал горький смешок, затем затянулся сигаретой.

– Мы имеем дело с убийцами каждый день, для нас факт смерти – банальность. Не мне вам говорить, что почти каждое преступление совершается в среде малообразованных и малообеспеченных групп населения, выходцами из этой среды. Разве на таком материале я могу понять мотивы моего брата? Убийства, которые совершил Доминик, – это исключение из общего правила. Знаете, в нем все было исключительным: его разум, его амбиции, его безумие. Если бы я действительно хотел разгадать его тайну, я бы стал психиатром, а не полицейским врачом.

– А у вас никогда не было подозрений относительно его психического состояния? – спросил Смолак.

Лицо Бартоша омрачила глубокая скорбь.

– Мой брат был самым нежным человеком, которого я когда-либо знал. Для Доминика этот мир, эта вселенная была полна чудес. Чудеса, которые мы можем видеть, и чудеса, которые нам еще предстоит открыть... Вот почему он стал ученым: чтобы открывать удивительное. Как физик, он посвятил свою жизнь пониманию скрытой механики Вселенной. Это так называемая квантовая механика, где абсолютно все, что мы знаем, все, что мы принимаем как непреложную истину, перевернуто с ног на голову. Я в свое время получил неплохое образование, но не понимаю этого. Перевернутый, нелогичный мир, который требует здравого рассудка, если вы собираетесь его исследовать. Полагаю, здравомыслие Доминика было недостаточно сильным. Где-то там он нашел чудо, которое так тщательно искал, но оно оказалось страшным, темным чудом. Слишком страшным для его разума. Он искал разум и науку, но вместо этого нашел безумие и оккультизм.

Смолак кивнул.

– Ваш брат не несет ответственности за свои действия, не так ли? Ведь он находился во власти своего безумия. Вы понимаете это?

– Я понимаю... – Бартош, казалось, засомневался на мгновение. – Да, понимаю.

– Тем не менее вы до сих пор ни разу не навестили его.

– Наверное, потому что я все-таки виню его. То, что он сделал, чудовищно. Я знаю, что Доминик, будь он здоров, никогда бы не нанес вреда ни одной живой душе, но... То, что он сделал, заставляет смотреть на него другими глазами.

– Но сейчас вы хотите увидеться с ним?

– Когда я услышал, что вы едете в Орлиный замок...

– Боюсь, визит придется отложить еще на некоторое время, – прервал его Смолак. – Пациент, с которым я хотел поговорить, напал на сотрудника клиники.

– Но вы все же поедете? – нахмурился Бартош.

– На следующей неделе. И если вы не передумаете...

– Я поеду с вами.

Повисла пауза. Бартош снова задумчиво затянулся сигаретой.

– Я видел портрет подозреваемого, – сказал он, прервав молчание. – Наш художник нарисовал его со слов продавщицы магазина.

– Да. Высокий небритый мужчина в потертом черном пальто и шляпе. Я отправил копии в «Лидове новины» и в «Прагер Тэгблатт». Большинство других газет тоже опубликовали его портрет. Это, черт возьми, может очень помочь в расследовании.

– Боюсь, это может навредить, – скептически заметил Бартош.

– О, каким же образом?

– Неужели вы верите, что кто-то сможет идентифицировать его по этому портрету? К тому же побриться и переодеться – это все, что нужно сделать убийце, и, вероятно, он уже сделал это, если читает прессу...

– Да, пожалуй, вы правы, – нахмурился Смолак, а Бартош продолжил:

– Джек Потрошитель, мы все время возвращаемся к нему. Преступник потрошит женщин, и это, конечно, не то, что следует держать в голове, но слухи делают свое дело – о преступнике

складывают легенды. Именно так и произошло в Лондоне, и, боюсь, именно это происходит и здесь, у нас. Пресса раздувает огонь, делая преступника безликим упырем. Он больше связан с фольклором, чем с реальностью. Люди наслаждаются острыми ощущениями, но эти острые ощущения точно такие же, что дарит нам чтение мифов. Реальность слишком пугает, поэтому от нее отстраняются. Возможно... возможно, именно так и появились мифы.

Какое-то время Смолак наблюдал, как полупрозрачный синесерый сигаретный дым дрейфует по кабинету в солнечных лучах.

– Доктор Бартош, вы помните наш разговор о Тобаре Бихари? Я спросил вас, считаете ли вы, что сумасшествие может полностью изменить человека. Что кто-то, находясь во власти безумия, может совершать убийства, но даже не подозревать об этом.

– Да, помню. Но Бихари мертв, а убийства продолжаются. А если вы имеете в виду моего брата, то с ним это было не так.

– Я говорю в общем, не имея в виду исключения. Но, возвращаясь к тому нашему разговору, вы ведь, кажется, согласились с тем, что существует такое явление, как раздвоение личности?

Доктор Бартош пожал плечами.

– Я читал о таких случаях.

– Бывает ли так, что одна личность совершенно не осознает, что делает другая? Даже если совершает убийство?

– Думаю, что это не редкость. Бывает, что одна часть личности может свободно исполнять свои самые потаенные желания, не соотносясь с другой или другими частями. Это избавляет человека, в котором одновременно сосуществуют несколько личностей, от чувства вины.

– Но почему происходит это разделение? – спросил Смолак. – Люди рождаются такими? И эти личности-антагонисты растут и развиваются вместе с ребенком?

– Об этом лучше спросить у экспертов при встрече, когда мы приедем в клинику. Но, насколько я знаю, обычно к расколу личности приводит детская травма. Часто случается, что у человека есть некий темный секрет, о котором он даже не догадывается, потому что этот секрет хранит другая его часть. Он не помнит того, что с ним случилось что-то ужасное или что он сделал что-то ужасное, потому что это случилось не с ним, а с другим человеком, живущим в нем.

Смолак покачал головой в изумлении.

– Давайте вернемся к Кожаному Фартуку. Есть ли шанс, что он совершает убийства и не помнит их?

Бартош задумался.

– Думаю, нет. Кожаный Фартук скорее всего не такой случай. Полагаю, он точно знает, кто он и какова его миссия. Но, тем не менее, в теории возможен и такой вариант. Но будем надеяться, что это не так.

– Почему же?

– Убийцы обычно делают все, чтобы скрыть факты совершения преступления от других: уничтожают улики, заметают следы, – рассуждал Бартош. – В случае диссоциативного расстройства идентичности – кажется, так это называется в медицине – убийца все равно будет скрывать свои преступления – от другой части или частей своей личности. Понимаете, мы говорим не об одном человеке – мы говорим об одном теле, но двух или более личностях. Каждая действует независимо, и большую часть времени пребывает в полном неведении о том, что совершает другая или другие.

– Но должны же оставаться хоть какие-то следы, – возразил Смолак. – Хоть намеки, что-то вроде отпечатка пальца, оставленного в уме.

– О каких следах вы говорите?

Смолак на мгновение задумался.

– О снах, – решительно сказал он. – Как вы думаете, может ли воспоминание о преступлении проявиться в сновидениях?

– В сновидениях? – Бартош подумал немного и кивнул. – Да, действительно. Это была бы наиболее вероятная форма такого проявления.

Первое, что сделал Виктор, – взглянул на записывающее устройство. С глубоким облегчением он убедился, что катушки магнитофона все еще вращаются.

Он глубоко вздохнул и спросил:

– Кто вы?

– Я же сказал, – снова английский. – Вы можете называть меня мистер Хоббс.

– Но... мой английский... – В голове Виктора творился хаос. Мысли сменяли друг друга со скоростью света. Он никак не мог смириться с абсурдом ситуации: неграмотный силезский дровосек владеет языком лучше него. – Мой английский... не так хорош, как ваш. Где вы выучили язык?

– Я выучил его много лет назад. Я говорил на нем, как на родном, очень долго. Я говорю на многих языках, ношу их, как пальто, на протяжении какого-то времени. Если вам сложно понимать английскую речь, я могу перейти на французский, немецкий, чешский, польский, русский...

Виктор разглядывал Павла Зелены так, будто видел его впервые. Это невозможно. Бред какой-то...

Он снова покосился на магнитофон. Катушки вращались с мерным стуком, и это успокаивало.

– Так вы бы предпочли, чтобы я говорил по-чешски или по-немецки? – спросил Зелены уже по-немецки, и Виктор обратил внимание на отсутствие малейших признаков акцента.

– Да, давайте по-немецки, – ответил он. – Вы – Кощей?

– Кощей? – Зелены рассмеялся от всего сердца, хохот эхом отозвался в стенах башни. – Зачем же будить древних демонов? Простите, но это слова колдуна, а не доктора, занимающегося врачеванием человеческого разума. Вы же сами сказали пациенту: Кощей – это персонаж сказки, мифологическое существо. – Он на мгновение остановился. На красивом лице сияла ослепительная улыбка, но взгляд оставался хмурым. – Однако в некотором смысле, полагаю, меня можно назвать Кощеем. У нас с ним много общего, поскольку мы оба бессмертны.

– Павел, – обратился к пациенту Виктор. – Мне нужно, чтобы вы объяснили, как у вас получается говорить на нескольких языках. Где вы их выучили? И почему ваш голос так изменился?

Собеседник усмехнулся.

– Я не Павел Зелены. Но вы уже и сами об этом догадались. Я что-то иное. Что-то, что за пределами вашего понимания. В этом замке я обитаю очень-очень давно. Гораздо дольше, чем этот дурень лесоруб,

через которого я говорю с вами. Я видел здесь такие жуткие вещи. Вы даже представить не можете...

– Кто вы?

Виктор почти кричал.

– Я отвечал на этот вопрос уже дважды. Можете называть меня мистер Хоббс.

– Я хотел спросить не ваше имя, а кто вы.

– Мой дорогой доктор Косарек, вы уже узнали меня, но не осмеливаетесь в это поверить. – Зелены обвел взглядом толстые стены комнаты, затем деревянные балки на потолке. – Самая большая опасность в поиске дьявола, доктор, в том, что вы действительно можете найти его.

– Вы хотите сказать, что вы – дьявол? – уточнил Виктор. Его сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Э, да вы, похоже, отправились навстречу открытиям без достаточной подготовки. Вы предприняли попытку найти нечто, что живет и в поврежденном, и в здоровом уме, внутри других и, конечно же, внутри вас. Но вы не нашли время подумать над тем, что вы можете обнаружить.

– А что я обнаружил?

– Вы обнаружили меня.

– Расскажите о преступлениях, совершенных Зелены, об убийстве его жены и детей. Вы были там? Это вы их убили?

– Жена лесоруба уходила в лесную глушь. Она искала демонов, духов и элементарей в темных непроходимых чащах. Она охотилась за тем, чего боялась больше всего. Это ее и сгубило. Она нашла, что искала. Она нашла меня. И теперь, мой дорогой Виктор, вы бродите по точно таким же темным лесам. Вы сейчас заблудились в чаще ума. Вам надо позаботиться о том, чтобы это и вас не сгубило.

– Можете ли вы указать мне путь?

– К свету? – Зелены красиво и злорадно улыбнулся со своей кушетки. – И что же должно послужить в качестве света? Уж не рай ли вы имеете в виду? Но я не поведу вас туда, нет. Доверьтесь мне, мой дорогой доктор Косарек, и я поведу вас во тьму за пределами вашего воображения. Но это подождет, пожалуй. Сейчас я должен идти.

– Почему? – спросил Виктор.

– Ваш пациент умирает от передозировки наркотика, который вы ему вкололи. Но не волнуйтесь, мы еще пообщаемся.

С этими словами Зелены закрыл глаза.

– Павел?

Пациент снова перестал реагировать. Его дыхание опасно замедлилось. Виктор нажал на кнопку тревоги, и санитары сразу ворвались.

– Принесите мне пикротоксин из аптеки, – закричал Виктор. – Три ампулы. Немедленно!

Он навис над пациентом, вновь пытаясь привести его в сознание при помощи болевого стимула. Но Павел Зелены лежал неподвижно, постепенно уходя из жизни.

«Так вот, – подумал Виктор, – где скрывается дьявол».

На грани смерти.

В комнате витали отголоски сеанса – работал магнитофон. Виктор смутился, услышав эхо собственного голоса, но еще больше его взволновал низкий голос «мистера Хоббса», резонирующий от стен.

Когда запись подошла к концу, Виктор повернул неуклюжий бакелитовый рычаг, чтобы выключить режим воспроизведения. У стола собрались профессор Романек, доктор Платнер и Юдита, собираясь обсудить услышанное.

– Но это невозможно, – профессор Романек невидящим взглядом уставился на пустую кушетку. – Вы говорите, в самом начале звучал английский? Простите, я вообще не говорю по-английски.

– Я сам едва говорю по-английски, но это был превосходный английский, – ответил Виктор. – Откуда простой дровосек из Силезии мог его знать?

– И еще немецкий, – подхватил Ганс Платнер; его лицо было непроницаемым, как и Романек, он, не отрываясь, смотрел на пустую кушетку, как будто она могла дать ответ. – Вы заметили, как он говорит по-немецки? Это речь культурного, образованного человека, возможно даже немного старомодная. А что, если Зелены не тот, за кого себя выдает?

– Я не понимаю... – пробормотал Романек.

Платнер обратился к Виктору:

– Верите ли вы, что все, что мы только что услышали, – это голос дьявола в уме Зелены? Ваш так называемый дьявольский аспект?

– Я не знаю, – нахмурился Виктор. Правда заключалась в том, что, испытав восторг открытия, он начал испытывать сомнения. – Но я верю вот во что: что бы это ни было, в этой записи мы услышали нечто очень важное.

– Давайте на мгновение признаем, что вы правы. Будь это аспект дьявола или какой-то другой аспект психики пациента, так называемый мистер Хоббс не может знать или делать то, чего не может знать или делать Зелены.

– Полагаю, это так...

Платнер снова обратился к Романеку:

– Тогда то, что мы услышали, является продуктом разума Зелены. Делаем вывод: Зелена свободно изъясняется на английском и немецком языках, значит, он не может быть простым дровосеком, которым притворяется.

– Тогда кто же он? – спросил Романек.

Платнер пожал плечами.

– Я не знаю. Но вы же помните, какие жуткие преступления он совершил. Возможно, он совершал преступления и раньше, а потом затаился, скрывался под вымышленным именем. Возможно, настоящий Зелена был убит, возможно, тот кого мы держим здесь, – образованный, культурный, но душевнобольной человек, скрывающийся под личиной простого лесоруба.

– Не думаю, что это вероятно... – возразил Виктор.

– Отчего же? – Платнер выглядел удивленным. – Я, было, подумал, что вы первый признаете такую вероятность. Скрываясь от полиции или правосудия, Зелены скрылся от самого себя. А может быть, он страдает истерической амнезией и действительно не помнит, кем был раньше.

Виктор задумчиво кивнул.

– Состояние фуги...^[43] Да, может быть. Если подумать, это единственное разумное объяснение на данный момент. Вы правы, доктор Платнер, утверждая, что любой аспект разума Зелены, включая

дьявольский, может быть только аспектом его разума. Мистер Хоббс не может знать больше, чем знает Зелены.

– Вы говорили с Зелены о том, что произошло? – спросил Романек.

– Да, говорил, – ответил Виктор. – Сразу же, как только удалось привести его в сознание. Я даже включал ему отрывки записи. Он ничего не помнит. И он клянется, что это не его голос. Мне показалось, он был искренне поражен и напуган.

– Может быть, он боится столкнуться с чем-то, что запрятано глубоко внутри него? – предположил Платнер. – Какая-то тайна из прошлого... другое его обличье или событие, сильно повлиявшее на него?

– Но у нас есть его личное дело, – возразил Романек. – Мы знаем, где и когда он родился.

– У него есть родители или братья-сестры, которые могли бы его опознать? – спросила Юдита.

– Нет, – ответил Виктор. – Никого из родственников у него не осталось, а жена и дети, как мы знаем, убиты. К управляющему обращаться бесполезно – он знает его только с тех пор, как он начал работать в лесу.

– Поэтому, вполне возможно, что настоящий Зелены зарублен и похоронен в лесу, – сказала Юдита. – Посмотрим правде в глаза, наш пациент не похож на простого лесоруба. Может быть, он где-то встретил настоящего Павла Зелены, прежде чем поселиться в лесу.

– Убил его и занял его место? – Тон Виктора был скептическим. – Все это кажется очень надуманным.

– Не более надуманным, – сказал Платнер, – чем неграмотный лесник, говорящий на английском и языке Гёте...

– Так что же нам делать? – спросил Виктор.

Вопрос повис в воздухе. Профессор Романек нарушил молчание:

– Продолжайте сеансы с ним. Посмотрим, сможете ли вы снова выманить из него личность этого Хоббса. К нам должен приехать детектив из Городской полиции Праги, чтобы допросить Михала Мачачека. Думаю, было бы неплохо обсудить с ним дело Зелены: узнаем, ищут ли они кого-нибудь, кто подходит под описание. Кого-нибудь, кто был в бегах последние десять лет.

Виктор кивнул. Все некоторое время стояли в тишине, пораженные тем, что услышали.

– Ну, доктор Косарек, – вновь прервал молчание Романек, – доказали вы свою теорию или нет – сейчас не важно, но одно можно сказать наверняка: вы, безусловно, открыли что-то темное.

После сеанса с Зелены Юдита и Виктор впервые занялись любовью.

Он пришел к ней в комнату почти сразу. Оказалось, Юдита приготовила маленький ужин на двоих. По правилам клиники персоналу не разрешалось хранить провизию в комнатах, но Юдита, невзирая на запреты, купила у трактирщика мясо, сыр, хлеб и бутылку вина.

Вино и разговоры смягчили поначалу возникшую неловкость. Общаться было легко. Им казалось, что они знают друг друга целую жизнь, а не несколько недель.

Неловкость вернулась, когда Виктор притянул к себе Юдиту и поцеловал ее. Она ответила на поцелуй со страстью, близкой к горячности, и их любовные ласки были внезапными и стремительными. Виктору понравилась страстность Юдиты, но что-то в почти неистовом рвении, с которым она занималась любовью, беспокоило его. Казалось, она отчаянно цеплялась за жизнь, которая вот-вот может ускользнуть.

После этого они лежали в постели, курили и разговаривали.

Виктор все время возвращался мыслями к сеансу.

– Как же странно, – размышлял он. – Я так и не понял, что произошло. Хотя психиатрия по определению имеет дело со странностями.

– Послушай, я никогда не спрашивала тебя... Почему ты стал психиатром? – вдруг спросила Юдита.

– Почему? – Виктор пожал плечами. – Не знаю, наверное, это была случайность. Эта дисциплина была мне интересна.

Она склонила голову на бок и поддразнивающе улыбнулась.

– Возможно, я тебя еще недостаточно хорошо знаю, но мне кажется, что ты не из тех, кто делает что-то случайно. У тебя все разложено по полочкам, ты подо все подводишь обоснование. Ну-ка, доктор Косарек, признавайтесь, какова реальная причина? Почему вы решили провести свою жизнь, погружаясь в самые темные уголки человеческой психики? Могу поспорить, в этом есть какой-то страшный секрет. – Увидев выражение лица Виктора, она тут же сменила тон: – Прости, я не должна была шутить...

Виктор покачал головой.

– Да нет, все нормально. Честно говоря, я стараюсь поменьше вспоминать об этом, но ты угадала, я точно знаю, почему стал психиатром. Дело в том, что моя мама страдала от депрессии. Величайшая из *великих печалей*... В конце концов она покончила с собой. Она повесилась, а я обнаружил ее. Я был тогда мальчиком...

Юдита села на кровати, прикрыв грудь.

– О боже, Виктор... Мне не стоило...

– Все нормально, – повторил он и грустно улыбнулся, – это было давно. Но, понимаешь, я хотел разобраться, что заставило ее покончить с собой. То есть причина была... Это было связано с тем, что случилось с моей сестрой.

– С твоей сестрой?

– Да. У меня была младшая сестра, Элла. Она погибла в результате несчастного случая, когда ей было семь лет. Утонула. Мама винила себя, она не смогла справиться с поглотившими ее чувствами. Хотя у нее был я...

– Ох, Виктор, я... я не знаю, что сказать. Я так виновата. Я не должна была шутить...

– Не бери в голову, – он улыбнулся, но глаза оставались мрачными. – Я давно смирился с этим.

– Мой отец знает об этом? – спросила Юдита.

– Да, знал. Как и доктор Юнг. Первый вопрос, который они оба задали мне: «Почему вы интересуетесь психиатрией и психоанализом?» Доктор Юнг говорил, что психиатрия способна ответить на любой вопрос любого человека. Но самый сложный вопрос – это личный вопрос к себе самому. Я думаю, он прав.

Некоторое время они молчали. Юдита положила голову Виктору на плечо. Постепенно преодолевая неловкость, они возобновили

разговоры о жизни в клинике. Заговорили о Кракле, который становился все менее сдержанным в демонстрации своих антисемитских взглядов.

– Хочешь, я поговорю о нем с профессором Романеком? – спросил Виктор.

– Романек ничего не может сделать, – вздохнула Юдита. – Кракл – нацист, а их все боятся. Никто не хочет наживать врагов среди них – а вдруг они окажутся у власти. То, что происходит в Германии, происходит и у нас. Таких, как Кракл, много, и они могут победить.

– Я не боюсь Кракла и таких, как он. Я сам поговорю с ним.

Юдита замотала головой.

– Нет-нет, не делай этого! Это только усугубит ситуацию.

– Мы не можем позволить Краклу...

– Не вмешивайся, – перебила она. – Готов ли ты принять это или нет, единственное, что сейчас можно сделать, это бежать из Чехословакии, бежать из Европы. Для таких, как я, это единственный шанс на спасение.

Виктор удивленно рассмеялся.

– Ты же не серьезно?

– Еще как серьезно. Платнер, Кракл и все их судетские друзья видят в Гитлере своего рода спасителя. Поверь мне, когда нацисты придут в Чехословакию, Платнер и Кракл будут радостно размахивать флажками со свастикой в толпе своих приятелей-скопчаков.

Чешское оскорбительное прозвище для немцев звучало странно в устах Юдиты. Наедине они всегда говорили по-немецки. В этом языковом диссонансе Виктор услышал разочарование и растерянность Юдиты, он понял, что у нее земля уходит из-под ног. Воспитанная в среде богемских немцев, теперь она вдруг потеряла национальную идентичность. Хотя он и пытался успокоить Юдиту, он понимал, что ее слова вполне здравы, и все, о чем она говорит, может сбыться.

– Когда мы были у лесной часовни, – продолжала она, – я сказала тебе, что у нас нет будущего. Что мы должны жить здесь и сейчас. А прошлой ночью мне приснился очень странный сон. Я думала о нем весь день.

Она повернулась к Виктору и оперлась на локоть. Как художник, уверенно рисующий линию, Виктор провел рукой по ее плечу. Кожа была мягкой и горячей.

– Очередной кошмар? – спросил он.

– Кошмар и не кошмар одновременно, – Юдита нахмурилась. – Мне было страшно, но не так, как в других сновидениях. У меня в последнее время было много странных снов, но именно этот подсказал мне, что нужно как можно скорее бежать из Европы.

– Вот как?

– Когда я была маленькой девочкой, летом мы ездили в Вену. Каждый год. Теперь я знаю, что эти поездки были связаны с работой моего отца: в Вене проходил какой-то семинар или что-то вроде этого. Я была счастлива, зная, что вновь увижу Вену, буду ходить в зоопарк, магазины и кафе. Еще я помню, что доктор Фрейд часто бывал там. И доктор Юнг. Конечно, я тогда не знала, кто они такие, но позже отец рассказал мне о них.

– Так тебе приснилось то время? – спросил Виктор. – Время, когда ты вместе с отцом ездила в Вену?

– Да. Но все было иначе. Во сне так часто бывает: все выглядит странным по сравнению с реальностью, но тебе кажется, что так и должно быть. На мне было мое любимое летнее платье, белое с голубыми цветами, и мои любимые синие сандалии. Но именно сандалии во сне выглядели по-другому: они, как и мои ноги, были грязными от хождения по канавам. Обувь отца тоже была совсем такой же, какой я ее помню, но и она была испачкана грязью из сточных канав.

– Сточных канав?

– Да. Каждый раз, когда навстречу нам кто-то шел, доктор Фрейд, мама, папа и я отступали в канаву, чтобы позволить этим людям пройти. Однако доктор Юнг оставался на тротуаре. Я спросила маму, почему мы должны так делать, и она ответила: «Потому, доченька, что мы евреи. Это наше место». Затем она улыбнулась мне так, как это делают взрослые, когда дети спрашивают о совершенно очевидном.

Виктор улыбнулся и откинул с ее лица локон темных волос.

– Учитывая твое беспокойство в последнее время, да еще и всю ту мерзость, которую приходится терпеть от Кракла, это не сложный для анализа сон.

– Нет-нет, в этом сне было нечто большее. В конце концов мы вообще перестали ходить по тротуарам, но никому это не казалось странным. Мы ходили только по канавам, и к нам стали присоединяться

другие люди. Их становилось все больше и больше, и все они были евреями. В конце концов мы вышли из Вены и вдруг оказались посреди деревьев, в лесу. Никаких тротуаров больше не было, только канава, которая вела прямо в самое сердце леса. Мы дошли до поляны, там канава впадала в огромный квадратный резервуар, стены которого были сделаны из кирпича и каменных плит. Он был заполнен дождевой водой, отходами и евреями. Это было очень странно. Но самым странным было то, что мы все просто стояли там, ничего не предпринимая. Никто не пытался предпринять даже малейшее усилие, чтобы выбраться из леса, подальше от того, что нас ожидало.

– А что вас ожидало? – спросил Виктор.

Юдита снова нахмурилась.

– Я не знаю наверняка, но могу догадаться...

Чем бы это ни было, я знала, что это очень плохо – просто так стоять, ожидая своей участи. Я спросила маму, где мы находимся, и она сказала тем же спокойным, покровительственным тоном, как тогда, в Вене: «Мы сейчас там, где должны быть». Именно в этот момент небо вдруг потемнело, затянутое черной тучей. Потом я проснулась. – Она повернулась к нему и обхватила его лицо ладонями. Пальцы были ледяными. – Ты поедешь? – спросила она.

– Поеду? Куда поеду?

– Далеко. Подальше от Европы. В Америку. Виктор нервно засмеялся.

– А как же работа, исследование...

– Ты можешь найти работу в Америке. Можно получить финансирование под твои исследования. Готова поспорить, что там это гораздо проще, чем здесь. Если нацисты захватят власть, европейская психиатрия умрет. Ты наверняка слышал, какого взгляда они придерживаются: что вся психиатрия и психология – это надувательство, придуманное евреями. Поверь, Виктор, если эти ублюдки захватят власть, лечением психических расстройств будут заниматься на бойнях. Если бы мы поехали в Америку, я бы тоже нашла работу. Мы были бы свободны от всего этого безумия. Она отдернула руки, увидев, как изменилось выражение его лица. – Извини, – пробормотала она, отворачиваясь. – Мы и вправду только недавно познакомились. Это не твои проблемы.

Он взял ее за плечи и развернул лицом к себе.

– Это не так. Это совсем не так, Юдита. Просто я не знаю, верю ли, что здесь все будет так плохо, как ты думаешь. Мне кажется, мы должны подождать и посмотреть.

– Как бы не опоздать, – удрученно проговорила она. – Я, еврейка, могу оказаться на такой лесной поляне в реальности. Я знаю, почему мне снится это, понимаешь? Я знаю, что означает поляна в лесу, – погромы. Вот что они будут делать: уводить евреев в леса и убивать их там, оставляя птицам и животным перебирать кости. Вот что нас ждало в этом сне. Вот что они собираются сделать с нами.

– Послушай, Юдита, давай просто отложим это до тех пор, пока я не закончу работу с пациентами в замке. Если все станет еще хуже, обещаю, что вытащу тебя и твоего отца отсюда. Клянусь. Что думаешь?

Она кивнула.

– Хорошо, – сказала она, но в ее глазах таилось нечто темное и отчаянное.

Профессор Романек настоял на своем присутствии на следующем сеансе с Павлом Зелены. Виктор попытался выразить протест, сказав, что для достижения необходимого эффекта на сеансе наркосинтеза должны быть только двое: опрашивающий и опрашиваемый.

– Даю вам слово, что буду молчать и сидеть в отдалении от вас и пациента, – сказал Романек уже знакомым Виктору тоном сельского врача. – Я не намерен вмешиваться. Если у меня возникнут какие-либо вопросы или замечания, я передам вам записку, но это на крайний случай, а так я останусь простым наблюдателем. Надеюсь, вы понимаете, почему я чувствую необходимость прийти к вам на сеанс, доктор Косарек. То, что я услышал в записи, мягко говоря, обескураживает. Мне как врачу хочется лично услышать, как мистер Хоббс объяснит свое присутствие в столь негостеприимной личности, как Дровосек.

Несмотря на то что Виктор сопротивлялся до последнего, правда была в том, что он находил идею профессора Романека странно обнадеживающей. По какой-то необъяснимой причине его страшило

возможное возвращение мистера Хоббса, и поэтому в душе он был рад, что останется в комнате не один.

Прошлый сеанс показал, что мистер Хоббс скрывается в самых закрытых уголках подсознания Дровосека. Поэтому, прежде чем вводить ему такую же большую дозу скополамина и амитала натрия, как и в прошлый раз, он убедился, что у него в наличии достаточное количество пикротоксина под рукой.

Пока санитары пристегивали Павла Зелены ремнями к кушетке, Виктор заметил, что сегодня пациент выглядит каким-то дерганым. Вероятно, хоть Зелены и утверждал, что ничего не помнит о прошлом сеансе, он тоже боялся возвращения Хоббса.

Вскоре под воздействием лекарственного коктейля Дровосек расслабился. Виктор включил магнитофон, и катушки медленно завращались. Профессор Романек сидел за спиной Косарека, слушая, как тот разговаривает с пациентом по-чешски, уводя его все глубже в бессознательное. Зелены реагировал вяло, и чем больше проходило времени, тем меньше у него оставалось сил, чтобы бороться со сном.

– Постарайтесь не спать, Павел. Нам нужно поговорить, а для этого вы должны бодрствовать. Вы помните, что было до того, как пришли на работу в лесное хозяйство? – спросил Виктор.

– Что вы имеете в виду?

– Где вы научились говорить по-английски, Павел? А по-немецки? Должно быть, вы говорили на этих языках когда-то, даже если вы не можете припомнить, что учили их. Поэтому я хочу узнать о вашем прошлом. Может быть, есть что-то, чего вы не можете вспомнить, то, что ваш разум скрывает от вас. Вот поэтому я и хочу спросить вас о времени до того, как вы устроились на работу в лесное хозяйство.

– Я не говорю по-английски. И по-немецки тоже. Если вы почему-то решили, что я могу, то это ваши проблемы. Почему вы вообще решили, что я говорю по-немецки или по-английски?

– Потому что вы говорили на этих языках вчера вечером, мы уже обсуждали с вами это, помните? Я пришел к вам в палату и рассказал о том, что произошло после того, как я сделал вам укол. После укола сначала вы говорили по-английски, но, поскольку я плохо знаю этот язык, переключились на немецкий.

– Я не говорю по-немецки.

– Но вы говорили. Я слышал, как вы говорили на этом языке. А это значит, что вы, должно быть, когда-то учили его.

– Если я говорил по-немецки накануне вечером, почему я не могу вспомнить этого? Почему я сейчас и двух слов не свяжу на этом языке?

– Вы не помните, потому что были под воздействием наркотика, вы спали, назовем это так. Хорошо, давайте сменим тему. Чем вы занимались до того, как устроились на работу в лесное хозяйство? Расскажите мне о своей жизни до того, как встретили свою жену.

– Вы о Шарлотте?

– Да, о ней. Чем вы занимались до того, как встретили ее?

– Шарлотта? Шарлотта здесь?

Виктор глубоко вздохнул, сдерживая нетерпение.

– Разве вы не помните, Павел? Шарлотта мертва. Вы убили своих детей и жену.

Зелены покачал головой в легком раздражении, как будто Виктор сказал что-то глупое.

– Я знаю, что она мертва. Конечно, я знаю. И я знаю, что убил ее. А убил я ее потому, что она стала шлюхой. Она спала с Кощеем. Но она здесь?

– Как Шарлотта может быть здесь, если она мертва?

Зелены снова раздраженно покачал головой.

– Это особенное место, – сказал он. – Здесь есть всё. Здесь есть больше, чем жизнь. Здесь есть больше, чем безумие...

Пациент закрыл глаза. Его дыхание стало реже.

– Не засыпайте, Павел, – повысив голос, произнес Виктор. – Я знаю, что вам хочется спать, но прошу вас ответить еще на пару вопросов. Потом вас отвезут в палату, и вы сможете поспать. Мне нужно проникнуть в ту тьму, которая предшествовала событиями, о которых мы говорили. Эту тьму только вы можете осветить. Я повторю: что вы делали до того, как устроились на работу в лес? До того, как встретили Шарлотту?

– Я работал в другом лесу. И до этого тоже. Я всегда работал в лесу. Я нигде не учился, а тем более не учил других языков. Но я хорошо изучил кое-что другое. Времена года – я все про них знаю. Я знаю, как меняется лес и что в нем происходит. Это все, что я знаю, а больше я ничего не помню.

– Может быть, вы заставили себя забыть? – предположил Виктор. – Может, раньше у вас была другая жизнь, и эту жизнь ваш разум предпочел забыть, потому что случилось нечто ужасное? Я знаю, это трудно принять, но, думаю, есть шанс, что вы не Павел Зелены. Павел Зелены – это тот, чью жизнь и личность вы присвоили себе.

– Глупости. – Ярость лесоруба приглушили лекарства. – Вы, доктор, говорите, что я – это не я, а кто-то другой? Да вы-то сами в своем уме? Кому может прийти в голову, что кто-то был кем-то, кем он не был? Я знаю, кто я. Я знаю, кто я, что я сделал и почему я это сделал.

– Тогда расскажите мне о своем детстве, – продолжал Виктор. – Где вы выросли?

Зелены повторил скудные факты, которые и так были известны из его личного дела. Ни больше ни меньше. Бледная зарисовка, а не реальная картина жизни. Никаких деталей, никаких ярких эпизодов – как будто по шпаргалке прочитал.

– Хорошо, – сказал Виктор. – Помните, на самом первом сеансе я говорил об океане внутри вас? Я хочу, чтобы вы погрузились глубже в этот океан, глубже, чем погружались раньше. Возможно, там мы найдем что-то такое, о чем вы и не подозреваете. Я хочу отыскать то ваше «я», которое сокрыто от всех остальных.

Повисла пауза. Зелены вдруг сказал:

– Того, кого вы ищете, там нет.

– Что вы имеете в виду?

– Его. Того, кого вы ищете. Он не живет во мне.

Виктор с трудом боролся с искушением обернуться через плечо и увидеть реакцию профессора Романека. На предыдущем сеансе с Зелены он понял, что дьявольский аспект скрывается в неизученной части сознания, в черной тьме на грани жизни и смерти. Чтобы доказать свою теорию, ему необходимо подвести пациента к опасному краю. Но это было рискованно. Или Дровосек ответит на его вопросы, прежде чем получит антидот, или, если Виктор не успеет принять меры, умрет.

Профессор Романек сдержал свое слово – он ничем не напоминал о себе. Каково его мнение об эксперименте Виктора? Неужели главный врач больницы сожалеет о том, что взял его на работу?

– Я хочу поговорить с мистером Хоббсом, – неожиданно произнес Виктор по-немецки. – Я хочу поговорить с тем же человеком, с которым говорил вчера.

– Я не понимаю вас, – сказал Зелены.

Виктор повторил вопрос на чешском языке.

– Я не знаком с мистером Хоббсом, – Зелены нахмурился, в голосе его был свинец. – Вы спрашивали меня о нем раньше. Я не говорил того, о чем вы рассказывали. Повторю еще раз, я не знаю немецкого.

– Кто же тогда говорил со мной, Павел? Если это были не вы и если в вас нет мистера Хоббса, то кто это был?

– Может быть, тот, кто живет здесь, – рассеянно произнес Зелена.

– Кто?

– Тот, кто живет здесь. Тот, кто живет в этом месте. Я же сказал, тот, кого вы ищете, не живет во мне. Он живет здесь, в этом месте. Он и сейчас здесь. Он здесь, в комнате. Слушает нас.

Виктор не выдержал и оглянулся.

– Вы имеете в виду доктора Романека? Доктор действительно здесь, но его не было вчера вечером.

– Нет. Не его.

– Тогда о ком вы говорите, Павел? Здесь больше никого нет.

– Нет, есть. Здесь есть еще один... человек. Он страшнее всех. – Зелены говорил очень тихо. – Я чувствую его. Он заперт в этих стенах, но не так, как я. Не так, как другие. Он очень давно здесь... Похож на Серого Человека. Может быть, он и есть Серый Человек. Может быть, он и есть Кощей.

– Это тот, с кем я разговаривал в прошлый раз, Павел? Это тот, кто говорил через вас?

– Я сказал вам: никто не говорил через меня. Вы что, не понимаете? Он здесь. Тот, кто носит маску. Он в этом месте. Он часть этого места. Его держат в этих стенах. Он... – голос Зелены смолк, глаза медленно закрылись.

– Павел? – Виктор подошел к пациенту и попытался растормошить его.

– Что? – откликнулся Зелены.

– Нельзя спать, Павел. Сон – это не тот путь, он не приведет нас к правде.

– К правде?

– Внутри вас кроется правда. И я думаю, что единственный человек, который может сказать нам, где ее найти, – это мистер Хоббс. – Виктор старался скрыть отчаяние в голосе. – А мистер Хоббс и тот, кто, как вы говорите, живет здесь, это один человек. Он тот, кого вы имели в виду, когда говорили о другом человеке в комнате? Павел?

Зелены невнятно пробормотал что-то, интервалы между вдохами увеличились.

Виктор оглянулся на Романека и сказал:

– Извините, профессор, это бесполезно. Больше нечего ждать. Дыхание пациента опасно замедлилось, мне нужно ввести дозу пикротоксина, чтобы вывести его из этого состояния.

Он набрал антидот в шприц, подошел к пациенту и нащупал вену.

Вдруг он кое-что заметил: кожаная манжета на правой руке Зелены была закреплена ненадежно. Его это не испугало: пациент, балансирующий между жизнью и смертью, не представлял опасности. И все же мелькнула мысль, почему он не обратил внимания на манжету, когда вводил первую дозу.

Стоило Виктору вынуть иглу из вены, правая рука пациента вздрогнула, и Дровосек мощной ладонью схватил его за горло. Шприц, резиновый жгут и металлический поднос выпали из рук и с грохотом упали на каменный пол. Виктор инстинктивно схватил Зелены за запястье, пытаясь защититься.

Красивое лицо Дровосека было искажено яростью, в глазах пылал темный огонь, это были глаза зверя. Толстые, мощные пальцы сжимались на шее Виктора, и он начал задыхаться.

Где-то позади, в нескольких метрах, но как будто в другой вселенной, он услышал крик профессора Романека и грохот падающего складного металлического стула.

Не ослабляя хватку, Зелены притянул к себе голову Виктора и прижал рот к его уху.

– Ты думал, что сможешь выставить меня напоказ перед своим хозяином, – прошипел он в ухо Виктору. Он снова говорил по-немецки, и снова его голос был другим. К своему ужасу, Виктор понял, что это Хоббс явился из тени смерти. – Ты думал, что сможешь показать меня, как какой-нибудь дешевый фокусник, который вытаскивает кроликов из шляпы? Ты все еще не понимаешь, кто я такой? Ты так и не понял,

что я всегда являюсь с определенной целью. Ты так и не понял, дурень, насколько опасно проявлять неуважение ко мне.

Виктор почувствовал, как кто-то пытается оттащить его назад и отцепить руку Зелены от его шеи. Санитары... Но холодные пальцы вцепились намертво, и Виктор продолжал задыхаться.

– Я вернусь, – прошипел голос ему в ухо. – Я вернусь и покажу тебе правду, ты ослепнешь, увидев ее. Я покажу тебе, что такое настоящий страх.

Наконец санитарам удалось справиться. Дровосека отстегнули от кушетки, повалили на пол и надели на него смирительную рубашку. Тот не оказывал сопротивления, и Виктор понял, что Хоббс снова спрятался.

Он отдышался. Профессор Романек взял его за плечи и помог сесть на стул.

– С вами все в порядке? – спросил он.

– Вы слышали? – отчаянно повторял Виктор. Взгляд его был диким. – Вы слышали его? Вы слышали мистера Хоббса?

Часть четвертая

Ученый и костница

1

ПРОШЛА НЕДЕЛЯ. ХОЛОДНЫМ и серым, как мокрый гранит, днем капитан Лукаш Смолак отправился из Праги в Орлиный замок. Всякий раз, когда он покидал столицу и путешествовал по сельской местности, что случалось довольно редко, ему казалось, что он путешествует во времени. Россыпью красных крыш в долине под замком обозначилась деревня. Она выглядела так же, как и многие другие богемские провинциальные местечки, которые девятнадцатый век лишь слегка задел, проходя мимо, а двадцатый – так и не посетил.

Вацлав Бартош устроился на пассажирском сиденье «праги пикколо» Смолака. Несмотря на хмурую погоду, клонившую в сон, и монотонный ритм единственного дворника на широком лобовом стекле, они проговорили всю дорогу. Смолак удивлялся самому себе. Он никогда не относился к числу тех, кто способен часами молоть языком. Но простодушная манера общения Бартоша очень располагала.

Беседы велись на самые разные темы, и Смолак в душе был благодарен Бартошу за то, что доктор ни разу не упомянул об убийстве Анны Петрашовой. Смолак, в свою очередь, не говорил о брате Бартоша, заключенном в стенах клиники.

Наконец они добрались до места. Смолака, привыкшего к тому, что его бронзовый полицейский жетон с легкостью открывает все двери, искренне удивила строгость проверки на входе. И его документы, и документы полицейского врача просмотрели дважды, прежде чем им разрешено было пересечь мост и припарковаться во внутреннем дворе замка.

На массивных, высеченных из камня ступенях лестницы, ведущей к арке главного входа, их встречали двое. Один – довольно-таки почтенного возраста, в белом медицинском халате, застегивающимся на плече на пуговицы, – больше напоминал хирурга, чем психиатра;

у него было доброе лицо и мягкие манеры. Как выяснилось, это был профессор Ондрей Романек, руководитель клиники. Второй, совсем еще молодой человек, – доктор Виктор Косарек.

– Блестящий, многообещающий талант в современной психиатрии, – представил его Романек.

Виктор Косарек был высоким, стройным и красивым, у него была гордая аристократическая осанка. Нетрудно было представить его в доспехах, стоящим на тех же ступеньках пятьсот лет назад. Романек, напротив, явно не вписывался в обстановку.

Смолака поразила реакция врачей на его спутника. Они смотрели на Бартоша так, будто увидели призрак.

– Это доктор Вацлав Бартош, – представил его Смолак. – Он наш медик, и я очень надеюсь, что вы разрешите ему навестить брата, пациента вашей клиники.

– Невероятно... – Профессор Романек еще несколько секунд в упор рассматривал полицейского врача. – Прошу прощения, извините меня...

– Понимаю, – сказал Бартош. – Так я смогу увидеть брата?

– Конечно, – дружелюбно улыбнулся Романек. – Конечно, бесспорно. Пожалуйста, господа, следуйте за мной.

Пока их вели по коридорам, Смолак с удивлением обнаружил, что клиника совсем не похожа на обычную психиатрическую больницу. В кабинете Романека Смолак сел напротив Виктора Косарека. Он заметил пурпурно-голубые синяки на шее врача.

Перехватив его взгляд, Виктор смущенно прикрыл горло рукой.

– По собственной глупости я совершил ошибку, – сказал он. – Такие инциденты у нас бывают, несмотря на все наши усилия соблюдать меры безопасности. Именно поэтому вашу встречу с Михалом Мачачеком пришлось отложить. Он напал на медсестру и нанес ей серьезную травму.

– Но я смогу с ним поговорить? – спросил Смолак.

– Да, – кивнул Виктор. – Но, пожалуйста, поймите, мы не можем дать никаких гарантий, что ваша беседа принесет пользу. Как и все пациенты клиники, Мачачек порой может казаться вменяемым, а порой становится буйным. Вы хотите спросить его о некоем изделии из стекла, насколько я знаю?

– Именно так. – Смолак не стал рассказывать подробностей дела.

– Это должно его заинтересовать, так что у вас есть шанс.

– Доктор Бартош тоже будет участвовать в беседе? – уточнил Романек.

– В этом нет необходимости. Признаться, я привез его сюда, чтобы он повидался с братом, – ответил Смолак.

– Тогда давайте так. Доктор Бартош встретится со своим братом в столовой, а вы, капитан Смолак... Надеюсь, вы понимаете, что из-за недавнего инцидента с господином Мачачеком ваша беседа должна проходить в присутствии санитаров?

Смолак кивнул.

– Знаете, капитан, я настоятельно рекомендую вам потратить некоторое время на беседу с доктором Косарек, раз уж вы здесь, – сказал Романек, когда они вышли из его кабинета. – Доктор Косарек является ведущим экспертом по психологии убийц. Это именно та область психиатрии, которая может подсказать, кто именно стоит за всеми этими ужасными убийствами в Праге.

– Готов сделать все, что в моих силах, – подтвердил молодой доктор.

– Был бы признателен, – вежливо кивнул Смолак. – Я держал это в уме, когда собирался к вам. Должен признать, я изо всех сил пытаюсь понять, как мыслит Кожаный Фартук, убийца, которого мы ищем.

– Виктор Косарек проделал большую работу в этой области. – Пока они шли по длинным коридорам, Романек кратко обрисовал ключевые положения теории Виктора об аспекте дьявола. – Но я полагаю, будет лучше, если наш доктор сам объяснит детали своего исследования.

Рассказывая о своей гипотезе, Виктор чувствовал, что его доводы капитан воспринимает со скепсисом, однако Вацлав Бартош, напротив, проявил большой интерес.

– Скажите, а вы уже проводили сеанс наркосинтеза с моим братом? – спросил он.

– Нет, пока нет.

– Но собираетесь провести?

– Да, конечно.

– Как вы думаете, можно ли надеяться, что есть шанс на его излечение?

Виктор задумался.

– Скажу честно: не знаю. Я полагаю, вы трезво оцениваете, что ваш брат страдает от особенно сложного психоза. Возможно, надежда на улучшение его самочувствия более состоятельна, чем надежда на полное излечение.

– Странная вещь, – нахмурился доктор Бартош. – Во многих отношениях исследования моего брата были похожи на ваши: научное измерение неисчислимого, нематериального. Боюсь, Доминик просто сбился с пути. – Он помедлил секунду, прежде чем спросить: – Доктор Косарек, можно ли мне присутствовать на сеансе с моим братом?

– Боюсь, это не допустимо, – отрезал Виктор, но тут же осекся и внимательно посмотрел на полицейского врача. – Хотя... полагаю, можно сделать исключение. Но предупреждаю, вы должны будете оставаться вне поля зрения брата и во время сеанса запрещено разговаривать.

– Я просто хотел бы послушать, – сказал Бартош.

2

Столовая напоминала обычное пражское кафе. Над маленьким темноволосым мужчиной, спокойно сидевшим за одним из столиков, стоял санитар, напоминавший официанта.

В этот момент Смолак понял, чем так поразил психиатров доктор Бартош при первой встрече. Почти во всех отношениях человек, сидящий за столом, был полной противоположностью полицейского врача: он был опрятно одет, его волосы были аккуратно расчесаны, он держался уверенно, спина прямая. Но лицо Доминика Бартоша было точной копией лица его брата, если, конечно, не обращать внимания на диагональный шрам поперек щеки ученого.

– Близнецы, – сказал Вацлав Бартош Смолаку, почувствовав удивленный взгляд детектива. – Я старше брата на две минуты. Извините, я не сообщил вам об этом.

Профессор Романек подвел доктора Бартоша к столу, за которым сидел его брат. Доминик бесстрастно посмотрел на брата, не проявив никаких признаков узнавания.

– Пойдемте, капитан, – сказал Виктор. – Михал Мачачек ждет вас в специально оборудованной комнате.

– Я и предположить не мог, что они близнецы, – сказал Смолак, следуя за Косарексом по коридору. – Мне было известно, что брат доктора Бартоша сошел с ума и его заключили в этот замок, но я понятия не имел, что он зеркальное отражение Вацлава. Вацлав очень хороший человек, и грустно видеть, что произошло с его братом.

– Доминик Бартош тоже был хорошим человеком, – возразил Виктор. – Хорошие люди страдают от психических расстройств так же, как и плохие. Они не несут ответственности за преступления, которые совершают. Они живут в другом мире, мире галлюцинаций и бредовых фантазий.

– Так что произошло с Домиником Бартошем?

– Мы называем его Ученый. Второе его прозвище – Некромант... – Виктор грустно улыбнулся. – Профессор Романек изобретателен по части прозвищ. Вы знаете, что такое некрмантия?

Смолак отрицательно покачал головой.

– Древнее суеверие, по которому, общаясь с мертвыми, якобы можно обрести тайные знания. Профессор Бартош был одаренным ученым, но его заблуждения заставили его поверить... ну, в общем, в магию. Вот мы и пришли, капитан...

Виктор указал на одну из дверей. Как и другие двери в замке, она была сделана из массива дуба и укреплена стальными пластинами. На ней было два замка, как в тюрьме. Из кармана психиатр достал тяжелую связку ключей и отпер дверь.

– Проходите, пожалуйста. Я вас пока оставлю. Там есть санитар для вашей безопасности.

Смолак поблагодарил Виктора и перешагнул через порог. В комнате не было окон, стены – яркочелые. Лампа в решетчатом плафоне заливала помещение слепящим светом. Стол и два стула также были выкрашены в белый цвет. За столом сидел маленький, пухлый, как будто сдобный, человечек. Он совсем не был похож на опасного убийцу, казалось, такой и мухи не обидит. Санитар в белой форме стоял у стены за спиной пациента.

Смолак сел напротив Михала Мачачека, представился и рассказал о причинах своего визита.

– Ну что ж, вы обратились по адресу, – улыбнулся Мачачек. – Я ведущий эксперт в Европе по стеклу. Вероятно, и в мире тоже.

– Прекрасно. – Смолак вынул носовой платок из кармана, положил в центр стола и развернул, чтобы показать стеклянную бусину. – Можете ли вы сказать, откуда эта вещица?

Мачачек потянулся, чтобы взять бусину в руки, и тут же санитар сделал шаг вперед. Смолак посмотрел на него, покачал головой, и санитар вернулся на место.

Пациент покатал бусину между пальцами, внимательно рассматривая ее.

– У меня здесь нет лупы. Они не позволяют мне такого.

Смолак улыбнулся, вынул из кармана складную лупу и положил на стол.

– Я так и думал, – сказал он.

– Могу ли я оставить ее себе? – с надеждой спросил Мачачек.

Смолак посмотрел через плечо пациента на санитаря.

– Боюсь, это недопустимо.

Мачачек вздохнул, бережно взял лупу и осмотрел бусину еще раз.

– Мне говорили, что это может быть изделие из Яблонца, – сказал Смолак, не дождавшись ответа Мачачека.

– Кто вам это сказал?

– Анна Петрашова. Именно она порекомендовала мне обратиться к вам за консультацией.

– Она дала вам хороший совет, – важно кивнул Мачачек, отводя лупу от глаза. Он все еще держал бусину в руке, катая ее между кончиками пальцев. – Прекрасно, что она порекомендовала обратиться ко мне, эта дама не ошиблась. Но ее мнение о происхождении бусины не стоит и выеденного яйца.

– Это не Яблонец?

– Это вообще не богемское стекло. Эта бусина сделана не здесь.

– А где же?

– Могу предположить, что в Сан Таверн Филдс, это мастерская на Катхроруд-лейн.

– Простите, это в Англии?

– В Лондоне. Рэдклифф, район в Ист-Энде. – Мачачек вальяжно откинулся на спинку стула. – Такие бусины производили в огромном количестве, и многие из них гораздо хуже по качеству, чем эта. Видите ли, в то время в Ист-Энде было полно еврейских иммигрантов, в основном из Польши и богемских земель Австро-Венгрии. Многие до

эмиграции работали в стекольной промышленности. Как следствие, в трущобах Ист-Энда было открыто множество мелких мастерских, в которых массово производили дешевые копии яблонецкого стекла. То, что вы принесли, не самый плохой образец, но все же он гораздо ниже по качеству, чем реальное богемское стекло.

Смолак подумал, что в деле Джека Потрошителя по крайней мере двое подозреваемых были евреями из Центральной Европы. Один из них, Ян Пизер, носил прозвище Кожаный Фартук.

– А вы не подскажете, сколько лет может быть этой бусине? – спросил Смолак.

Мачачек пожал плечами.

– Трудно сказать. Бусины делали для дешевой бижутерии, ими же вышивали женские платья. Мода прошла, и мастерские закрылись, на их месте теперь большие фабрики, делающие окна. – Он продолжал катать бусину между кончиками пальцев. – Я бы сказал, где-то пятьдесят, максимум сто лет. Викторианская эпоха.

– А место...

– Рэдклифф, – напомнил Мачачек.

– Рэдклифф – это где-то рядом с Уайтчепелом?

– Я разбираюсь в стекле, господин Смолак, а не в географии Британских островов.

После беседы с Коллекционером Стекла Смолак в сопровождении Виктора Косарека отправился в комнату для персонала, где он мог подождать, пока вернется доктор Бартош. В комнате, как и во всем замке, царил давящее спокойствие. Косарек сидел напротив, скрестив длинные ноги, его кофейная чашка балансировала на подлокотнике кожаного кресла. Смолак снова обратил внимание на аристократичность молодого психиатра. Его так и подмывало спросить Виктора, не благородного ли он происхождения.

Но вместо этого детектив в общих чертах обрисовал ему, что произошло с Тобаром Бихари, цыганом, который предпочел выбить себе мозги, а не жить с запечатленными в них воспоминаниями.

Косарек слушал молча, а когда Смолак закончил рассказ, резюмировал:

– Похоже, ваш цыган описывал какую-то темную часть своей личности, а не реального человека, присутствовавшего на месте преступления. Вы были вправе подозревать, что он просто выдумал

демоническую фигуру, то, что не мог признать как часть себя. Это логичный вывод.

– На эту мысль меня навел доктор Бартош. Но, видите ли, произошло новое убийство, которое цыган не мог совершить... У нас есть описание подозреваемого. Вы видели портрет? Мы разместили его в газетах.

– Боюсь, что нет, – сказал Виктор.

Смолак достал из кармана пиджака сложенный листок бумаги, развернул и протянул собеседнику.

Косарек почувствовал, как у него учащается пульс. Шляпа, пальто, телосложение – все в точности, как у Филипа. «Этого не может быть! – воскликнул он про себя. – Это просто совпадение». И все же портрет мужчины, которого искала полиция, подтверждал закравшиеся подозрения. Виктор знал, что обязан сообщить об этом Смолаку. Он должен сказать ему, что Филип, его друг, выглядит именно так, и ведет он себя странно, но самое главное – он выражает ненависть к женщинам и восхищается Кожаным Фартуком.

– Это не так уж и много, по-моему, – небрежно сказал он вместо всего этого и передал листок детективу.

– Да, не много, – вздохнул Смолак. – Могу ли я обратиться к вам за советом, когда мы найдем еще какие-либо улики?

– Конечно. Я рад сделать все возможное, чтобы помочь поймать убийцу.

– Я хотел бы узнать, может ли убийца не подозревать, что он убийца? Может ли у него быть раздвоение личности?

– С этим я сталкиваюсь постоянно. Каждый из «шестерки дьявола» возлагает вину за свои действия на некую демоническую фигуру, которую они считают отдельной от себя. По их словам, все эти ужасные вещи они творили по поручению либо по принуждению этой фигуры.

– Значит, Кожаный Фартук может не знать, что он – Кожаный Фартук, если вы понимаете, что я имею в виду? – спросил Смолак.

– Не исключено. Личность редко бывает полностью разделена, но случаи, которые мы наблюдаем здесь, доказывают, что такое действительно происходит. Если Кожаный Фартук – такой случай, это делает вашу работу намного сложнее...

– Доктор Бартош предположил, что к расколу личности обычно ведет какая-то детская травма...

– Он прав. Добавлю, что только одна часть личности несет в себе воспоминания о полученной травме, она же и ответственна за все последующее аберрантное поведение. В вашем случае за убийства.

Виктор остановился на мгновение. «Расскажи ему о Филипе, – кричал голос в его голове. – Скажи, что Филип Староста может быть Кожаным Фартуком...» Нет, нужно время. Нужно обдумать это.

– Послушайте, капитан Смолак, – сказал он после паузы. – Я не хотел позволять доктору Бартошу присутствовать на сеансе наркосинтеза с его братом, но сейчас мне пришла в голову идея, что, возможно, стоит пригласить и вас. Будучи одним из «шестерки дьявола», Доминик Бартош является прекрасным примером человека, который превратил часть своей личности в автономную демоническую фигуру. Абсолютно так же, как, по вашим предположениям, это сделал цыган. Правда, Доминик Бартош понимает, что он совершил, и несет полную ответственность за свои действия.

– Вы думаете, нечто подобное происходит и с Кожаным Фартуком?

– Думаю, да, но с уверенностью не могу утверждать. – «Расскажи ему о Филипе», – не давала покоя мысль. – В сознании каждого из нас есть часть – внутреннее «я», элемент нашего глубинного бессознательного, – которая несет в себе все импульсивное, изменчивое и потенциально агрессивное, – продолжил он. – Эти импульсы внутреннего «я» контролируются нашим эго. И в этом «я», полагаю, есть элемент, который объединяет все наши идеи индивидуального и коллективного зла.

– То, что вы называете аспектом дьявола?

– Совершенно верно, – кивнул Виктор. – Все наши концепции зла заключаются именно в этом аспекте, поэтому я и дал ему такое название. Дьявол сокрыт во всех нас, мы все время от времени подпадаем под его влияние, но наше здоровое эго контролирует негативные вспышки. Однако в случаях серьезного расстройства дьявольский аспект отделяется и начинает самостоятельную жизнь, часто даже принимая физическую форму в глазах пациента, который видит в «дьяволе» непреодолимую, контролирующую все его действия

внешнюю силу. Это понятно – примириться с собой легче, если можно обвинить кого-то или что-то в своих худших поступках.

– Как произошло с Бихари, – кивнул Смолак.

– Я вам так скажу, такое может быть с любым из наших пациентов. И эта кровавая история может быть повторением другой истории.

– Что вы имеете в виду? – спросил Смолак.

– Допустим, ваш убийца действительно черпает вдохновение в деяниях того, кто совершал преступления в Англии пятьдесят с лишним лет назад, но ирония заключается в том, что лондонский убийца сам мог страдать от такого же расстройства. Джек Потрошитель, как и Кожаный Фартук, мог быть дьявольским аспектом какой-то ничего не подозревающей души.

Смолак вздохнул.

– Убийца, который прячется от самого себя.

– Возможно. – «Расскажи ему о Филипе. Скажи ему», – продолжал терзать себя он. – Но рано или поздно вы обнаружите, что он оставляет вам подсказки, чтобы вы смогли выйти на него.

– Я должен спросить об этом, – перевел разговор на другую тему Смолак, – как бы маловероятно это ни звучало, есть ли шанс, что один из ваших пациентов выходит отсюда без вашего ведома?

Прежде чем Виктор успел ответить, дверь открылась, и вошел Вацлав Бартош. Заметно было, что он расстроен.

– Когда вы будете проводить сеанс с моим братом? – сразу спросил он Виктора Косарека.

– Сегодня вечером. Через час после того, как пациенты поужинают.

– Что раньше было в этом месте? – спросил Вацлав Бартош.

Виктор привел полицейских в комнату для сеансов, и они с любопытством оглядывались. Толстые стены, высокие своды потолка с деревянными балками, кушетка для пациента, обшитая темной кожей, новейший магнитофон на столе...

– Скорее всего здесь хранили продукты или зерно. Если верить легенде, в этой башне был замурован Ян Черное Сердце. Должно быть, где-то за стенами покоятся его останки. Из любопытства я пытался найти потайную дверь, но у меня ничего не вышло. Башня упирается в скалу, которая возвышается за замком, маловероятно, что там есть какие-то ходы.

– Вы уверены? Учитывая бесчинства Кожаного Фартука в Праге, думаю, можно понять мое беспокойство...

– Уверен, – кивнул Виктор. – В любом случае, отсюда не так-то просто добраться до Праги, особенно если нет денег и подходящей одежды.

– А что насчет сообщника снаружи? – спросил Смолак.

– Нет, исключено. Мы находимся далеко от цивилизации, а местные жители избегают замка из-за его темной истории и нынешних обитателей. – Виктор терпеливо улыбнулся, но вдруг вспомнил о глаголическом послании. Он решил не посвящать гостей в такие подробности, посмотрел на часы и произнес: – Боюсь, мне придется попросить вас, господа, занять отведенные вам места. – Он указал на два складных металлических стула у стены. – При приглушенном свете вы будете вне поля зрения Доминика. Я должен попросить вас хранить молчание. Важно, чтобы он не знал о присутствии кого-либо, кроме меня. Это особенно касается вас, доктор Бартош. Если ваш брат узнает, что вы здесь, у него может возникнуть желание пообщаться с вами, а не со мной.

– Понимаю, – кивнул медик.

Виктор подождал, пока они сядут, и проверил оборудование. Переживания по поводу Филипа отступили. В конце концов, его подозрения основывались на интуиции и совпадениях. А под описание Кожаного Фартука мог подойти любой человек, у которого есть темное пальто и шляпа, что признает и сам полицейский.

Все происходило как обычно: санитары привели Доминика Бартоша, пристегнули его к кушетке, Виктор включил магнитофон, сделал инъекцию и дождался, пока лекарства подействуют.

Правда, на этот раз он снизил дозу наркотического коктейля. Если Бартош проявит персонализированную форму аспекта дьявола, как это случилось с Зелены, Виктор хотел, чтобы пациент находился под его исключительным контролем.

Отвечая на вопросы доктора, Доминик Бартош говорил тихо и неторопливо. Он подтвердил свое имя, место рождения и рассказал в подробностях о своих ранних годах, проведенных вместе с любимым и любящим братом-близнецом.

– Вы знаете, почему вы здесь? В этой клинике? – спросил Виктор.

– Из-за моих экспериментов. Из-за объектов, которые я использовал, чтобы сформулировать и доказать свою теорию трансмерных резонансов.

– Вы имеете в виду людей, которых вы убили?

– Я имею в виду квантовых путешественников. Темных оборотней, которых я отправил в другое измерение.

– Но вы понимаете, что убили их? Что они мертвы?

– Мертвы? – Ученый задумчиво нахмурился. – Вопрос вот в чем: действительно ли они мертвы или просто переместились?

Виктор сделал паузу.

– Вы были ученым?

– Квантовым физиком, да. Я ученый, я был и остаюсь исследователем Вселенной, ее механики. Невозможно удовлетворить свое любопытство, доктор. Запрашивающий ум не увядает в заключении, он просто приспособливает область своего исследования к меньшему сегменту Вселенной.

– Вы говорите о теории межпространственного резонанса. Возможно, позже вы сможете объяснить ее мне, как непрофессионалу.

– Но вы профессионал, доктор Косарек, – возразил Доминик. – Вы исследователь в области, которая однажды будет неразрывно связана с моей. Однажды квантовая механика мозга будет признана: суперпозиции, запутанность, многомерная бесконечность человеческого разума.

– Давайте начнем с начала, профессор, – мягко произнес Виктор. – Давайте вернемся к тому, с чего все это началось.

– Что именно началось?

– Ваша вера в науку. Когда начались ваши видения, – сказал Виктор. – Когда вы начали убивать.

– Полагаю, все началось, когда я покинул Карлов университет, – сказал Бартош. – Там пытались убедить меня, что это просто срыв, вызванный переутомлением, но это не так. Это было разочарование, я просто не мог решить задачу, которую поставила передо мной теория. Я ощущал это физически, как зуд в голове, как зернистость в мозгу. Я знал, что ответ лежит в пределах досягаемости, это было мучительно: не понимать, в каком направлении двигаться дальше, чтобы достигнуть результата.

Мои исследования никогда бы не завершились, останься я в университете, поэтому я принял решение уйти в продолжительный творческий отпуск. Я переехал в Кутну-Гору, туда, где вырос с братом.

Нашел местечко, сдающееся в аренду в Седлеце, к востоку от города. Прекрасный трехэтажный дом, который был резиденцией и одновременно мастерской одного художника. Правда, дом был слишком большим для одного человека. Если честно, я снял его отчасти из-за дамы, которая любезно показала мне окрестности. Она была красивой, но постоянно отчего-то грустила. Ей было около сорока – сорока пяти лет. Она жила во флигеле в саду. Через какое-то время, со слов безудержного сплетника бакалейщика, доставлявшего мне продукты раз в неделю, я узнал, что госпожа Горачкова, эту милую женщину звали Розалия Горачкова, оказывается, была вдовой художника. После его смерти стесненные обстоятельства вынудили ее переехать во флигель, а дом сдать в аренду. Признаюсь, что был увлечен госпожой Горачковой. Она всегда держала себя с большим достоинством, хотя и была склонна к меланхолии. Однако мне редко удавалось поговорить с ней, разве что при оплате месячной аренды, и, конечно, наши беседы всегда были исключительно деловыми. Но видел я ее часто: она оставила себе крохотную часть сада, которую содержала безукоризненно, – какие только цветы там не росли. Я наблюдал из одной комнаты наверху, как она работает в своем маленьком саду. Иногда она просто сидела в садовом кресле в тени. Сидела, совершенно не двигаясь, как статуя, и смотрела на свои белые руки, лежавшие на коленях – у нее были необычайно красивые руки, да.

От бакалейщика-сплетника я узнал, что ее муж, Оскар Горачек, был художником с именем, а рисовал он, подобно Альфонсу Мухе, сюжеты, вдохновленные славянской мифологией. Нежный характер

Горачека противоречил его телосложению: бакалейщик рассказал мне, что художник был крупным, крепким, красивым бородатым мужчиной. По словам бакалейщика, с которым я болтал всякий раз, когда он привозил продукты, Оскар Горачек внезапно изменился. Ему вдруг перестало все нравиться, он был недоволен результатами своей работы, и его недовольство переросло в одержимость. Особенно тревожным было его увлечение созданием самой темной черной краски. Он постоянно экспериментировал, смешивая черную краску с различными порошками из смолы, древесного угля и угольной пыли или даже с невероятно дорогими чернилами из морских моллюсков.

– Вы можете рассказать о его полотнах? – спросил Виктор.

– Главным его персонажем был Велес. Темный хтонический бог в славянской мифологии, скорее демон, чем бог. Повелитель лесов и подземного царства, повелитель мертвых. Горачек потому и был одержим поиском самого темного оттенка черного, чтобы нарисовать тени в лесу Велеса. Позже я узнал, что Горачек хотел изобразить Велеса, желая отдать должное Его Темнейшеству, но я забегаю вперед. Дом и студия находились рядом с кладбищенской церковью Всех Святых в Седлеце, вы знаете, что это за место?

Виктор кивнул.

– Я никогда не был там, но слышал о ней. Это склеп, костница.

– Да, именно так, – сказал Доминик. – Примечательное место. По рассказам, Горачек яростно трудился, он постоянно переделывал портрет Велеса, экспериментируя с новыми оттенками черного. Единственное, на что он отвлекался, так это на посещение церкви. Он часами сидел среди тысяч костей и делал наброски скелетов и черепов. Как оказалось, он использовал эти зарисовки в качестве фона для портрета Велеса. Священник церкви Всех Святых все больше беспокоился о нем, как и многие его соседи. Но больше всего они переживали за его жену, госпожу Горачкову, которая места себе не находила, наблюдая, как быстро ухудшается психическое состояние ее мужа.

Однажды дождливым утром, не сказав ничего ни жене, ни соседям, художник ушел из дома, не надев ни пальто, ни шляпы. Его искали, но не нашли, а три дня спустя его тело вытащили из небольшого озерца неподалеку от Овчари. Должно быть, он прошел этот путь до Овчари, зная, что собирается утопиться. Очень грустная

история... Тело его вытащили из озера с большим трудом, ведь он был крупным мужчиной. Представьте, он весь был в иле, водорослях, очень неприглядная картина. Бедная госпожа Горачкова была совершенно опустошена потерей. Оставшись без средств к существованию, она продала оставшиеся холсты мужа, переехала во флигель и сдала в аренду дом.

– А что случилось с картиной, над которой он работал? – спросил Виктор. – С портретом Велеса?

– О, она сожгла его. Дело не в том, что эта картина была незаконченной или плохо написанной. Те, кто видел ее, говорили, что это лучшая работа Горачека. Изображение грозного Велеса вселяло ужас в любого, и не меньший ужас вселял фон картины, выполненный по наброскам, сделанным в костнице: черные тени между костями двигались и извивались. Вот почему Розалия Горачкова сожгла полотно. Эта картина убила ее мужа, так она считала, а ее сводила с ума. Я арендовал этот дом два года спустя после случившегося, и видел, что вдова раздавлена горем.

– Вы что-нибудь сделали, чтобы привлечь ее внимание? – спросил Виктор.

– Боже, нет. Я тихий человек, доктор Косарек. На самом деле я очень застенчив и предпочитаю одиночество. В любом случае, у меня не было времени на романтические глупости, я должен был сосредоточиться на своей работе. Мне нужен был покой, чтобы сформулировать свою теорию.

– И что же за теория так поглотила вас?

– Я убежден, доктор, что вся наша Вселенная представляет собой невероятно сложную структуру, состоящую из бесконечного числа различных плоскостей или измерений, которые взаимосвязаны на квантовом уровне. Эти взаимосвязи я называю межпространственными резонансами.

– Вы имеете в виду связи с другой реальностью? – уточнил Виктор.

Доминик Бартош кивнул.

– Да, с зеркальными мирами. Вы когда-нибудь смотрели в зеркало не на себя, а на то, что амальгама отражает помимо вас? Отводили ли вы взгляд, чтобы рассмотреть комнату – вселенную, в которой обитает ваше отражение? Думали ли о том, насколько реален мир в зазеркалье?

– Нет, не могу сказать, – ответил Виктор. – Но я лечил пациентов с редупликативной парамнезией, у которых было похожее заблуждение^[44].

– То, о чем я говорю, не заблуждение, – возразил Бартош. – В квантовой физике нет ничего безумного, если поверить, что существует не одна, а множество реальностей. Я использовал математический расчет, чтобы найти трещину в поверхности зеркала: бесконечно малый разрыв, который соединяет один мир с его отражением, одну реальность с другим. Но то, что я обнаружил, было формой, которая должна быть интуитивно понятна, а не рассчитана. Видите ли, межпространственные резонансы были известны человеку с древних времен. Мы всегда знали о них, у нас всегда был инстинктивный страх перед ними, и все это время мы определенным образом называли их.

– И как же? – спросил Виктор.

– Мы называли их призраками, – Бартош произнес это так, будто призраки были обычным явлением. – Межпространственные резонансы – это призраки мертвых.

– Призраки? – переспросил Виктор. – Как могут вымышленные существа иметь какое-то отношение к научному мышлению?

Доминик Бартош улыбнулся.

– Когда наука не может объяснить феномен рационально, суеверия объясняют его иррационально. Это не делает явление менее реальным. Позвольте мне рассказать вам, как произошло мое открытие, тогда вы сможете понять. Я признаю, что работал дольше и усерднее, чем должен был. Я работал так интенсивно, что в конце концов мое тело забыло, каково это – здоровый сон. Но прорыв. О, прорыв! Если бы я мог доказать свою теорию, то наше понимание – Вселенной, физики, нас самих, того, как, почему и где мы существуем, – изменилось бы навсегда. Я смотрел в зеркало, но не на себя, а на мир за моим отражением, и я был так близок к тому, чтобы доказать: Вселенная действительно работает таким образом. За исключением того, что вместо одного зеркала это бесконечный ряд зеркал и бесконечное

число реальностей. В конце концов я понял, что одно из этих измерений, в котором пребывает мое отражение, – это царство мертвых. Место, куда человеческое сознание приходит после физической смерти.

– Вы ученый, профессор Бартош, – возразил Виктор. – Вы не можете верить...

Доминик Бартош перебил его.

– Исаак Ньютон был величайшим в истории ученым, но он также занимался алхимией. У него были идеи, намного опережающие мышление и технологии его времени, он искал зерна истины среди суеверий и магии. Я делал то же самое. Я открыл свой разум для других миров. Я работал днем и ночью. Я позволял себе делать перерывы только для того, чтобы понаблюдать, как красивая госпожа Горачкова тихо сидит в своем саду, или для коротких прогулок, чтобы попытаться взбодриться. Однажды, прогуливаясь, я прошел мимо кладбищенской церкви Всех Святых. Я вспомнил, как бакалейщик рассказывал о художнике Оскаре Горачеке, который часто посещал костницу, и решил посмотреть на нее. Меня сразу поразила ее великая сила, всепоглощающее присутствие мертвых, легионов мертвых. Тысячи костей были собраны в самое странное, самое зловещее произведение искусства. Кости и черепа украшали стены, своды и арки. Громадные люстры были созданы из человеческих костей. Повсюду свешивались гирлянды человеческих черепов. Дверные коробки, фризы и дарохранильницы были выполнены из ключиц, грудинных костей и лопаток. Статуи щетинились веером белоснежных берцовых и локтевых костей. Да только одна пирамида из сотен черепов, сохраняющая равновесие исключительно за счет баланса и силы земного притяжения, производила неизгладимое впечатление. Казалось, что черепа спаяны друг с другом посредством какой-то темной энергии. Меня это совсем не пугало, нет. Всякий раз, когда я бывал в этой церкви, я успокаивался, как будто мой переутомленный ум нашел долгожданный отдых. Я понял, что художник Горачек, должно быть, чувствовал то же самое. Он искал среди костей прорыв в своем художественном тупике, я же искал прорыв в научном. Вы знаете, доктор, в каждой европейской культуре существует поверье, что где-то по соседству есть другой мир, что в определенное время и в определенном месте завеса между смежными мирами поднимается и

живые могут общаться с мертвыми. Я понял, что костница была одним из таких мест. Я посещал ее раз в неделю. Потом раз в два дня, а затем стал приходить туда каждый день. Пока я сидел в костнице, мир обретал ясность. Десятиминутные визиты превратились в двадцатиминутные, и вскоре я стал проводить в костнице часы. И тогда я начал видеть их.

– Видеть кого? – спросил Виктор.

Доминик нахмурился.

– Иногда, сидя в полной тишине наедине с мертвыми, я внезапно чувствовал, что кто-то еще присутствует в церкви, как будто кто-то беззвучно вошел и стоит за моей спиной, но когда я оборачивался, то никого не видел. Это ощущение не проходило. Что-то мелькало на периферии зрения. Тени, неуловимые темные фигуры, которые исчезали, стоило мне повернуться. Все чаще и чаще я ощущал это. Я был уверен: множество, множество теней бродит где-то рядом, вне зоны видимости. Но, опять же, меня это не пугало. Я приходил в церковь, садился и спокойно смотрел на пирамиду из черепов. И они появлялись. Этих существ я назвал Темными призраками. Они быстро перемещались где-то на самом краю моего восприятия. Они были темнее ночи. Намного темнее. Внезапно я понял, что Горачек искал именно этот оттенок черной краски. Видите ли, я выяснил, что Темные призраки обладают свойствами истинной тьмы. В нашем измерении тьма не существует сама по себе, это не что иное, как отсутствие света. Но даже мимолетного, случайного взгляда на Темных призраков было достаточно, чтобы понять: они состоят из истинной тьмы, тьмы как самостоятельной единицы, тьмы как вещи в себе. Это и были те межпространственные резонансы, которые я искал.

– Скажите мне, Доминик, – спросил Виктор, – в это время вы вообще спали?

Лежащий на кушетке ученый тихо усмехнулся.

– У меня не было времени на сон. И почти не было времени на еду.

– Разве вы не понимаете, что эти так называемые Темные призраки появились из-за нарушений зрения и галлюцинаций, вызванных недосыпанием?

– Да, но это именно то, что мистики и провидцы делали на протяжении тысячелетий, чтобы прийти в такое состояние сознания, в

котором возможно видение божественного и демонического. В действительности они просто смотрели сквозь квантовую завесу в другие измерения. Я вошел в то же восприимчивое состояние, но я понимал, что происходит с научной точки зрения.

Однажды я сидел перед пирамидой из черепов и вдруг почувствовал нечто вроде электрического разряда на моей коже. Я увидел Темного призрака на краю поля зрения. Но на этот раз он был больше. Он был громадным. Он был темнее других, его тьма была еще интенсивнее, еще плотнее. Впервые я испугался. Я обернулся, чтобы посмотреть, и, как всегда, Темный призрак исчез, прежде чем я смог разглядеть его толком. Но произошло еще кое-что странное. На каменных плитах пола, на месте, где он был, на мгновение проявилось мокрое пятно, но затем и оно исчезло. В этом было нечто, что взволновало меня.

Так или иначе, я совершил какой-то прорыв, а может, что-то прорвалось ко мне. Мир изменился. Я начал видеть Темных призраков в других местах, не только в церкви. Я видел их на улице, они заставляли меня отходить на обочину, будто уступая место проезжающим машинам или автобусам. Поначалу они все еще исчезали, стоило мне обернуться, чтобы посмотреть на них, но вскоре мне было позволено увидеть их мельком, буквально на доли секунды. Но это было только начало. Однажды, примерно около полуночи, я занимался некоторыми расчетами, как вдруг услышал шум в мастерской. Опасаясь, не забрался ли туда злоумышленник, я вооружился кочергой и пошел проверить. Свет был выключен, но было безоблачно, а луна была почти полной и ярко освещала мастерскую. И я увидел его.

– Кого?

– Великого человека. Громадного и грозного. Он был невероятно черным, одним сплошным темным провалом. Я включил лампу, но свет от нее не освещал его. Он был как губка, поглощавшая свет луны и лампы. Я попросил его подойти поближе к свету, сказав, что хочу его разглядеть, и потребовал, чтобы он объяснил свое присутствие. Он шагнул вперед, но молчал. Вид его наполнил меня страхом. Он был массивным. Я не оговорился, употребив это слово, – в нем было больше массы, чем должно быть в человеке. Он был высоким и крепко сложенным. Внешне он больше напоминал медведя, чем человека. На

нем была черная каракулевая шуба длиной до лодыжки. Лицо почти полностью скрыто черной, как уголь, копной кудрявых волос и смоляной бородой. Самое странное, что он был насквозь мокрым. Мокрыми были его волосы и борода, густая шерсть его шубы. У его ног собралась лужа, но мокрых следов нигде в мастерской не было. Я вздрогнул, когда увидел его глаза. Они были красными и, казалось, горели. Тогда я понял, кто он и почему пришел ко мне.

– Утонувший художник? – спросил Виктор. – Призрак Оскара Горачека?

– Оскар Горачек? Нет. Всякий раз, когда я смотрел на него, все меркло, а его тьма, казалось, излучала свечение. Я сразу понял, кем он был. Велес. Наитемнейший. Повелитель мертвых.

6

– Велеса вызывали дважды. Первым это сделал художник Горачек, потом я. Двум голосам, взывавшим в пустоту, ответили. Велес Наитемнейший объяснил мне великие тайны. Его голос был глубоким, настолько глубоким, что он эхом отражался от пола подо мной и от темной земли под ним. Он говорил о своем измерении и о нашем, о всех тех загадках, которые я пытался разгадать. И он великодушно объяснил, что я должен делать. Я должен был отправлять путешественников в его владения, чтобы преодолеть разрыв между живыми и мертвыми. Путешествие сквозь реальности, через разные измерения – величайшее достижение в истории человечества. Но сначала мне нужно было создать Темных призраков.

– А как вы должны были их создать? – спросил Виктор, хотя уже знал ответ.

Доминик Бартош нахмурился, словно был озадачен не вопросом, а ответом на него.

– Мне необходимо было превратить живых в мертвых.

Повисла пауза. Виктор с ужасом осознал, что Вацлав Бартош сидит позади него в тени и слушает бред своего близнеца. Но надо было продолжать сеанс.

– Как вы выбирали своих жертв? – спросил он.

– Велес предложил начать с детей, и мне было трудно противостоять его воле. Он сказал кое-что, что мне показалось странным: мол, наше время скоро станет темным для детей, и поэтому им лучше стать призраками, так как здесь будет намного хуже. Я возразил ему, что дети не смогут оценить подарок, который я им преподнесу, поскольку их сознание еще слишком незрело. Если честно, я нашел идею Велеса относительно детей слишком страшной.

Первая серьезная попытка создать Темного призрака произошла после того, как я доехал до Праги и попал в Жижков – худший район города, полный коммунистов и проституток. «Красный Жижков», как его называют. Я решил найти уличную женщину для своих экспериментов. Однажды летним вечером я приехал в Жижков и припарковал машину на некотором расстоянии от трактира под названием «Синий фазан». Много лет назад я слышал, что в этом месте можно найти женщин легкого поведения. Вечер выдался приятный, славный, небо и воздух были теплыми, бархатными. Такую ночь было жаль тратить на выполнение моей миссии в столь мерзком окружении. В трактире было мрачно, стены обшиты коричневыми панелями из дерева, пахло дымом сигарет и сигар, освещение – из рук вон, но это подходило для моих целей. Над стойкой висело чучело синего фазана, наверное, в честь него назвали заведение. Клиентуру составляли в основном угрюмые пьяные клерки.

Я сел в отдаленный угол и заказал пиво, стараясь быть незаметным. Моя внешность помогала мне в этом отношении: у нас с братом совершенно ординарное лицо, одно на двоих. Было неловко сидеть там, будто я такой же, как все, – зашел выпить пива теплым летним вечером. Серая мышь в неприметном углу комнаты. Но мышь была львом, а добычей были женщины. Им, конечно, и в голову не приходило, что я распоряжаюсь их судьбами, что я – я! – решаю, кому из них продолжить существовать в этом измерении, а кому переместиться в другое. Это придавало мне невероятное ощущение силы.

Я заметил трех женщин, которые явно были шлюхами. Одна из них – сильно пьяна; она то и дело заливалась хриплым, каким-то безрадостным смехом. От ее кандидатуры я отказался сразу же: она совершенно не подходила на роль посланницы в иные измерения. Была еще одна, помоложе и посимпатичнее. У нее была очень смуглая

кожа, и я догадался, что она цыганка. Когда она пошла к бару за новыми порциями напитков, я увидел, что женщина прихрамывает, но для моей миссии это не имело значения. Я решил последовать за ней, как только она выйдет из таверны, но на улице к ней подошел маленький, злобный на вид цыган и обнял ее.

Оставалась только одна кандидатура. Издалека она выглядела довольно привлекательной. Не найдя клиента, женщина покинула заведение, и я пошел за ней. Уже была глубокая ночь. Мое сердце колотилось не от страха, а от радости. Впервые за эти тяжелые, как свинец, месяцы я почувствовал, как меня покидает усталость. Я понял, что предстоящее совсем меня не напрягает, я был в восторге.

На мою удачу, женщина направилась прямо в сторону моей машины. Она заметила меня и остановилась. Я понятия не имел, что нужно говорить шлюхе, чтобы заключить с ней сделку, но моего приветствия оказалось достаточно – она сама спросила меня, ищу ли я компанию. Я сказал, что ищу, и указал на свою машину. Она поколебалась мгновение, сказала, что может отвести меня куда-то, посмотрела по сторонам, а потом прощупала меня взглядом с головы до ног. Решив, что я не представляю для нее опасности, она забралась в машину. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что отдаленное подобие молодости и красоты было создано при помощи густого макияжа. От нее пахло духами, сигаретами и едким чадом пропащей души. Как и все остальное в ней, ее улыбка шлюхи была искусственной, и я пожалел, что выбрал ее.

Она сразу же начала спрашивать, чего именно я хочу, перечисляя самые отвратительные извращения. Я объяснил, что преследую исключительно научные цели. Она засмеялась и сказала, что ей все равно, как я это называю, главное – оплатить ее услуги. Я дал ей задаток и выехал из города. Она заволновалась, начала протестовать, и я дал ей еще денег, много денег. Она притихла, но все еще выглядела обеспокоенной. По пути мы болтали о чем-то. Этот глупый, пустой разговор был необходим, чтобы убедить женщину в том, что я безобидный, одинокий маленький человечек, не представляющий ни малейшей опасности. Внутри меня все ликовало. Я наконец-то смогу установить связь с другим измерением. Я собирался превратить эту женщину в Темного призрака. Ее путешествие началось в ту ночь.

– Уже за городом я свернул на проселочную дорогу и остановился. Она попросила включить свет в салоне машины и расстегнула блузку, чтобы обнажить грудь. Глупая женщина! Я снова сказал ей, что секс мне не интересен, что я преследую научные цели, и стал подробно объяснять, насколько уникальный шанс ей выпал: она будет первопроходцем, путешественницей по другим измерениям, увидит немыслимые чудеса, а затем вернется, чтобы рассказать о них. Она не поняла ни слова, и я осознал, что совершил чудовищную ошибку, выбрав для сотворения Темного призрака начисто лишенное интеллектуальных способностей существо. Короче говоря, все было очень плохо, а затем стало еще хуже. Как только я вынул нож, она поняла, что ей придется отказаться от физической жизни перед путешествием, отчего разум окончательно покинул ее. Женщина начала кричать и царапаться, как гарпия, требуя, чтобы я отпустил ее. Как вы понимаете, это было невозможно. Готова ли она, хочет ли она стать Темным призраком или нет, нельзя было позволить ей рассказать другим о моем секретном эксперименте.

– Так вы убили ее?

– Вы не можете даже представить, как беспомощен человек, который собирается забрать чью-то жизнь, но никогда раньше не делал ничего подобного. Добавить сюда, что тот, кого он убивает, не хочет умирать и пытается сопротивляться. Женщина в отчаянии схватилась за ручку дверцы, и ей все-таки удалось распахнуть ее. Нас окружали бескрайние поля, погруженные в непроглядную тьму. Ночь была настолько темная, что мне стало интересно, не пришел ли Велес посмотреть на мою работу. Я понимал, что если женщина убежит, я ее никогда не поймаю. Я схватил ее, забыв, что у меня в руке нож, и лезвие вдруг скользнуло между ее ребер. Она открыла рот, чтобы закричать, но послышалось лишь сдавленное шипение. Я подумал, что, может, пробил ей легкое. Чтобы уж наверняка, я вытащил нож и ударил ее в шею. Ах, как это было неприятно. Я почувствовал, как нож пронзает кость, очевидно, шейные позвонки, и я, должно быть, перерезал сонную артерию, потому что кровь брызнула фонтаном, залив весь салон. Кровь была повсюду: на лобовом стекле, на всех сиденьях, на мне. И все это время женщина издавала булькающие,

шипящие, пронзительные звуки. Это было ужасно, – Доминик раздраженно покачал головой. – Но она как-то очень быстро перестала хрипеть, ее тело подергивалось еще пару минут, затем она вздрогнула, затем она вздрогнула, и жизнь покинула ее.

Все закончилось. Женщина неподвижно сидела и смотрела сквозь лобовое стекло в ночь, а я сидел рядом в залитом кровью салоне, воздух в котором наполнился запахом меди. Все-таки я человек умственного, а не физического труда, поэтому я выбился из сил, загружая ее тело в багажник. Я протер тряпками кожаную обивку салона, приборную панель и ветровое стекло. Мне также пришлось снять куртку, потому что она вся была перемазана кровью. При тщательном осмотре, конечно, можно было обнаружить следы, и в машине все еще стоял медный запах крови. Я поехал к себе в Седлец и припарковался на заднем дворе. Розалия Горачкова, должно быть, уже спала, потому что свет во флигеле не горел. Убедившись, что меня никто не заметил, я оттащил тело женщины в переходную станцию, чтобы начать ее превращение в Темного призрака.

– В переходную станцию? – переспросил Виктор.

– Я оборудовал ее в подвале. Там я собрал все необходимые инструменты, чтобы превратить трехмерную физическую форму в многомерного Темного призрака. Там был большой, тяжелый стол, специальные осветительные приборы, чтобы я мог видеть, что я делаю, чаны, заполненные едким калием для утилизации плоти, ножи мясника и инструменты с бойни.

Виктор услышал легкий шум позади себя. Капитан Смолак, поднявшись со стула, протянул ему записку, а затем снова погрузился в тень. Виктор взял записку, прочитал ее и вздохнул.

– Доминик, – обратился он к пациенту, – вы надевали что-нибудь, чтобы защитить свою одежду?

– Конечно.

– Фартук?

– Да. И рукавицы до локтя.

– Фартук был сделан из кожи?

Доминик озадаченно взглянул на Виктора и отрицательно покачал головой.

– Нет, фартук и рукавицы у меня были из гальванизированной резины.

– Позвольте мне внести ясность, Доминик. Вы признались во всех совершенных вами убийствах, включая жертвы, о которых полиции не было известно, верно?

– Я протестую против слов «убийства» и «жертвы», но да, я взял на себя полную ответственность за все, что сделал. Почему ученому должно быть стыдно за свою работу?

– То есть вы не скрыли не единого убийства? Нет жертв, о которых мы не знаем?

– Нет. Я рассказал все.

– А что вы скажете об убийствах в Праге? Я имею в виду те, которые расследуются до сих пор. Вы знаете что-нибудь о них?

– О, вот о чем вы. Теперь понимаю, почему вы спросили о фартуке. Нет, дорогой доктор Косарек, я не Кожаный Фартук. Как я могу быть им, если я заперт здесь? Во всяком случае, Кожаный Фартук – обычный убийца. Я же был и остаюсь искателем истины, ученым.

– Вы работали один? – продолжал задавать вопросы Виктор. – Вы один потрошили в подвале тела ваших жертв?

– Моих объектов исследования, – поправил Доминик. – Нет, я был не один. Там, на станции, со мной был Велес. Он инструктировал меня, что и как я должен делать. Его сияющая тьма излучала столь яркий, слепящий свет, что мне иногда трудно было его разглядеть. В конце концов он понял это и переместился в дальний угол, откуда продолжал руководить мной.

С первым объектом, проституткой из Жижкова, дело шло не очень хорошо. Я совершил все возможные ошибки, воплощая в жизнь задуманное, в конце концов, я физик, а не анатом. Стояла чудовищная вонь, и я весь перепачкался. Но Велес указывал мне, что делать. Единственный раз, когда его терпение лопнуло, – а гнев Велеса вселяет ужас, – это когда я решил отделить плоть от кости, поместив отчлененные конечности в чаны с едким калийным раствором. Голос, прозвучавший в моей голове, приказал мне вынуть конечности – раствор разрушил бы сами кости. По словам Велеса, суть человека – его благородная сущность – сокрыта в костях, и кости должны остаться целыми. Я попросил у него прощения и вынул конечности из щелочи. Затем Велес рассказал мне о *Mors Teutonicus*^[45], древнем немецком обычае, при котором вся плоть удаляется, а благородная суть

кости остается. Он сказал мне, что это пример для меня, и только плоть должна утилизироваться в чанах со щелочью. Если какие-то частицы остаются, то их удалять нужно не щелочью, а кипячением костей в течение ночи в воде и вине. Я сделал так, как он мне велел. Процесс занял очень много времени, и Велес терпеливо стоял в углу. От него веяло могильной сыростью. Я спросил его о подземном царстве, и он рассказал мне, что это большой, темный и влажный лес, где ветви и корни тесно переплетены. Населяют этот лес бесплотные тени. Они – его слуги, души мертвых. Души тех, кто сильно грешил в жизни, привязаны к деревьям. Эти искривленные деревья гниют и кишат насекомыми, которые не дают покоя грешникам. Все грешники погружены в вечное безумие. По словам Велеса, лесу мертвых нет конца, но у этого леса есть сердце: место, где темнота обретает наивысшую силу. Именно там стоит трон Велеса. Там он выковывает своих собственных Темных призраков, чтобы они преследовали живых и напоминали им о конечности жизни.

Доминик Бартош замолчал. Виктор нахмурился. Описание подземного царства тревожило его. Он вспомнил, как в детстве чувствовал себя потерянным среди деревьев, ощущал, что среди них скрывается зло. Очнуться от тяжелых мыслей помогли звуки – позади него зашевелились полицейские.

– Что случилось с той женщиной из Жижкова? С ее телом? – спросил он.

– В конце концов я завершил работу. Ее скверная плоть лежала в чанах, медленно – медленнее, чем я предполагал, – превращаясь в густую пасту, а ее белый скелет в собранном состоянии лежал на столе трансформации. Велес Темнейший призвал призрака воскреснуть. Этот призыв взволновал и напугал меня. Могучий голос эхом завибрировал в моих висках, в своде моего черепа. Мои собственные кости откликались на эти звуки. Это было самое ужасное, но и самое прекрасное из того, что мне доводилось слышать. А потом... Потом я увидел момент преобразования. Я почувствовал в воздухе заряд какой-то неведомой мне энергии. Нечто очень темное, куда темнее, чем обсидиан, поднялось над костями. Призрак явился! Всего лишь миг, долгожданный миг, он левитировал передо мной. В нем не осталось ничего от человека. Проститутка из Жижкова превратилась в маленькую, густо-черную искру интенсивной тьмы, похожую на

миниатюрную темную звезду, залетевшую в тесный подвал. Увидев на мгновение эту сияющую тьму, я был вне себя от радости; при помощи Велеса я создал Темного призрака, который может путешествовать между измерениями. Это было невероятно!

– И вы решили продолжить свои эксперименты? – Да. Я возвращался к этому снова и снова. Мне нужно было продолжать. Я обследовал самое дно наших городов, чтобы находить пьяниц, шлюх или бродяг, которых никто не будет искать. Я отказался от своих сомнений в отношении детей и стал похищать их. Но опять-таки я выбирал кандидатуры только из определенных слоев общества, в основном это были цыгане или беспризорники. Сегодня многие одержимы «социальной гигиеной», они бы по заслугам оценили мои усилия. Пять, десять, потом двадцать... Я стал асом похищений и мастерски отбирал у кандидатов в посланники их физические жизни. Вскоре я мог разделать тело, как заправский мясник тушу. Чаны не знали отдыха, едва успевая растворять плоть. Весь подвал наполнился запахами, и я беспокоился, что они проникнут в дом. Не то чтобы в нем часто кто-то бывал, кроме бакалейщика, который не только привозил продукты, но и заходил на чашечку кофе, и милой хозяйки, прекрасной Розали Горачковой, которая раз в месяц приходила за арендной платой.

– Вы считаете, что вы достигли вашей цели? – спросил Виктор.

Доминик покачал головой.

– И да, и нет. Никто из них не пробыл Темным призраком более нескольких секунд. Призрак поднимался над скелетом в виде короткого темного сияния, недолго мерцал и растворялся в воздухе. Вскоре я понял, в чем моя ошибка: кандидаты, которых я выбирал, были морально распущенными, интеллектуально неполноценными. Мне нужно было найти кого-то достойного, кого-то сильного и в моральном, и в интеллектуальном плане, чтобы он согласился добровольно совершить величайшее в истории человечества путешествие, осознанно отправился в путь по измерениям; кого-то, кто не был бы привязан к этому измерению и к этой жизни.

– То есть вы решили убить домовладелицу?

– Я решил помочь Розалии Горачковой воссоединиться с мужем.

– Я подготовил все в переходной станции. Плоть госпожи Горачковой не должна быть испорчена контактом с объектами, которые ей предшествовали, поэтому я наполнил один чан новым щелоком, а другой – свежей водой и вином, чтобы отбелить ее тонкие кости. Когда я видел ее, сидящую в своем садике, когда я видел ее нежные ручки, сложенные на коленях, я представлял ее кости – фарфоровые, белые, хрупкие, и все больше убеждался в том, что сделал правильный выбор. Я знал, что на этот раз достигну своей цели.

Однажды она, как и было у нас заведено, пришла, чтобы забрать арендную плату. Как обычно, я должен был передать ей деньги в конверте, который держал в прихожей. Я предложил ей кофе, и она, как всегда, отказалась. Но в тот день я задержал ее, сказав, что в доме возникла проблема, которую нужно срочно обсудить. Она сразу же почувствовала запах и сказала об этом. Я ответил, что именно запах меня и беспокоит и что, на мой взгляд, он исходит из подвала. Я попросил госпожу Горачкову спуститься со мной в подвал, чтобы показать, откуда, по моему мнению, исходит запах. Сначала она отказывалась, но я пригрозил, что мне придется отказаться от аренды, если запах не будет устранен, поэтому она согласилась пойти.

Пока мы разговаривали, я смотрел на ее прекрасное, идеально выточенное лицо. Я разглядывал кости под плотью, изящные изгибы арок черепа, сочленение нижней челюсти с верхней... Велес объяснял мне, что сущность, душа человека, сокрыта в его костях. Я отчетливо видел, что кости, именно кости, были основой красоты Розалии Горачковой. Я хотел увидеть эту красоту без покрова, в обнаженном виде, без плоти.

Я галантно пропустил ее спуститься в подвал первой. Запах буквально сбивал госпожу Горачкову с ног, но она пожаловалась, что не видит, откуда этот запах исходит. «Это из-за него, – сказал я. – Это из-за его лучезарной тьмы». – «Чьей? – спросила она в замешательстве. – О ком вы говорите?» И я все рассказал ей. Я рассказал о Велесе, о том, что ее муж долго и тяжело работал, чтобы запечатлеть лучезарную тьму на своем портрете Темнейшего. Рассказал, как сильно он был расстроен из-за того, что так и не смог найти самую черную из черных краску. Я пообещал ей, что она скоро встретится с мужем.

Когда мы почти спустились, она вдруг решила вернуться, но я преградил ей путь. Тогда она попыталась оттолкнуть меня, но я оттеснил ее назад, в темноту. «Вы все поймете, убедитесь сами», – сказал я и включил свет. У нее началась истерика. Она кричала. Думаю, из-за того, что увидела бакалейщика. Понимаете, он привез продукты в тот же день. У него было обыкновение приносить их прямо на кухню, если дверь была не заперта. Он звал меня, я приходил и угощал его кофе. Этот ритуал раз от раза становился все более утомительным, потому что в наших с ним разговорах не было ничего нового. Из-за запаха в доме я решил, что буду теперь запирает дверь кухни в те дни, когда он приносил продукты, – пусть оставляет коробку на пороге. Но в тот волнительный день я был слишком увлечен подготовкой к переходу госпожи Горачковой и совсем забыл о бакалейщике. Вдруг из кухни послышался его зов. Я заглянул туда и увидел, что он, по своему обыкновению, сидит за столом. Он сразу же спросил меня о запахе, довольно невежливо назвав его «ужасным зловонием». Он сказал, что воняет так, будто кто-то сдох под половицами. Я ответил, что он абсолютно прав, что это действительно запах разлагающейся плоти, и пока он сидел вытаращив глаза, я вынул нож из ящика и вонзил ему в шею. Это был трюк, которому я научился по мере приобретения опыта: если повредить трахею, кандидаты совершенно не способны звать на помощь, они настолько увлекаются попытками дышать, что прикончить их не составляет ни малейшего труда. Так что я с легкостью проделал это и с бакалейщиком. Времени, чтобы разобраться с его останками, у меня не оставалось, и поэтому, как только я включил свет, Розалия Горчакова увидела его отчлененную голову на настенной полке и тело на каменном полу в углу подвала. Мне пришлось ударить ее, чтобы она прекратила кричать. Но я был осторожен, чтобы не повредить красивые фарфоровые кости ее черепа. Она на мгновение замолкла. Я вновь попытался объяснить, чего я хочу достичь и что для этого нужно сделать. Велес уже был в подвале и наблюдал за нами. Я представил его, но госпожа Горачкова закричала, что я сошел с ума, что там никого нет. Я принялся рассказывать ей, что Велес пришел из тех краев, где сейчас обитает ее муж. Но у нее снова случился приступ истерики, она плакала и кричала, что я сошел с ума. Она так бесновалась, что мне пришлось ударить ее еще раз, уже сильнее. Она упала и, сильно

стукнувшись головой, потеряла сознание. Я злился, что мне пришлось применить силу, ведь смысл был в том, что она должна стать путешественницей по параллельным вселенным по своей воле.

Я отнес ее к столу, решив, что будет меньше суеты, если я сразу же перережу ей горло, а затем сниму с нее одежду и плоть, обнажив идеальную красоту ее костей. Положил свой нож для разделки на стол рядом с ее головой и начал расстегивать на ней блузку. Ярко-голубая шелковая блузка, мне не хотелось запачкать ее кровью. В этот момент послышался шум. Кто-то звонил в дверь. Я обернулся, прислушиваясь и пытаюсь вспомнить, все ли двери заперты. – Доминик Бартош, сделав паузу, опечаленно и немного раздраженно покачал головой. – Знаете, а это сработало бы. Я уверен, что это сработало бы. Но когда я повернулся к ней, она уже очнулась. Она смотрела на меня широко раскрытыми ярко-голубыми глазами без страха, но с гневом и ненавистью. Она держала в руке нож. Она ударила меня. – Бартош снова замолк. В бледном освещении Виктор обратил внимание на глубокий шрам, который по диагонали проходил от переносицы через щеку к линии челюсти. – Она ударила меня ножом по лицу, и от второго удара я едва успел прикрыться рукой. – При этих словах его рука, на которой не хватало большого пальца, слегка дернулась. – Она ударила меня еще раз. Нож остался торчать в моей груди. Я упал на пол. Я слышал, как она кричала, поднимаясь по лестнице. Я слышал, что в дверь стучат все громче и громче. Вот так они меня поймали. Я призвал Велеса помочь мне, спасти меня, забрать в темный лес, но он оставался тихим и неподвижным в тени. Я подвел его.

Виктор заметил слезы в уголках глаз ученого и еще раз взглянул на шрам на его щеке.

– Вы все еще верите, что Велес был с вами в подвале? – спросил Виктор.

– Да.

– Так почему же госпожа Горачкова не видела его?

– Но она видела его. Вот в чем дело. Она не раз повторяла, что там нет ничего, кроме темноты. «Но как вы не можете понять, – объяснял я, – вы видите Велеса. Велес – это тьма. Властелин тьмы там, где темнота, где тени. – Доминик Бартош смотрел на Виктора настолько внимательно, насколько позволяло ему действие наркотиков,

которое уже начало стирать грани между бодрствованием и сном. – Он всегда в тени. Он и сейчас здесь, в тени позади вас.

Смолак и доктор Бартош в сопровождении Виктора отправились в столовую клиники. Там их ждал профессор Романек. Он представил полицейским Ганса Платнера, врача общей медицины, и его помощника Кракла. Смолак заметил, что Платнер и Кракл носят значки Судето-немецкой партии. В зале были только они вшестером – пациенты поужинали пару часов назад и в этот момент находились в своих палатах.

Им принесли *печену качну* – жареную утку, запеченную с картофельными клецками и красной капустой, поставили на стол пиво. Смолак обратил внимание, что Кракл демонстративно говорит с Платнером только по-немецки.

Романек со свойственным ему энтузиазмом начал расспрашивать, интересным ли показался сеанс, но полицейские отвечали скупно.

– Прошу прощения, доктор Бартош, – поняв свою оплошность, произнес профессор. – Это было бестактно с моей стороны. Должно быть, увиденное и услышанное огорчило вас.

Бартош слабо улыбнулся.

– Признаться, я не знаю, на что надеялся. О преступлениях Доминика мне было известно, но я не ожидал такого. – Он обратился к Виктору: – Скажите, а есть ли шанс, что Велес был реальным? Я понимаю, что мой брат сошел с ума, но вдруг кто-то мог воспользоваться его состоянием?

– Вы имеете в виду сообщника, который убедил вашего брата, что перед ним древнее славянское божество? – Судя по тону, Виктор скептически относился к предположению полицейского врача.

– На самом деле я хотел спросить о том же, – поддержал Бартоша Смолак. – О такой возможности не стоит забывать и в деле цыгана, подозреваемого в убийствах. А если учесть, что преступления продолжаются, это отнюдь не праздный вопрос.

Виктор покачал головой.

– В обоих случаях я убежден, что мы говорим о раздробленной личности пациентов. Из того, что вы рассказали мне, ваш цыган придавал внешнюю форму той части себя, которую пытался отрицать. Сходная ситуация и с вашим братом, доктор Бартош. Оба действовали в одиночку, даже если они не подозревали, что «темные фигуры» были они сами.

– Тем не менее, – возразил Смолак, – что-то в истории Тобара Бихари смущает меня. И убийства в Праге продолжают. А что касается Мачачека, честно говоря, беседа с ним скорее сбита с толку, чем помогла в расследовании.

– Неужели? – изумился профессор Романек. – А я надеялся, что Мачачек будет отзывчив.

– Он был отзывчив. Он с радостью продемонстрировал, насколько он высококлассный эксперт. Но, повторюсь, это не помогло в расследовании. Я ловлю рыбу в мутной воде, любая деталь может оказаться ключевой, но может и не оказаться. – Смолак пожал плечами. – По крайней мере, мне удалось отведать вашу великолепную утку. А ваши пациенты так же питаются?

– Да, у нас общее меню, – гордо ответил Романек. – Мы считаем, что сбалансированное, разнообразное питание очень важно. Хотя я должен признать, что у одной нашей пациентки есть особые требования к питанию. Иногда это усложняет нам жизнь, но, тем не менее, мы делаем все возможное, чтобы угодить ей.

Кракл фыркнул, и Смолак заметил, что Платнер предупредительно покосился в сторону подчиненного.

– Очевидно, вы не одобряете такой подход, доктор Кракл? – спросил детектив.

– Я считаю, что лучше бы государственное финансирование расходовалось на другие цели, – ответил Кракл. – Все эти особые подходы...

– Я бы не называл это «особым подходом», – прервал его Виктор. – Или, возможно, вы желаете рассказать доктору Бартошу, почему вы считаете, что его брат получит пользу, сидя на хлебе и воде?

– Вы прекрасно знаете, что я не...

– Пожалуйста, джентльмены, – прервал Романек Кракла. – Давайте не будем спорить, у нас гости. – Он обратился к

полицейским. – Как и во всех медицинских учреждениях, мнения профессионалов о том, что лучше для пациентов, не всегда сходятся.

– Понимаю, – кивнул Смолак. Затем, бросив взгляд в сторону Кракла, добавил: – Кажется, настали времена, когда мнения расходятся не только в области медицины.

Ночь была пронзительно холодной. Сверкающее звездами небо над замком пронзали шпили цвета черного обсидиана. Виктор и профессор Романек провожали Смолака и Бартоша до машины.

– Надеюсь, вы не разочарованы поездкой, капитан, – сказал Романек. – А вы, доктор Бартош, не расстраивайтесь понапрасну. Пожалуйста, не забывайте хоть иногда посещать брата. У нас это приветствуется.

– Хорошо, спасибо, – кивнул тот, но по его тону было ясно, что он не собирается возвращаться.

– Спасибо, что разрешили поговорить с Мачачеком, – сказал Смолак. Он обратился к Виктору: – И отдельное спасибо за приглашение на сеанс. Вы были правы, это помогло мне понять Тобара Бихари. Прошу прощения за записку о фартуке, которую передал вам, но, уверен, что вы понимаете.

– Да, разумеется.

Смолак сел за руль. Притихший Бартош уже занял свое место в машине.

– Вы мне и правда очень помогли, доктор Косарек, – сказал капитан, опустив окно. – Еще раз спасибо.

– Пожалуйста, не стесняйтесь, звоните, если вам потребуется от меня какая-то помощь.

Смолак кивнул.

– Хотел спросить еще кое о чем... Во время сеанса брат доктора Бартоша сказал, что Велес присутствовал в комнате. Как вы думаете, он знал, что мы там были?

– Нет, – ответил Виктор. – К сожалению, пациенты живут в своем собственном измерении, которое отличается от нашего.

– Значит, ему все-таки удалось, – тихо проговорил Бартош, поежившись на пассажирском сиденье. – Он действительно установил связь с другим измерением.

Холодное дыхание ветра с востока нашептывало о скором наступлении зимы. Виктор предложил Юдите прогуляться – возможно, в последний раз до весны – в деревенский трактир. Пока они шли, снег, уже не первый за эти дни, медленно окутывал замок позади и оседал на лапах елей.

Утром Юдита закончила перепечатывать стенограмму сеанса Бартоша, и по пути они обсуждали услышанное.

– Профессор Романек не знает об этом, но я ввел Бартошу дозу чуть меньше обычного, – признался Виктор.

– Вот как... Но, похоже, этого хватило, ведь он так подробно и откровенно описал все, что совершил.

– На сеансе присутствовали полицейские, и я не хотел эксцессов, как с Павлом Зелены. Мне нужно было держать ситуацию под полным контролем. Я намерен провести еще один сеанс с Домиником Бартошем. Я считаю, что он во многом такой же, как Зелены. Когда я разговаривал с мистером Хоббсом, я разговаривал с какой-то абстрактной частью Зелены. То же самое я вижу у Бартоша – он считает, что та часть его, которая вынуждала убивать, на самом деле не он, а совсем другая личность, а именно славянский бог Велес. Если я попробую довести Бартоша до того же состояния, что и Зелены, то, уверен, что смогу поговорить напрямую с этим «Велесом».

Юдита вздрогнула и подняла воротник пальто.

– От этого мурашки бегут по коже. А если он действительно такой? Я имею в виду, Бартош такой же, как Велес в его описании. Когда ты хочешь провести с ним следующий сеанс?

– Пока не знаю. У меня в планах еще раз поговорить с Зелены, ну и, конечно, мне нужно провести первый сеанс с Войтичем Скалой, Демоном.

Виктор и Юдита сошли на обочину, уступая дорогу грузовику, который до этого привез дрова в замок. Под ногами из-под тонкого снежного покрова еще пробивалась трава. Как только грузовик скрылся из виду, наступила звенящая тишина. Юдита посмотрела на Виктора и увидела, что он напряжен.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Я должен с тобой кое-чем поделиться... Это касается Филипа.

Он рассказал о портрете человека, которого искала полиция.

– Ты же не думаешь, что это может быть Филип? – спросила Юдита, выслушав его до конца.

– Нет. – Виктор нахмурился. – Но, если честно, я не знаю. Просто его поведение было таким агрессивным по отношению к женщинам... И он говорил о поклоннице, которая как-то связана с торговлей стеклом. По описанию он похож...

– Это не самое лучшее описание, мой дорогой. Под такое кто угодно может подойти. Но послушай, если у тебя есть хоть малейшие сомнения относительно Филипа, наверное, ты должен позвонить этому детективу...

– Смолаку.

– Ты должен рассказать об этом детективу Смолаку.

– А не получится ли так, что я втяну в это Филипа и его обвинят в том, чего он не совершал? – Виктор вздохнул и посмотрел на небо, как будто ожидая от него ответа. – Филип неуправляем, и полиция точно начнет подозревать его, даже если он невиновен.

– Тебе решать, – сказала Юдита, – но на карту поставлена жизнь многих женщин.

– Ты права, – мрачно согласился Виктор.

Они продолжили свой путь.

Явно было что-то не так. На окраине деревни Виктор и Юдита встретились с группой местных жителей, которые что-то горячо обсуждали. Завидев их, мужчины затихли. Виктор кивнул и пожелал им доброго дня, но ответа на приветствие не получил. Деревенские проводили их злобными взглядами.

– Мне это не нравится. Может быть, нам стоит вернуться? – тихо сказал Виктор, склонившись к Юдите.

– Давай узнаем, что там произошло, – ответила она. – А вдруг это как-то связано с замком.

Они подошли к трактиру. Казалось, что около него собрались все жители деревни. Здесь же были припаркованы две полицейские машины из Млада-Болеслава. Старший офицер давал инструкции подчиненным.

Один из местных жителей что-то сказал офицеру, кивнув на молодых людей, и тот обернулся к ним.

– Боже, – пробурчала Юдита под нос. – Я чувствую себя виноватой, хотя ничего не сделала.

– Давай спросим у хозяина трактира, что происходит, – предложил Виктор.

Их настроение окончательно испортилось, как только они зашли внутрь. Усатый трактирщик явно собирался уходить, он был в пальто и тяжелых ботинках.

– Мы закрыты сегодня, – сказал он, даже не думая извиняться перед гостями. – Я должен помочь в поисках.

– В поисках? – перепросила Юдита.

– Думаю, вам будет лучше вернуться в замок, – сказал усач. – Пропала девочка. Малышка Жоланка. Вероятно, вам стоит держаться подальше от нашей деревни, пока ее не найдут.

– Но какое отношение это имеет к нам? – возмущенно спросил Виктор. – И я тоже хотел бы помочь в розыске.

– Вы знаете, как тут все устроено, – вздохнул трактирщик. – Мы – маленькая дружная община, наши семьи живут тут в течение нескольких поколений. Когда происходит что-то плохое, в первую очередь начинают подозревать посторонних. Поползли слухи. Люди винят во всем вашу клинику. Поговаривают, что один из «шестерки дьявола» пользуется старым туннелем Яна Черное Сердце, чтобы беспрепятственно выходить из замка и возвращаться туда. У нас считают, что кто-то из обитателей замка похитил малышку Жоланку.

– Но это абсурд, – запротестовал Виктор. – Замок надежно охраняется. Никто не убежал, и уж тем более не может приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. А эти подземные ходы – всего лишь фольклор, нет никаких свидетельств, что они существуют.

– Возможно, и так, – ответил трактирщик. – Но это не делает ваше пребывание в деревне безопасным.

Виктор снова попытался спорить, но Юдита положила руку на его сжатый кулак.

– Он прав, Виктор. Мы должны вернуться.

Покинув трактир, они пошли к дороге другим путем. Улицы были пустые, казалось, что все местные жители собрались на главной площади. Виктор осторожно толкнул Юдиту под локоть, чтобы поторопить ее.

На окраине деревни было поделенное на участки большое поле – местные жители выращивали на нем овощи. Урожай уже был собран, и из-под тонкого снежного покрова проглядывала промерзшая черная

земля. Они заметили две темные фигуры на одном из участков: молодая женщина и старуха с седыми волосами, выбивающимися из-под черного платка. Старуха разбрасывала что-то похожее то ли на муку, то ли на пепел, отчего в холодном воздухе поднимались белые клубы; она беззвучно шевелила губами. У молодой женщины были красные заплаканные глаза. Заметив чужаков, старуха остановилась и посмотрела на них с ненавистью. Виктор узнал в ней бабушку Ружену, снабжавшую трактир овощами. Он обратил внимание, что плачущая женщина прижимала к груди детскую куклу.

Юдита поздоровалась со старухой, но та промолчала, как и в прошлый раз. Стоило им пройти мимо, она проделала нечто очень странное: обернулась через левое плечо и, вытягивая худую длинную шею, трижды плюнула, стараясь попасть подальше.

Затем старуха продолжила свой странный обряд, разбрасывая что-то непонятное из кожаного мешочка и беззвучно нашептывая.

– Что, черт возьми, это было? – изумился Виктор.

Юдита опустила глаза.

– Ты разве не знаешь? – сказала она. – Чтобы защититься от дьявола, нужно трижды плюнуть через левое плечо.

Часть пятая

Бабочка и каменное солнце

1

КОГДА КАПИТАН ЛУКАШ СМОЛАК оказался на этой улице в последний раз, стояла ночь, и все вокруг окутывал туман. Сейчас же, хоть и был день, погода стояла столь пасмурная, что опять почти ничего не было видно, но звуки, наполнявшие улицу, конечно же, были другими. Не сказать, чтобы по тротуарам шли толпы людей, но народу было довольно много. Он вышел из машины, и ему показалось, что кто-то пытается привлечь его внимание, постукивая монеткой по оконному стеклу. Обернулся, но никого не увидел. Затем такой же звук раздался метрах в трех впереди. Затем послышался еще один звук и еще один. Как разлетающиеся искры костра, звуки распространялись по улице, достигая закоулков, которых было не видно с того места, где он стоял.

Смолак пересек дорогу и пошел в сторону дома, где жил Тобар Бихари, игнорируя неослабевающий стук вокруг. В этом квартале обитали воры и проститутки, рома и синти – разные ветви цыганских народностей, евреи и венгры, анархисты и коммунисты – то есть те слои населения, у которых были веские основания не доверять полиции. И Смолак, конечно же, знал, что стук монет по стеклу был сигналом тревоги, предупреждающим о присутствии «легалых».

Квартира покойного цыгана находилась на втором этаже. У Смоляка были ключи, которые при обыске забрали у Бихари. Но в распахнутых дверях его встретила Цора Мирга, любовница Тобара. Она со злобой смотрела на детектива, а тот в очередной раз изумился, увидев, насколько она красива. У нее были огромные миндалевидные черные глаза, смуглая кожа, блестящие черные волосы. Красная шелковая блузка и серая юбка подчеркивали ее фигуру, но юбка была на несколько сантиметров длиннее нынешней моды. Женщина стояла, слегка приподняв бедро, что выглядело несколько провокационно и даже развратно, но на самом деле это было следствием ее физического

недостатка. Капитан заметил, что она все время прячет больную ногу за другой.

– Здравствуйте, Цора, – сказал Смолак. – Могу ли я задать вам несколько вопросов?

– Что еще? – Она посторонилась, чтобы позволить ему пройти в квартиру.

Цора Мирга знала, что Смолак, сочувствуя ей, после смерти Бихари сделал так, чтобы с нее сняли все обвинения.

– Мне не дает покоя история Тобара, – сказал он честно. – Я просто хотел поговорить с вами о том, каким он был после той кражи и убийства. Рассказывал ли он что-нибудь о той ночи? Заметили ли вы изменения в его поведении?

Цора пожала плечами и проводила его в гостиную. Ее узкие плечи покачивались в такт хромающей походке. В квартире была идеальная чистота. Смолак мысленно корил себя за предрассудки: он считал, что городские цыгане очень нечистоплотны, что в их квартирах царят хаос и антисанитария. Он всегда считал, что лишен таких предубеждений, но настроения в обществе способствовали распространению предрассудков.

– Могу ли я присесть? – спросил он.

Она бесстрастно кивнула. Капитан сел на стул у дивана, на спинку которого было накинуто цветастое одеяло. Как и смуглый цвет лица Цоры, яркие цвета узоров говорили об иной, древней культуре. Смолак задался вопросом, каково это – быть вечным странником, по сути, изгоем.

Цора сидела напротив него, положив ногу на ногу: здоровая нога сверху – отработанная до автоматизма поза человека, который на протяжении всей своей жизни привык скрывать физический недостаток. Смолаку вдруг стало грустно. Цора была цыганкой и калекой, она была карманницей с детства, а как только выросла, стала проституткой. Но, судя по всему, она была скромным человеком. Еще одна грань личности Цоры Мирги, скрытая от посторонних. Он вспомнил, как психиатр из замка, Косарек, рассказывал о том, что в каждом человеке потенциально могут соседствовать несколько личностей, и не факт, что они знают о существовании друг друга.

– Вы когда-нибудь ходили в трактир «Синий фазан»? – спросил он.

Цора кивнула.

– Да. Я там, как бы сказать, работала. И Тобар встречал меня после работы каждую ночь. А почему вы спрашиваете?

– Не важно. Просто подумал, что несколько лет назад вы были на волосок от большой беды, вот и все, – ответил Смолак, вспомнив рассказ Доминика Бартоша о хромой проститутке, которую он выбрал первой.

Молчание Цоры и отсутствие любопытства говорили о том, что быть на волосок от большой беды – обычное явление в ее жизни.

– Я хотел бы узнать, рассказывал ли вам Тобар что-нибудь о том, что произошло на улице Снемовни.

Цыганка пожала плечами.

– Он говорил то же, что и вам. Бредил про Бэнга в тени. Даже мне потребовалось много сил и времени, чтобы забыть об этом. А он в течение нескольких дней после той ночи сидел здесь, смотрел на дверь и не решался выйти. Он никогда не выключал свет, горели все лампы. Просто какая-то мания, Тобар заставил меня купить запасные лампочки, на случай, если одна из них перегорит. – Она указала на торшер, задвинутый в угол. – Вот видите, с тех пор так и стоит там. Вечером этот угол всегда был в тени, и Тобар засунул туда этот торшер, объяснив, что в доме не должно быть никаких теней. Он был как испуганный ребенок. А раньше Тобар ничего не боялся. То, что он увидел в этой чертовой квартире, навсегда изменило его. И прежде чем вы спросите, я скажу так: нет, я никогда не поверю, что он проделал все это с той женщиной. Тобар не мог быть Кожаным Фартуком. Я знаю, вы хотели замять дело и повесить все убийства на него, но Тобар... Он никогда бы не причинил зла женщине или ребенку.

Смолак кивнул, обдумывая слова Цоры.

– Но, признайте, он был психически не здоров, если все время говорил, что ему нужен свет. Неизвестно, что могло твориться в его в голове. Я обсуждал это с экспертами, и, вполне возможно, Тобар сам не ведал, что творит.

– Нет, он был в порядке, – возразила Цора. – Он был совершенно нормальным до той проклятой ночи. То, что он увидел там, свело его с ума. Именно тогда, не раньше. Мне потребовалось время, чтобы убедить его выйти на улицу. И еще больше времени, чтобы вывести его на улицу ночью. В ту ночь, когда вы его поймали, нам пришлось

добираться домой очень долго, потому что мы шли только по тем улицам, где было достаточно света. Вот почему мы прошли мимо вас: на вашей стороне улицы было больше света. Вы видели его лицо, когда вы вышли из тени? Он был в ужасе, думал, что вы – тот, кого он больше всего боялся.

Подготовка к следующему сеансу была еще более тщательной. Войтича Скалу по праву считали самым опасным и самым жестоким убийцей из всей «шестерки дьявола».

Перед сеансом Виктор решил поговорить с Леошем Младек, бывшем цирковым клоуном, убийцей детей. Младек по-прежнему считал, что его заключение в замке несправедливо. Виктор посещал его несколько раз после сеанса, и они разговаривали без лекарств. Какие бы доводы ни проводил Виктор, Младек отказывался верить, что Арлекин был скрытой частью его личности.

Леош Младек не проявлял агрессии, за что ему были сделаны некоторые поблажки в строгом режиме клиники. В качестве вознаграждения за примерное поведение Виктор принес ему несколько книг о комедии дель арте и однажды позволил загримироваться под клоуна. Эти небольшие поблажки, как и непринужденные дискуссии, создавали иллюзию, что связь врача и пациента становится более человеческой и, возможно, более эффективной, чем спровоцированное транквилизаторами безвольное состояние.

Виктор и Младек часами обсуждали значение и символику масок в комедии дель арте и в психоанализе Юнга. Частенько во время этих бесед Младек наносил себе грим Пьеро. Казалось, это приносит ему некоторое ощущение покоя.

В этот раз Виктору было сложно сосредоточиться на беседе с Младек. Он стоял у окна и вглядывался в крыши деревенских домов внизу. Несмотря на то что он категорически отрицал связь между пропажей девочки и «шестеркой дьявола», ему было не по себе от того, что ребенок пропал без вести неподалеку от обители безумия. Тот факт, что он находится в одной комнате с человеком, убивавшим детей, не улучшал его настроения.

– Спасибо, что позволили мне нанести грим, – сказал Младек, сидевший за спиной Виктора. – Это помогает мне почувствовать себя более цельным.

– Не за что, – не оборачиваясь, ответил Виктор. Он продолжал смотреть на деревню, которая издали казалась игрушечной. Было такое ощущение, что подступающий лес вот-вот поглотит ее. – Надеюсь, это поможет вам вспомнить некоторые вещи более отчетливо.

– О... Какие вещи?

– Мы много раз говорили об этом, Леош, – рассеянно произнес Виктор, думая о том, нашли ли девочку, а если нашли, жива ли она. – Вспомнить о детях, о том, что случилось.

– О... Но я хорошо помню их.

– Что? – Удивился Виктор и повернулся. То, что он увидел, заставило его замереть.

Леош Младек стоял в центре комнаты. Он закончил гримироваться. Но грим был другой. Младек покрасил лицо кроваво-красным, от глаз до середины лба, а вниз до центра щек тянулись два вытянутых черных треугольника. Безобразный черный рот занимал всю нижнюю часть лица, кривясь в злобной усмешке. Это был всего лишь театральный грим, но он производил жуткий эффект.

– Я хорошо помню их. Детей. Детский страх сильнее, чище и слаще любого другого. Я помню, как пил их ужас и их боль.

– Вы – Арлекин? – спросил Виктор. Он увидел, что у Младека в руке зажата кисть, которой он только что наносил грим.

– Да, я Арлекин. Я Арлекин, и я сделал все то, за что меня отправили сюда. Я тот, кого вы пытаетесь найти.

– Но вы также Леош Младек и Пьеро.

– Я больше. Гораздо больше.

Он шагнул ближе к Виктору, развернув кисть так, что ее острый конец торчал, как кинжал. Виктор проклинал себя: забыв об осторожности, он сам вложил в руки пациента оружие. Из мягкого и доброго Пьеро Леош Младек превратился в жестокого Арлекина, садиста, питающегося детским страхом. Он вспомнил, что при схожих обстоятельствах его предшественник лишился глаза.

– Отдайте мне кисть, Леош. – Не отрывая взгляда от пациента, Виктор протянул руку.

Младек-Арлекин посмотрел на кисть в своей руке, как будто он забыл о ее существовании. Затем перевел взгляд на Виктора. Нарисованная маска скривилась в оскале, обнажая белоснежные зубы, в центре черных ромбов маниакально блеснули большие глаза. Виктор понял, что эта жуткая маска была последним, что видели жертвы Клоуна.

Вдруг Младек издал пронзительный крик и бросился на Виктора, занеся кисть. Виктор, хотя и был сильнее физически, не смог противостоять внезапной атаке. Он покачнулся и упал на спину. Младек оседлал его, но Виктор сумел вовремя схватить Клоуна за запястье руки, в которой тот все еще сжимал оружие, и сильно сжал, блокируя удар.

Младек наклонился к нему ближе и зашипел:

– Понимаю, чем вы были заняты, доктор. Вы размышляли о том, что случилось с маленькой девочкой. Вы думали, как это мне удалось выбраться из замка и похитить ее.

Он сказал это по-немецки. Инстинктивно Виктор прислушался, пытаясь понять, тот же это голос, которым говорил Зелены. Этого не могло быть... Это невозможно...

Виктор собрался и изо всех сил толкнул пациента. Тщедушный Младек отлетел и упал плашмя на каменный пол.

– На помощь! – закричал Виктор, поднимаясь. – Скорее, на помощь, сюда!

Он бросился к Младеку, готовый удержать его, пока в комнату не ворвались санитары. Но Клоун и не пытался оказывать сопротивление. Он лежал неподвижно, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами. Вокруг его головы растекался темно-алый ореол.

Леош Младек при падении разбил череп. Он был мертв.

«Шестерка дьявола» стала «пятеркой».

Сеанс со Скалой пришлось отложить. Виктор мучился от боли в голове и шее – он сильно ударился при падении, – но больше всего он переживал, что ему теперь вообще не позволят провести сеанс со

Скалой; что его работа в Орлином замке, как и поиск аспекта дьявола в человеческой психике, будет прекращена.

Профессор Романек заставил Виктора зайти в лазарет на осмотр. Доктор Платнер уехал в Млада-Болеслав по делам и должен был вернуться к вечеру. Кракл, на удивление, никак не комментировал случившееся, пока обрабатывал ссадины Виктора.

Романек зашел в лазарет как раз в тот момент, когда Кракл прижигал зеленкой большую ссадину на голове молодого доктора. Едва ли не с порога профессор потребовал, чтобы Виктор подробно описал последовательность событий, которые спровоцировали нападение, не упуская ни одной детали. Виктор прекрасно понимал, что Романек разозлится, узнав, что он проигнорировал запрет приносить в палату потенциально опасные предметы, тем не менее он покорно рассказал обо всем, не упустив ни единой детали. Кроме одной, а точнее двух. Он не сказал, что Младек говорил с Виктором на безупречном, слегка устаревшем немецком языке, и главное – что Клоун откуда-то знал о пропавшей девочке. Это прозвучало бы неправдоподобно, и Романек мог решить, что Виктор просто подтасовывает факты в защиту своей теории. Однозначно, это поставит крест на его исследованиях. Коллекционер Стекла, Зелены, Младек... Виктор подозревал, что энтузиазм Романака начал угасать. Но сам он чувствовал, что стоит на пороге открытия чего-то действительно важного в психиатрии. И лучше пока не обсуждать это с профессором.

В процедурный кабинет быстро вошла взволнованная Юдита. Увидев профессора Романака, она остановилась у двери.

– Да, вы правы, он бы не напал на меня, если бы я не принес ему грим, – сказал Виктор. – Но дело не в кисти, послужившей оружием. Разве вы не понимаете, профессор, что грим позволил проявиться дьявольскому аспекту? Акт раскрашивания лица раскрыл в Леоше Младеке Арлекина, которого я и пытался найти. Арлекин – это дьявольский аспект Младека.

– А теперь Младек мертв, – сказал Романек и сделал небольшую паузу. – Доктор Косарек, я должен кое-что у вас спросить, и я надеюсь, вы понимаете, почему. Произошли два инцидента с участием пациентов, ранее не проявлявших агрессии. В обоих случаях был некий спусковой крючок: с Младеком – театральный грим для лица,

которым вы позволили ему воспользоваться; с Михалом Мачачеком – стакан, которого в нашей столовой не было и быть не могло. У меня такой вопрос: вы сознательно дали своим пациентам эти предметы, рассчитывая, что они стимулируют реакцию?

– Какую реакцию?

– Давайте говорить откровенно, доктор Косарек, ваши сеансы пока не принесли ощутимого результата, за исключением разве что голоса. Очевидно, вы разочарованы тем, что не можете доказать свою теорию, и я могу предположить, что вы желаете сократить путь, стимулируя драматические исходы.

– За исключением голоса? Так вы не считаете успехом проявление личности Хоббса в Зелены? – Виктор с трудом сдерживал гнев. – Хорошо, я отвечу на ваши вопросы, профессор. Нет, я принес Младеку грим не для того, чтобы вызвать в нем приступ агрессии, и я не давал стакан Михалу Мачачеку.

– Прекрасно, – кивнул Романек. – Затем, выждав мгновение, он сказал тоном, не терпящим пререканий: – Так или иначе, я думаю, вам нужно взять короткий отпуск, чтобы оправиться от случившегося сегодня. Пока никаких сеансов, понятно?

Виктор кивнул.

– Боюсь, что вы поставили под угрозу всю нашу работу здесь, доктор Косарек. Видите ли, доктор Платнер сейчас общается с полицией в Млада-Болеславе.

– С полицией?

– Полиция намерена провести расследование в связи с пропажей девочки из деревни. Все жители деревни уверены, что ее исчезновение как-то связано с замком.

– Опять они за свое, – пробурчал Виктор и потер шею, чтобы уменьшить боль. – Вся эта ерунда о секретных ходах Яна Черное Сердце.

– Может быть, и так, – сказал Романек, – но полиция хочет проверить, чем мы тут занимаемся, и последнее, что нам нужно, – это смерть пациента, когда они ведут расследование. Так что предоставьте мне письменный отчет сразу же, как только сможете. А потом мы с вами подробно и серьезно обсудим эффективность сеансов, которые вы проводите.

Романек ушел, Юдита подошла к Виктору и взяла его за руку.

– Я прослежу за доктором Косареком, – бросила она Краклу через плечо.

– Не сомневаюсь, что проследите, – буркнул судетец.

Как только за Краклом закрылась дверь, Юдита наклонилась и нежно поцеловала Виктора в макушку.

– С тобой все в порядке? – спросила она.

Виктор вздохнул.

– Нет, не в порядке. Я убил человека. Пациента.

– Это была самооборона. Несчастный случай. Учитывая специфику твоей работы...

– Я не должен был... Я спровоцировал то, что произошло. Профессор Романек прав.

– Как ты думаешь, он закроет твоё исследование? – спросила Юдита. – Сеансы наркосинтеза будут прекращены?

Виктор внезапно разволновался.

– Нет-нет. Надеюсь, он этого не сделает! Я... – Он замолчал.

– Виктор, что-то не так?

Он вздохнул.

– Я не все сказал Романеку и не буду включать это в рапорт. Звучит безумно, но Младек знал о пропавшей девочке... И он говорил со мной по-немецки... Черт, как болит голова...

– О девочке? Откуда он узнал о девочке? – ахнула Юдита.

Она достала из кармана пачку сигарет, прикурила одну для Виктора и затаилась сама.

– Скорее всего, подслушал. Возможно, санитары обсуждали между собой пропажу девочки. Но это не объясняет, почему он говорил по-немецки.

– Разве он не вырос в Доудлебско? – спросила Юдита. – Там все говорят по-немецки. Вроде бы он и сам бегло говорил.

– Ну, теперь мы этого никогда не узнаем, – мрачно ответил Виктор.

– Послушай, ты решил, как поступить с Филипом? Ты собираешься рассказать полиции о нем? – сменила тему Юдита.

– Не знаю. Может быть... Профессор Романек настаивает, чтобы я взял короткий отпуск. Ладно, возьму. Поеду в Прагу и поищу Филипа.

– Хочешь, я поеду с тобой?

– Нет. После всего, что Филип наговорил о женщинах... Нет.

– Тогда, может быть, не стоит искать его? Не лучше ли сообщить в полицию?

– Если Филип показал себя женоненавистником, это не делает его Кожаным Фартуком. Я попытаюсь поговорить с ним. Но сначала я должен написать рапорт.

– Я помогу тебе. Но давай отложим на утро. Думаю, тебе следует хорошо выспаться. – Юдита еще раз нежно поцеловала его в макушку.

4

На следующий день они сидели в кабинете Виктора. Он диктовал Юдите рапорт о нападении Младека, а она быстро печатала на машинке.

– Ты все еще собираешься в Прагу? Когда? – спросила Юдита, когда рапорт был закончен.

– Да. Поеду сегодня, если получится.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Нормально, – он слегка улыбнулся. – Доктор Платнер порекомендовал мне сильный анальгетик. Ты знаешь, здорово помогает. – Это была ложь. Голова все еще гудела, и Виктор подозревал, что у него было сотрясение мозга. – Так что не нужно ехать. Я должен найти Филипа.

– Чтобы узнать, является ли он Кожаным Фартуком? Боже, Виктор, если ты думаешь, что есть хоть малейший шанс...

– Не волнуйся, если я замечу хоть что-то, что вызовет у меня подозрение, я сразу же отправлюсь к капитану Смолаку. Я не могу прийти в полицию со смутными подозрениями, все-таки Филип мой друг.

В дверь постучали, и в комнату вошли Романек и Платнер. С ними был невысокий мужчина в полицейской форме.

– Майор Хромик, – представил его Романек. – Он здесь для того, чтобы поговорить о том, что случилось с Леошем Младеком. Майора также интересует, какие меры безопасности предпринимает персонал, чтобы исключить возможность побега заключенных.

Виктор узнал полицейского – они с Юдитой видели его на площади в деревне, и он запомнил его подозрительный взгляд. На вид

майору было около сорока, на умном лице выделялись орлиные зеленые глаза под широкими бровями.

– Вам известно, что мы нашли пропавшую девочку? – спросил Хромик. У него был западно-чешский акцент, как у всех местных.

– Какое облегчение, – выдохнул Виктор.

– Я не сказал, что ее нашли целой и невредимой, – отрезал Хромик. – Мы нашли ее вчера, поздно вечером. Ее тело было в озере за деревней. Она утонула.

Виктор почувствовал, как что-то глубоко внутри сжалось. Перед глазами возник образ другой маленькой девочки – его сестры Эллы. Он вспомнил, как ее намокшие светлые волосы колыхались в темной воде...

– С вами все в порядке, доктор Косарек? – спросил Хромик.

– Что? О да, простите. Никак не могу справиться с собой – голова побаливает.

– Понимаю, – Хромик кивнул. – Мы выяснили, что погибшая девочка часто гуляла одна. Ей много раз говорили, что нельзя играть так близко от воды. На настоящий момент мы рассматриваем версию трагического несчастного случая.

– На настоящий момент? – перепросил Романек.

– Пока это пустые разговоры, но, боюсь, местные жители ищут объяснение совсем в другом направлении, – майор пожал плечами и обвел рукой каменные стены.

– Не начинайте, – вздохнул Платнер. – Когда только эти люди...

– Эти люди – мои земляки, – прервал его Хромик без тени враждебности. – Я родился в этой деревне и жил здесь до шестнадцати лет. Я понимаю их страхи, понимаю, что они чувствуют. Этот замок всегда пользовался у нас дурной славой.

– Но клиника переехала сюда только три года назад, – возразил Виктор.

– Я говорю о замке, а не о клинике. Клиника это... – он с трудом подбирал слова, чтобы выразить мысль, – это последнее его воплощение, причем неизбежное: зло притягивает зло.

– Я не понимаю...

– Когда местные жители узнали, что замок будет превращен в психбольницу, они пытались протестовать, отправляли письма в областное и национальное правительство, в Министерство

здравоохранения... Но в душе они смирились с этим, понимая, что «шестерке дьявола» здесь самое место.

– Смирились?

– Да. Они-то знали, что все плохое, что когда-либо происходило в наших краях, имело отношение к замку. Замок привлекает к себе злых людей, злые дела. Узнав, что из замка собираются сделать клинику для умалишенных, да еще таких, все ждали беды.

– Но это всего лишь суеверие, – возразил Виктор.

– Это не суеверие – это опыт. У нас и раньше пропадали дети, пропадали женщины. По домам шептались, что все дело в замке. Так оно и оказалось. Во время войны в замке стоял армейский гарнизон, один из солдат преследовал местную девушку, а та не проявляла к нему интереса. Он устроил засаду, изнасиловал и убил ее. Его попытались арестовать, он взбесился, расстрелял офицеров и своих товарищей, сбежал и несколько недель прятался в лесу. После падения Австро-Венгрии гарнизон покинул эти места, и до тех пор, пока государство не решило использовать замок в качестве психбольницы, он пустовал. Пустовать-то пустовал, но вдруг из нашей и нескольких соседних деревень начали пропадать девушки. Конечно, все заговорили о Яне Черное Сердце, у нас эту легенду знает каждый. Местные жители собрались и пошли обыскивать замок. Они обнаружили, что в башне живет бродяга. Он ходил по окрестностям, попрошайничал, а иногда и воровал что плохо лежит. Его видели в деревне за месяц до того, как пропала первая девушка, но никто не установил связь между ним и ее исчезновением. Этот негодяй чувствовал себя здесь вольготно. Раньше строили на века, и замок отнюдь не превратился в руины. Чтобы выжить, он, как я уже сказал, подворовывал, да еще силки на зайцев ставил в лесу. Из-за легенд местные жители никогда не подходили близко к замку и часовне около него. Но упыря все-таки накрыли.

– И обвинили в пропаже девушек?

– В башне нашли доказательство – ювелирное украшение, принадлежавшее одной из пропавших, а вот девушек – нет, не нашли.

– Так его арестовали?

– К сожалению, мы, я полицию имею в виду, не успели вовремя. Понимаете, там была разъяренная толпа. Деревенские вытащили его из логова, избили и сбросили с моста в пропасть.

– Но это же дикое, безрассудное убийство, – сказал Виктор. – Он должен был предстать перед судом. По крайней мере, был бы шанс узнать, что случилось с девушками. А этот человек мог оказаться невиновным.

Хромик пожал плечами.

– Я согласен с вами, но и своих земляков могу понять. Бродяга, когда его избивали, кричал, что украшение у него оказалось случайно. Мол, однажды ночью он услышал крики и плач, но боялся пойти посмотреть. А на следующее утро он увидел открытую потайную дверь. Эта дверь вела в сеть пещер под замком, но он не осмелился зайти далеко. И вот там на полу он якобы и нашел это украшение.

– Что это было за украшение?

– Не могу сказать точно. Знаю, что мать одной из девушек опознала в нем вещицу, принадлежавшую ее дочери. Виноват этот бродяга или нет – он до самого конца пытался убедить людей в своей непричастности к похищениям, – но на его месте точно так же повел бы себя и настоящий преступник.

Виктор кивнул. Он решил не акцентировать внимание на том, что Хромик слишком уж подробно рассказал о том, что произошло в замке, ведь он тогда служил в полиции, которая «не успела вовремя».

– После расправы у нас в деревне одно время поговаривали, что это сделал Ян Черное Сердце, – продолжил майор. – Но похищения прекратились, и все успокоились. Но жить спокойно тут невозможно. Как бы вам объяснить... Все деревенские знали, почему «шестерку дьявола» будут держать в замке. Да по той же причине, по которой этот замок привлек того бродягу-убийцу, и по той же причине, по которой тут поселился Ян Черное Сердце. В этих камнях, в этих скалах, в этом лесу клубится зло. Оно как магнит притягивает к себе злых людей. Темная энергия дает им силу, чтобы воплотить в жизнь свои черные умыслы.

– Боюсь, я не могу с вами согласиться, – сказал Виктор. – Самое чудовищное зло может возникнуть в самом неожиданном месте.

Хромик пожал плечами.

– Все, что я знаю, это то, что я знаю.

– Вы говорили о потайной двери, – напомнил Виктор. – Наверное, вы полагаете, что Младеку удалось тайно сбежать из замка в деревню?

– Ничего подобного я не утверждал. Но я должен изучить все версии. Я полагаю, вы поняли, насколько сложно успокоить местных жителей. Думаю, у них есть веские причины относиться к замку с недоверием. Леош Младек был похитителем и убийцей детей. У других из «шестерки» преступления не менее страшные.

– Мы понимаем ваше беспокойство, – сказал Романек, бросив многозначительный взгляд на Виктора. – Готов показать вам клинику, майор.

Хромик кивнул, затем повернулся к Виктору.

– После осмотра я бы хотел поговорить с вами о смерти Младека, если это удобно.

– У нас готов рапорт, – сказала Юдита.

– Прекрасно, – вежливо поклонился ей Хромик. – Но я бы хотел услышать обо всем из уст доктора Косарека.

– Я к вашим услугам, – ответил Виктор.

5

Днем Виктор вызвал такси до Млада-Болеслава, чтобы забрать машину, трехлетнюю черную «татру», которую купил в рассрочку. И тем же вечером, несмотря на опасения Юдиты, что дороги будут занесены снегом, он уже добрался до Праги.

Тысячелетняя Прага была плохо приспособлена для перемещения по ней на машине. Тем не менее наличие автомобиля давало преимущества. Несмотря на то что на заснеженных улицах было тихо, Виктору не хотелось идти пешком по кварталу, где в прошлый раз произошла драка с богемскими немцами, спровоцированная его другом.

Немного поплутав, он отыскал дома, в одном из которых жил Филип. Закопченные сажей, они казались еще темнее на фоне белого снега, освещенного луной. Припарковал свою «татру», которая была здесь явно неуместной, и последние метры прошел пешком.

На его стук никто не ответил. Виктор постоял минуту в тишине, размышляя о том, зачем вообще приехал сюда, ведь Филип выбросил его из своей жизни. По всему было видно, что энтузиазм профессора Романека по отношению к его теории значительно угас. То, что

происходило в клинике... Все шло не так. Он мог стать жертвой Павла Зелены. Леош Младеш умер, потому что он, Виктор, защищаясь, слишком сильно его толкнул. Малейший скандал нарушит хрупкий баланс, и придется искать новое место работы.

Но Филип Староста был его другом. И Виктор подозревал, что друг не просто сбился с пути, а происходит нечто такое, что потребует его вмешательства как психиатра.

Он снова постучал, но ответа так и не последовало. Внутри было темно.

Внезапно Виктор вспомнил, как в тот день, когда он навещал Филипа, они выходили через заднюю дверь и Филип спрятал ключ под булыжник. Он отошел от двери и осмотрелся. Вряд ли кто-то наблюдает за ним. Обойти дом – пара минут, а там уж как повезет.

В маленьком дворике было совсем темно. Виктор едва ли не на ощупь подошел к двери, присел на корточки, щелкнул зажигалкой и стал переворачивать камни.

Ключ был на месте. Виктор замешкался на мгновение. Это было совсем не то, что принято делать в том мире, в котором он обитал. В отсутствие хозяина он собирается проникнуть в чужой дом. Какими бы ни были его намерения, это было незаконно.

Наконец он решился, открыл дверь и проскользнул в безмолвную квартиру.

– Филип? – робко позвал Виктор. Уличный фонарь и луна рисовали геометрические фигуры на кучах книг и бумаг, захлаивших комнату. – Филип?

Он сделал несколько шагов вперед, ударился ногой о стопку книг, чертыхнулся и пнул ее, отчего книги с грохотом рассыпались. Сообразив, где находится выключатель, Виктор щелкнул им, и помещение залил яркий свет. Было такое чувство, что здесь давно никто не появлялся.

Виктор поднялся по лестнице на второй этаж, в спальню. Кровать была не заправлена, простыни казались серыми.

Что делать дальше, Виктор не знал. Он приехал в Прагу, чтобы увидеть Филипа, поговорить с ним. Он мог бы дождаться его возвращения, но не факт, что друг появится здесь, а если и появится, то как он отреагирует на то, что к нему заявился незваный гость? Если

Филип вернется под мухой, а это вполне вероятно, вспышки агрессии не миновать.

Но что-то не давало Виктору уйти. Понимая, что это не слишком хорошая идея с точки зрения приличия, он решил заглянуть в потаенные уголки жизни своего друга. Ему хотелось либо найти доказательства своих мрачных подозрений, либо, наоборот, опровергнуть их.

Он спустился и заглянул в кухню. Как ни странно, на кухне царил порядок. Чисто вымытые тарелки выстроились в ряд в сушилке. Это воодушевило Виктора: как врач он знал, что хаос в психике имеет свойство распространяться на повседневную жизнь. Островок относительного уюта был хорошим признаком.

В гостиной была еще одна дверь, но она была заперта, а ключ он так и не смог найти.

Виктор подошел к письменному столу, заваленному бумагами и книгами. Подергал ящики, но они также были закрыты на ключ. Просмотрев бумаги, он понял, что они разложены в определенном порядке. Это были записи, посвященные ранней истории Восточной Европы, а также материалы по древней скандинавской и славянской мифологии.

Из-под бумаг Виктор вытащил толстую кожаную папку. Папка была украшена искусным барельефом, покрытым сусальным золотом. В замысловатом переплетении ветвей угадывался персонаж, которого Виктор узнал мгновенно, – это был Велес, но голова Велеса явно была головой медведя. По краям папки шел повторяющийся узор: две фигуры в бесконечном цикле преследовали друг друга. У фигуры в бело-синезолотом одеянии в одной руке был посох, а в другой – золотой шар. В руках другой фигуры, в кроваво-красно-черном, были меч и человеческий череп.

Виктор взял папку и сел с ней на диван. В папке лежала рукопись, какие-то места в тексте были жирно подчеркнуты, на полях добавлены примечания. Он понял, что это та самая книга, о которой говорил Филип, – фундаментальный труд по славянской мифологии. Прочитав несколько выбранных наугад страниц, Виктор с облегчением обнаружил, что это не бредовые излияния нездорового ума, а взвешенная, упорядоченная научная работа. Филип даже

проиллюстрировал некоторые легенды, причем сделал это весьма талантливо.

Основное внимание в книге уделялось мифологии поляков, чехов и словаков, а также кашубских и вендских племен Германии.

Виктор даже нашел главу, где интересы Филипа пересекались с его собственными. Озаглавленная «Многообразие богов и сознание», она была посвящена психологии мифов.

Между страниц рукописи была вложена еще одна красивая иллюстрация, нарисованная чернилами, с инициалами Филипа в углу. Подпись под рисунком поясняла, что это трехглавый бог Триглав, который соединяет в одном лице Сварога – Повелителя огня, Дажбога – Повелителя солнца и Перуна – Царя богов и Владыку грома.

Своим мелким аккуратным почерком Филип сделал примечание:

В отличие от Свантовита, четырехголового бога войны, у которого только один разум, Триглав един, но сочетает в себе трех богов: каждый из них – уникальная личность со своими персональными особенностями, но все же они объединены в единое божество. Триглав представляет одновременно тройственность воли и единство воли.

Виктор грустно усмехнулся. То, что написал Филип, было ключом к подсознанию пациентов Орлиного замка.

Он снял пальто, шляпу и перчатки, включил небольшой торшер у дивана, погасил верхний свет, закурил и погрузился в чтение. Поразительно, но многое из того, что написал Филип, соответствовало рассказам Павла Зелены и Доминика Бартоша во время сеансов наркосинтеза.

Своим безупречным почерком – надо отдать ему должное – Филип подробно описал Велеса, бога лесов и подземного мира, а в описании Белобога и Чернобога, богов света и тьмы, Виктор узнал персонажей, изображенных по краям папки, в которой хранилась рукопись. Виктор убедился, что и Зелены, и Бартош, должно быть, серьезно изучали мифологию. С Бартошем понятно, он ученый, но обман Дровосека теперь был очевиден – этот человек наверняка

получил очень хорошее образование в прошлом, которое скрывал от мира, а возможно, и от самого себя.

«Как странно, – подумал Виктор, – я приехал сюда, чтобы выяснить, что происходит в голове Филипа, а получилось так, что Филип раскрыл мне многое о мышлении моих пациентов...» Но стоило этой мысли появиться на свет, как пришла другая: «А что, если мистер Хоббс – это нечто общее? Что, если это специфическое проявление аспекта дьявола поглотило разум и моего друга?»

Мысль была неприятной, и он, отбросив ее, продолжил чтение.

Виктору не терпелось получить как можно более четкое представление о психике Филипа Старосты. Грамотное изложение и системный подход не вызывали никаких сомнений, что с Филипом все в порядке, но предмет исследования порождал смутные, пока необъяснимые подозрения. Славянский пантеон наполнен демонами, а пристальный интерес к демонам, как правило, свойствен нездоровому уму. Сомнения Виктора усиливал тот факт, что по крайней мере двое из «шестерки дьявола» были одержимы этим же предметом.

Один из разделов был посвящен мифу о сотворении протославян. Согласно этому мифу Сварог, бог огня, вылупился из гигантского Мирового Яйца Творения. До этого момента мир был погружен во тьму, а Сварог, явившись, наполнил вселенную светом и порядком. Но осколки скорлупы Мирового Яйца заслонили собой часть лучезарного света, и так появились первые тени. Объединившись, они сформировали царство мертвых, подземный мир. Из самых черных теней, как из глины, вылепились темные боги: Велес, повелитель мертвых, и Чернобог, славянский дьявол.

Виктора все больше беспокоило, насколько точно описание Велеса и Чернобога соответствовало тем описаниям, которые дали Зелены и Бартош, и к тому же оно совпадало с тем, что Смолак рассказал Виктору о страхах цыгана.

За чтением прошло два часа. Время близилось к полуночи. Даже если Филип придет, то он точно будет пьян и вряд ли обрадуется, что кто-то читает его рукописи.

Быстро пролистав несколько страниц, он задержался на одном рассуждении.

Кто такие боги? Рассмотрите Перуна, верховного бога и повелителя грома, – очевидно, что он связан с норвежским богом Тором; Сварог, бог-кузнец, бог огня и войны, явно такой же, как греческий Гефест. Откуда произрастает эта общность? Почему пантеоны в разных культурах населены одними и теми же богами под разными именами? Ответы на эти вопросы кроются в том, что мы, люди, поделились друг с другом этими историями в то время, когда нас было мало на Земле, и мы унесли эти образы с собой, когда разбрелись по отдаленным уголкам планеты, а по мере разделения наших языков мы дали им новые имена. Эти образы встроены в самые глубокие слои нашей памяти, поэтому боги и демоны возвращаются к нам в новых формах снова и снова. Возможно, наша рациональность и научный взгляд, методы нашего анализа и понимания никогда не будут достаточно хороши, чтобы понять их. Возможно, боги не просто живут в разуме человека – они неотделимы от него.

Нечто подобное мог бы написать и сам Виктор, рассуждая об архетипах в коллективном бессознательном.

Еще час. Он будет читать еще час, а потом уйдет.

Она сидела и смотрела в окно. Вечерело, тени удлинялись, подчеркивая темную каменную кладку зданий через улицу и вычерчивая геометрические фигуры под порогами, балконами и карнизами. «По крайней мере, – подумала она с грустью, – эти тени уже не напугают Тобара».

Цора Мирга многое передумала с тех пор, как ее посетил детектив. Со стороны полицейского она почувствовала сочувствие и поняла, что ему по-своему симпатичен Тобар. Этот Смолак, кажется, искренне сожалел о смерти Тобара. Раньше Цора подозревала, что ее любовника застрелили в полиции, но теперь она отбросила эту мысль.

Тобар действительно вел себя странно после той ночи, когда совершил взлом. Она не узнавала его – испуганный Тобар боялся собственной тени. Раньше предположение о том, что он может наложить на себя руки, показалось бы дикостью, но теперь... Все может быть.

Смолак расположил ее к себе, и она рассказала ему гораздо больше, чем следовало. Но конечно же она не стала ничего говорить о деньгах и драгоценностях, которые Тобар прятал под половицей. Ее сместило, что полицейский сел на стул, даже не подозревая, что у него под ногами целое состояние.

Тобар говорил Цоре, что это их золотой билет в большой мир. Он был умный, ее любимый, проникая в квартиры, он брал только наличные, а если и брал драгоценности, то только такие, которые можно было перепродать, не вызывая подозрений. Там же, в тайнике под половицей, хранились деньги, которые зарабатывала Цора. Они собирались когда-нибудь сбежать из Праги. Сбежать от той жизни, которую они не выбирали, просто так сложилось от рождения.

Тобар говорил ей о том, что мир безграничен и они будут путешествовать по этому миру. В конце концов, в их жилах течет цыганская кровь, и они будут искать свое место под солнцем до тех пор, пока не найдут. Он обещал ей, что они будут счастливы, а свою прошлую жизнь оставят позади.

Однажды Тобар украл в каком-то из домов атлас мира, и они, как маленькие дети, позабыв обо всем, с восторгом исследовали неведомые земли. Цору околдовывали названия незнакомых мест, и она задавалась вопросом о том, какие удивительные люди живут в райских краях. Она представляла, как и они с Тобаром будут жить там.

Бывало, они горячо спорили, фантазируя, как устроятся на новом месте. Ни он, ни она не задумывались о том, что их смуглая кожа и черные как смоль волосы будут кого-то смущать, сделают их изгоями. И уж конечно, думала она, в том месте, где они обретут свое счастье, никто не станет обращать внимание на ее физический недостаток.

В своих мечтах они видели маленький домик у моря где-нибудь на краю Европы, а может, и подальше. Ни он, ни она никогда не видели моря. Там, у моря, они проведут остаток жизни в мире и согласии.

Но Тобар умер, и их мечты умерли вместе с ним. Тобар умер, покончил с собой, а репутация его так и оставалась испорченной. Да,

он был преступником, вором и сутенером, но он не был виновен в том, в чем его подозревали.

Цора была уверена, что Тобар не мог убить эту женщину, он вообще не мог никого убить. Но никто не хотел верить в это. Уже после смерти Тобара была убита еще одна женщина, но все продолжали считать, что цыган виновен в смерти той дамочки из Прагер Кляйнзейт.

«Может быть, – думала она, – если произойдет еще одно убийство, все изменится. Найдут еще одну женщину, выпотрошенную до позвонков, и тогда все поймут, что это был вовсе не Тобар. Его доброе имя восстановится. Это стоит того, чтобы еще одна женщина пострадала».

Цора снова вспомнила о тайнике под половицей. Она еще не возвращалась на работу после смерти любовника. Теперь ей придется искать нового сутенера, но ей никогда не найти никого, подобного Тобару. Сутенеры относятся к таким, как она, как к собственности. Стоит оказаться в их руках, спасения не будет.

Она решила, что ради Тобара, ради его памяти, должна начать новую жизнь. Для нее никогда не будет никого другого. Пусть ее тело использовали десятки, сотни мужчин, ее сердце всегда принадлежало только одному из них. В этом смысле она была верна только Тобару и останется верной ему. Она воспользуется содержимым тайника, чтобы сбежать из города, сбежать от сутенеров, чтобы вырваться из липких рук и дурно пахнущих объятий, чтобы избавиться от косых взглядов окружающих.

Она доберется до моря, чтобы посмотреть на него. И ее глазами море увидит Тобар.

Цора встала, зажгла лампу в нише и включила верхний свет. Пока она здесь, она будет жить так, как хотел Тобар. Если его дух задержался на этой земле, то она сделает так, чтобы его не пугали тени.

В дверь постучали. Возможно, снова пришел полицейский.

Цора Мирга никогда не видела человека, который стоял на пороге, но сразу же узнала его. Она узнала его по описанию Тобара. На нем было длинное потертое черное пальто с поднятым воротником, а широкополая темная шляпа была так натянута на глаза, что отбрасывала тень на все лицо.

Он выглядел так же, как тот человек, который, по словам Тобара, подкинул ему идею кражи ключей у богатых людей. Он был порождением тьмы, этот человек.

Мужчина шагнул вперед, схватил ее за горло и втолкнул обратно в квартиру, в этот момент его пальто распахнулось, обнажив кожаный фартук черно-малинового цвета, от которого пахло засохшей кровью.

Захлопнув за собой дверь, он молча потащил ее в гостиную. Цора вдруг подумала, что пророчество не сбылось: косолапость не отвела от нее дьявола.

Под ярким светом лампы дьявол казался еще темнее, а нож в его руке сверкал как молния.

Когда он толкнул ее на диван, покрытый цветастым одеялом, она подумала о тайнике под половицей, там же лежал и атлас, волшебная книга, дарившая им с Тобаром столько надежд. Теперь никто не узнает об этом тайнике. Сокровища пролежат там долгие годы, может даже, до следующего века.

Дьявол склонился над ней. Она увидела его искривленную улыбку, увидела горящие жестокостью глаза и поняла, что Тобар был прав с самого начала. Это был Бэнг.

Как ни странно, Цора почувствовала радость. Вот оно – доказательство. Бэнг убьет ее, и все поймут, что Тобар невиновен.

Вселенная внезапно наполнилась режущим глаза светом и болью, словно взорвалось солнце. Но она знала, что это продлится недолго. Холодное острое лезвие кромсало ее плоть, но она не издала ни звука. По мере того как жизнь уходила из ее тела, Цора Мирга спрашивала себя, будет ли она хромать, когда воссоединится с Тобаром в нарисованном ими мире.

Они возьмутся за руки и пойдут вдоль берега моря, которое увидят впервые.

Виктор проснулся. Голова снова болела. Потребовалось время, чтобы по кусочкам восстановить в памяти события прошедшего дня.

Он спал в одежде. Он все еще находился в квартире Филипа.

Виктор огляделся. Филип, по всем признакам, так и не появился. Часы показывали семь пятнадцать утра. Когда же он заснул?

Понемногу приходя в себя, борясь с головокружением и подступающей тошнотой, Виктор собрал листы рукописи, сложил их обратно в папку, вернул папку на стол и накрыл ее стопкой бумаг.

Филип, вероятно, закрутил с какой-то женщиной, а может, спит пьяный в каком-то притоне. А может... Виктора охватила паника, он вдруг представил, что его друг лежит в больнице избитый, а в худшем случае – в морге. Это никак не соотносилось с образом рационального, дисциплинированного ученого, с усердием работавшего над фундаментальным трудом.

Но если Филип придет, Виктор не хотел бы встретиться с ним в его квартире. Поэтому, убедившись, что все лежит на местах, он схватил шляпу, перчатки и пальто и вышел через заднюю дверь.

Солнце уже взошло, день обещал быть ясным. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, он положил ключ на место под булыжник. Снегопад закончился. Он увидел следы, которые оставил прошлой ночью, когда шел через двор, но помимо них были и другие следы. Ночью кто-то подходил к задней двери, а затем пытался заглянуть в окна. Вероятно, этот кто-то видел его, когда он читал или спал на диване. Филип? Но почему он тогда не дал знать о себе? Почему не постучал, не потребовал, чтобы Виктор его впустил?

Виктор приехал сюда, чтобы найти ответ на мучавшие его вопросы, но вопросов стало еще больше.

И самый большой среди них: где пропал Филип этой ночью?

Утром полицейский участок напоминал улей. Камеры предварительного заключения были переполнены. Задержанные ругались, требовали освободить их, пели песни и устраивали потасовки между собой. Полицейские щедро пускали в ход дубинки.

Капитан Лукаш Смолак был раздражен. Он плохо спал этой ночью – мучали кошмары.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил он детектива-сержанта Мирека Новотны, встретив его в коридоре.

– Открылись врата ада, – усмехнулся сержант. – По Вацлавской площади прошел марш национально-фашистской партии. Решили выплеснуть эмоции, проиграв на выборах. Каким-то образом коммунисты узнали об этом и организовали свою демонстрацию. А теперь прикиньте, что из этого получилось.

– Есть жертвы? – спросил Смолак.

– Много раненых, проломленные головы, но убитых нет. А мы, как обычно, оказались между двух огней.

Смолак кивнул.

– Да бог с ними, с демонстрантами. Вы собрали все материалы по делу Петрашовой?

– Да, капитан. Я также получил полный отчет патологоанатома. Хотя какой там отчет. Как сказал доктор Бартош, пропавших бесследно органов слишком много, поэтому определить точное время и причину смерти не представляется возможным.

– А что со стеклянной бусиной?

– Пока ничего. Я не нашел секретаря, который знает английский и смог бы перевести запрос для британской полиции.

– Попробуйте обратиться к сыну президента, – сказал Смолак.

– К кому, к кому?

– К Яну Масарику, сыну президента, он посол в Великобритании. Отправьте запрос в наше посольство и попросите связаться с полицией. Обязательно укажите, что это очень важно.

– Бусина? Вы в самом деле думаете, что это так важно?

– Пока не знаю, но это все, что у нас есть. И все, что мы пока знаем об этой бусине, так это то, что она, вероятно, была изготовлена в Англии.

– Хорошо, я займусь этим. – Новотны развернулся было, чтобы уйти, но остановился. – Кстати, вам пришла посылка. Я положил ее на ваш стол.

– Спасибо, – сказал Смолак. – Доктор Бартош здесь сегодня, вы не знаете?

– Я не видел его. Могу проверить список дежурных врачей, если хотите.

– Нет, не надо, идите.

В кабинете было тихо. Смолак подошел к окну и несколько минут позволил себе полюбоваться на Прагу. Конечно, вид отсюда

открывался не столь прекрасный, как из окон Орлиного замка, он был ближе и понятнее ему. Хоть он и вырос в деревне, но был городским человеком.

Он стоял и курил, вглядываясь в геометрию пражских крыш и шпилей, и думал об Анне Петрашовой. Она продолжала вторгаться в его сны. На этот раз убитая владелица магазина лежала голой в его постели в пражской квартире. Они занимались любовью, и он почему-то был уверен, что они муж и жена.

Во сне Смолак ощутил ни с чем не сравнимую радость – никогда раньше такой не испытывал. Оставив Анну, он встал, чтобы открыть шторы. Ярко сияло солнце, он посмотрел вниз и увидел на улице женщину. Она стояла в тени и смотрела на его окно. В ее взгляде читался упрек. Но лица ее он не мог разглядеть. Женщина отвернулась и пошла по улице переваливающейся походкой калеки.

Он посмотрел на Анну Петрашову, чтобы спросить ее, что это значит, и его взгляд встретился с ее холодным, застывшим взглядом. Лицо владелицы магазина было по-прежнему идеальным, но все, что находилось ниже шеи, представляло собой кровавое месиво. Он стоял и кричал, а кровь, как краска из опрокинутой банки, заливала стены его квартиры.

Смолак проснулся от собственного крика. Понятно, почему у него было дурное настроение.

Через некоторое время он сел за стол и начал просматривать утреннюю корреспонденцию. Его взгляд упал на сверток в коричневой бумаге. Посылка, про которую говорил Мирек Новотны, догадался он. Размером примерно с обувную коробку, на белой этикетке указаны его имя и адрес полицейского участка.

Развернув бумагу, Смолак обнаружил явно дорогую лакированную шкатулку черного цвета, кажется, русский Палех. На крышке была изображена крылатая фигура в бело-голубом, которая тянула руки, чтобы ухватить за хвост другую фигуру – демона в красно-золотых одеждах. Этот сюжет циклично повторялся множество раз, и, глядя на картинку, Смолак так и не смог понять, кто кого преследует – ангел демона или демон пытается схватить за крылья ангела. Нет, понял он, это не христианские символы – на шкатулке изображены славянские божества: бог света Белобог и бог тьмы Чернобог – ночь, преследующая день, и день, преследующий ночь.

Смолак открыл шкатулку, она была набита темно-красной крепированной бумагой, поверх которой лежала карточка. На карточке было напечатано три строки: на чешском, на немецком и на английском. Все три имели одинаковое значение:

Pozdravy z pekla
Grüße aus der Hölle
Greetings from Hell^[46]

Затем он вытащил из шкатулки предмет, завернутый в темно-красную бумагу, положил на стол и осторожно развернул. Некоторое время молча смотрел на него, затем снял трубку и позвонил сначала Вацлаву Бартошу, а затем дактилоскописту, попросив обоих зайти к нему в кабинет.

Бартош прибыл первым. Увидев, что лежит на измятом листе, он насупил брови.

– Хорошо бы проверить шкатулку на наличие отпечатков пальцев, – сказал Смолак. – Хотя не думаю, что мы найдем их.

Вацлав Бартош наклонился поближе, чтобы осмотреть ступню, отрубленную примерно на пять сантиметров выше лодыжки. На срезе обнажилась идеально ровная плоскость серо-красной плоти и кремово-белой кости. Сама ступня была изогнута под неестественным углом к лодыжке.

– *Talipes equinovarus*^[47], – сказал Бартош, закончив осмотр и выпрямившись. – Надо искать жертву с косолапостью, но, насколько я понимаю, вы уже догадались, кто это.

Смолак кивнул.

– Боюсь, я это знаю точно.

Вспоминая события последних дней, Виктор не мог отделаться от чувства, что все это происходило не с ним. Внезапное изменение личности Младека, демоническое лицо Арлекина, вязкий кровавый ореол на каменном полу вокруг разбитого черепа... Поездка в Прагу,

квартира Филипа, рукопись о темных богах в искусно украшенной папке... Все это казалось плодом разыгравшегося воображения или странным сном.

К нему зашла Юдита. Она принесла начисто перепечатанный рапорт и сказала, что уже отправила с курьером копию майору Хромику в Млада-Болеслав. Виктор рассказал Юдите, что он так и не нашел Филипа, но зато нашел его научный труд, написанный на редкость логично.

– То, что я читал, нельзя назвать бредом сумасшедшего, – голос Виктора дрогнул. – Я не могу поверить, что Филип действительно имеет отношение к этим убийствам. Он не маньяк.

– Ну. Не знаю... Тот факт, что он напал на кого-то с ножом, который носит с собой, по-моему, гораздо важнее, чем анализ его литературно-философских навыков... В любом случае, то, что ты читал прошлой ночью, могло быть написано несколько месяцев или даже несколько лет назад.

– Так что же мне делать?

– Виктор, я уже говорила тебе. Все же следует поговорить с этим полицейским из Праги, Смолаком. Возможно, твой друг не сделал ничего плохого, но это плохая идея – носиться по Праге, искать Филипа и пытаться расследовать дело самостоятельно. Ты не знаешь, с чем имеешь дело.

– Вот именно. Как психиатр, я могу распознать наличие или отсутствие серьезного психоза. Рукописи Филипа говорят о его отсутствии. Но если я приду к Смолаку, мне придется рассказать о нападении с ножом, и Филипа могут посадить за это...

– Ты сам себя слышишь? Нападение с ножом! Я не говорю, что Филип – Кожаный Фартук, и даже не говорю, что он безумен. Но о своих подозрениях нужно сказать Смолаку. Вот где твой Филип шлялся прошлой ночью?

– Этому может быть невинное объяснение. Женщины... Выпивка... В любом случае, то, что я обнаружил в его рукописи, заставило меня задуматься о наших пациентах. Задуматься о том, насколько они следуют мифам. Если я копну глубже, возможно, я буду ближе чем когда-либо к нейтрализации аспекта дьявола, а в том, что он существует, я не сомневаюсь. Мы вытаскиваем ангелов и демонов из тех форм, которые живут внутри нас всех. Каждая религия, каждый

миф, неважно у какого народа, основаны на одних и тех же образах. Мистер Хоббс – это проявление такого образа, и мне, как ученому, нужно поговорить с ним.

– С кем, с мистером Хоббсом? Ты опять хочешь достучаться до него через Павла Зелены? – Юдита нахмурилась. – Я думаю, профессор Романек будет против, если узнает об этом. Особенно сейчас, когда он снова закрылся от всех. Я не видела его с тех пор, как ты уехал в Прагу.

– Я договорюсь с профессором. Но да, Зелены – единственный путь к Хоббсу. Зелены это и есть Хоббс. Но, к сожалению, придется немного подождать. У меня намечен другой сеанс, и он будет непростой.

– Скала? – Юдита нахмурилась еще сильнее, в ее глазах загорелось беспокойство.

– Да, Войтич Скала, – подтвердил Виктор. – Последний из «дьявольской шестерки», сеанса с которым пока еще не было.

Виктор должен был признать, что не ожидал такого поворота событий. Он считал своим долгом сообщить Ондрею Романеку о своем намерении провести сеанс со Скалой, но не смог связаться с профессором. Юдита говорила ему, что бывают периоды, когда профессор запирается в своем кабинете на несколько дней. Обычно это объяснялось тем, что ему нужно полное уединение для решения административных вопросов, но дело явно было не в этом. Скорее всего, как и предполагала Юдита, Романек был подвержен приступам депрессии и боролся с ними наедине с самим собой.

Уезжая в Прагу, Виктор не предупредил профессора – было достаточно того, что он предоставил ему отпуск, и Романек не знал о его кратковременном отсутствии. Взвесив все «за» и «против», Виктор решил, что обстоятельства складываются в его пользу – так или иначе, сеанс со Скалой был запланирован, и если провести его сейчас, когда профессор закрылся ото всех, это не будет таким уж нарушением. Да, он лукавил, но такое объяснение Виктора устраивало.

Пока за стенами башни садилось невидимое солнце, четыре санитаров катили Демона по подиуму в комнату для сеансов. Его не собирались перемещать на кушетку – Скала надежно был прикован к креслу, похожему на средневековый трон, металлическими обручами, скрепленными болтами. Руки и ноги стягивали кожаные ремни, застегнутые на пряжки.

Пока коктейль из лекарств не подействовал, глаза Скалы горели злобой, словно раскаленные угли, которые вот-вот вспыхнут. В присутствии санитаров Виктор внимательно проверил все крепления. Оплошность, допущенная с Дровосеком, могла плохо закончиться, но если что-то пропустить сейчас, никаких шансов уцелеть не останется.

Когда наркотики стали брать свое, Виктор кивнул санитарам, и те вышли, чтобы занять свой пост за закрытой дверью. Он включил магнитофон и записал формальные данные: дату, время процедуры и имя пациента.

– Я собираюсь убить вас, – это было первое, что сказал Скала. Его голос был спокойным, но неожиданно высоким. – Вы же знаете об этом, не так ли?

– А зачем вам это делать? – спросил Виктор, присаживаясь и закуривая сигарету.

– Мне не нужна причина. Это то, чем я занимаюсь. Я убиваю людей и животных. Но в вашем случае причина все же есть.

– И какая же? – рассеянно спросил Виктор.

– Вы меня раздражаете. Привилегированный выскочка. Тот, кому всё приносят на тарелочке.

Виктор рассмеялся.

– Насколько мне известно из вашего личного дела, Войтич, ваше происхождение гораздо более высокое, чем мое, да и роскоши в вашей семье было побольше. Мои корни куда скромнее.

Скала внимательно посмотрел на Виктора.

– Правда? – переспросил он. – А мне всегда казалось, что вы богаты. У вас манеры и взгляд, как у аристократа. – Он на мгновение умолк, изо всех сил пытаясь собрать остатки своего эго, быстро растворяю щегося в наркотиках. – Ну да ладно, я все равно собираюсь убить вас. Ваше самодовольное красивое лицо будет отлично смотреться, когда я натяну его как маску. Может быть, все подумают, что я сын графа.

– Не надейтесь, Войтич, этого не произойдет, и вы знаете это.

– Отчего же? Все, что нужно, это чтобы кто-то совершил ошибку. Все ошибаются рано или поздно. Я буду на страже и воспользуюсь шансом. Знаете что? Люди думают, что все вокруг одинаковы: все следуют одним и тем же правилам. Но мы-то, доктор Косарек, и вы, и я, понимаем, что на самом деле все иначе. Нечто может иметь форму человека, а человек может быть не тем, за кого себя выдает. Вот я, например, другой. И вы другой. Все совершают эту ошибку, когда пытаются оценить других.

– Вот как?

– Люди – мои игрушки, – продолжил Скала. – Да, всё верно, они называют меня Демоном. Но разве они могут понять то, что кроется внутри меня? Я творю зло, но в этом зле я вижу особую красоту.

– Разве вы не понимаете, что это зло? – спросил Виктор.

– И да, и нет. Я поклоняюсь злу, я признаю его высшей силой, но ирония заключается в том, что я никогда не смогу по-настоящему понять или оценить его. Только мои жертвы могут – через боль, которую я причиняю. Я вижу отражение зла в их глазах. Возьмем, к примеру, ту семью из Пезинка. Вы читали материалы дела и знаете подробности. Я направлялся в Братиславу, когда встретил их, просто пересекся с ними на пути. Я видел, как они счастливы и довольны: ярко светило летнее солнце, они были молоды, вся жизнь впереди. И я решил отнять у них все это. Узнал, где они живут, позвонил в дверь, и молодой муж открыл мне. Он видел стоящего на пороге человека, но не дьявола, однако, как я уже заметил, то, что кроется внутри, никому не ведомо. Он ожидал, что я буду вести себя как человек, а я вел себя как демон. Я провел полтора дня в их доме. Эта семья познала истинную природу зла.

– А вас не мучает совесть по этому поводу? – спросил Виктор. – Вас не тревожит то, что вы сделали с ними?

– У меня есть своя этика, своя мораль. Например, я никогда бы не попросил замужнюю женщину поцеловать мужчину, который не является ее мужем. Поэтому я вырезал лицо ее мужа и носил его как маску. И я предложил ей выбрать, как злу проявить себя. Я рассказал молодой матери очень подробно, что именно собираюсь сделать с ее ребенком. Но пообещал, что если она займет место ребенка, я его не

трону. Конечно же она согласилась, а на исходе ее собственной жизни я заставил ее смотреть, как Демон нарушает свое слово.

Виктор некоторое время молчал, и Скала завершил свою мысль:

– Рано или поздно вы ошибетесь, и я воспользуюсь шансом. Тогда мы с вами... о, тогда мы с вами пустимся в пляс.

– Хорошо, Войтич, – вздохнул Виктор. – Боюсь, ваши угрозы становятся утомительными. Напомню, что я здесь, чтобы помочь вам. Мы вместе должны докопаться до причин той ярости, что поглощает вас.

– А, понимаю. Вы хотите добраться до моих детских травм. Позвольте мне сэкономить нам обоим время. Мои родители отправили меня в религиозную школу-интернат, когда мне было десять лет. Там священник насилдовал меня, по крайней мере, два раза в месяц, ну, когда подходила моя очередь. Что еще?

– Это правда?

– Это правда, и вы знаете об этом. Записи о сем прискорбном факте есть в моем личном деле. Я рассказал об этом вашему Романеку, и ему не потребовалось обкалывать меня наркотиками, чтобы вытащить этот факт. Теперь вы все знаете: грязный извращенец-педофил посеял семена зла. Эй, доктор, почему бы вам не отстегнуть меня от этой штуковины, чтобы я мог поработать над вами? Я все сделаю аккуратно, вы не умрете, пока я примеряю ваше лицо. Будет возможность посмотреть на себя со стороны.

– Нет, Войтич, мы это отложим. Давайте лучше сосредоточимся на том, с чего все начиналось. Я хочу, чтобы вы как можно подробнее рассказали мне о времени, когда учились в школе.

Скала внимательно посмотрел на Виктора.

– Хорошо, доктор, я пока поиграю в вашу игру. Но скоро вы будете играть в мою.

– Школа... – напомнил Виктор.

– Вы правы, я из хорошей семьи. В моей семье все были примерными христианами, словацкими католиками. Система ценностей моего отца была непоколебима. Он никогда ни в чем не сомневался, ни по какому поводу. Мы жили в Трнаве. Вы бывали в Трнаве? В Словакии это центр католицизма. Трнаву даже называют «маленьким Римом». В своей набожности мои отец и мать доходили до одержимости. Мой отец, я бы сказал, был самым настоящим

фанатиком. Он считал чехов безбожниками-гуситами, а словаков-протестантов – предателями крови и традиций. Излишне говорить, как я разочаровал своих родителей, – Скала злорадно улыбнулся. – Я старался быть хорошим мальчиком, вот честное слово. Но вы не можете изменить свою природу, как не можете изменить свой рост или цвет ваших глаз. Но в одном мой отец не ошибался. По его словам, у меня была черная душа, и он считал своим долгом попытаться изменить неизменное.

– Вы действительно были плохим? – спросил Виктор. – Плохим с самого начала?

– Хм, не знаю... Я пытался сделать так, чтобы отец гордился мной, но он, казалось, просто не замечал меня. А когда я стал совершать дурные поступки, о, я тут же привлек его внимание. Вы примете это к сведению, доктор Косарек? Разве это не классический случай? Собираетесь ли вы обсудить со своими коллегами, как бедный малыш Скала, томимый жаждой отцовской любви, преступил порог допустимого?

– И что же сделал ваш отец, чтобы изменить вас? – Виктор решил подождать пару минут, прежде чем ввести вторую дозу лекарств.

– Ничего нового в педагогике: он избил меня. Он считал, что хорошей поркой можно выколотить из меня дурь, как пыль из старого ковра. Но он просчитался. Раскаленный стальной стержень внутри меня в результате всех этих пороков становился тверже, как металл под молотом кузнеца.

– А потом?

– А потом мой отец отказался от меня. Мне было десять, как я уже сказал, когда он отправил меня в школу-интернат на северо-западе Венгрии, школу под управлением иезуитов, славившуюся строгим режимом и телесными наказаниями провинившихся учеников. Мать ничего не имела против.

– Вас избивали?

– Да почти каждый день. Легкие подзатыльники не в счет. Забавно, но эта школа располагалась в точно таком же замке. Меня, десятилетнего, заперли в замке, как и сейчас. Знаете, там повсюду висели распятия. Я вырос в доме, где тоже повсюду висели распятия, но в школе они были другими. На них Иисус был совсем уж исхудавшим, его лицо искажали смертельные муки, а во взгляде

читалось разочарование. Иногда я думал, что администрация школы закупила именно такие распятия как раз из-за выражения разочарования. Каждый день нам рассказывали, как Иисус страдал за нас, и что теперь мы должны страдать за него. Он умер за наши грехи, а мы, паршивцы, все еще продолжаем грешить.

Нашими учителями были монахи-иезуиты. Все наше образование опиралось на суеверия и крайнюю жестокость. Предполагалось, что иезуиты, избивавшие нас, были воплощением добра, что они были примером благочестия и совести. Но на самом деле они были бессердечными извращенцами. Среди них был единственный добрый монах, он проводил с нами уроки естествознания, брат Эрно. Он никогда не бил нас, и все вели себя тихо на его занятиях. Так мы выражали ему свою благодарность за то, что он давал нам передышку от истязаний других монахов.

Особенно мы боялись троих. Один из них – брат Ласло. Между собой мы называли его Стентор, был такой греческий глашатай, который мог перекричать целую толпу. За малейшее нарушение брат Ласло ставил ученика перед собой и ревел ему прямо в лицо. И без того запуганные мальчишки как огня боялись его голоса. Но и не только голоса – кулаки у брата Ласло были пудовые.

Двоих других звали брат Иштван и брат Ференц. Оба искали причины, чтобы побить нас, и, конечно же, находили. Они всегда носили с собой плети, такие длинные полоски из кожи, на концах которых были завязаны тугие узлы, они больно впивались в кожу с каждым ударом. Это было кошмаром.

Брат Ференц был самым страшным из них троих. Когда он выпивал, а такое случалось с ним нередко, он превращался в неконтролируемого садиста. С тех пор горьковато-сладкий абрикосовый запах палинки ассоциируется у меня с болью и страхом. Если дыхание брата Ференца пахло палинкой, то становилось понятно, что расправы не избежать.

Однажды на уроке катехизиса, который вел брат Ференц, я допустил малейшую из ошибок: перепутал слова. Подозреваю, что я перепутал их потому, что от него несло палинкой. Брат Ференц будто сошел с ума. Он задрал мою рубашку и начал бить своей узловатой плетью. Удар за ударом, со всей силы. Мне было всего одиннадцать лет. Одиннадцать. Сначала тебя пронзает боль от удара, затем ты

чувствуешь горячее жжение, от которого сводит спину; расплзаясь по спине и шее, это жжение сжимает мозг. И тут же на тебя обрушивается следующий удар, затем еще один, и так без конца. Я помню это накопление боли. И в отличие от Стентора, брат Ференц проделывал все это молча, единственным звуком было его затрудненное усилиями дыхание. Удар за ударом, снова и снова... Я думал, что потеряю сознание и умру, я хотел этого – всего что угодно, чтобы остановить эту боль. Я уже не понимал, где я, кто я и кто причиняет мне боль. Боль становилась всем. Она была настолько сильной, что я мог видеть ее: жгучий белый свет перед глазами.

Когда избиение прекратилось, отец Ференц поднял меня на ноги и швырнул на скамейку. Урок продолжился, будто ничего не произошло. Он читал Катехизис, а я вошел в какое-то измененное состояние сознания. Жгучий белый свет потускнел, и я снова увидел мир, но в этом мире все стало другим. Свет из окон казался ярче, но и тени стали резче. Я сидел в той же классной комнате, от боли горело все тело, брат Ференц бубнил, Христос смотрел на меня со своего креста с разочарованием и укором – но все это было в изменившемся мире.

Брат Ференц говорил о падших ангелах. Я помню, как он читал вслух: «За непослушанием наших прародителей скрывается искусительный голос, противоположный Богу, который заставил Адама и Еву стать смертными. Писание и церковная традиция видят в искусительном голосе падшего ангела, называемого “сатана” или “дьявол”. Сатана изначально был добрым ангелом, как и другие демоны, но он и его слуги сами выбрали путь зла». Хотя я был почти без сознания, я четко запомнил эти слова: падение ангелов было вопросом выбора, они сознательно отвергли Бога и пошли своим путем. Я истекал кровью, все тело жгло, но в голове все сложилось. Я понял, что сатана не является антитезой Бога, как это все понимают. Он был революционером, он вырвался из-под угнетения Бога. Его революция была торжеством зла. Выпустив зло в мир, он освободил человечество от вассальной зависимости от Бога.

– Так вы обратились к злу, избрав его образом жизни? – спросил Виктор.

– Это не просто образ жизни – это миссия. Я понял, что зло нужно высвободить при каждой возможности. Моя трансформация началась в тот день, а завершилась позже.

– И как она завершилась?

– Я упоминал, что единственным добрым человеком в школе был брат Эрно. Узнав об избиении, он отвел меня в свою келью, где сначала помолился вместе со мной, а затем стал втирать мазь в раны на моей спине. У него на столе лежал красивый полированный камень с прожилкой посередине, похожий на оникс. Он протянул его мне со словами: «Все пройдет. Этот камень когда-то был могучим валуном в русле реки, но воды реки постепенно разрушали его, сглаживали, полировали в течение долгого времени. Там, где когда-то были острые края, теперь мягкие линии, время скруглило их».

Затем он сказал мне, что добро и зло сосуществуют повсюду, бывает, что и добрые люди совершают злые дела. Он сказал, что я должен простить брата Ференца. Но что бы он ни говорил, я был уверен, что он в ужасе от того, что этот Ференц сделал со мной. Брат Эрно сказал мне, что в раны может попасть инфекция, и попросил, чтобы я сразу же сообщил ему, если боль усилится или начнется жар. Говоря все это, он продолжал втирать целебную мазь мне в спину. А потом он рассказал о бабочке и каменном солнце.

– О бабочке и каменном солнце?

– Он спросил меня, помню ли я, что он говорил на своих уроках. Конечно, я помнил. Он рассказывал, что Солнце огромное, что наш мир меньше одной миллионной размера Солнца. Одной миллионной! Брат Эрно попросил меня представить это огромное солнце. Затем он велел мне держать глаза закрытыми и представить, что солнце – это огромная гранитная масса, висящая на божественных небесах. Он сказал: «Вообрази, друг мой, бабочку. Представь это беззащитное Божье творение, бесконечно меньшее, чем Земля. А Земля, – напомнил он, – меньше миллионной части каменного солнца. Теперь представь, что эта маленькая, хрупкая бабочка летает вокруг солнца и каждую тысячу лет задевает крылышком его поверхность. Ты можешь это представить?» Я лежал, чувствуя, как боль в спине уменьшается, и держал отполированный камень, похожий на оникс, в руке. Я сказал ему, что могу это представить. «Теперь я хочу, чтобы ты представил, сколько времени понадобится для того, чтобы касание крыла раз в тысячелетие истерло огромное каменное солнце до размеров гальки, которую ты держишь. Ты можешь это представить?» Я сказал, что не могу, что мой разум не способен охватить этот масштаб. «Точно, –

ласково подтвердил брат Эрно. – Это время вне воображения». Внезапно его голос стал строгим: «Так вот, этот промежуток времени – лишь мимолетная секунда в вечности, которую такой несчастный грешник, как ты, проведет в пламени ада». Эти слова поразили меня, как гром, и тут же внезапная боль пронзила все мое тело. Эта боль была страшнее той, что причинил мне брат Ференц.

– Он ударил вас? – спросил Виктор.

– Он изнасиловал меня, – бесстрастно сказал Скала.

II

Черный полицейский автомобиль затормозил и остановился. На этот раз по окнам не стучали монетами. Улица, на которой стоял дом Тобара Бихари, опустела и стихла, уже все знали о том, что случилось с Цорой Миргой.

Мирек Новотны поехал с ним, хотя мог бы и остаться в участке, у него были другие дела. Карьериста-парня можно было понять: еще одно совпадение – капитан Смолак посетил уже вторую жертву Кожаного Фартука незадолго до гибели.

Было очевидно, что убийца издевается над детективом, бросая ему вызов, а рыжеволосому сержанту он подкидывал новые семена сомнений.

Вацлав Бартош тоже поехал.

Всю дорогу от участка они молчали, готовясь увидеть не самую приглядную картину.

Поднимаясь по лестнице, Смолак вспоминал, как приходил сюда, вспоминал, с каким достоинством держалась цыганка, вспоминал о ее темной красоте.

Тело Цоры нашли в той же комнате, где Смолак беседовал с ней. В этот раз крови было меньше. Цора, полностью одетая, лежала на спине. Ее ноги были вытянуты прямо, одна нога укорочена. Руки сложены на животе, голова была повернута так, чтобы казалось, будто убитая смотрит на входящих. Но глаз на лице не было. Смолаку было не по себе от немого укора пустых глазниц. Яркое цветастое одеяло, аккуратно сложенное, подпирало голову Цоры, как подушка. Убийца просчитал каждую деталь.

Вацлав Бартош подошел ближе и быстро осмотрел тело.

– Она уже не могла этого почувствовать, – сказал он, указывая на темные провалы на месте глаз. – Судя по всему, он сломал ей шею, это и стало причиной смерти. Все остальное – я имею в виду ампутированную ногу и вырезанные глаза – было сделано уже после смерти. Вот почему так мало крови. Он ткнул ее ножом в живот, но внутренние органы остались при ней. Могу предположить, что трофеями убийцы стали глаза – он, вероятно, прихватил их с собой. – Доктор выпрямился. – Хотя это отличается от двух последних убийств, я полагаю, что это работа Кожаного Фартука.

– Почему? – спросил Новотны. Его и без того бледное лицо побелело еще больше.

– Такое же уверенное владение ножом. И к тому же он сам сообщил нам об этом. В записке было: «Привет из ада». Это очевидная ссылка на лондонского убийцу, который в свое время отправил письмо под названием «Из ада» полицейскому, расследующему его дело. А чтобы доказать, что отправитель именно Джек Потрошитель, он соорудил небольшую посылку, только в его случае это была не нога.

– И что же в ней было? – спросил Новотны.

– Печень жертвы.

Сержант побледнел еще сильнее.

– Как вы думаете, есть ли какой-то символ в том, что убийца сделал с ее глазами? – спросил он, старательно избегая взглядом обезображенного лица.

– Во всем, что он делает, – ответил Бартош, – есть символика. Но не знаю, что это может означать.

– Зато я знаю, – сказал Смолак. Он осмотрел маленькую комнату. Все вещи лежали на своих местах, но торшер стоял не на месте – его передвинули из ниши, где собирались тени, к столу. – Он говорит нам, что Цора видела его. Он говорит нам, что она могла бы узнать его.

– Вы кому-нибудь рассказывали об этом? – спросил Виктор. – Кому-нибудь в школе или родителям?

– Неужели вы думаете, что это кого-то волновало? У нас такое происходило все время. Я был не единственным, с кем брат Эрно проделывал это. В любом случае, мои родители мне бы не поверили. Они бы сочли мое признание оскорблением Святой церкви и веры и еще одним доказательством моего морального разложения.

– Это продолжалось?

– Да, три года. Один раз, может быть, два раза в месяц. Видите ли, у него были и другие мальчики. Он соблюдал очередность.

– Как вы справились?

– Я погрузился в себя, в ту новую реальность из яркого света и теней, которые формировались вокруг. Я знал, что должен выбрать между светом и тенью. Я выбрал тень. Я выбрал сатану-революционера, но не тирана Бога. В уме я рисовал грандиозные картины мести, картины невообразимых страданий, причиненных не мне, но мной. Я вырос, стал сильнее. Хитрости мне было не занимать. Всякий раз, как только выпадал шанс, я исследовал границы школьной территории, искал лазейки. Однажды ночью я незаметно ушел в лес. Там была кромешная тьма. Я набрел на ветхое деревянное строение, что-то вроде сарая для дров, и сделал его моим секретным убежищем. Я убегал туда при любой возможности, стараясь прихватить с собой всякие полезные вещицы. Понятно, что ничего своего у меня не было, и я занимался воровством. А чтобы отвлечь от себя подозрения, я подкидывал ворованное в шкафчики других мальчиков. Однажды брат Ференц устроил шмон, а потом провел показательную порку одному из мальчишек. Он чуть не убил его. Многие плакали, наблюдая за этим.

– А вы? Вы чувствовали себя виноватым?

Глаза Скалы расширились от удивления.

– Вы слишком хорошо обо мне думаете, доктор. Другие плакали, а я старался сдерживать смех. Я не прекратил воровать, я даже украл тот самый камешек из кельи брата Эрно. В лесном сарае, скрытом от остального мира, я устроил настоящий маленький дворец. Как-то я провел там целую ночь, а в школу вернулся с рассветом. Это была волшебная ночь. Я лежал в темноте и слушал лес. Он был живой, я слышал его дыхание, слышал уханье сов, слышал возню мышей под ковром из опавших листьев. Впервые я почувствовал себя свободным.

Казалось, что Скала на минуту отвлекся от мрачных воспоминаний.

– А что же брат Эрно? – спросил Виктор.

– Я вырос, и через некоторое время его внимание переключилось на других мальчиков, мальчиков помладше. Много изменилось тогда. В свои четырнадцать я выглядел на восемнадцать. И я обнаружил, что все эти подонки – Ференц, Ласло, Иштван, брат Эрно – были трусами. Никто из них больше не повышал на меня голос, никто не распускал руки. Я мог выдержать их пристальный взгляд, но они не могли выдержать мой.

В конце концов я закончил школу и по иронии судьбы даже преуспел в учебе. Но главное знание я получил в тот день, когда Ференц избил, а Эрно изнасиловал меня. Я увидел мир в истинном свете. Я осознал, что добро и зло – это одно и то же. Бог и дьявол – это одно и то же. Тиран и революционер едины. Все, что делаем мы, так это выбираем какую-либо из сторон. По большому счету, нет ни хорошего, ни плохого. То, что мы делаем на пользу или во вред другим, мы делаем на пользу или во вред себе. Вы знаете, что такое панпсихизм?

– Конечно, знаю, – кивнул Виктор. – Это представление о том, что весь материальный мир одушевлен, каждая, пусть даже самая маленькая часть мира имеет простую форму сознания, и эти сознания объединяются в одно общее.

– Так вот, я верю в это. То есть я знаю это наверняка. Хотя все мы думаем, что наше сознание индивидуально, в действительности оно одно на всех. Разве это не то, о чем писал ваш Юнг?

– Не совсем, – ответил Виктор. – Но давайте не будем углубляться в научные дискуссии. Если вы верите в панпсихизм, в то, что у нас одно сознание на всех, то почему вы мучали своих жертв? Разве это не значит, что вы мучали себя?

Что-то изменилось в выражении лица Скалы, взгляд его снова загорелся, но этот огонь не был огнем ненависти.

– В том-то и дело, разве вы не понимаете? Когда я умру, я увижу мир глазами других людей. Вашими глазами, глазами моих жертв. Я овладею точкой зрения всех людей. Я буду и палачом, и казненным, и насильником, и изнасилованным. То же самое произойдет и с вами. Сейчас вы видите мир с вашей точки зрения, но в итоге вы увидите его с моей точки зрения и с точек зрения всех остальных. Видите ли, мы

все – Бог, мы все – дьявол. И каждый рано или поздно увидит мир так, как вижу его я, увидит моими глазами. В этом моя цель.

– Я все же не могу понять... – пробормотал Виктор.

– Меня зовут Войтич Скала, люди прозвали меня Демоном, но я не тот и не другой. Я – частица этого мира. Рано или поздно вы ощутите мир так, как ощущаю его я, а я, в свою очередь, буду ощущать мир по-вашему. И все, что я сделал, сделаете вы. Я – ваше наказание, и я обязан совершить как можно больше зла, чтобы наполнить мир опытом как можно большего зла. В конце концов, кто-то должен это сделать.

– Но, следуя вашей логике, – сказал Виктор, – вы рано или поздно станете жертвой.

– Именно об этом я и говорю. Разве не ясно, почему я срезал лица и натягивал их на себя? Я хотел примериться, хотел посмотреть, как это будет, когда я перейду на другую сторону. Видите ли, доктор Косарек, когда я говорю, что однажды надену ваше лицо, я действительно это сделаю. Я стану вами, а вы станете мной.

13

Некоторое время Виктор сидел в тишине, наблюдая за пациентом, пристегнутым стальными обручами к креслу. Он не знал, как дальше построить сеанс.

– Кстати говоря, – нарушил молчание Скала. – Я вернулся в школу спустя годы.

– Неужели? – заинтересованно спросил Виктор.

– Да, представьте. За эти годы ничего не изменилось, в школе, как и прежде, перевоспитывали «заблудших». Я вернулся туда, когда уже выполнял свою дьявольскую миссию, и на моем счету было не меньше десятка жертв. Первым делом я пошел в лес и нашел свой дворец, свой обветшалый сарай, в котором провел столько спокойных часов. Все эти годы никто не заглядывал в него, и мои маленькие сокровища были на месте, не исключая камешка брата Эрно. Я поселился там, рассчитывая провести в окрестностях школы неделю, не больше, мне бы этого хватило с головой. Я несколько раз посещал школу. Я помнил каждый закоулок со времен обучения и мог проникать на территорию

незамеченным. Как вы понимаете, я нанес визит каждому из четырех братьев, напомнил о былых деньках, проведенных вместе. По мере того как неделя подходила к концу, мне пришлось соблюдать осторожность, потому что начались поиски исчезнувших иезуитов.

В последнюю ночь, самую лучшую из всех, я пришел в келью брата Эрно, в ту келью, где он насиловал меня все школьные годы. Но вот что странно: когда я включил свет, он явно испугался, увидев меня. Но потом он меня узнал, и выражение его лица изменилось.

– Что же на нем было написано?

– Покорность. Смирение. Понимание. Он как будто ждал меня или кого-то из мальчиков, кто пришел бы отомстить. Он не двигался и не молил о пощаде, когда я начал его душить. В его глазах было прощение, и это оскорбило меня больше всего: брат Эрно, насильник, осмелился думать, что может простить меня. Поэтому я не стал убивать его там, в келье... – Скала сделал паузу и вызывающе улыбнулся. – Вы бы видели его лицо в тот момент, когда он очнулся. Покорность как ветром сдуло. Поясню, что я вытащил его за пределы школы и, очнувшись, он обнаружил себя голым и связанным в сарае посреди леса. Поначалу он меня не узнал, потому что я натянул на себя лицо брата Ференца. «Вы же не думали, что я вас так легко отпущу? – сказал я. – Вы же не думали, что ваши страдания так быстро закончатся?» И я начал работать над ним. Это была неспешная работа. Я творил деликатно и кропотливо. Тщательно дозированные пытки, чтобы брат Эрно оставался в сознании. Приступая к работе, я описал ему масштаб предстоящего. И напомнил ему историю о бабочке и каменном солнце.

Как только развеселившийся Скала закончил свой подробный рассказ о пытках, которые он применил к брату Эрно, Виктор нажал кнопку, чтобы вызвать санитаров.

– О, так скоро? – с сарказмом спросил Демон. Действие наркотиков ослабло, и его больное эго начало потихоньку восстанавливаться. – Только я начал получать удовольствие... Вы уверены, что не хотите еще побеседовать со мной? Вы можете

отстегнуть меня от этого кресла, доктор Косарек, тогда наш обмен точками зрения может перейти в практическую фазу.

Вошли два санитаря, намереваясь увезти Скалу в палату. Но Виктор покачал головой и остановил их.

– Вы нужны мне здесь, пока я буду вводить вторую дозу. – Он повернулся к пациенту. – Полагаю, нам нужно идти дальше, Войтич. Вы явно что-то скрываете от меня. Помнится, вы говорили о дьяволе, о том, что он среди нас. Я хочу понять вашу концепцию дьявола.

– Развяжите меня, и вы все сами увидите. Чтобы выпустить дьявола, не нужны наркотики, достаточно расстегнуть ремни.

Виктор набрал в шприц лекарственный коктейль и ввел его через катетер в руке Скалы. При этом он изо всех сил пытался унять дрожь. Он дрожал не от страха перед чудовищем – доза, которую он приготовил, была опасной.

– Я убью тебя, – прошипел Скала. – Не надейся, что тебе удастся спастись.

Виктор отпустил санитаров и снова закурил, успокаивая нервы и дожидаясь, пока наркотики подействуют. Напряжение в обездвиженном теле постепенно иссякало. Виктор почувствовал что-то среднее между восторженным трепетом и темным страхом: дьявольский аспект Павла Зелены принял форму мистера Хоббса, какую же форму примет он сейчас в Войтиче Скале, еще более страшном чудовище?

Виктор уже знал, что дьявол скрывается на пороге смерти. Именно в этой точке и находился пациент. Оставалось добраться до маленького запуганного мальчика, которого лишили родительской любви, заменив ее невероятной жестокостью. «Если я смогу достучаться до него, – подумал Виктор, – он сможет описать тот момент, когда все темное и злое в нем обрело форму». Но... агрессия Скалы, как только наркотики вновь растворили его волю, куда-то испарилась. Он лепетал что-то бессвязное, а потом стал засыпать.

Виктор вздохнул. Еще один провал. По всем признакам было видно, что ничего важного из пациента уже не вытянуть. Он выключил магнитофон и взял шприц, наполненный антидотом.

Прежде чем встать со своего места, он внезапно почувствовал на себе испепеляющий взгляд. В глазах Скалы горел такой же огонь, как и у Павла Зелены. Дьявол... Он все-таки добрался до него.

Виктор снова включил магнитофон и удостоверился, что катушки вращаются. По спине пробежал холодок. Внутренне он приготовился к защите.

– Вы в порядке, Войтич?

Пациент холодно улыбался.

– Войтич?

– Мы уже имели честь беседовать с вами ранее, – голос Скалы стал резким и громким. Он говорил на превосходном немецком языке, но язык этот был слегка архаичным и в нем слышался легкий английский акцент. – Вы можете называть меня мистер Хоббс.

Часть шестая

Мистер Хоббс

1

ВИКТОР ЕЩЕ РАЗ ПРОВЕРИЛ, включена ли запись. Какое-то время он молчал, ощущая пустоту в голове. Как такое возможно? Этому нет разумного объяснения. Хоббс был «персональным демоном» Павла Зелены. Когда Клоун напал на Виктора, в состоянии аффекта ему на секунду показалось, что тот говорит голосом Хоббса, однако он отверг эту мысль. Но сейчас этого нельзя было отрицать – он слышал тот же самый голос, только теперь этим голосом говорит Войтич Скала.

Перед ним по-прежнему был Скала, надежно пристегнутый кожаными ремнями и стальными обручами к специальному креслу. Он по-прежнему не сводил с Виктора обжигающего, полного ярости взгляда. Убийственные дозы лекарств на него не действовали. Скала оставался Скалой, но голос, которым он говорил, не принадлежал Войтичу Скале. И как бы доктор Косарек ни старался этого отрицать, его не покидало ощущение, что они в комнате не одни. Есть еще кто-то – или, вернее, что-то: что-то еще более злобное и темное, чем безумец Скала.

Голос этой темной личности разливался по комнате, как черный ветер, и Виктор, несмотря на то что пациент был надежно зафиксирован в кресле, вдруг почувствовал себя одиноким и уязвимым. Ему было страшно. То, что он слышал, не имело никакого разумного объяснения. Этого просто не могло быть.

Виктор понял, что тот, кто с ним разговаривает, это не часть расщепленной личности Скалы. Это было что-то еще. Что-то намного хуже.

– Я чувствую ваш страх, – сказал мистер Хоббс. – Я способен улавливать человеческий страх. Это энергия, которая обновляет меня, и вы придаете мне сил сейчас. Вы искали меня, и вот нашли. Вы хотите знать, что я думаю и чувствую. Ну, позвольте мне признаться

вам кое в чем. Когда я убивал их, когда я убивал каждого из этих людей, делал с ними все, что мне заблагорассудится, – я наслаждался каждой секундой этого процесса. Я все это делал из-за удовольствия, которое мне приносил сам процесс. Боль и страх жертв были для меня чем-то вроде хорошего вина. Мне особенно нравилось, когда они просили пощады – все рано или поздно просят пощады. Я же делал вид, что колеблюсь, и замечал в их глазах проблеск последней, отчаянной надежды. Я позволял им обрести надежду на мгновение, а потом лишал ее. Момент, когда последняя надежда таяла, я смаковал больше всего на свете, даже больше, чем угасание жизни в них. Видите ли, доктор Косарек, именно в этот момент они чувствовали присутствие дьявола и просили Бога прийти и избавить их от него. И именно в этот момент я заставил их прозреть, понять наконец, что Бог уже пришел, что Бог был с ними все время. Тогда они понимали, что дьявол – это и есть Бог в его темном обличье.

Наступила тишина.

Виктор был зол. В словах мистера Хоббса был смысл. Он вспомнил, как Юдита говорила о том, что Скалу держат в изоляции из-за опасений Романека по поводу вероятности психотического заражения. Не исключено. Возможно, Хоббс был неким подобием психического вируса, и этот вирус распространялся от одного пациента к другому. Возможно, Павел Зелены действительно был простым, неграмотным дровосеком. Возможно, Зелены, заразившись, перенял от Скалы высказывания Хоббса, его манеры и голос. Так бывает, когда дети болеют ветрянкой – все ходят с одинаковой сыпью.

Но языки? Разве можно овладеть иностранными языками, заразившись?

Ничего логичного не приходило ему на ум в качестве объяснения.

– Кажется, вы обеспокоены чем-то, – прервал его молчание Хоббс. – Насколько я понимаю, мое возвращение удивило вас, хотя я и говорил, что у нас еще будет шанс пообщаться.

– Откуда вы знаете? – голос Виктора стал высоким, в нем ощущалось нотки тревоги. – Откуда вам знать, о чем мы говорили здесь с другим пациентом?

– Для вас – другой пациент, а для меня – всего лишь другой сосуд. Вы говорите со мной, доктор Косарек, а не с Войтичем Скалой, и раньше вы говорили со мной, а не с Павлом Зелены. Хотя, признаюсь,

мне нравилось слушать их истории. У них много общего, вам не кажется?

– Я не понимаю...

– Конечно, не понимаете. Несмотря на знакомство с теориями Карла Юнга, несмотря на ту философию, которую вы пытаетесь привнести в свои исследования, вы все равно не понимаете.

– Я не куплюсь на эти сказки, – прервал его Виктор. – Вы – Войтич Скала, а этот Хоббс – не более чем призрак. Понятия не имею, как вы это делаете, Войтич, но вы каким-то образом сумели вложить свои идеи в сознание Зелены, в сознание Младека... Я предполагаю, что у вас просто не было возможности или времени, чтобы заняться дрессировкой других.

– Вы хоть верите в то, что говорите? – спросил Хоббс. Его глаза – глаза Скалы – прожигали Виктора насквозь. Вас послушать, этот Войтич Скала, тривиальнейший мясник, каким-то образом сумел вложить утонченное сознание в умы неотесанного лесоруба и клоуна, до смерти пугавшего детишек? Иногда объяснение лежит на поверхности. Говорю вам, что я просто использую оболочку Войтича Скалы. Что же тут непонятного? Точно так же я использовал оболочку Зелены. Зелены красив, и мне понравилась его оболочка, я еще не раз вернусь в нее.

– О, да вы какое-то сверхъестественное существо, – произнес Виктор с сарказмом. – Вы это пытаетесь мне сказать?

Хоббс засмеялся. Это был снисходительный смех уставшего патрона.

– Сверхъестественного не существует. Вы знаете это, я знаю это, любой разумный человек знает это. Существует только то, что существует. Вы же держите здесь пациента, ученого, квантового физика...

Виктор вздрогнул. Мысли играли в чехарду. Он не мог объяснить, как Хоббс, то есть Скала, узнал о том, кем были остальные пациенты клиники.

– Я говорю о Доминике Бартоше, – как ни в чем не бывало продолжил Хоббс. – Возможно, вам следует поговорить с ним о бесчисленных и неисчислимых возможностях, которые предлагает нам Вселенная. Спросите его о квантовой суперпозиции, объясняющей, как что-то действительно может находиться в двух местах одновременно.

Или спросите его о «больцмановском мозге», гипотетическом объекте, самопроизвольно собравшемся во Вселенной и способном осознавать свое существование, способном спонтанно создать себя из хаоса космоса, из случайного термодинамического соотношения частиц, а не организованным биологическим путем, как, например, человеческий мозг. Вы когда-нибудь задумывались об этом?

– Вы утверждаете, что вы и есть оно? Свободное космическое сознание?

– Думаю, вы сами точно знаете, кто я, Виктор.

Ответ на этот вопрос вертелся на кончике языке, но Виктор сдержался и промолчал. Ему не хотелось подчиняться бреду, сколь бы логичным он ни казался.

– Вижу, вы сомневаетесь во мне... – сказал Хоббс. – Тогда позвольте мне объяснить, кто я, более четко. Вы все еще пытаетесь определить, когда я появляюсь. Вы ломаете голову, какое темное событие в прошлом Скалы, козь скоро я принял его форму, сформировало меня. Вы думаете, что я порождение нечестивого союза Скалы с братом Эрно. Все это пустое, доктор. Мое существование простирается далеко за пределы любого человека. То, что с ними происходит в индивидуальном порядке, комариные укусы. Зло всесильно и вечно.

Он сделал паузу, а Виктор снова ощутил, как его сдавливают в своих объятьях стены замка.

– Я – постоянная величина, константа, – продолжил Хоббс. – Я присутствовал в тот момент, когда первые люди зажгли огни, чтобы прогнать тьму. Я был там, потому что я и есть та самая тьма. Я родоначальник всех человеческих страхов, всех амбиций и страстей, но и творчества. Меня называли бесчисленным количеством имен на бесчисленном количестве языков на протяжении веков. Вы полагаете, что я скрываюсь в бессознательном, хорошо, пусть будет так. Мне нравится быть частью бессознательного, потому что в нем обитает зло. Но зло не может просто так таиться, оно рвется наружу. Вы прекрасно знаете, кто я, дорогой Виктор, и вы знаете по крайней мере некоторые мои имена.

– Например? – спросил Виктор.

– Ну, например, я неплохо поразвлекся под личиной одного англичанина, – сказал Хоббс. – Тот мой визит еще долго будут помнить. Я сплел паутину сомнений, и те, кто меня ловил, запутывались в ней все больше, пытаюсь составить мой портрет и поймать меня.

– Вы хотите сказать, что вы были Джеком Потрошителем? – догадался Виктор.

– И им тоже. Знаете, доктор, у меня есть маленькая прихоть. Всякий раз, когда я оставляю этот мир, я беру с собой слуг, чтобы они развлекали меня в промежутках между жизнями. Теперь я явился за новыми слугами.

– То есть Скала ваш слуга? И Доминик Бартош? И Младек? Вы проникли в их сознание и поработили их?

– Ну, это не совсем так. Конечно, было бы неверно говорить, что я не повлиял на них, и я даже направил их, но то, что они сделали, они сделали сами. Это их выбор, милейший. Что же касается Скалы, то я восхищаюсь его ученическим рвением, из него выйдет прекрасный слуга. Кто меня ищет, тому я всегда протяну руку. И даже сейчас я могу ее протянуть.

Посмотрев на Виктора, Хоббс рассмеялся.

– Давайте поговорим об этом месте, доктор Косарек. Об этом замке. Я выбрал это место. Оно создано для меня. В одном из моих воплощений меня даже пытались замуровать в этих стенах. Вы ведь слышали легенды? Готов подтвердить – они правдивы. Многими веками раньше этот замок был построен как пробка в горлышке ада, чтобы сдерживать зло. Но реальность такова, что темное горькое вино, которое глупые люди пытались закупорить, выбило эту пробку. Запереть меня в этих стенах невозможно, они, наоборот, поддерживают меня. Я отдыхаю здесь, ведь мне приходится много трудиться. К примеру, сейчас я снова ношу кожаный фартук, как в Лондоне чуть больше чем полвека назад.

– Вы хотите сказать, что сейчас вы играете роль пражского убийцы?

– И эту роль, и многие другие. Я несу страдания и смерть в бесчисленных формах. Я скрываюсь в тени в Праге. Я скрываюсь в тени везде.

– Но почему вы открылись мне? Почему сейчас?

– Почему я открылся вам? Доктор Косарек, вы искали, где скрывается дьявол, я не мог не оправдать ваши ожидания, и поэтому сделал так, что вы появились в этом замке. Почему сейчас? Потому что наступает темный век, самое интересное время для меня. Впереди отличные развлечения. Будет столько смертей, столько страданий, столько изящно скроенного зла... – Хоббс глубоко вздохнул. – Но кроме того, у меня есть банальная причина задержаться в ваших краях: я кое-то потерял.

– Потеряли? Что?

– Маленькую бусину, белую и блестящую. Роза в стекле... Памятная для меня вещица.

– При каких обстоятельствах вы ее потеряли?

– Эту историю, мой дорогой Виктор, мы припасем для следующей встречи, – нахмурился Хоббс. – Крепкое судно терпит крушение. Ваш пациент умирает, так что мне пора идти. И, кстати, ждите кое-каких новостей. Видите ли, я снова взялся за дело...

Было такое ощущение, что кто-то погасил свет. Скала обмяк в кресле, и Виктор понял, что Хоббс удалился. Бросившись к Скале, он проверил пульс на шее, затем приложил ладонь к его носу. Пульс затихал, дыхание стало редким.

Виктор вновь убедился, что дьявол обитает на пороге смерти. Он ввел Скале пикротоксин и с тревогой ожидал его действия. Через несколько секунд пульс набрал скорость, дыхание восстановилось. Однако Скала не просыпался, и Виктор решил не будить его. С таким количеством противоречивых мыслей, жужжащих в голове, как рой пчел, Виктор был не готов выслушивать новые признания Скалы, наполненные садистической радостью.

Ему нужно было время, чтобы подумать, но остаться наедине с собой не удалось.

В комнату спешно вошла Юдита. Завидев Скалу, спящего в кресле, она остановилась. На мгновение замешкался и Виктор: никто не должен был беспокоить его во время сеанса. Но он все еще находился во власти услышанного. Все его гипотезы о природе дьявольского аспекта разлетелись в пух и прах, ему казалось, что он сам находится под действием наркотика.

– Мне нужно, чтобы ты расшифровала это сейчас же, – сказал он Юдите, выключив магнитофон. – Ты никогда не поверишь...

– Забудь об этом, – отрезала она. Ее лицо побледнело и приобрело суровое выражение. – Я только что услышала по радио. Они обнаружили еще одну жертву Кожаного Фартука. Ее убили в ту ночь, когда Филип не пришел домой.

3

Юдита готова была настаивать, но Виктор и сам понимал, что совпадений слишком много, поэтому о своих подозрениях нужно сообщить полиции. Надежда на то, что Филип не пришел домой той ночью по каким-то иным причинам, растаяла. А то, что он услышал от Хоббса во время сеанса со Войтичем Скалой, перевернуло его взгляд на действительность.

Они отправились в приемную Романека. Покой профессора ревностно охраняла секретарша, жизнерадостная женщина средних лет, каждый день приезжавшая на работу из Млада-Болеслава. Чтобы убедить ее позвонить шефу, пришлось приложить немало сил.

В конце концов Романек вышел из своего кабинета. Его внешний вид потряс обоих. Профессор, обычно следивший за собой, выглядел так, будто спал в одежде на диване. Он явно не брился последние дни, лицо казалось исхудавшим.

– Заходите, – сказал он тусклым голосом.

В кабинете был хаос. Огромный стол завален бумагами и папками, повсюду расставлены полные пепельницы. На кушетке в углу лежало смятое одеяло, а по соседству на полу оставлен поднос с недоеденным завтраком. Пахло застоявшимся сигаретным дымом, несвежей едой и пылью.

Романек тяжело упал в свое кресло за рабочим столом и неясно махнул, приглашая Виктора и Юдиту сесть напротив.

– Прошу прощения, я не форме, – сказал он. – Принято думать, что я человек хорошего настроения. Так и есть. Но с тех пор как моя жена умерла, у меня периодически случаются эпизоды...

– Депрессии? – перебил его Виктор. – Есть лекарства...

– У меня гораздо больше опыта в области защиты психического здоровья, чем у вас, доктор Косарек. Это не депрессия, вы ошибаетесь. Моя болезнь называется по-другому: абсанс. Это эпилепсия без судорог, сознание на время отключается. Я не могу купировать начало приступа, но могу изолировать себя на этот период. Я согласился встретиться с вами только потому, что сейчас потихоньку прихожу в норму. Думаю, вы можете понять мое состояние.

– Конечно, – кивнул Виктор.

Романек позвонил и попросил секретаршу принести кофе.

– Чем могу быть полезен? – спросил он Косарека, сделав глоток.

Виктор рассказал профессору все, что знал о Филипе, включая тот факт, что его друг не вернулся домой в ту ночь, когда было совершено последнее убийство. Немного поколебавшись, он описал и то, что произошло во время сеанса со Скалой. При этом он почувствовал, как волнуется Юдита, которой он не успел ничего рассказать.

Романек раздраженно потряс головой, видимо, запутавшись в информации, которую обрушил на него Виктор.

– Так вы говорите, у вас есть два предположения? Что ваш друг, возможно, и есть Кожаный Фартук и что Скала совершал свои убийства, фигурально выражаясь, руками Хоббса?

– Хоббс проявился в Скале, Хоббс проявился в Дровосеке и мелькнул в личности Младека. Я не говорю о том, что он многолик, хотя это не будет неверным утверждением. Я говорю о том, что Хоббс – это Хоббс, воплощение зла в определенном обличье.

– Но это невозможно! Вы действительно полагаете, что ваш аспект дьявола в одной и той же форме проявляет себя в разных личностях? Я считаю это маловероятным, если не сказать больше.

– Я тоже так считаю, но я попытался рассказать вам, что произошло. – Виктор вздохнул с разочарованием из-за того, что ему не хватало компетенции аргументировать свою точку зрения. – Готов согласиться, что такого понятия, как аспект дьявола, не существует, но что же тогда это? Давайте вернемся к вашей теории психотического заражения. Физический вирус ведет себя одинаково в разных организмах, но Хоббс... не доказательство ли это того, что и ментальный вирус может действовать так же?

Романек задумался на мгновение, потер покрытый щетиной подбородок.

– Мисс Блохова, пожалуйста, расшифруйте запись этого сеанса как можно скорее и принесите мне. Доктор Косарек, а вам необходимо связаться с капитаном Смолаком и рассказать ему о вашем друге. И пока, я думаю, будет лучше, если вы приостановите сеансы наркосинтеза.

– Со Скалой? – спросил Виктор.

– Со всеми пациентами.

Виктор начал было протестовать, но Романек поднял руку, жестом остановив его. – Боюсь, я вынужден настаивать. Я не знаю, с чем мы имеем дело. Я не знаю, какой тип психоза заставляет разных пациентов проявлять одинаковую идентичность. В общем, пока я не прочитаю расшифровку последнего сеанса и пока не пересмотрю записи всех предыдущих, ваши исследования продолжать слишком опасно. Прошу извинить меня, Виктор.

– Но разве вы не понимаете, профессор? Единственный способ докопаться до сути – это установить контакт с Хоббсом – с аспектом дьявола или с чем-то, что проявляет себя таким образом. Только Хоббс может объяснить, что происходит.

– Ради бога, друг мой, – резко оборвал его Романек. – Вы слышите себя? Вы говорите о заблуждении, о частичке больного ума так, будто это реальный человек. Нет, я должен настаивать на том, чтобы вы больше не проводили сеансов. Сейчас необходимо сосредоточиться на том, чтобы помочь полиции найти вашего друга.

Положив трубку на рычаг, Лукаш Смолак долго и пристально смотрел на телефон, как будто тот мог дать дополнительные объяснения. Маловероятно, что друг доктора Косарека может оказаться Кожаным Фартуком, к тому же ему постоянно звонили люди, которые считали своим долгом высказать свои подозрения относительно соседей, сослуживцев, родственников или друзей. Повестись, так пол-Праги занимается жестокими убийствами.

Но все же что-то беспокоило его. Когда другие сообщали ему о своих подозрениях, они были возбуждены и явно злились на того, о ком рассказывали. А Виктор Косарек искренне не хотел навлекать на

своего друга подозрения. Какова бы ни была правда, было ясно, что этот Староста обижен и жесток по своей природе. Кожаный Фартук он или нет, это стоило того, чтобы проверить.

Прага покрылась зимней серостью. Снег сменялся дождем, улицы были покрыты веснушчатой, желатиновой слякотью, перемешанной с маслянистыми зеркалами луж из дождевой воды и растаявшего снега. Косарек взял с собой Мирека Новотны. Детектив-сержант безмолвно сидел на пассажирском сиденье, когда они ехали по адресу во Вршовице, который указал Виктор Косарек.

Им потребовалось некоторое время, чтобы найти дом, внешний вид которого удивил Смолака. Раньше здесь наверняка была конюшня, что-то вроде этого. Он послал Новотны осмотреть здание со двора, а сам позвонил в дверь, но ответа не последовало. Заглянув в окно, он не обнаружил никаких признаков жизни. Новотны вернулся и сообщил, что с другой стороны все двери и окна заперты.

– Подождите-ка, – сказал Смолак, вспомнив рассказ Косарека.

Они вдвоем перевернули несколько булыжников у двери на заднем дворе и действительно нашли ключ, в точности как описывал Косарек. Повернув ключ в замке, Смолак посмотрел через плечо на Новотны.

– Дверь была не заперта и приоткрыта, когда мы приехали, понял? Сержант со вздохом кивнул.

За годы работы в полиции Лукаш Смолак обрел кое-что. Он не хотел называть это инстинктом или чутьем. Ему больше нравилось слово «опыт». Опыт накапливался с каждым раскрытым преступлением, но и с каждой неудачей в расследовании. Осколочные знания собирались вместе, как пазл, и картинка складывалась. Так случилось и в этот раз. Как только он попал в квартиру Филипа Старосты, он понял, что нашел Кожаного Фартука. Проходя по квартире, он чувствовал, как нарастает нервное напряжение, все быстрее и интенсивнее, с каждым шагом.

На столе он обнаружил рукопись в кожаной обложке, о которой ему говорил Косарек.

– Осмотритесь тут, – сказал он Миреку Новотны. – Но будьте осторожны и постарайтесь ничего не трогать. У меня странное чувство, что мы нашли его.

Пока Новотны проводил обыск, Смолак сел в кожаное кресло и начал листать рукопись. Аккуратным почерком в этом труде излагалось то, что ускользнуло от внимания психиатра. Косарек не слышал рассказа Тобара Бихари о монстрах, таящихся в тени, но Смолак слышал. На этих страницах описывались те же самые тени и те же самые монстры.

Бихари называл дьявола Бэнгом, в рукописи говорилось о Велесе. Смолак знал его настоящее имя – Филип Староста.

– Разыщите телефон, – приказал он сержанту. – Нужно, чтобы четверо присутствовали здесь во время обыска и еще четверо дежурили у парадного и черного хода. И еще на каждом углу в квартале нужно поставить по человеку, они предупредят нас, если Староста вернется.

– Вы правда думаете, что это он? – спросил Новотны. – А взгляните-ка сюда, здесь есть еще одна дверь, но я не нашел ключа.

Смолак взял в руки чугунный утюг с каминной полки, подмигнул Новотны и со знанием дела вбил острый кончик в щель под дверью. Деревянное полотно хрустнуло, приподнялось, и дверь открылась.

Помещение было слишком маленьким, чтобы его можно было назвать комнатой, скорее большая кладовка. Окон не было, на проводе в центре потолка висела голая лампочка. Смолак щелкнул выключателем, и кладовку залил яркий свет.

– Вот черт... – выругался Новотны от неожиданности и удивления.

Две стены от пола до потолка занимали полки, третья стена, справа от Смолака, была пуста, если не считать большого латунного крючка для одежды, ввинченного в нее. Крючок был пуст, но Смолак легко мог представить темный, заляпанный кровью кожаный фартук, свисающий с него.

Он услышал, как сержант за его спиной пытается сдерживать дыхание, борясь с тошнотой. Полки были плотно заставлены банками для домашних заготовок, а в них – черно-красные или серо-коричневые заспиртованные человеческие органы. В одной из банок плавало что-то очень похожее на маску, но Смолак понял, что это срезанное лицо Марии Леманн, жертвы из Прагер Кляйнзейт.

– Да, – сказал он, не глядя на Новотны, – я правда думаю, что это он.

В тот момент, когда позвонил Смолак, Виктор был в своем кабинете. Он стоял у стола, держа тяжелую трубку у уха, и чувствовал, как цепенеет. Худший из его страхов, только что подтвердившийся, превратил его в статую. Юдита стояла напротив. Выражение ее лица было напряженным. За окнами непроницаемой серой завесой падал снег, из-за чего создавалось впечатление, что сумерки сгустились раньше времени.

Смолак пытался отговорить Виктора от поездки в Прагу. Он ссылаясь на погоду, но Виктор догадался, что полицейский просто не хочет, чтобы у него вертелись под ногами. Детектив сказал ему, что Филип, по всем признакам, вряд ли вернется в свою квартиру, но на всякий случай он оставил там дежурить пару человек.

– На самом деле, – услышал он, – я сомневаюсь, что ваш друг появлялся в квартире после того, как вы там побывали. Во всяком случае, соседи его не видели. Полагаю, у него появилось новое логово. Вероятно, после инцидента с богемскими немцами – а этот инцидент произошел после того, как он убил Анну Петрашову, владелицу магазина – он решил обезопасить себя. Скорее всего ваш друг догадывался, что вы можете связаться с нами. – Смолак помедлил на другом конце линии. – Должен вам сказать, доктор Косарек, что после Анны Петрашовой была убита еще одна женщина. Как бы там ни было, я разослал описание, которое вы мне дали, и жду ответа из государственного реестра и университета, где работал Староста. Я остаюсь на связи, а вас пока прошу не отлучаться из замка, чтобы я мог разыскать вас в любой момент.

Повесив трубку, Виктор первым же делом расспросил Юдиту о том, что она слышала по радио. Та сказала, что была убита молодая женщина со странным именем Цора Мирга, и у полиции были основания полагать, что убийство совершил Кожаный Фартук.

– Это моя вина, – воскликнул Виктор безутешно. – То, через что пришлось пройти этой бедняжке, – это моя вина.

– Ты не мог знать, – сказала Юдита. Она обошла стол и положила руку ему на плечо. Нежное прикосновение успокоило. – Ты даже предположить не мог, что Филип действительно окажется этим... этим монстром. Что тебе сказал Смолак?

Виктор вкратце пересказал ей содержание разговора.

– Думаю, он прав, здесь, в замке, тебе безопаснее. Если Филип узнает, что его ищут, он может обвинить во всем тебя и захочет отомстить. В любом случае, снегопад усиливается. Дорогу занесет. – Она заметила, что выражение лица Виктора изменилось, и нахмурилась: – Что еще?

– Сеанс со Скалой. То, что он сказал... Он знает больше, чем кажется на первый взгляд. Есть что-то, что связывает мистера Хоббса с Филипом и этими убийствами. Я должен выяснить...

– Но ты не можешь. Профессор Романек запретил проводить сеансы.

Виктор повернулся к Юдите и взял ее за плечи.

– Я что-то упускаю. Какая-то часть загадки, которую задал мне Хоббс...

– Виктор, ты говоришь о нем так, будто он реальный человек...

– Он не человек, я знаю это, но он реален. И он как-то связан с убийствами. Мне нужно понять, откуда он знает все, что делает убийца. – Виктор сделал паузу, все еще удерживая Юдиту за плечи и пристально смотря ей в глаза. – Я собираюсь провести еще один сеанс. Я собираюсь провести его сегодня вечером. Пока Смолак охотится в Праге на своего дьявола, я собираюсь поохотиться здесь на своего.

– Нет, Виктор, ты не можешь. Это запрещено. И это опасно.

– Я должен сделать это. Я должен все выяснить. – Он наклонился к ней ближе. – Но я не могу сделать это без твоей помощи.

Смолак вновь нанес визит к Магде Тумовой, продавщице из магазина Анны Петрашовой. Он позвонил в дверь ее квартиры, но на этот раз дело было вечером, и обе ее соседки сидели дома, поэтому говорить пришлось в коридоре. Магда скрестила руки под вязаным кардиганом и дрожала от холода. Смолак принес с собой рюмку богемского стекла из квартиры Старосты. Продавщица узнала ее сразу же, как только полицейский развернул газетный сверток.

– Она входила в набор на шесть персон, – сказала она, закивав. – Я хорошо помню.

– Вы помните, кто этот набор приобрел? – спросил Смолак.

– О, его никто не купил. Мадам Петрашова забрала рюмки домой. Иногда она так делала, когда ей что-то нравилось. Понимаете, стекло было не просто ее профессией, это была ее жизнь. Бедная мадам Петрашова...

– Вы уверены, что она забрала набор домой? Не могло случиться так, что она вернула их в магазин, а потом кто-то их купил?

– Я уверена, – кивнула Магда. – Кто-то забрал их из ее дома?

Смолак улыбнулся.

– Спасибо, мисс Тумова, вы мне очень помогли.

Когда он вышел из квартиры продавщицы, начало темнеть, но снегопад стал слабее, хотя радиоприемник в машине сообщил, что к северу от города все еще продолжается буря. Он был прав, когда посоветовал доктору Косареку оставаться на месте. Доктору было бы непросто добраться до города, к тому же Смолак не хотел, чтобы тот сбивал его с толку на каждом шагу. Подумав о Викторе, он вновь вспомнил темноокою красотку Цору Миргу, лежащую мертвой в своей чистенькой квартире. Еще одна жизнь, целая вселенная надежд и разочарований оборвалась преждевременно. Если бы Косарек не играл в детектива-любителя, Цора осталась бы жива. Наверное.

Он подобрал Мирека Новотны по пути во Вршовице. Садясь в машину, Новотны снял заиндевевшую шляпу, отряхнул поднятый к ушам воротник. Нос и щеки рыжеволосого сержанта покраснели от холода, пока он ждал на углу улицы.

– Нашли что-нибудь? – спросил Смолак.

– Это заняло больше времени, чем я думал, – сказал Новотны, дрожа. – Ух, холодно-то как. Я целую вечность ждал, пока спустится этот чертов лифт, а оказалось, что он сломан. Квартиру, как удалось выяснить, в течение последних четырех месяцев снимают электрик с супругой. Они иностранцы, думаю, русские. Договор они подписали через посредника, про предыдущего арендатора знают только то, что его зовут Филип Староста. Однажды к ним приходил какой-то человек и спрашивал о нем, и они дали ему новый адрес Старосты. Этот адрес был записан на бумажке.

Смолак кивнул:

– Это Косарек приходил его разыскивать.

– Во всяком случае, – продолжил Новотны, – я провел опрос, и все соседи сказали то же самое.

Они не смогли описать Старосту, потому что редко видели его, а если и видели, он всегда был одет в выцветшее длинное пальто и широкополую шляпу, натянутую на глаза. Одна женщина сообщила, что он был очень неряшлив, все время ходил небритым. Она вспомнила, что у него светлые волосы, но она не уверена, что хорошо его рассмотрела.

– Он четко понимал, что делает, и следил за тем, чтобы никто не мог дать точное описание. – Смолак вздохнул. – Может быть, немцы смогут нам помочь.

Было еще рано, и снег продолжал идти, поэтому в баре в нескольких кварталах от дома Старосты не было никого. Бармен сразу понял, о ком говорил Смолак, когда тот рассказал о нападении на улице: они и в баре чуть было не подрались. Смолак запомнил имя и адрес человека, которого ранили в драке, – Антон Зауэр.

– Но Антон работает до семи, – предупредил бармен. – Раньше он дома не появится.

– А где он работает? – спросил Смолак. – Мы можем зайти и поговорить с ним.

– Если вам повезет. Он работает в трамвайном депо в Страшнице. Он водитель и может быть на маршруте до конца рабочего дня.

– А как насчет друзей, которые были с ним тем вечером? – спросил Новотны.

Бармен пожал плечами.

– Я иногда встречал их здесь с Антоном, но они не постоянные посетители. Не знаю их имен, извините.

Если бы Виктор верил в подобные вещи, то он бы решил, что так распорядилась судьба.

Профессор Романек уехал в Млада-Болеслав по делам, откуда позвонил своему секретарю, чтобы предупредить, что останется на ночь в городе, так как погода ужасная. Это был последний телефонный

звонок, который раздался в замке до того, как оборвались все линии связи.

Виктор подождал, пока Платнер закончит обход и удалится к себе в комнату, затем встретился с Юдитой и рассказал ей о своем плане провести еще один сеанс наркосинтеза; его тон был решительным и не терпел возражений.

– Я не смогу тебе помочь, если ты собираешься проделать это со Скалой, – испугалась она. – Он слишком опасен.

– Но именно через него и проявил себя Хоббс.

– А про Павла Зелены ты забыл? – Она закусила губу и нахмурилась. – Лучше проведи сеанс с Зелены. Он тоже опасен, но со Скалой не сравнить. Ярость Скалы неуправляема.

Виктор задумался на мгновение и покачал головой.

– Нет, это должен быть Скала. Понимаешь, Хоббс был более... более убедительным, когда говорил через Скалу. И вообще, я не готов поверить, что Хоббс способен перемещаться из сознания одного пациента в сознание другого. Что он какая-то... я не знаю, психическая инфекция. Когда Хоббс говорил через Скалу, его знания об убийствах принадлежали Скале. Это то, чем я должен руководствоваться в своих действиях.

– Нет, – решительно сказала Юдита. – При первой же возможности Скала убьет нас обоих.

– Я обещаю, что позабочусь, чтобы у него не было такой возможности. Я дам ему максимальную дозу транквилизаторов и надену на него смирительную рубашку. Доверься мне, Юдита. Это единственный способ. Я должен понять, что происходит.

Она взглянула на него с особым выражением, будто уже приняла решение, но думала, как сообщить о нем. Это заставило ее выглядеть сурово и привлекательно одновременно.

– Скала будет под действием лекарств с самого начала? И в смирительной рубашке? – спросила она.

– Я обещаю.

Юдита кивнула, как будто прыгнула в воду.

– Что я должна делать?

– Мне нужно, чтобы ты проскользнула в комнату охраны, когда дежурный уйдет на обход, и отключила магнитные замки и

сигнализацию «палаты пациента номер шесть». Тогда я смогу вывезти Скалу в башню.

– Почему бы тебе не провести сеанс в его палате? Я могу записать все, что он говорит, нам не потребуется для этого магнитофон. Тебе не кажется, что перевозить его в башню – это дополнительный риск?

– Не заставляй меня объяснять, я понимаю, что подобный подход не научен, но, похоже, комната в башне важна для Хоббса, как своего рода проводник.

– Ты прав, науки в этом ни на грамм. А как же Младек? Он тоже говорил как Хоббс, но это происходило в его палате, а не в башне. Все же я думаю, что это неоправданный риск.

– Доверься мне, Юдита. Я все обдумал.

– Как ты введешь ему лекарства? Стоит тебе войти в комнату без сопровождения санитаров, он прикончит тебя.

– Я уже сказал дежурному, что мне понадобятся два санитаря, чтобы сделать укол. Я сказал, что Скала страдает от нарушений сна и что инъекция поможет ему заснуть. К тому времени как я смогу пробраться к нему в палату, то есть примерно через час, Скала уже будет спать. Я надену на него смирительную рубашку и довезу до комнаты в башне на инвалидной коляске.

Юдита на мгновение задержала на нем свой взгляд.

– Хорошо. Когда мы приступим?

Виктор улыбнулся.

– Смена караула обычно в семь. Повторю еще раз, твоя задача проникнуть в комнату охраны и отключить замки. Я встречу тебя в башне, как только смогу. Главная сложность в том, что мне надо пройти через лазарет, а Кракл будет на дежурстве. Хотя он ленивая свинья, но он, тем не менее, никогда не покидает рабочее место, просто отсиживается там и читает «Фелькишер беобахтер»^[48] или что-то в этом роде.

– Ты понимаешь, что такая выходка будет стоить тебе работы? И мне тоже?

Виктор мрачно кивнул.

– На другой чаше весов то, что мы сможем разобраться, что происходит с Хоббсом и Филипом.

– Ты уверен, что есть связь? – спросила Юдита.

– Я знаю, что это звучит как бессмыслица, но да, я уверен.

Виктор знал, что самое главное – вести себя уверенно. В конце концов, он был врачом и имел право находиться там, где считал нужным, поэтому к «палате номер шесть» он шел спокойной походкой.

С Юдитой было сложнее. У нее не было причин заходить в комнату охраны. Если ее застанут там, она не сможет найти правдоподобного объяснения.

В семь часов вечера свет во всей клинике притушили, и Юдита внутренне поблагодарила архитектуру замка за подаренные ей темные переходы. Мелькнула мысль, что она сошла с ума и творит невесть что. Но сумасшествия было более чем достаточно не только в этом замке, но и за его пределами. Может быть, подумала она, безумие скоро станет настолько обычным явлением, что его перестанут признавать безумием. Она оглянулась. Еще не поздно соскочить, запереться у себя в комнате и забыть обо всем, как о страшном сне. Но Виктор зависит от нее. Виктор убежден, что должен сделать это, и она ему поможет.

Юдита прислушалась. Со стороны поста охраны не доносилось ни звука. Она сняла туфли и зажала их в руках, чтобы никто не услышал, как она крадется по каменному полу.

Никем не замеченная, она прошмыгнула в заветную дверь... и чуть не потеряла сознание, увидев, что дежурный все еще сидит за своим столом напротив щитка со множеством переключателей, среди которых был и нужный ей. Мужчина сидел спиной к ней, но, должно быть, что-то услышал, – она поняла это по тому, как он напрягся. Юдита проворно отступила и спряталась за дверь в коридоре.

– Есть кто? – настороженно произнес дежурный.

Услышав его голос, Юдита с громко бьющимся сердцем огляделась. Послышался звук отодвигаемого стула. Единственное место, где можно было укрыться, – выступ арки. Она на цыпочках подбежала к нему и прижалась спиной к холодной каменной кладке.

В дверях комнаты появился дежурный. Постояв немного, он вернулся за ключами, чтобы начать обход. Если он двинется в ее направлении, ей конец. Она на секунду задержала дыхание, боясь выдать себя. Но все обошлось – дежурный не спеша зашагал в противоположном от Юдиты направлении. Она перевела дух, подождала, когда он отойдет подальше и прошмыгнула в комнату.

Ей потребовалось время, чтобы разобраться, на какие рычажки нужно нажимать. Как только ее рука потянулась к щитку, что-то внутри дрогнуло. «Это безумие», – снова сказала она себе. То, что они затеяли, было смертельно опасным. Потом она подумала о Викторе, о его уверенности, о решимости помогать другим.

И она отключила замки.

Виктор заставил себя сосредоточиться на выполнении поставленной задачи. Это было непросто. С тех пор как Хоббс говорил через Скалу, с тех пор как капитан Смолак подтвердил его худшие подозрения в отношении Филипа, он был переполнен вопросами, которые ждали ответа. Все сводилось к тому, чтобы узнать правду у Хоббса. Но сначала нужно выудить Хоббса из Скалы.

Он подошел к кладовке, в которой заранее оставил кресло-каталку и смирительную рубашку, в надежде, что никто их не возьмет. Пока все шло по плану: ни у дежурного, ни у санитаров не возникло сомнений относительно «ночных» инъекций. В целях безопасности санитары, приставленные к Скале, постоянно чередовались и не могли знать, правда ли у пациента были проблемы со сном. Они беспрекословно выполнили указания Виктора, и все, что ему осталось, это перевезти Скалу в башню, а потом, как какому-нибудь средневековому некроманту, вызвать мистера Хоббса.

Коляска и смирительная рубашка были на месте. Забрав все необходимое, Виктор открыл дверь в крыло для пациентов и направился к шестой палате.

Он с облегчением понял, что Юдита справилась со своей частью миссии: магнитные замки были отключены.

В палате Скалы было темно. Виктор почувствовал, как учащается его пульс: если он просчитался, если Скала не отключился под воздействием лекарств, его ждет ад. И не только его: выбравшись из палаты, Скала может проникнуть куда угодно. Все обитатели замка станут его игрушками. От одной мысли об этом холодело внутри; он представил, как Скала калечит людей, натянув на себя лицо Виктора, как маску.

– Войтич? – тихо позвал Виктор.

Дрожащими пальцами он нащупал выключатель, и палату залил яркий свет. Скала лежал на диване. Виктор собрался с духом и подошел к нему. Пациент дышал глубоко и ровно – лекарство

подействовало. Виктор попытался надеть на него смирительную рубашку, но это оказалось непросто. Лицо стало мокрым от пота. Потеря времени грозила встречей с дежурным охранником, который производил обход.

В конце концов он справился с этой чертовой рубашкой, усадил Скалу в кресло, вывез в коридор и чуть ли не рысью бросился в сторону башни. Дважды он останавливался, потому что ему казалось, что он слышит звук шагов, в третий раз он остановился для того, чтобы открыть и запереть за собой дверь перехода.

Юдита ждала его у комнаты для сеансов. Она жестами показывала ему, что нужно поторопиться. Однако угол наклона пандуса и вес Скалы не позволяли быстро управлять креслом, и в какой-то момент Виктору показалось, что он не справится и коляска с грохотом покатится вниз.

Юдита, увидев, что Виктору нужна помощь, бросилась вниз. Вдвоем они кое-как завезли кресло со Скалой в комнату, после чего Юдита обеими руками осторожно закрыла дверь и повернула ключ в замке.

Вдруг они ощутили, что попали в иной мир. В комнате было темно. Эта темнота была всепоглощающей, такой, какую искал одержимый художник в истории Доминика Бартоша. Юдита осознала, что они с Виктором заперты в полной темноте с маньяком, на счету которого бесчисленное количество убийств. Ее все сильнее охватывала паника.

Комнату осветила вспышка пламени от зажигалки Виктора, по стенам заплясали извивающиеся тени. Он нашел настольную лампу и включил ее.

– Помоги мне переложить Скалу на кушетку. Нужно пристегнуть его.

– А как насчет смирительной рубашки? Ты же не собираешься ее снимать?

Виктор взглянул на пациента, который начинал шевелиться, хотя лекарства еще действовали.

– Мы оставим его в рубашке и привяжем лодыжки к кушетке. Он не сможет причинить нам вреда.

Юдита взяла Скалу за ноги, а Виктор за плечи, и они с трудом перетащили его из кресла-каталки на кушетку. Юдита тут же затянула

ремни на мясистых лодыжках.

Они постояли немного и отдышались. В глазах обоих светилась решимость. Затем Виктор подготовил небольшую дозу стимулятора, чтобы Скала мог прийти в себя и говорить. Он постоял минуту с поднятым в руке шприцем.

– Ты готова?

– А ты? Ты уверен, что хочешь пройти через это? – спросила она, мягко дотронувшись до его руки.

– Я должен узнать, – сказал он. – Я должен все выяснить.

Помрачневшая Юдита кивнула и включила магнитофон.

Виктор осторожно ввел Скале стимулятор, ровно столько, чтобы он мог прийти в сознание.

– Войтич, – позвал он пациента. – Войтич, вы меня слышите?

Скала невнятно забормотал, открыл глаза наполовину и снова закрыл. Все тело было безвольным. Наблюдая за ним, Юдита не могла представить, как в таком состоянии он сможет сказать что-то сам, а тем более от лица Хоббса.

– Слишком сильная доза наркотиков, – прошептала она. – Он неспособен...

Виктор с нетерпением покачал головой и снова повернулся к Скале.

– Войтич... Мне нужно поговорить с мистером Хоббсом. Мне нужно, чтобы мистер Хоббс вернулся, понимаете?

Минуту все молчали. Затем тишину прервали два звука. Первым прозвучал голос, знакомый Юдите по записям, – низкий и гулкий, от которого сжималось все внутри.

– Я здесь, Виктор. Я обещал, что вернусь, – сказал мистер Хоббс. – Помните, я говорил вам, что у меня есть незаконченное дело.

Второй звук был пронзительно-оглушительным. Он отозвался эхом в сводчатом потолке круглой комнаты.

Это кричала Юдита.

Снег снова сменился дождем. Сугробы покрылись корочкой наста, и перед трамвайным депо в Страшнице блестели маслянисто-черные

лужи. Грязный снег, собранный в кучи, лежал по обочинам, линии трамвайных путей переплетались, образуя причудливый серебряный узор на брусчатке.

Антон Зауэр был человеком крепким. Одет он был в комбинезон, под которым виднелся толстый свитер. Он вышел из депо и направился к Смолаку и Новотны, поджидавшим его у входа.

Лукаш Смолак показал Зауэру свой полицейский жетон.

– В чем дело? – Зауэр говорил по-чешски с сильным немецким акцентом. Его глаза сузились.

Смолак объяснил, что они хотели бы поговорить с ним об инциденте возле бара.

– Так это не за мной нужно охотиться, а за другим, – решительно сказал он и, потянув за рукав свитера, показал белую повязку на предплечье. – Двенадцать стежков потребовалось. Шрам останется на всю жизнь, так сказал доктор. Так что это не меня вы должны искать, а этого ублюдка...

Смолак поднял руку и остановил Зауэра.

– Мы как раз его и ищем. Вы мне интересны только как свидетель. Зрачки Зауэра расширились.

– Я так и знал! Я сразу понял, что он способен натворить дел. Если бы вы видели его, если бы вы видели его глаза. Он был готов убить нас всех. Я могу описать его. Я очень хорошо рассмотрел его и никогда не забуду.

– У нас уже есть его описание, – сказал Новотны и стал зачитывать вслух, раскрыв записную книжку.

Смолак внимательно наблюдал за лицом Зауэра.

– Что-то не так? – спросил он, когда сержант закончил читать. – Разве что-то неправильно?

– Да он совсем другой! Мужик, который ранил меня, выглядел по-другому. Где вы взяли это описание?

– Оно составлено со слов его друга, – ответил Новотны.

– Друга? – вылупил глаза Зауэр.

– Да, друга, который был с ним той ночью в баре, а затем на улице, – кивнул Смолак. – Он пытался успокоить и остановить его.

Зауэр покачал головой и пробормотал раздраженно:

– Не понимаю, о ком вы говорите? Не было там никакого друга. В ту ночь с ним никого не было. Он был один.

– А в баре? В баре с ним был друг? – спросил Смолак.

– И в баре он был один. Мы вышвырнули его на улицу, потому что он разговаривал сам с собой, а нас называл кроутами, скопчками, в общем, по-дерьмовому. У него совсем, видно, сорвало крышу. Он напал на нас, и мы выгнали его. Он ждал нас снаружи, спрятался в тени. Мы вышли, и он набросился на меня.

– То есть вы уверены, что он был один? – спросил Смолак.

– Абсолютно уверен. С ним никого не было, и я хорошо разглядел его. Он выглядел совсем не так, как вы описываете.

Смолак обменялся взглядами с Новотны. Детектив-сержант выглядел смущенным, он ничего не понимал.

– В таком случае, – сказал Смолак, – попрошу вас описать обидчика, герр Зауэр.

Тот описал.

Стоя под холодным дождем перед входом в трамвайный парк и слушая водителя трамвая, Лукаш Смолак чувствовал, как внутри поднимается обжигающая темная волна. Он схватил Новотны за локоть и потащил к припаркованной машине.

– Нам нужно добраться до Орлиного замка, – сказал он на бегу. – Срочно.

Юдита подавила крик, прижав ладонь ко рту. Она застыла, ее способность двигаться и рассуждать прервалась вместе с криком. Это было очень страшно – услышать живую голос Хоббса, который она слышала только в записи, набирая на пишущей машинке все, что он произносил.

Она посмотрела на Скалу: тот лежал на кушетке с закрытыми глазами, его губы слегка шевелились, но сам он не двигался, глаза его были закрыты. Голос Хоббса исходил не от него.

– Я не знаю, чему ты так удивляешься, – сказал Хоббс, и она, не желая верить в это, повернулась к Виктору. Он злорадно улыбался, а его жесткая красота превратилась просто в жестокость. – Подумай сама, как одним и тем же голосом могут говорить разные пациенты? И разве может одна и та же сущность жить в разных телах? Ты

действительно так глупа? Старый дурак Романек поверил в существование неких психиатрических вирусов, чтобы объяснить это. Неужели никто из вас не подумал, что единственным человеком, единственным, кто присутствовал каждый раз, когда я говорил, был Виктор Косарек? Никто не видел, как я появлялся, вы только слышали мой голос в записи.

– Виктор, – умоляюще пролепетала Юдита. – Виктор, тебе нужна помощь. Позволь мне уйти и позвать кого-нибудь.

– Я не Виктор, – услышала она. – Ты знаешь, кто я. Я не притворство, я не суеверие – я реальность. Виктор Косарек – одно из моих обличий. Никто из вас не обнаружил этого, хотя, впрочем, были и исключения. Этот псих на железнодорожной станции Масарик, ну, тот, кого застрелили, – он узнал меня. У него был дар, способность видеть меня и мне подобных, но у него не хватило ума скрыть этот дар, поэтому его приняли за сумасшедшего и застрелили. Но он сразу понял, кто я. И эта старая ведьма в деревне, Ружена, она тоже видела меня таким, какой я есть на самом деле. И Леош Младек, Клоун, видел меня сквозь маску Косарека. Он сказал мне, что знает, кто я, и я – я! – заставил его сделать грим Арлекина. Мне хотелось, чтобы он ощутил себя на моем месте. Но все остальные были слепцами.

Юдита лихорадочно огляделась, хотя знала, что отсюда не убежать, эта башня была заколдованной.

– Ты убил Младека из-за этого? – спросила она, пытаясь взять себя в руки. Она решила, что ей нужно поддерживать разговор с Виктором, то есть с Хоббсом. По крайней мере, так она потянет время... до чего? – На самом деле Клоун не нападал на тебя?

– Ты что, не слышала, что я сказал? Он видел меня таким, какой я есть. И он наскучил мне своими утомительными уверениями в собственной невинности. Он обвинил меня в том, что это я проделал все эти мерзости с глупыми детишками, не понимая, что внутри него заперт его собственный демон. Младек боялся меня, и когда я приказал ему снова стать Арлекином, он сделал, как я велел. А затем я разбил его голову об пол. Нет, Младек не нападал на меня. Но твой любовник, я о Косареке говорю, думал, что все было иначе. Он все помнит так, как я ему говорю. На этот раз, например, он вспомнит, как его избивал Скала, оправдывая свое прозвище Демон. И он будет помнить все те ужасные вещи, которые Демон проделает с тобой. Они запечатлятся в

его подкорке навсегда, но он так никогда и не узнает, что я использовал его тело, чтобы выпотрошить тебя. О нет, он будет помнить, что это сделал Скала, но не он по моему приказу.

Юдита посмотрела на магнитофон. Катушки все еще вращались. По крайней мере, останется запись. По крайней мере, после ее смерти, после того, как они найдут ее тело, все узнают правду.

– Я не понимаю, – сказала она, все еще пытаюсь вести разговор, хотя и знала, что шансов нет, – путь к единственной двери был перекрыт: Хоббс, он же Виктор, отрезал ей путь к отступлению. – Я не понимаю, как долго ты был частью Виктора?

– Суеверия имеют под собой основания, девочка. Чтобы дьявол переступил порог, его нужно пригласить. Виктор пригласил меня войти. Он нашел меня и разбудил от долгого сна. Я не могу вспомнить этого отчетливо, возможно, я в то время отдыхал между жизнями на дне Чертова озера. Там мне самое место, не так ли? Мы с Виктором встретились на Чертовом озере, наверное, так.

– Ты говоришь о несчастном случае? – спросила Юдита, продолжая судорожно обыскивать комнату взглядом в поисках какого-нибудь предмета, чтобы защититься. – Ты имеешь в виду тот день, когда утонула твоя сестра?

– Не моя сестра – его. Но да. С того времени.

Юдита поняла – травма от потери любимой сестры и послужила катализатором раскола личности. Пустота и боль будто топором разрубили идентичность Виктора. Она вспомнила свой собственный срыв, из-за которого пришлось оставить учебу. Ей помогло не столько лечение, сколько то, что она справилась с собой волевым усилием. Значит, теперь ей нужно воззвать к воле Виктора.

– Я хочу помочь тебе, Виктор, – сказала она. – Я очень хочу увидеть, как ты выберешься из этого. Я...

– А ты действительно глупа, еврейская сука, – голос стал злым. – Ты что, не способна понять, что я не Виктор Косарек? Я не придуманный им аспект дьявола, я – большой любитель сворачивать детские шейки, похититель и растлитель женщин, убийца тысяч. Я – мистер Хоббс, которого называли Джеком Потрошителем, я – Питер Стамп, я – Жиль де Ре, я – Питер Нирс. Я – Кристман Герпентеинг^[49]. Я – Ян Черное Сердце. И я – Кожаный Фартук. Все имена зла и боли – это я. Я вечен и бессмертен. – Виктор шагнул ближе, приблизился к ее

лицу. – Но я знаю, кто ты, сука. Ты – *фотце*. И тебе пора подготовиться. То, что произойдет с тобой сейчас, будет очень, очень больно, но это ничто по сравнению с ужасами, которые ожидают тебя, как одну из моих спутниц, в бесконечном пространстве между жизнями.

– Подожди... – подняла руку Юдита. Пусть говорит, пусть. Если он потеряется в собственном бреде, может быть, она совладеет с ним. – Я до сих пор не понимаю. А что случилось с Филипом Старостой? Что ты с ним сделал? Ты выставил его убийцей, и сейчас его ищет полиция. Это очень умный ход, мистер Хоббс. Очень умный ход. Ты убил его?

Виктор покачал головой, словно разочаровавшись в Юдите.

– Ты действительно глупа. Никакого Филипа Старосты не существует. Его никогда не было, он нужен был мне лишь для удобства, чтобы я мог выполнять свою работу. Он – одно из воспоминаний, которые я запечатлел в памяти Виктора Косарека. Косарек верит, что Староста существует, но это лишь способ отвлечь его от сомнений в себе. Филип Староста – это на самом деле тень Виктора, его альтер эго, но к тому времени, когда полиция поймет это, ты уже умрешь.

Виктор вытащил из кожаного пенала на столе наполненный шприц и подступил к ней ближе.

Юдита отшатнулась, но он схватил ее за запястье и резко притянул к себе. Она что было сил пнула его каблуком по ноге, но мистер Хоббс, казалось, действительно существовал независимо от телесной оболочки.

Сопротивляясь, она толкнула его вперед, и они вдвоем рухнули на маленький стол. Юдита протянула руку, чтобы найти точку опоры и нащупала стеклянную пепельницу. Собрав воедино все силы, которые в ней оставались, она ударила Виктора в висок. Его хватка ослабла, и Юдита, яростно крича, начала бить его по голове пепельницей, обрушивая удар за ударом, пока его лицо не стало багровым от крови. На мгновение, не более чем на секунду, она увидела замешательство и боль в его глазах. Она увидела Виктора, а не Хоббса.

Он сомкнул веки, соскользнул со стола и тяжелым мешком рухнул на каменный пол. Пепельница со звоном разбилась, выпав из ее рук, и

этот звук вывел Юдиту из оцепенения. Зовя на помощь, она бросилась к двери.

Гремя замками и дергая за ручку, она боролась с дверью, но та не поддавалась.

Юдита обернулась. Мистер Хоббс стоял за ее спиной, из раны на виске текла кровь, но огонь в его глазах – глазах Хоббса – горел с прежней силой.

Шею кольнуло, и по капиллярам начал растекаться холодный инъекционный раствор. Тусклый свет в комнате померк. Тени становились чернее, разрастались, двигались, оживали.

– Прежде чем ты умрешь, – холодно сказал Хоббс, – тебе предстоит открыть для себя многое. Ты будешь удивлена, сколько боли и страха я могу принести. Но сначала я покажу тебе, почему мы здесь, в этом месте. Я покажу тебе врата в ад.

10

Смолак выругался, бросив трубку на рычаг. Они с Новотны добрались до ближайшего полицейского участка, чтобы позвонить в замок. Но оператор сказал, что линия оборвана.

– Ладно, поедем, – сказал он Новотны. – Хотя при такой погоде черта с два туда доберешься.

Смолак покачал головой, как будто она вдруг потяжелела.

– Это моя вина.

– Что? – нахмурился Новотны.

– Цора Мирга. Когда я ездил в клинику, то в разговоре с Косарекком упомянул, что собираюсь встретиться с ней. Косарекк и был тем, кто подкинул идею кражи ключей Тобару Бихари. Косарекк был Бэнгом, дьяволом, заставившим цыгана наблюдать за тем, что он делал с Марией Леманн... И я, я направил его к Цоре. Я был слишком глуп, чтобы сопоставить факты. Косарекк был в Праге той ночью. Он был в квартире Старосты, потому что он и был Старостой.

– Вы не могли знать, – сказал Новотны. – Это все за пределами разумного, за пределами понимания.

Смолак не ответил.

– Мне нужно, чтобы вы дозвонились майору Хромику из управления полиции Млада-Болеслава, – обратился он к дежурному полицейскому. – На дежурстве он или нет, мне все равно. Достаньте его из-под земли. Скажите, что мы уже в пути и будем где-то через час или около того. Возможно, нам понадобится какой-нибудь транспорт, который может передвигаться по снегу, чтобы добраться до замка.

Полицейский кивнул, и Смолак повернулся к Новотному:

– В путь.

11

Юдита начала приходить в себя. Сознание возвращалось к ней не сразу, но разбитый на осколки мир все же медленно собирался. Она ощутила странный металлический привкус во рту, вероятно, это был побочный эффект от наркотика, вколотого ей Виктором. Несколько мгновений она пребывала в пустоте, не понимая, кто она и что с ней случилось, но какой-то первобытный инстинкт заставил ее запаниковать, подсказав, что ее жизнь зависит от того, насколько быстро она сможет все вспомнить.

Беспощадной артиллерийской очередью, одна за другой, в голове стали возникать картинки. Она вспомнила о Викторе, человеке, которого любила, а затем вспомнила, что кто-то другой влез в его плоть. Она вспомнила о Хоббсе.

И она вспомнила, что должно было с ней произойти.

Было холодно и сыро, воздух был спертым. Юдита огляделась и увидела, что находится в каменной пещере, тускло освещенной по углам тремя масляными лампами. Пол под ней был вымощен гладкими неровными булыжниками, которых она никогда не видела в замке... Если это все еще был замок.

Юдита попыталась подняться, но ноги подкосились – под воздействием наркотика она не могла контролировать свои движения. Она удивилась, обнаружив, что ее не связали, но потом поняла, что в этом не было необходимости: ее заперли в каменном мешке. Ощупывая влажные булыжники, Юдита поползла, и у нее возникло ощущение, что она спускается в бездну: пол был покатым. Скорее всего, это был туннель.

Лампы. Она решила взять одну из ламп и посмотреть, что скрыто в темноте. Мелькнула мысль: «А вдруг?..» – но здравый смысл подсказывал, что спасения ей не найти.

Из дальнего угла, до которого не доходил скудный свет ламп, донесся шорох – кто-то прятался в тени. Или кто-то *был* тенью. Она помнила по записям, которые расшифровывала, как пациенты описывают тени: они сливаются и принимают форму. Юдита испугалась, что тоже начинает сходить с ума.

Виктор. Внезапно ее поразила мысль, что это может быть Виктор – наблюдает за ней из тени. Извращенная, двойственная личность, он обдумывает ее смерть.

Она схватила ближайшую к ней масляную лампу, готовая в любую секунду бросить ее в убийцу. Пятно света продвигалось вместе с ней, рябью мелькали булыжники. Показались ноги в штанах песочного цвета. Руки стянуты смиренной рубашкой. Скала... Он сидел на земле, прислонившись спиной к каменной стене. Его зрачки расширились от ужаса.

– Дьявол, – прошелестел он, и Юдита поняла, что наркотики все еще действуют. – Разве ты не видишь, он действительно дьявол. Дьявол придет за нами. Он вернется... Ты должна мне помочь.

Юдита проигнорировала его слова.

– Ты не можешь отдать меня дьяволу, – умолял Скала. – Ты должна помочь мне. Мы должны помогать друг другу. Ты поможешь мне, а я помогу тебе. Мы оба пленники. Ты должна освободить меня.

Мысли Юдиты путались. Она знала все о жестокости этого человека, но сейчас перестала понимать что-либо. На пленке он говорил голосом Хоббса. Но, как оказалось, Хоббсом был Виктор.

– Пожалуйста!

Она заглянула в глаза Скале. В эти глаза смотрели многие в последние минуты своей жизни, но теперь в них не было ненависти. Был только страх.

– Куда он ушел? – спросила она. – Где доктор Косарек?

Юдита была удивлена, когда Скала кивнул в сторону камня позади нее.

– Стена. Он прошел сквозь стену.

Она вздохнула и покачала головой. Бесполезно, у Скалы галлюцинации.

– Дверь, – сказал он. – Там есть дверь.

– Как он ее открыл? – скороговоркой спросила она.

Глаза Скалы потускнели. Юдита схватила его за плечи и попыталась сильно встряхнуть, но он был слишком тяжел, и у нее ничего не получилось. Тогда она с размаху дала ему пощечину.

– Дверь, Войтич, как он открыл дверь?

Скала покачал головой.

– Я не видел.

– Ты можешь подняться на ноги? – спросила она. – Мне кажется, мы в туннеле. Давай попытаемся...

– Нет! – закричал Скала. – Только не туда. Это дорога в ад.

– Но все же это лучше, чем умереть здесь, – возразила она, хотя и ее охватил животный страх.

– Освободи меня, – попросил Скала. – Пожалуйста,ними с меня смирительную рубашку.

Юдита снова заколебалась. Если она снимет с него рубашку, ничто не помешает ему убить ее. Но если она оставит все как есть, многое ли изменится?

– Ну же, поторопись! – настаивал Скала.

Юдита Блохова была женщиной, была еврейкой, и этого было достаточно, чтобы видеть в ней жертву. Но сама она была другого мнения о себе. Она приняла решение и начала торопливо расстегивать латунные застёжки на кожаных ремнях рубашки. Выпустив одно зло, она, если повезет, сможет противостоять другому, большему злу. Если она сумеет держать все под контролем, маньяк-убийца станет ее союзником в предстоящей битве...

В эту секунду за ее спиной раздался скрежет, как будто камень терся о камень.

До Млада-Болеслава они доехали намного быстрее, чем рассчитывал Смолак. Трасса была расчищена от снега, и осадки прекратились.

Как только они с Новотны прибыли в полицейское управление, капитан еще раз попытался дозвониться до клиники, но линию все еще

не восстановили.

Через несколько минут после их прибытия появился майор Хромик и сказал, что организовал для них подходящий транспорт. У Хромика были пронзительные зеленые глаза, в которых не было ни намека на раздражение из-за внезапного вызова.

Когда Смолак поделился с майором своими подозрениями, начальник местной полиции совсем не удивился.

– Я не суеверный человек, – сказал он. – Но я вырос в тени этого места, а любой местный скажет вам то же самое: для нас Орлиный замок – это Замок ведьм. Он притягивает зло, как магнит. Я хотел бы, чтобы поскорее закрыли эту чертову клинику и взорвали замок.

– Мне нужно как можно скорее добраться туда, – сказал Смолак.

– К вашим услугам, капитан, военная полуторка из местного гарнизона. У меня есть трое ребят, они поедут с нами.

– Чем раньше мы доберемся, тем лучше. – Смолак нетерпеливо посмотрел на часы.

– Я бы не стал слишком беспокоиться о времени, – покачал головой Хромик. – Из того, что вы сказали, я понял, что подозреваемый не знает, что вы вычислили его, и ситуация с погодой сейчас на руку и ему, и нам. Он не сможет сбежать из-за снегопада. Мы сцапаем вашего маньяка, капитан Смолак, не волнуйтесь.

13

В проеме открывшейся двери стоял Виктор. Юдите хватило времени, чтобы рассмотреть, что находится за его спиной. Она увидела ту самую комнату, в которой Виктор проводил свои сеансы. Он нашел потайную дверь и изучил все ходы под замком. Он незаметно исчезал и возвращался... Совсем как Ян Черное Сердце.

Косарек подскочил к ней в один прыжок, и его кулак описал в воздухе уверенную дугу. Темнота внезапно вспыхнула ярким светом, и Юдита на мгновение отключилась. Очнувшись, она беспомощно наблюдала, как Виктор наклонился над Скалой; громила съежился, не имея возможности защитить себя.

– Все в порядке, Войтич, – сказал Косарек голосом Хоббса и вонзил шприц в шею Скалы. – Тебе нечего бояться.

Тело Скалы обмякло.

Юдита увидела, что потайная дверь осталась приоткрытой. Собрав все силы, она вскочила и бросилась к ней, но Виктор подставил ей подножку, и она полетела на пол. Раздраженно вздохнул, он схватил ее за лодыжку и потащил по булыжникам от освещенного дверного проема.

– Я нашел дверь вскоре после того, как приехал сюда. – Косарек тащил ее, как хищник тащит свою добычу в логово, а говорил так, словно они коротали время на автобусной остановке. – Эту дверь искали столетиями, но именно я обнаружил ее. Я просто понял, где она может быть. Было такое чувство, что я всегда знал, что она там. Странно, да?

Он наклонился, взял в руки одну из масляных ламп и потащил Юдиту дальше. Булыжники вскоре сменил песок, смешанный с камнями.

– Некоторое время этот замок использовали как тюрьму, – продолжил Виктор. – Здесь держали не только Яна Черное Сердце, но и пленных в Тридцатилетней войне. Врата ада... Об этом многие говорили. Хозяева замка пообещали освободить пленников, если те спустятся к этим вратам, а потом, если повезет вернуться, расскажут об увиденном. – Виктор схватил Юдиту за локоть и поднял на ноги – неровная поверхность пола не давала ее тащить. Он толкал ее в спину, заставляя идти вперед. – Никто не хотел оказаться в аду, но некоторые все же согласились. Те из них, кто вернулся, сошли с ума. Да, Юдита, это действительно врата в ад. Вот почему меня притягивает это место, я тут в своей стихии, это мой дом.

Юдите стало трудно дышать. Стены туннеля сужались, воздух стал сухим.

– Виктор... Виктор, пожалуйста... вспомни, кто ты. Я могу тебе помочь. Я хочу помочь тебе...

Косарек остановился и повернул ее к себе. В луче света от масляной лампы, направленном вверх, черты его лица стали угловатыми. Теперь он не был красивым, как раньше казалось Юдите, – он выглядел как дьявол.

– Виктора здесь нет, – сказал он голосом Хоббса. – Виктора здесь никогда и не было. Виктор был ширмой. Маской, которую я натянул на себя.

– Я не верю тебе. Ты сам себе не веришь. В глубине души ты должен знать, что это заблуждение. Ты – Виктор. Хоббс – это поврежденная часть твоего разума. Но это можно исправить...

Он тихо засмеялся, и этот смех еще больше напугал Юдиту.

– Я тот, кто я есть на самом деле, и я займусь тем, чем мне должно заниматься. Я выпотрошу тебя, как сделал это с другими. Я отделию твою душу от тела, чтобы ты могла служить мне в промежутках между жизнями. – Он приблизил свое лицо вплотную к ее. – Ты поймешь, Юдита. Когда я вырежу из тебя внутренности и поднесу к твоим глазам, ты поймешь, что между плотью и разумом нет ничего общего.

Он снова заставил ее идти вперед. Вскоре они оказались в большой пещере. Виктор толкнул ее, и Юдита упала на пол, выложенный каменными плитами. Она сжалась, но ничего не происходило. Отставив масляную лампу, Виктор обошел пещеру, зажигая настенные факелы. Юдите показалось, что там был еще кто-то. Когда факелы разгорелись, она закричала. На нее смотрел дьявол. Из безволосой головы росли толстые витые рога, глазницы были пустыми, рот, полный длинных острых зубов, скривился в ехидной ухмылке.

Маска Перхты.

Она поняла, что это маска, висящая на стене в углу, и перевела дух. И тут же снова вскрикнула. Рядом с маской висел длинный кожаный фартук, потемневший от кровавых пятен. А чуть правее фартука... А чуть правее фартука свет мерцал на длинном лезвии ножа.

Юдиту затошнило, но главное потрясение ждало ее впереди.

На возвышении стояло огромное средневековое кресло, больше напоминавшее трон. Над креслом к стене был прикреплен деревянный щит с гербом, на котором была изображена геральдическая фигура крупного человека с головой медведя.

В кресле сидел мужчина, взгляд его мертвых глаз был направлен на Юдиту. Должно быть, из-за необычно сухого воздуха в пещере мертвец мумифицировался. Его одежда не истлела, а лишь покрылась вековой пылью. Высохшие руки лежали на подлокотниках, нога закинута на ногу, открывая взгляду прекрасно сохранившиеся сапоги.

Ян Черное Сердце.

– Он великолепен, ты не находишь? – сказал Виктор голосом Хоббса. – Мое прежнее обличье. Я любил это обличье даже больше, чем то, в котором прогуливался по замызганным улицам Лондона. – Он обвел пещеру рукой. – Как тебе здесь? Меня – меня! – пытались замуровать здесь много столетий назад, не понимая, что это невозможно.

– Виктор, – умоляюще пролепетала Юдита, – это просто легенда, которую я же и рассказала тебе. Не ужели ты настолько поверил в нее? – говоря это, она покосилась на мертвеца. Затем посмотрела на маску дьявола и кожаный фартук, на нож, которым будет взрезана следующая жертва. «Я не буду жертвой, – сказала она себе. – Я не поддамся ему». Она мысленно измерила расстояние до ножа, но Виктор, случайно или нет, закрыл его своей спиной.

– Это будет грандиозно, – сказал он. – Роль прислужницы в промежутках между жизнями для тебя маловата – ты будешь моей невестой. Ты заслужила этого.

– Ты сумасшедший, – Юдита сама удивилась, каким спокойным тоном произнесла это. – Ты просто злой извращенец. Тот самый случай, когда девиант получает острые ощущения от причинения вреда женщинам. Психиатр в тебе знает, что это так. Все это дерьмо – не более чем маскарад, ты просто пытаешься приукрасить свои темные делишки. У тебя мания... мания величия, я бы так сказала. Тебе нужна помощь, Виктор. Ты не можешь сам остановиться.

Он смотрел на нее без гнева – и так же, без гнева, занес кулак и взрезал ей в скулу.

– Ты все портишь, – сказал он голосом Хоббса. – Вы все всегда всё портите.

Он подошел к стене, снял с крючка кожаный фартук и надел его, затем натянул на себя маску и взял в руки длинный нож. Виктора больше не было: был Хоббс, был убийца Кожаный Фартук. Юдита должна была признать, что трансформация Виктора Косарека была завершена – он стал дьяволом.

Мерцающий свет настенных факелов поблескивал на лезвии ножа, когда он приближался к ней.

Она вскочила и побежала ко входу в туннель, ведущий к башне.
– Бесплезно, я тебя поймаю, – крикнул он ей вслед.

«Бесплезно, он меня поймает», – эхом отозвалось в голове, но она не остановилась. Неслась по темному туннелю, несколько раз падала, поднималась и продолжала бежать. Ее толкал не страх, а гнев, и она очень хотела жить. Впереди замаячило светлое пятно – на полу горела масляная лампа, но до пещеры, в которой остался Скала, было еще далеко.

Позади в туннеле раздавались шаги, Виктор шел за ней. Расстояние между ними быстро сокращалось. Оглянувшись через плечо, она увидела дьявола со злой кривой ухмылкой – маски Перхты. Юдита закричала. Убегать было бесплезно, она знала это. Даже если она доберется до пещеры, Виктор – Хоббс – схватит ее.

Юдита на секунду остановилась, схватила лампу и бросила в преследователя. Маска, фартук и нож высветились в темноте. Юдита вздрогнула и попятилась. Угодив в живот Виктору, лампа упала и разбилась от удара о булыжники. Полыхнувшее пламя лизнуло фартук и перекинулось на маску, отчего она стала еще более демонической.

И... ничего не произошло. Виктор стоял неподвижно и наблюдал за Юдитой из черных провалов на месте глаз. Теперь она поверила – перед ней был мистер Хоббс, дьявол, вышедший из пламени ада. Огонь не мог причинить ему вреда.

Юдита вышла из оцепенения и побежала. За спиной раздался крик – не боли, а гнева. Виктор бросился за ней. Оглянувшись, она увидела, что пламя не спало. Разгоревшись еще ярче, оно освещало стены туннеля.

Потайная дверь... Если бы она могла попасть в башню... Если бы ей удалось каким-то чудом открыть запертую дверь комнаты и позвать на помощь...

Всего в полтора метра от двери она упала. Виктор бросился на нее сверху и прижал к полу. Пламя погасло, но от его фартука и маски струился дым. Пахло паленой кожей, кровью и смертью. «Это не Виктор, – сказала она себе, когда он поднял нож. – Это не Виктор убивает меня». Юдита отчаянно цеплялась за эту мысль, ожидая удара.

Вдруг что-то большое появилось из тени. Кто-то огромный набросился на Виктора и сбил его с ног. Скала...

Рыча, Войтич Скала катался по полу вместе с Виктором. Юдита не успела расстегнуть все защелки, и Скала все еще был в смирительной рубашке. Он был крупнее и сильнее Виктора, но его движения были ограничены. Воздух разрезал жуткий вой. Оседлав Скалу, Виктор наносил ему удар за ударом ножом: нож вонзался в тело, пробивая толстую холщовую рубашку, кромсал лицо, протыкал глаза. Крик Войтича превратился в бульканье, будто он полоскал рот, и стих.

Юдита, шатаясь, подбежала к приоткрытой двери, всем телом навалилась на нее, и протиснулась в комнату для сеансов. Не теряя времени, она бросилась к другой двери, ведущей из комнаты в башню, и тут позади раздался яростный крик. Виктор ворвался в комнату, весь перемазанный кровью Скалы.

Острые зубы маски Перхты угрожающе скалились. По пути к двери он опрокинул стол, и магнитофон полетел на пол.

Юдита успела поднять задвижку, но Виктор пальцами впился в ее плечи и отбросил ее к стене. Она упала на спину, и Виктор навалился на нее. У Юдиты перехватило дыхание. Он поднес нож к ее лицу. Перед глазами было лезвие, испачканное кровью Скалы.

– А сейчас, – спокойно проговорил он из-под маски, – сейчас ты увидишь настоящие ворота ада. Я покажу тебе, где на самом деле скрывается дьявол.

Тело Юдиты пронзила жгучая боль, руками она царапала пол, пальцы отчаянно искали хоть что-то, чем можно было бы ударить его, но это было напрасное усилие.

Он вытащил нож из ее тела и поднес к лицу. Ткнул острым кончиком в кожу лба, чуть ниже линии роста волос.

Юдита схватила его за запястье обеими руками. Он был силен, но и она не собиралась сдаваться. Хоббс убьет ее, но она не сдастся так просто.

– У тебя такое красивое лицо, – сказал он. – Я срежу его и сохраню в своей коллекции.

Юдита почувствовала движение ножа, лезвие пронзило кожу.

Юдита Блохова готовилась умереть и за шаг до смерти вспомнила свой сон. Сон о том, как она среди многих идет в темный лес, навстречу мрачному будущему. По крайней мере, смерть спасет ее от этого.

Вдруг со стороны двери раздался грохот, затем прозвучал выстрел. Виктор упал на бок, выронив нож.

Она почувствовала, как струйки крови стекают по виску. Ей хотелось глубоко вдохнуть, но легкие никак не могли наполниться воздухом.

Потом она увидела лица, много лиц. Губы двигались, но она не слышала слов. Профессор Романек. Полицейский из Млада-Болеслава. Другой полицейский из Праги, Смолак. Появился Платнер и принялся за работу, останавливая кровь, льющуюся из ее тела.

Она хотела улыбнуться, поблагодарить их, но поняла, что не может пошевеливаться, не может говорить, не может дышать. Свет померк, и она увидела тени на высоком сводчатом потолке. Уродливые тени двигались, корчились, плясали вокруг нее. В конце концов они превратились в теплую черноту, которая поглотила ее.

Эпилог

Чехословакия, 1939

Шли дни. Какие-то из них были спокойными, какие-то становились днями путаницы, бывали и дни грусти, и дни, наполненные ужасом.

К счастью, по большей части дни были спокойными. Они проходили в тихом, приятном созерцании леса, простирающегося внизу за его зарешеченным окном. Виктор обнаружил, что искренне полюбил этот лес, согретый сиянием золотой листвы, оттеняемой темно-бархатной зеленью елей. «Леса были душой мира, – думал он. – Их жизнь куда длиннее коротких, бессмысленных промежутков жизни людей. Леса – хранилища всех воспоминаний, копилки сладких снов и ночных кошмаров, всего того, что считалось позабытым. В лесах хранится вечное утешение».

Ему даже иногда удавалось провести время среди деревьев. Когда Виктора считали достаточно смирным, ему давали успокоительное, а затем доктор Платнер выводил его из замка и прогуливался с ним по окрестным лесам. Эти прогулки всегда проходили в сопровождении двух дюжих санитаров, которые шли за ними по пятам на расстоянии достаточно близком, чтобы схватить Виктора, если внезапно ему привидится что-нибудь или настроение его опасно переменится.

Ему вдруг понравился Платнер. Во время прогулок они разговаривали в основном на немецком языке, но Виктор искренне удивлялся тому, как часто судетцы теперь переходят на чешский язык. Бо льшую часть времени Платнер казался озабоченным, но ему всегда удавалось воспринимать любые заботы, которые приходились на его долю, с бодростью. У Виктора возник соблазн спросить Платнера, не потерял ли он свой значок Судето-немецкой партии, потому что давно не видел, чтобы тот носил его, но почему-то решил промолчать.

Время от времени, проводя часы у окна своей комнаты в наблюдениях за медленным танцем солнечных бликов и теней на деревьях, он хмурился неясным воспоминаниям о том, что когда-то леса пугали его. Давным-давно с ним случилось что-то плохое среди деревьев. Его иногда беспокоило и другое совершенно

неправдоподобное воспоминание: он когда-то чувствовал себя некомфортно в этой комнате, которая располагалась в удалении от других и когда-то использовалась как склад для оборудования.

Иногда он припоминал, что был студентом, венскую больницу, светлую, с большими окнами и побеленными стенами; тогда он был молод, у него впереди было блестящее будущее, и он так хотел впитать свет, знания и мир.

Он вспоминал, как сидел и слушал своего наставника.

– Всякий человек, – говорил доктор Юнг своему нетерпеливому ученику, – видит себя в себе, это он и декларирует миру: «Это тот, кто я есть. Это то, кем я являюсь». Правда в том, что всякий человек, всякое сознание вовсе не является утверждением. Это вопрос. Ваша задача, после того как вы выучитесь, мой дорогой Виктор, найти ответ на этот вопрос в каждом конкретном случае. И самый трудный ответ на этот вопрос будет в вашем собственном случае.

Виктору трудно было вспоминать о многих вещах и тяжело было много думать. Все его мысли были непостоянными, недоформулированными, обрывочными; его разум то и дело склонялся к тому, чтобы непроизвольно переходить от одного убеждения к другому. Это сбивало с толку и не позволяло окончательно понять смысл вещей. И именно тогда, когда подобное случалось, когда на его голову обрушивалось множество воспоминаний и впечатлений, он терял покой. Так наступали дни путаницы и волнений.

В такие дни он изо всех сил пытался разобраться в противоречивых мыслях и воспоминаниях, которые внезапно материализовывались в его разуме, понять, что реально происходило, а что лишь плод воображения, какие воспоминания – его, а какие были навязаны ему другими.

Так, он припоминал, что когда-то работал врачом, был психиатром.

Также он был убежден, что заключен в замке на протяжении десятилетий. Порой ему приходила в голову мысль, что его и вовсе веками держат в этих каменных стенах.

Еще он вспоминал какую-то встречу доктора и сумасшедшего в зале ожидания отдаленной станции, но он не был уверен, кем был он сам – доктором или сумасшедшим.

Виктор помнил одну интересную дискуссию в поезде с археологом из Гамбурга по имени Педерсен, который рассказывал ему о замке и его окрестностях. Но Платнер попытался убедить его, что он никогда не видел такого человека. Более того, Платнер утверждал, что связался с Гамбургским университетом, где его заверили, что там нет и никогда не было Гуннара Педерсена.

Когда путаница становилась слишком сильной и Виктор начинал чрезмерно волноваться, доктор Платнер давал ему что-то, чтобы успокоить его, но эффект от лекарств был похож на приглушение громкости на радиоприемнике: внимание рассеивалось, разум расфокусировался, но путаница никуда не девалась.

Конечно же, бывали и страшные дни. В эти дни приходил *он*. Такие моменты Виктор называл «пришествием». Наступлению страшных дней предшествовали странные ощущения, мелькание мимолетных теней, видимых краем глаза.

Мистер Хоббс.

Это были худшие дни.

В углу начинала собираться темнота. Она была насыщеннее мрака. Злые черные тени, мелькавшие где-то на периферии зрения, скапливались в углу, сливались в леденящее кровь единое целое, медленно обретали форму. Чернее черного, темнее темного, они обретали обличье, и требовательные ледяные пальцы тянулись к Виктору. В какой-то момент они дотягивались до него.

И тогда появлялся он.

Появлялся мистер Хоббс.

Сначала Виктор видел черный клубок в углу комнаты. Клубок рос на глазах и обретал плоть. Совсем как человек, но только гораздо выше, да еще вдобавок ко всему на голове у него была черная шляпа, под которой скрывались рога. Через несколько трансформаций мистер Хоббс представал одетым в английский костюм джентльмена Викторианской эпохи, но его изысканный черный наряд был прикрыт кожаным фартуком в темных пятнах.

Иногда он принимал другое обличье, например, представал в образе Крампуса. И, бывало, он не пытался прятать свои рога, а, напротив, гордо демонстрировал их. Его взгляд, когда он смотрел на Виктора, обжигал, как раскаленные угли. Иногда он становился похожим на медведя, а точнее на огромного человека в тяжелой шубе с

плотным мехом, пахнувшей сыростью леса после дождя. Голова у этого человека была медвежья.

И были дни, которых Виктор боялся больше всего. В эти дни, стоило ему отвернуться от окна, за которым простирался лес, он видел мистера Хоббса, молча и пристально наблюдающего за ним из угла комнаты. Он представлял в образе Кощея Бессмертного, в образе невероятно худого серого человека с ледяными глазами и ртом, изогнутым в широкую издевательскую улыбку. За бледными губами теснились сотни зубов, похожих на тонкие иголки.

Но какое бы обличье ни принимал мистер Хоббс, он всегда говорил на слегка архаичном немецком языке, тем же низким, раскатистым голосом, что был у него раньше. Виктор дрожал от страха, вынужденный слушать рассказы мистера Хоббса о причиненных им страданиях. И всегда свои рассказы мистер Хоббс заканчивал тем, что приближается его время, что скоро он будет купаться в крови невинных.

Это были худшие дни.

Но спокойных дней, когда мистер Хоббс не приходил, было значительно больше, и Виктор частенько забывал о его визитах.

Виктора расстраивало, что его друг, Филип Староста, никогда не приходил навестить его. Почему? Ведь он, Виктор, взял на себя вину за преступления, которые на самом деле совершил Филип. Где-то там, за крепкими стенами замка, Филип жил как ни в чем не бывало. Но, впрочем, именно эта мысль успокаивала его: пусть живет. Закрадывалась и другая мысль: а правда ли, что Филип, ну или мистер Хоббс, совершил все те преступления, в которых в конце концов обвинили Виктора?

Ему разрешили читать книги и даже, около шести месяцев назад, слушать радио. Однако за три года заключения ему ни разу не позволили пообщаться с другими пациентами. Он даже начал сомневаться, что они всё еще живут в замке.

Когда радио забрали без объяснения причин, Виктор заподозрил, что это как-то связано со все более отчаянным тоном дикторов и все чаще звучавшей в эфире патриотической музыкой.

Сообщали о кризисе в Судетской области.

В тюрьме Виктора несколько раз посещал профессор Романек. Он казался постаревшим и грустным. Виктор вспомнил, что иногда

профессор запирается от мира, чтобы наедине с собой пережить свою депрессию. Что-то подсказывало Виктору, что депрессии Романека будут повторяться чаще. Разговаривая с Виктором, профессор выглядел глубоко раскаявшимся, как будто он каким-то образом подвел своего бывшего коллегу. Виктор порывался рассказать ему, что он взял на себя ответственность за то, что сделал Филип. Но не смог. Пусть это будет его секретом.

В конце концов профессор Романек перестал приезжать.

Доктор Платнер через некоторое время сообщил, что профессор ушел на пенсию и он, Платнер, теперь будет руководить клиникой. Он разговаривал с Виктором очень любезно, в той же грустной манере, что и Романек. Виктор был озадачен тем, что на пост руководителя психиатрической клиники был назначен врач общей практики, и ему пришла в голову странная мысль, что продвижение не доставило Платнеру никакого удовольствия.

Виктор смутно помнил, как Кракл лечил его от ожогов и ранения. Высокий и сутулый Кракл пугал Виктора сходством с мистером Хоббсом. Самый последний визит Кракла был формальностью: при помощи штангенциркуля он измерил череп Виктора. Результаты измерений он выкрикивал санитарам резким командным голосом, похожим на собачий лай. Виктор обратил внимание, что под белым халатом у Кракла была надета черная форма, а на ногах были хорошо начищенные черные сапоги.

Однажды он наблюдал за лесом из своего зарешеченного окна и увидел две военные машины: открытый «кубельваген», в котором ехали два немецких офицера, и грузовик с прицепом, покрытым холстиной. В лучах солнца блестел стальной салон «татры», следовавшей за ними. Колонна направлялась к каменному мосту через ров, ведущему к воротам замка. Не взяли ли замок под контроль военные? – лениво размышлял Виктор. Так как у него забрали радио, он плохо представлял, что происходит в мире, но мог догадаться. Темнота, скрывающаяся между деревьями, наконец достигла Чехословакии.

И именно поэтому замок покинула Юдита.

Незадолго до того, как у него забрали приемник, она пришла повидаться с ним. Он был счастлив видеть ее, но Юдита отчего-то плакала, когда разговаривала с ним. Виктор был раздражен тем, что

доктор Платнер и санитар были поблизости, но по крайней мере они позволили ему посидеть с Юдитой в столовой замка, побеседовать и попить кофе.

Она протянула руку через стол и положила поверх его руки. Виктору стало очень хорошо. Как будто бы не было этих лет заточения, как будто бы вернулись времена, полные счастья. Юдита была так прекрасна в тот день, когда пришла навестить его. Любуясь ею, он пытался вспомнить какую-то историю, но мысль ускользала. Он сказал, что ему нравится ее новая прическа – она укладывала волосы свободнее на лбу, – но от этих слов она погрузилась еще больше.

Виктор говорил о своих планах на будущее – об их общем будущем – и пытался убедить Юдиту, что она ошибалась, когда пыталась уверить его, что между ними все кончено. Но его неисчерпаемый оптимизм, казалось, еще больше огорчал ее.

– Я уезжаю из Чехословакии, – объявила она со слезами на глазах. – Я просто хотела прийти попрощаться.

Новость ошпарила Виктора, как кипяток.

– Но почему? Куда ты уезжаешь? – спросил он. – Почему ты не останешься здесь, со мной? Ты мне нужна, Юдита.

– Я не могу остаться. – Она украдкой взглянула через плечо на Платнера, затем снова посмотрела Виктора. – Доктор Платнер помог мне получить необходимые документы. Я уезжаю из Европы. Ты помнишь, мы говорили об этом? Я еду в Америку. Здесь меня уже ничто не держит, и я собираюсь начать все сначала.

Виктор в отчаянии понизил голос до шепота.

– Но я здесь. Мне нужно, чтобы ты осталась. Пожалуйста, останься и помоги мне. Мне нужно, чтобы ты мне помогла. Они не позволяют мне выйти отсюда, и я не понимаю почему. Они говорят, что я делал жуткие вещи, но это был не я. Ты же знаешь об этом, не так ли? Это был Хоббс. Все эти жуткие вещи совершил Хоббс. – Он нахмурился, словно пытался сформулировать мысль. – Хоббс или Филип.

Он говорил это, сильно сжимая ее руки; заметив перемены в его настроении, Платнер и санитар подались вперед, но Юдита остановила их, покачав головой.

– Мне пора идти, Виктор. – Она наклонилась через стол, ее красивое бледное лицо было покрыто слезами, и поцеловала его в

щеку. – Доктор Платнер позаботится о тебе.

Внезапно Виктора осенило. Он улыбнулся и кивнул.

– Да-да, хорошо. Я понимаю. Так даже лучше. Ты отправишься в Америку сейчас, а я последую позже. Ты сможешь разузнать, куда мне устроиться на работу. Американцы наверняка с большей охотой поддержат мое исследование. Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь – ты права. Ты поедешь первой, а я прибуду следом.

Юдита всхлипнула. Подошел Платнер, взял ее за плечи и увел.

– Не грусти, – крикнул ей вслед Виктор. – Это будет очень скоро. Я тоже поеду в Америку. Я обещаю тебе, Юдита: я приеду в Америку. Клянусь, я приеду в Америку...

После свидания с Юдитой Виктора отвели обратно в палату. Он сидел у окна, наблюдая, как по дороге через лес удаляется такси. Грудь сдавило. А когда он отвернулся от окна, сердце едва не выпрыгнуло. В углу стоял мистер Хоббс в высокой шляпе, скрывающей рога, и в окровавленном кожаном фартуке.

Виктор попытался закричать, но изо рта не вылетело ни звука, а Хоббс издевательски засмеялся.

– Я все слышал, – сказал он, и его губы растянулись, демонстрируя острые тонкие зубы. – Я слышал, как ты сказал, что поедешь в Америку. Не надейся. Ты никогда не выйдешь отсюда, разве это не очевидно? Ты никогда не поедешь ни в Америку, ни куда-либо еще, так почему бы тебе не найти способ убить себя? Тогда я снова был бы свободен, нашел бы себе другое обличье. Ты жалок. Ты подвел меня всеми возможными способами.

– Извини... – зарыдал Виктор. – Мне очень жаль.

– Ты помнишь, когда мы впервые встретились? – спросил Хоббс. – Ты помнишь день, когда твоя мать взяла тебя и твою сестру Эллу с собой на Чертово озеро, на пикник в лес. Вы гостили у своих бабушки и дедушки, своих немецких бабушки и дедушки, помнишь? Взрослые были заняты собой, а вы с Эллой одни играли в лесу.

– Я не хочу об этом говорить, – сказал Виктор. Воспоминания напрягали его, а Хоббс вселял ужас. – В тот день произошел несчастный случай.

– Да, несчастный случай, – кивнул Хоббс.

– Элла упала в воду. Я пытался, изо всех сил пытался ее спасти, но был еще слишком мал. Я не умел плавать. Я сам чуть не утонул. Я побежал за бабушкой и мамой, но...

Виктор замолчал, картинка жгучей каплей прожгла память: маленькое, такое маленькое тело лежит на поверхности воды лицом вниз, как брошенная кукла в белом платье.

– Но на самом деле это не правда, не так ли, Виктор? – усмехнулся Хоббс. – На самом деле все было иначе. Твоя мать покончила с собой не потому, что твоя сестра утонула. Она убила себя, потому что узнала, каким чудовищем оказался ее сын. Тебя она любила больше, чем твою сестру. Она была разбита горем, но тайне думала, что было бы в три раза тяжелее, если бы погиб ее драгоценный Виктор. Но потом она все узнала. Она узнала, что ты проделывал с деревенскими кошками. Она последовала за тобой в лес и увидела все своими глазами. Она увидела и другие жуткие вещи, которые ты творил, чтобы угодить мне. Она увидела в тебе чудовище, которым ты был на самом деле. Но тобой руководил я, и я, конечно же, прятался от нее. Но твоя мать оказалась проницательной, она увидела мою руку во всем этом. После Чертова озера я был с тобой, Виктор. Всегда, каждый день. Когда твоя мать выяснила всю правду о том, что случилось на озере в тот день, она сказала тебе, что ты монстр. Твоя мать назвала тебя монстром, а ты назвал ее немецкой херовым. Она не могла с этим жить и повесилась. Вытащила пояс из пальто, привязала его к ветке дерева и повесилась прямо у тебя на глазах.

– Это неправда! – завопил Виктор. – Это ты! Это ты, а не я!

Он напряг разум, вытаскивая воспоминания. Кадры, как из фильма, много раз прокрученные в его голове: Элла в воде, кричит, борется. Он бежит на помощь, отчаянно пытается дотянуться до нее, но ему это никак не удается. И вдруг замелькали другие кадры. Все было иначе. Маленькая Элла кричала. Она умоляла его не делать этого. А он, схватив ее за узенькие плечи, толкает ее вниз, под воду; светлые волосы сестры колышутся в зеленовато-золотой глубине. Виктор растерялся, он никак не мог с уверенностью определить, была ли это его сестра или другая маленькая утопленница, тело которой нашли в окрестностях замка, в озере за деревней, которое напомнило ему...

– Это неправда! – снова закричал Виктор, но в этот момент в памяти всплыли другие образы. Кровь, всюду кровь... Кровь на его

руках, на его губах, во рту. Красная плоть и белые кости. Отчаянные крики женщин. – Это неправда! Неправда!

Виктор кричал, словно пытался оправдаться перед настоящим убийцей. Но мистер Хоббс сидел в самом темном углу палаты и смеялся над Виктором.

Дверь распахнулась, вошли два санитар и Кракл. Они проследили за взглядом Виктора и, разумеется, никого не увидели. На Виктора надели смирительную рубашку, сделали ему укол, и постепенно возбуждение угасло.

Прошли недели после свидания с Юдитой. У Виктора началась ремиссия, он не буйствовал, но утверждал, что его, психиатра, по неизвестным причинам держат в заточении. В период ремиссий посещения мистера Хоббса стирались из памяти, о них лишь смутно напоминали редкие ночные кошмары. Однако Виктор отчетливо помнил, что Юдита уехала, и он никогда не увидит ее снова.

В спокойные периоды доктор Платнер навещал Виктора чаще. Виктору было трудно оценить настроение судетца. Платнер выглядел усталым, беспокойным, чего раньше за ним не наблюдалось. Всякий раз, когда Виктор спрашивал о том, что происходит в большом мире за стенами замка, Платнер просто говорил:

– Лучше не беспокойтесь о таких вещах, Виктор.

Платнер пришел к нему в палату рано утром, вскоре после восхода солнца. Виктор уже встал и умылся, побрился электрической бритвой, которую ему разрешили, и был одет. Когда Платнер вошел в комнату, он склонился над книгой, увесистым фолиантом, который был его любимой немедицинской книгой – фундаментальное исследование славянской мифологии.

– Я подумал, не захотите ли вы прогуляться в лесу перед завтраком, – сказал Платнер, улыбаясь. За его спиной стоял солдат в черной форме. В последнее время сопровождающими на прогулках были солдаты, а не санитары.

– Я был бы рад, – сказал Виктор. – С превеликим удовольствием.

– О, не стоит, – сказал Платнер, когда Виктор поспешил поставить книгу, которую читал, на полку. – Вы можете взять ее с собой. Мы найдем место, чтобы посидеть.

Выбраться из замка и в самом деле было прекрасной идеей. Проходя по территории клиники, Виктор обратил внимание, что весь

персонал теперь, похоже, военный. Повсюду были ящики с оборудованием, и Виктор почувствовал укол разочарования: почему же Платнер не спешит похвастаться перед ним «последними новинками в технике»? Он также заметил, что некоторые комнаты были плотно заставлены узкими кроватями.

– Мы теперь принимаем больше пациентов? – спросил он, но Платнер либо не услышал вопрос, либо решил проигнорировать его.

На улице стояла прекрасная погода. Осеннее солнце было низким и золотым, но судя по прохладному прозрачному воздуху, зима уже опробовала первые морозцы. Виктор поднял воротник пальто и обернулся, чтобы взглянуть на замок. Он был таким же, как и всегда, кроме, разве что, красно-белого знамени с изогнутым черным крестом свастики посередине полотнища; флаг танцевал на ветру над шпилем главной башни. «Должно быть, они обнаружили место упокоения Яна Черное Сердце», – подумал он про себя.

Они не спеша шли по дороге в сторону деревни. Солдат с ружьем на плече следовал за ними. Беседа велась о смене времен года, о переменах в продолжительности светового дня. Пройдя полпути до деревни, Платнер повел Виктора по тропинке, ведущей к старой лесной часовне.

– О, я знаю это место, – сказал Виктор с внезапной пылкостью, как только они оказались у церквушки. – О да, да, я приходил сюда с Юдитой. Юдита... – Виктор нахмурился, пытаясь воспроизвести в памяти мимолетно мелькнувшую картинку.

Солдат в черной форме взошел на крыльцо и молча закурил сигарету. У Виктора откуда-то из потайных глубин всплыли другие, не связанные с Юдитой воспоминания. Древняя древесина, поддающаяся ножу в руке... он что-то вырезает ножом.

– Не хотели бы вы посидеть здесь и немного почитать книгу, Виктор? – предложил Платнер. – Здесь спокойно, тихо. Затем, на обратном пути, вы расскажете мне о славянской мифологии.

– С удовольствием. – Виктор открыл книгу и положил ее себе на колени, но перед тем как приступить к чтению, снова обратился к Платнеру: – Спасибо, что привели меня сюда. Это заставляет меня чувствовать себя счастливым. Иногда мне так грустно, – сказал он. – Иногда меня охватывает непреодолимая тоска. Скажите, доктор, я правда злой человек?

Платнер вздохнул так тяжело, что Виктор забеспокоился.

– Все относительно, Виктор. Боюсь, что еще более непреодолимая тоска, еще большее безумие настигнет всех нас.

Платнер отошел, и Виктор приступил к чтению о древних демонах и богах славянских лесов. Он с восторгом думал о том, насколько прекрасно это место, и был благодарен доктору Платнеру за возможность прийти сюда. Он был настолько умиротворен и поглощен книгой, что не обратил внимания на чужеродные для леса звуки. Он не слышал, как солдат спустился по деревянным ступеням часовни, как заскользил металл по металлу, как раздался механический щелчок спускового механизма.

Виктор Косарек едва успел почувствовать холодный поцелуй ствола винтовки на затылке, прежде чем его собственная *великая печаль* закончилась.

Второй эпилог

Сан-Франциско, 1969

Стояла поздняя осень. Светало. Утреннее небо над Сан-Франциско было голубым и безоблачным, поэтому Джон Харвестер приоткрыл крышу своего кабриолета, когда ехал по городу в офис. День обещал быть солнечным, и это было приятным бонусом. Жизнь казалась Харвестеру подарком, она была просто великолепной. Он был молод, привлекателен, успешен и богат.

Харвестер не позволил новостям, лившимся из радио, испортить ему настроение. Сан-Франциско лихорадило по двум причинам: землетрясение и невозможность противостоять темной воле преступника. Первый репортаж был о постоянно растущем счете на восстановление последствий подземных толчков в Санта-Розе, которые настигли регион две недели назад; второй – о продолжающемся терроре со стороны убийцы по прозвищу Зодиак.

Диктор сообщил, что маньяк отправил еще одно письмо в «Сан-Франциско хроникал», и на этот раз вложил в конверт пропитанный кровью лоскут рубашки своей последней жертвы, чтобы доказать серьезность своих намерений. В этом письме Зодиак сообщил, что планирует напасть на школьный автобус и убить всех находящихся в нем детей. Все знали, на что он способен, и угроза была зловещей. Город был близок к паранойе. Будучи психиатром, Джон Харвестер находил удивительным, как злая воля одного человека может заразить паникой все население Сан-Франциско, насчитывающее почти три четверти миллиона жителей.

Припарковавшись на подземной автостоянке, Харвестер поднялся на лифте в свой офис на восьмом этаже. Он улыбнулся своему отражению в дымчатом стекле лифта: его итальянский костюм, рубашка и шелковый галстук были самого лучшего качества; модно стриженные темные волосы аккуратно уложены, лицо покрыто приятным загаром. Все в нем говорило о жизни, еще не прожитой и на половину, но уже полной свершений.

Он вышел из лифта. Его приветствовала Джоди, помощница. Высокая, стройная и светловолосая Джоди была взята на эту

должность скорее благодаря внешним данным, но, к счастью, она оказалась неплохим администратором. Уютный кабинет с дорогой авторской мебелью, картины Поллока на стенах... Далеко не каждый психиатр мог себе такое позволить, но и пациенты у Джона Харвестера были исключительные.

Харвестер всегда руководствовался большими амбициями. Когда он был студентом, а потом начинающим врачом, он хотел изменить мир к лучшему, найти новые способы лечения болезней ума. Но затем фокус сместился. Список пациентов превратился в список клиентов, и лечить он стал не психозы отчаявшихся, а неврозы богатых, преуспевающей элиты Калифорнии, в том числе голливудских звезд.

У Харвестера теперь было все, кроме одного: он хотел, чтобы его имя было занесено в историю психиатрии. Путь к этому он видел в том, чтобы написать книгу. Как только его теория, изложенная в книге, увидит свет, его будут воспринимать совсем по-другому.

– Здравствуй, Джоди, – улыбнулся он. – Какое прекрасное утро.

– Да, доктор Харвестер. Но вы слышали жуткие новости? Это письмо в «Сан-Франциско хроникал»... Думаете, он это сделает? Я имею в виду школьный автобус.

– Я думаю, этот парень способен на все, – ответил Харвестер.

– О нем говорят, что он умен. Что он практически гений. Вы читали, что какие-то люди в Салинасе расшифровали криптограмму, которую он прислал в прошлый раз? Ну, по крайней мере, большую ее часть.

– Нет, не читал. И что же там сказано?

– Волосы дыбом. Зодиак говорит, что он убивает всех этих людей, чтобы они служили ему после смерти, что они будут его «рабами и игрушками». Вот прямо так и сказал. Почему его никак не могут поймать?

Харвестер немного помедлил с ответом.

– Я полагаю, – сказал он наконец, – что его никогда не поймают, потому что Зодиак не знает, кто он.

– Простите, я вас не понимаю.

– Я думаю, что этот парень хорошо спрятался даже от самого себя. Ну же, Джоди, вы переписали достаточно моих заметок, чтобы понять мою концепцию. Возможно, причина, по которой убийцу так и

не поймали, заключается в том, что некий человек просто не знает, что он Зодиак, не понимает этого.

– Что? – Джоди мило нахмурилась. – Вы и в самом деле полагаете, что кто-то может быть Зодиаком и не знать об этом?

– Такое вполне вероятно. Да... – Ему вдруг пришла в голову мысль. – Может быть, мне стоит описать Зодиака в своей книге, – произнес он вслух.

В книге, которая еще не была завершена, Харвестер доказывал, что множественные расстройства личности гораздо более распространены, чем считалось до настоящего времени. Возможно даже, такие расстройства – в разной степени – были элементом психологии каждого человека. В каждом из нас сосуществует и ангел, и демон, и Харвестер был полон решимости доказать это.

Он рисковал, проводя эксперименты на своих знаменитых пациентах без их ведома. Но собранные им данные, вне всякого сомнения, будут представлены с соблюдением полной анонимности. К тому же тиопентал и лоразепам, которые он использовал на сеансах, имели эффект амнезии: пациенты ничего не помнили, и только он знал полное содержание их бесед. И, конечно, были аудиозаписи, которые он делал для себя.

Как бы то ни было, Харвестер был полон решимости доказать свою теорию.

Вскоре, в начале одиннадцатого, Джоди проводила к нему в кабинет первого на сегодняшний день пациента.

Переступив порог, Алиса Стерлинг застенчиво улыбнулась и легла на кушетку Корбюзье. Харвестер часто думал, что у многих голливудских звезд есть чрезвычайно странная черта: они зарабатывают себе на жизнь публичностью, но часто страдают от стеснительности, иногда даже паталогической. Опять таки, весь мир – театр, а люди в нем – актеры.

– Как вы чувствуете себя, Алиса? – спросил Харвестер. Он всеми правдами и неправдами пытался скрыть охватившее его волнение. Предыдущий сеанс с этой пациенткой дал впечатляющие результаты.

– Не то чтобы хорошо, – сказала она с грустью. – Довольно паршиво, если честно. Я просто не могу избавиться от этого, не знаю даже, как описать ощущение подавленности, которое охватывает меня все время.

– Давайте посмотрим, что мы можем сделать с этим, – сказал Харвестер.

Алиса Стерлинг была невероятно красивой девушкой двадцати четырех лет. Однако мало кто знал, что безупречный цвет лица и идеальное телосложение – все что осталось от бывшей Алисы Шнайдер, девушки, с восемнадцати лет трудившейся на заводе в штате Миссури, пока ей случайно не подфартило в жизни. Так Алиса Шнайдер стала Алисой Стерлинг, но в этом и крылась ее проблема: открывшиеся перед ней возможности привели, как это ни парадоксально, к депрессии и снижению самооценки.

– Вы готовы начать?

Она кивнула, и Харвестер ввел ту же дозу тиопентала и лоразепама, что и в прошлый раз. Когда пациентка расслабилась, он потянулся к своему столу и нажал кнопку магнитофона, чтобы начать запись.

Волнение нарастало. Харвестер выждал некоторое время и задал первый вопрос:

– Я хочу поговорить с человеком, с которым говорил раньше.

Она не ответила.

– Я хочу поговорить с человеком, который что-то ищет. Этот человек сказал, что потерял что-то ценное.

И тогда он пришел. Харвестер почувствовал, как бьется его сердце, когда услышал, как хрупкая пациентка заговорила низким мужским голосом с ярко выраженным английским акцентом.

– Я потерял его. Памятный сувенир, который очень много для меня значит. Маленькая стеклянная бусина с розой внутри, белая и блестящая.

– Кто вы? – спросил Харвестер.

На какое-то время повисла пауза.

– Вы можете называть меня мистер Хоббс.

Конец

notes

СНОСКИ

1

Рондель – круглый или полукруглый крепостной бастион. – Здесь и далее примеч. пер.

Sudetendeutsche Partei (1933–1938) – партия немецкого меньшинства в Чехословакии.

3

Němec (*чешск.*).

4

Sensenmann (*нем.*) – человек с косой, жнец.

5

Sensemänn (нем.) – человек, который делает косы.

6

В здоровом теле здоровый дух (*лат.*).

7

Бакелит – особый вид пластмассы, не подверженный воздействию высоких температур.

Томаш Масарик (1850–1937) – чешский общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

Альфонс Мария Муха (1860–1939) – чешский живописец, тяготевший к стилю «ар нуво»; возглавлял Ассоциацию Славянских художников в Мюнхене.

Исторические районы Праги.

Skopčáci (словак.) – немцы, немчура.

Perchtenmasken (нем.) – имеются в виду ряженые из Тироля. В средневековой Германии ватаги молодых людей с зачерненными лицами или в безобразных рогатых масках ходили по улицам в канун Самайна – праздника окончания урожая, изображая духов из свиты Перхты-Хольды, мчащейся по воздуху во время Дикой охоты.

Krampus (нем., чешск.) – легендарная фигура в фольклоре Альпийского региона, спутник и одновременно антипод Николая Чудотворца; также название обходного обряда в ночь с 5 на 6 декабря.

Fotze (нем.) – на жаргоне – сука, женский половой орган.

15

Один психоз на двоих (*фр.*).

Группа бредовых синдромов, для которых характерна убежденность больного в том, что он подвергается воздействию извне. Чаще всего это бред преследования.

Семейный психоз (*фр.*)

Массовый психоз (*фр.*).

Алкалоид, содержащийся в некоторых видах растений семейства пасленовых, наркотическое средство, более известное как главный компонент «сыворотки правды».

Фашинг – традиционные масленичные карнавальные празднества в северо-западных и средне-восточных областях Германии, в Баварии.

Регион юго-восточной Силезии, расположенный в междуречье Вислы и Одры. Бывшее Тешинское княжество, поделенное после Первой мировой войны между Чехословакией и Польшей в результате Тешинского конфликта 1919–1920 годов.

Hrad z Čarodějek (чешск.) – Замок колдунов.

Генрих Франц Боблиг фон Эдельштадт (1612–1698) – инквизитор, возглавлял судебные процессы над «ведьмами» и «колдунами» в XVII веке. Ответственен за более чем сто сожжений; по его указанию также предали казни двух священников, пытавшихся остановить судебные процессы.

Здесь имеется в виду кататоническая шизофрения – редкий вид шизофрении, основным клиническим проявлением которого являются двигательные расстройства.

Онейрофрения – острое психотическое расстройство, в котором больной пребывает в «состоянии спутанности», сноподобном состоянии, галлюцинирует. Автор неточен: это заболевание описано только в 1950-м году. Доктор Бартош не мог его так назвать.

Яблонец-над-Нисой, город в Чехии, славящийся стекольной промышленностью.

Кулайда – традиционный южночешский сливочный грибной суп с зеленью и яйцом.

Брамборачка – традиционный чешский картофельный суп.

Свичкова – традиционное чешское жаркое из говяжьего филе со специальным соусом.

Veprů knedlo zelo (чешск.) – дословно: «свинина – кнедлик – капуста». Жаркое из свинины с кнедликами (отварное или приготовленное на пару мучное или картофельное изделие) и тушеной капустой.

Адина Мандлова (1910–1991) – чешская актриса кино и театра.

Анни Ондра (1903–1987) – чешская, немецкая и английская актриса кино.

Карел Ламач (1897–1952) – чешский режиссер, сценарист, редактор, писатель, певец и актер.

Район на северо-западе Праги.

Конрад Генлейн (1898–1945) – политический деятель Судетской области, нацист, основатель Судето-немецкой партии.

Спокойной ночи, дамы (*нем.*).

Мания величия.

Здесь автор допускает неточность: ляхский язык существует только в литературной, письменной форме и никогда не существовал в устной, в его основе верхнеостравский говор силезского диалекта чешского языка, о котором здесь идет речь.

Краконош (Kraconoš, чешск.), Рюбецаль (Rübezahl, нем.) – дух гор в Силезии и Богемии, олицетворение непогоды; добродушный, но вспыльчивый великан, как считалось, помогает хорошим людям, а злым причиняет неприятности: затягивает в болота, сбивает с пути, ведет к пропасти и т. д.

Лески (Leski, польск.) – лесные духи-мужчины западных славян, напоминают фавнов с крыльями.

Вилы (Wila, польск.) – лесные духи-женщины, также с крыльями, в длинных одеяниях, под которыми прячут копыта, напоминают русалок в восточнославянской мифологии.

Одмианцы (Odmieńce, польск.) – в фольклоре существа, которыми духи или другие волшебные существа подменяли похищенных детей.

Диссоциативная фуга (от лат. *fuga* – «бегство») – болезнь, характеризующаяся внезапным переездом в незнакомое место, где больной полностью забывает всю информацию о себе и начинает жизнь под личиной другого человека.

Редупликативная парамнезия, описанная в 1930 году чешским врачом Арнольдом Пиком, характеризуется наличием бредовых убеждений в том, что субъекты и объекты реального мира дублируются, то есть существуют в двух или более точках одновременно.

Погребальная практика, распространившаяся во время крестовых походов из санитарно-гигиенических и религиозных соображений. Тела убитых расчленили, кости отделяли от плоти, затем варили в воде и вине. Так останки знатных крестоносцев увозили с собой на родину, чтобы не хоронить их в языческих землях.

Привет из ада (*чешск., нем., англ.*).

Косолапость (*лат.*)

Völkischer Beobachter (нем.) – немецкая газета, выходившая с 1920 по 1945 год, официальное печатное издание Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

Питер Стамп – «оборотень Бедбурга», немецкий фермер, обвиняемый в каннибализме и колдовстве, по легенде, мог оборачиваться волком, казнен в 1589 году; *Жиль де Ре* (1405–1440) – французский барон, участник Столетней войны, алхимик, серийный убийца, прототип Синей Бороды; *Питер Нирс* – серийный убийца, маг, каннибал, казнен в 1581 году; *Кристан Генпертеинг* – людоед, серийный убийца.